

диакон Андрей Кураев

Церковь в мире людей

Оглавление

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО	2
ОТКУДА У ЦЕРКВИ ДЕНЬГИ?.....	70
ЖЕНЩИНА В ЦЕРКВИ	75
ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА	122
ГРЯЗНАЯ ТЕМА	131
ЦЕРКОВЬ: "МИР ИСКУШЕНИЙ"	136
ОПРИЧНАЯ РЕФОРМАЦИЯ	167
ПОЧЕМУ НЕ СОЗЫВАЮТ ПОМЕСТНЫЙ СОБОР?	211
О ПРОПОВЕДИ ЕПИСКОПА ИПОЛИТА	216
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ЧУДО И СКАЗКИ.....	219

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

– Как Вы воспринимаете критические статьи о церковной жизни в светской прессе?

– Что ж, даже и несправедливые оценки в прессе – это налог, взимаемый за известность. Православие – самая значительная конфессия в стране, и было бы бессмысленно запрещать обществу интересоваться тем, что происходит в Церкви. Ничего плохого я не вижу и в том, когда церковная дискуссия выливается на страницы светской прессы. Это означает лишь то, что Церковь – не казарма. Раз есть дискуссия – значит, есть чем дышать.

Неприемлем один вид дискуссии – когда она ведется по законам информационных войн.

И, конечно, ужасает мера безграмотности журналистов – даже когда они хотят сказать о Церкви что-то неругательное. Для примера: "В старые времена дьяки были самыми учеными людьми на Руси. Эту традицию возобновил дьякон московского храма святого Иоанна Предтечи, на Пресне Андрей Кураев" Лестно, конечно, но все же «думный дьяк» XVI—XVII веков и церковный диакон – весьма разные служения...

– И тем не менее Церковь в каких только грехах не подозревают. Не знаю, конечно, насколько эти подозрения обоснованы, потому что сужу по прессе...

– Такова уж наша психология: нарушение бросается в глаза, а норма остается незамеченной. Если мусор увезли вовремя, мы этого не замечаем. А вот если бак с мусором протух и две недели не вывозится, тогда мы, наконец, узнаем, где именно в нашем подъезде находится этот бак.

Церковь в мире масс—медиа похожа на Человека—невидимку из романа Герберта Уэльса. Его поймали только потому, что на его невидимые пятки налипала видимая грязь. Вот и о нашей церковной жизни вспоминают во время каких-нибудь скандалов. Обычный батюшка—трудяга не привлекает внимание журналистов. У НТВ-шников даже есть поговорка: "Поезда, которые приходят вовремя, никого не интересуют!".

Для меня слово "журналист" стало уже настолько ругательным, что к журналистам у меня есть лишь одна просьба: "Ну пожалуйста, не занимайтесь вы уринотерапией! То есть – не потребляйте продукты собственной жизнедеятельности. Если уж ваша "карма" такая, что вам нужно работать в прессе, то хотя бы не читайте ее сами или не слишком доверяйте ей. Сами себя кормите книгами, а не газетами; традицией, а не однодневками".

В Пасху 2005 года мне довелось вести репортаж из Иерусалима на канале НТВ. В телесценарии я увидел поразительную строчку: "Передача в ХХС БО из ХГГ". В переводе на человеческий язык: "Передача в Храм Христа Спасителя Благодатного Огня из Храма Гроба Господня". Птичий язык для птичьего отношения к излагаемому: пролетел "над материалом", поклевал информационные зернышки, изрыгнул их в сюжете и тут же полетел делать следующий "материал"...

– Может ли Церковь сказать, что под ее сводами не гнездятся пороки?

– Всякий грех в Церкви не есть грех Церкви, но грех против Церкви. Желание видеть в жизни церковных людей лишь грехи понятно: оно порождается стремлением к психологической самозащите. Человеку свойственно защищать свое болото. Если признать для себя Православие, придется подгонять свою житуху под заповеди Христа. Обыватель ощущает угрозу со стороны Церкви: «Если я соглашусь с Евангелием, значит, нужно будет что-то менять в моей жизни!»... Поскольку этого, ой, как не хочется – то человек и гордит турусы на колесах, рисует для себя карикатуры на церковную жизнь.

Кроме того, в эпоху высокотехнологичных сплетен (ТВ плюс Интернет) Чайковский становится интересен не своим "Щелкунчиком", а своим "диванчиком". Пушкин интересен не «Капитанской дочкой», а донжуанским списком, Есенин – Айседорой Дункан и пьяными похождениями. В начале века писали о грядущем хаме. Увы, этот хам таки пришел к власти, взял в свое управление «Останкино» и наладил выпуск своих газет.

– Есть ли в Православной Церкви псевдосвященнослужители?

– Число подлецов в рясах во всех веках стабильно, и это число евангельское: каждый двенадцатый.

– То есть этого пугаться не надо?

– Надо бояться одного – чтобы самому не оказаться иудой. Есть понятные правила выживания в Православной Церкви. Если ты видишь беззаконие других церковных людей, то воспринимай это как предостережение для себя самого. Если тебе не нравится, что происходит в Церкви, стань сам церковным человеком и попробуй в себе изжить все неправильное. Когда говорят: "я вижу, что в Церкви есть плохие люди, и поэтому не буду церковным человеком", – это все равно, что сказать: поскольку я вижу, что бывают люди, у которых есть проблемы со зрением, то я возьму и сломаю себе ногу. Если человек остается вне веры, вне Церкви, он занимается медленным членовредительством самому себе.

– Не кажется ли Вам, что многие обращаются к Православию, потому что это модно? У нас в городе стало принято приглашать батюшек на освящение и футбольных ворот, и новых магазинов...

– Я спокойно отношусь к таким вещам. Во-первых, потому что считаю, что лишний раз вытащить батюшку из храма – это уже хорошо. Во-вторых, всякое доброе дело должно быть освящено.

Плохо, если люди думают, будто жизнь священника и сводится к такого рода "презентациям". Появилась модная "отмазка" – говорить о моде на Православие. Есть мода говорить, что Православие модно. А реальная общественная мода сегодня существует на эзотерику, оккультизм, всякого рода мистику. Зайдите в любой книжный магазин, и вы увидите, что это так.

Ну, о какой моде может идти речь, если вся пресса просто озверела при появлении только возможности изучения в школах основ православной культуры?!

В ноябре 2002 года было письмо министра образования, разрешающее (минутку! Все расслышали? – РАЗРЕШАЮЩЕЕ, А НЕ ПРИКАЗЫВАЮЩЕЕ!!!) ввести в школах уроки по "основам православной культуры".

Но журналисты и чиновники так дружно огрызнулись против ознакомления русских детей с православной культурой, что впору спросить: какое новое иго распростерлось над нашей страной, какие новые варвары захватили нашу столицу?...

– А что об этом говорит закон?

– А разве закон может запретить знакомство детей с родной культурой? Дискуссия, развернувшаяся вокруг "основ православной культуры" – очень хороший пример черного пиара. Письмо министра просто давало школе право на выбор своей культурной ориентации – а либеральная пресса подала это как обязательку. Письмо министра говорит о том, что "Основы православной культуры" – культурологический предмет, а в прессе делают вид, будто речь идет о "Законе Божиим".

– *А в чем различие?*

– В отсутствии императивности. Здесь не будет призывов: "Дети, помолились!", "Дети, начали поститься!". Не будет и обязательно-навязчивой доказательности. Культуролог старается понять внутреннюю логику изучаемого им мира, а не навязать ему свою оценку или свою логику. Это разные интеллектуальные процедуры: доказать и объяснить. Можно объяснить логику греческого мифа, но не превращать этот урок в проповедь олимпийской веры.

Правда, не только наши оппоненты, но и сами церковные педагоги нередко путают, где уроки Закона Божьего, а где просто разговор о православной культуре. А ведь контрольный вопрос тут очень прост: может ли неверующий человек преподавать этот предмет? Атеист, ведущий уроки "Закона Божия" – это несуразица. Но "основы православной культуры" мог бы вести и атеист. Вот я не молюсь ни Гермесу, ни Зевсу. Но у меня как у дипломированного религиоведа есть право прочитать лекцию о религии Древнего Египта и о том, как эти мифы отражались в культуре, в литературе, поэзии и философии.

Вот так же и с основами православной культуры. Если обе стороны – и церковные авторы программ, и светские руководители системы образования – будут наконец—то честны, то тогда, я думаю, такого рода предмет скорее уменьшит возможности межрелигиозных конфликтов, нежели их увеличит.

Ибо это шанс государству взять под свой контроль знакомство детей с религиями, шанс предложить детям не-экстремистское изложение вероучений. Свои ваххабиты есть в каждой религии. Но введение "основ религиозной культуры" (как православной, так и исламской) может стать превентивным образовательным ударом против экстремизма. Для того, чтобы уберечь общество, в котором возрождаются религиозные традиции, от межрелигиозных столкновений, очень важно, чтобы были государственно выверенные учебники, излагающие основы разных религий.

Если учебники по этому предмету будут проходить двойную цензуру (и со стороны государства и со стороны Церкви), если будет опять же двойной контроль над этими уроками – то надеюсь, не будет больше сцен, подобных той, которую я подслушал в одной подмосковной православной гимназии. В ожидании нужного мне педагога я сидел в учительской и слышал, как за стенкой шел урок у первоклашек. То есть слышал я, собственно, только голос учительницы: "Саша, не вертись! Саша, сядь спокойно! Саша, сколько раз тебе говорить, перестань вертеться! Так, дети, посмотрели на Сашу: в Сашу бес вселился!".

Двойная цензура означает следующее: человек, который будет нести знания о Православии людям, должен транслировать эти знания так, чтобы Церковь узнавала себя и свою веру в его словах. Со стороны же школы естественна цензура педагогическая, поскольку богословски грамотный человек может оказаться педагогически бездарным.

Так что "Основы православной культуры", с одной стороны, дадут детям ключ ко всей европейской культуре, а с другой – защитят тех же детей от неумелых приходских экспериментаторов.

Потому вновь и вновь я обращаюсь к чиновникам из Минобрнауки: Давайте же сядем с вами за круглый стол, и глядя друг другу в глаза, а не в заочной полемике, выясним, какие у нас есть взаимные недопонимания. И если в честном диалоге мы решим: "да, мы хотим, чтобы школы имели право вводить такой предмет", то в ту же минуту мы все срочно "пьем снотворное" и "засыпаем" лет на пять. К согласованной нами цели надо будет идти, а не прыгать. Если мы считаем, что такой предмет нужен, тогда давайте выделим несколько экспериментальных школ, объявим конкурс учебников, откроем новую специальность в пединститутах, подготовим новых педагогов и переподготовим старых. И только через 5—6 лет можно будет с этим опытом – опытом ошибок и удач – идти к детям.

– Хорошо, пусть предмет культурологический. Но ведь и культуры в нашей Федерации есть разные...

– Сегодня школьная программа состоит на 70 % из "федерального стандарта", в остальном – из так называемого регионального компонента и предметов "на выбор школы".

Так может ли конкретная школа в качестве своего и только своего компонента избрать не дополнительные уроки тенниса или компьютерного дела, а именно православной культуры? Это может быть одна школа из двадцати – но чтобы родители могли выбирать, сам выбор—то уже должен быть перед их глазами!

Свобода родителей в этом случае определяется тем, что, отдавая ребенка в ту или иную школу, они заранее знают: вот эта школа с углубленным изучением итальянской культуры, а вон та – с углубленным изучением культуры русской.

Решила школа ввести у себя такой предмет – и объявляет: через год в 8 классе начнутся уроки "основ православной культуры" (соответственно, через 2 года – в 8 и 9—м классах, через три – в 8, 9 и 10, и так далее). Родители, которым это не интересно, постепенно будут переводить детей в соседние школы. Но те семьи, у которых нет аллергии к культуре Православия, напротив, будут знать, в какую школу переводить своих детей.

Мое детство прошло на пустыре, по углам которого стояли четыре спецшколы: французская, английская, математическая и спортивная. Вопрос: а можно ли рядом с ними построить пятую школу – школу русской традиционной духовной культуры? Может ли в России быть школа, на дверях которой была бы табличка, извещающая, что это школа с изучением русского языка и русской духовной культуры (как табличка на соседней школе оповещает, что тут углубленно изучаются английский язык и английская культура). В такой школе уроки православной культуры должны быть обязательными для всех ее учеников. И не обязательными для всей округи.

Вот тогда у родителей появится выбор – в какую школу вести своих детей. Тот, кто готовит ребенка к эмиграции – может отдать его в турецкий лицей (в Москве их уже, кажется, больше десятка) либо в английскую спецшколу. Тот, для кого важнее всего здоровье его ребенка – может определить его в спортивную школу. А если ты заботишься о том, чтобы тебе не было страшно стареть в окружении детей, которых ты воспитал – может быть, тогда стоит отдать любимое чадо в школу, в программе которой есть христианская составляющая...

Это и есть вопрос, который ставит православное меньшинство (а церковные люди, люди, пытающиеся строить свою жизнь по церковным канонам, действительно в меньшинстве): может ли государственная образовательная политика содействовать сохранению *нашей* культуры – хотя бы в одной школе из двадцати? Или же госшкола может прививать детям только «основы хэллоуинской культуры»?

Вновь (с усталой от сотого повторения интонацией) говорю: министр предложил не Закон Божий, а основы православной культуры. И не заставил, а разрешил. Нет тут понуждения для школ.

Другое дело, что если школа изберет такой предмет – то она вправе вводить его как обязательный для целых классов. Качественное образование значит образование систематическое. Систематическое же изучение любой дисциплины требует усилия воли. Любые уроки по любому предмету несут в себе определенный элемент понуждения. Факультатив по выбору означает следующее: если в начале семестра ты записался на определенный факультатив, то в сессию ты должен будешь по нему отчитаться. А не так, что в сентябре походил, в октябре перестал ходить, а в ноябре пошел к другому профессору.

Соответственно, и в школах до начала учебного года должно быть объявлено: в таком—то классе нашим школьным факультативом будет ОПК. Если кого—то столь раздражает сама мысль о православной культуре, что ради этого он готов перейти в другую школу – это его право. Но оставшиеся будут относиться к этому предмету как к обычному – с учебным планом и отчетностью. Для них не должно быть такого выбора: или ОПК ставим седьмым уроком, или идем домой.

А вот какая альтернатива может быть: в школе номер 5 есть уроки по ОПК, а школе номер 7 – нет. Зато в школе номер 7 есть уроки Закона Божия вне расписания (кто хочет, ходит на дополнительный урок английского языка, кто хочет – на закон Божий), в школе же номер 5 их нет (да—да, в школе с ОПК может просто не быть отдельных уроков Закона Божия). А в школе 666 нет ни того, ни другого. Тут детей готовят к эмиграции из России. Что ж, это тоже законное право родителей. Но ведь есть и те, кто все еще любит Россию. И не хочет становиться в ней иностранцем, не знающим языка ее культуры.

В конце концов, если школа желает увеличить число часов на изучение русской истории (или любого другого предмета), она не должна собирать подписи родителей. Не нравится – так рядом есть школы с совсем другой, далекой от русских традиций ориентацией.

На этих уроках речь шла бы не только о сюжетах икон. Понять культуру какой—то эпохи – значит понять логику людей, живущих в ней. Ну, почему Татьяна Ларина отказала Евгению Онегину? Современная девушка поступила бы иначе: наверное, брала бы деньги у официального мужа, а любовь крутила на стороне с Женей. Но для Татьяны ее клятва нелюбимому человеку была дороже, чем волнение ее сердца. Почему? Вот тут уместно поговорить о христианской аскетике. О том, что радость может быть горькой. И рождаться она может от того, что ты сдержал себя, не переступил черту.

ОПК – рассказ об огромном мире православной культуры. Это разговор не о Боге, а о человеке. Рассказ об опыте прочтения Библии разными поколениями, о том, как эта книга меняла их жизнь. Рассказ о таком человеке, который верит в Бога. Знание психологии таких людей помогает нам понять ту культуру, которую они создали и в которой хотя бы отчасти мы живем до сих пор. В итоге – планета людей станет немного понятнее.

Овладение языком культурологии важно и для самой Церкви. Потому что культурология – это умение смотреть со стороны на себя и свою веру. Само изложение христианства, наше кредо – Символ Веры – начинается со слова "верую". То, что мы свои убеждения излагаем, начиная с "верю", свидетельствует о высокой степени философской рефлексии. Человек, не обладающий опытом философско—критической самооценки, никогда не скажет: "Я верю". Он скажет: "Я знаю. Еще моя бабушка так делала. Да у нас в деревне все так делают...". "Я верю" означает: я знаю, что мое видение мира неочевидно для других. Сегодня основания нашей веры неочевидны для большинства. Попытка культурологически изложить христианство – это и есть учет вот этой неочевидности. Это попытка из режима проповеди или доказательств перейти в совершенно другой режим интеллектуальной работы – объяснения. Это не разговор в ключе "почему вы должны...", а беседа в интонации: "почему мы это понимаем так...".

Мне кажется, что такого рода работа важна и для самой Церкви – чтобы избежать перерождения в замполитов.

– В чем для наших соотечественников насущная необходимость предмета «Основы православной культуры»?

– Когда протестуют против уроков православной культуры, забывают поставить вопрос – а какая им может быть альтернатива. А альтернатива основам православной культуры – это без—основательное не-православное бес-культурие. Под бескультурием я понимаю отнюдь не просто

какое-то невежественное неверие и отрицание. Бескультурие – это и религиозный «экстремизм», когда люди принимают веру, но не зная ее, не умея над ней думать, усваивают вместе с верой массу суеверий.

К сожалению, дискуссии об изучении "основ православной культуры" ведутся в каком-то искусственном мире. Очень хорошо сидеть в благоустроенном кондиционированном зале, в окружении библиотечных стеллажей и под звуки классической музыки беседовать с уважаемыми оппонентами о религиозном воспитании детей в духе полифоничности и толерантности...

Однако описанная обстановка возможна лишь в стране по имени У-топия (Неверленд, Нигдея...).

Наши дети не растут в башне из слоновой кости, где они были бы изолированы от мира наркоты и навязчивой оккультной пропаганды, подаваемой ребенку вместе с боевиками и фильмами в жанре "фэнтэзи". Подростковый киногоерой сегодня почти обязательно медитирует перед боем, возжигает благовонные палочки и имеет мудрого старого гуру—наставника с Востока.

Так что не надо делать вид, будто дети – это некая tabula rasa, чистая белая табличка, на которой не появится никаких религиозных знаков, если не пустить в школу священника. Религия вездесуща в жизни современных детей. Но, к сожалению, эта религия далека от Православия. Чаще всего – это ползучий антинаучный и антирелигиозный оккультизм, который входит в сознание и подсознание через культ "Гарри Поттера" и через телегороскопы, через саморекламу американских саентологов и русских фашистов, через рериховскую каббалистику и через рассказы о «народных традициях». Так что восстановление свободы выбора школы, семьи и ребенка возможно только в случае, если эта всепроникающая оккультная пропаганда будет уравновешена трезвостью христианской богословской схоластики.

Увы, далеко не все директора школ столь мудры, как персонаж из сказочной книжки Григория Остера "Ужасный задачник":

"В одной школе во время летних каникул, пока в здании никого не было, завелись черти. Когда наступило первое сентября, черти повесили на школе плакат "Добро пожаловать в ад" и не пустили в школу учителей, а ученикам, наоборот, предложили заходить в классы и учиться, только не чтению и математике, а всякому чародейству и колдовству.

Некоторые старшеклассники, несмотря на то, что учителя и директор запретили им даже близко подходить к дверям школы, поверили чертям и зашли внутрь. Но тут же об этом горько пожалели, потому что черти захватили их в заложники, завалили двери школы учительскими столами и потребовали, чтобы все остальные ученики вместе с родителями, учителями и директором сложили букеты цветов в кучу и отошли от школы на двести метров. А иначе – сейчас будет взрыв или что-нибудь еще хуже.

Некоторые родители, особенно те, которые привели в школу первоклассников, стали советовать директору школы вызвать специальный милицейский отряд, который умеет освобождать заложников, но директор сказал, что милиция со своими автоматами только окна перебьет, а сделать все равно ничего не сможет. В таких случаях, сказал директор, надо не автоматчиков вызывать, а священника из ближайшей церкви. Чтобы он школу перекрестил. Три раза. Вот этого черти на самом деле боятся.

К счастью, ближайшая церковь оказалась совсем недалеко. Когда черти увидели, что к школе подходит священник, они высунулись из окон и закричали, что это не честно, потому что в нашей стране церковь отделена от государства, а школа от церкви, и священников к школам подпускать нельзя.

Но священник не стал слушать чертей, подошел к школе вплотную, поднял руку и перекрестил ее. Трижды. И в ту же самую секунду плакат "Добро пожаловать в ад" свалился со школы, а черти, высунувшиеся из окон, стали лопаться и исчезать. Один за другим. Пока не кончились. Все до одного.

Когда входные двери школы удалось освободить от учительских столов, ученики вместе с учителями смогли войти в здание и начать занятия. Но тех старшеклассников, которые поверили чертям и попались к ним в заложники, в школе так и не нашли. Сколько ни искали. Несчастные родители пропавших школьников осмотрели все классы и туалеты, учительскую, кабинет директора. Заглянули в каждый укромный уголок, спускались в подвал, даже на чердак залезали. Но все безрезультатно. Видимо, черти, когда исчезали, забрали всех этих старшеклассников с собой".

– А почему бы не ввести просто курс истории мировых религий?

– Ой, не надо! Ведь школьник – это не студент. Для думающего подростка главная проблема – это смысл жизни. И если ему на уроках религиоведения будут говорить, что все религии одинаковы, что нигде нет правды, что все религии это некие равноценные, но виртуальные миры, то это будет способствовать нарастанию подросткового цинизма.

Да и учебники по религиоведению не вызывают желания немедленно знакомить с ними детей. По-настоящему объективных учебников по религиоведению и истории религий нет. Если вам кажется, что вы такие учебники знаете, то у меня к вам контрольный вопрос: "А знаете ли вы какие-нибудь светские учебники по истории религии, в которых знакомство с христианством обходилось бы без упоминаний об инквизиции, крестовых походах, Варфоломеевской ночи?". Не знаете? Но тогда позвольте еще один вопрос: "А знаете ли Вы учебники по истории религии, в которых повествовалось бы о войне желтошапочных и красношапочных буддистов в Тибете? О войнах за обладание Зубом Будды?".

В учебниках по религиоведению никогда об этом не рассказывается. И, значит, налицо явный двойной стандарт.

Существует два типа написания учебников по истории религии. Один – это когда история религии подается как история идей. Такой учебник просто описывает святыни разных религий, внутреннюю логику их доктрин – но не касается грязных страниц истории конфессий.

Второй – это социологическое изложение. Тут уже уместны рассказы о внутрицерковных и межрелигиозных конфликтах и интригах. Но когда в одном и том же учебнике глава о христианстве пишется на земном (историческом) уровне, а глава о буддизме на небесно—идейном, то это уже пропаганда.

Если вы считаете, что религия – это земной институт, и хотите описать историю во всей ее сложности, то берите и темные, и светлые страницы всех религий. Но темные страницы выписывайте не только из истории христианства или ислама: приведите их и из истории других религий. Иначе вы послужите усилению современного общеевропейского мифа: христианство, оказывается, самая кровожадная, самая жестокая из всех религий на земле.

На самом деле люди везде одинаковы, и они могут низвести на землю любой идеал – будь то евангельский, будь то буддистский.

– Но ведь все же полезно знать другие веры и культуры.

— Я совсем не возражаю против того, чтобы люди знали языки других культур и традиций, но сначала человек должен научиться говорить на своем родном языке. Глупо, если московский ребенок, не изучив русский язык, начнет интересоваться японским. Точно так же и здесь: если ты не понимаешь логики родной культуры, ее красоты, ее смысла и ее веры, то как ты сможешь понять святыни другого мира, другой культуры, другой религии? Поэтому сначала научись любить по-русски, а потом уже можешь попробовать понять и иную культуру, попытаться вжиться в мир человека другой традиции.

– И все же уж очень многообразен национальный состав школьных классов...

– Не то слово. Это многообразие имеет еще и свою динамику – довольно печальную для русского народа. Но именно в этом я как раз вижу аргумент за возможно более широкое введение ОПК. Мигрантов надо научить жить на нашей земле. Наша школа должна учить детей наших новых соотечественников тому, чему вряд ли их могут научить в их семьях. Она должна вложить в них матрицу нашей культуры. И здесь есть задача минимум и задача максимум.

Минимум – рассказать о нашей вере, истории, культуре так, чтобы наши новые соседи знали, где у нас болевые точки, какова структура наших надежд и аллергий, где вообще те наши мозоли, на которые лучше не наступать. Знакомство с ОПК поможет им понять логику нашего мира, нашей души. Если им объяснить смысл наших верований, мы не будем казаться им сумасшедшими еретиками или идиотами. Будем честны: задача российской школы по отношению к детям переселенцев – ослабить давление на них их собственных семей (точнее – вполне предположимых там антирусских и антиправославных предрассудков).

Задача же максимум – передать мигрантам наш культурный код. Пока "китайцев" еще мало, их детей надо учить Православию. Иначе через пару поколений они будут учить нас жить по их "понятиям".

Если же человек другого вероисповедания, национальности или гражданства запрещает народу большинства изучать свою культуру, религию и язык, это уже называется не "национальное меньшинство" (чьи права уважать необходимо), а "оккупанты". И к таким оккупантам обращены слова Бориса Расторгуева (группа Любэ): "Вас за то, что Россию обидели, Емельян Пугачев не простит!".

Чтобы миграция не превратилась в оккупацию, нужно, чтобы переселенцы усваивали культурный код того народа, на землю которого переезжают. Вы свободно захотели жить среди русских? Тогда учитесь уважать и понимать нашу культуру, в том числе и ее религиозную основу. Примите или хотя бы поймите нашу систему эстетических и этических критериев.

Эти умненькие интеллигентные дискуссии у Познера и у Шустера на тему "Можно ли преподавать Закон Божий в наших школах? А не нарушит ли это чьи-то права?" ведутся как будто в безвоздушно-правовом пространстве. А у русского населения на своей земле есть хоть какие-то права или нет? В сегодняшней ситуации вымирания неверующих и потому малодетных семей отказ в праве на изучение православной культуры равнозначен отказу русскому народу в праве на жизнь.

Хотите отстаивать светское мировоззрение? – Пожалуйста, но только в университетах, среди взрослых и думающих людей, среди людей, уже прошедших погружение в культуру России. А в рязанском школьном классе, на четверть уже состоящем из нерусских детей, педагог обязан говорить о русской православной культуре только с благоговением. Презирать нашу веру этих детей и без нас научат. Но должна ли российская школа становиться их союзником в деле хулы?

Только разрешение спора вокруг изучения в школах России "основ православной культуры" даст ответ на вопрос "Who is mister Putin"? Даже проблемы "китайских" и "японских" островов кажутся мне менее значимыми.

– А сама Церковь готова ли к тому, чтобы прийти в школу?

– Нет, не готова. У нас пока нет волшебной педагогической палочки и универсально-эффективного учебника.

На мой взгляд, ни один из существующих сегодня учебников, и уж тем более самый массовый учебник Аллы Бородиной, не подходит для преподавания в общеобразовательной школе. Проблема в том, что все эти учебники отождествляют православную культуру с археологией, а Православие – со

средними веками. Православно-средневековая культура представляется чем-то далеким, закованным в золотые цепи и закрытым на большой амбарный замок, ключи от которого находятся в Патриархии или в историческом музее. Учебники не дают возможности увидеть проблески Православия в современной культуре. А, значит, предлагают детям на выбор: или Православие с сопутствующей ему эмиграцией в былые века, или же современность, видящая в Православии лишь музейную ценность.

Мне бы хотелось, чтобы эти учебники показывали детям, что мир Православия – это их мир, тот, в котором живут именно они, а не их предки. И что Православие говорит не о прошлом, а о вечном. И вечное не значит "абсолютное" или "потустороннее". Православие говорит о вечных проблемах, о том, что во все века вызывало болезненный кризис у любого нормально взрослеющего и думающего человека.

Увы, все существующие сегодня учебники по ОПК ничем не помогают самопознанию подростка. Я же надеюсь, что уроки ОПК будут построены по принципу "наше понимание ваших проблем".

Кроме того, все знакомые мне учебники по "основам православной культуры" забывают, что культура – это не только иконы, фрески, храмы, это – прежде всего внутренняя культура человека, его психология, его опыт самопознания. А православная психология – это православная аскетика, речь о которой не возможна без разговора о православном монашестве. Речь не идет о том, чтобы всех со школьной скамьи направлять в монашество. Но объяснить, какую красоту и радость находят православные в монашеском идеале, необходимо.

Мне бы хотелось, чтобы курс "основ православной культуры" давал детям не только знание о Православии, но и помогал бы им взрастить в своих сердцах любящее, доброе отношение к родной вере. Нет, не саму веру (ибо это было бы уже религиозным образованием), а доброе отношение к вере родной земли. Мне бы хотелось, чтобы люди смотрели на Православие хотя бы глазами Николая Некрасова. Некрасов лично был, наверное, неверующим человеком. Но перед русским храмом он благоговел – ибо этот храм был для него святыней. Храм, в его понимании, был освящен не Духом Святым, а слезами русских баб, которые все свои боли (как и радости) приносили сюда, к порогу сельской церквушки... Толстой, любя русский народ, не смог полюбить его любовь к Православии. Некрасов в этом отношении был последовательнее. Вот мне и хотелось бы, чтобы "добрым глазом" воспитанники российских школ смотрели на русское Православие. И в какой же Конституции это запрещено?

Увы, но именно чувства любви и радостного интереса к знакомству с Православием нынешние учебники не пробуждают.

И отдельная проблема – педагоги. Для преподавания "основ православной культуры" нужны педагоги, которые не только хорошо знают историю и культуру, а педагоги, способные радостно переживать Православие. Только такие педагоги идут к детям с тем, чтобы чем—то поделиться, а не для того, чтобы что—то запретить. Не для того, чтобы что—то заклеить в современной молодежной культуре, а для того, чтобы чем—то одарить. Я думаю, что пока этот камень не будет сдвинут с места, большой социальной отдачи от появления православных учебников в школе ожидать не приходится. Чтобы не воспитать новое поколение воинствующих безбожников, которые через всю жизнь будут нести чувство отторжения от Церкви, спровоцированное в них школьной обязателькой, нужны прежде всего перемены в самой нашей церковной жизни. Нам нужно восстановление православия: умение радоваться Богу.

Но сколько бы ни было трудностей на пути ОПК в школы, важно, чтобы такая задача была поставлена. Я считаю, что уже пора поставить точку над бесконечными спорами: можно или нельзя? Пора повернуть решение вопроса в другую плоскость: как?

– *А если все же не будет дан зеленый свет ОПК, у вас есть запасные варианты сотрудничества со школой?*

– Островки надежды можно было бы сохранить, если бы ввели так называемые образовательные ваучеры. Эту идею обсуждали в начале 90—х, но потом почему—то похоронили. Ваучер – это именной чек, который должен выписываться на ребенка и обеспечивать его суммой, необходимой для получения среднего образования. Предполагалось, что этот чек ребенок приносит при поступлении в школу, на счет которой и перечисляются бюджетные деньги, предназначенные на обучение именно этого человека. Такая практика привела бы к появлению конкуренции и уравнила бы государственные, частные, национальные и религиозные школы. К тому же все эти школы получали бы ровно столько средств, сколько необходимо для обучения поступивших детей. А родители знали бы, что в конфессиональной школе ребенок получит не худшее светское образование, чем в обыкновенной средней школе. В таком случае мы смогли бы даже оставить разговоры о преподавании основ православной культуры во всех школах, потому что появились бы нормальные условия для создания просто русских школ.

У нас существуют татарские школы, украинские, турецкие, азербайджанские, грузинские, но стоит только заговорить о русских школах, сразу слышатся обвинения во всех самых страшных грехах против политкорректности. Я убежден, что при прочих равных условиях очень многие родители отдали бы своих детей в православно—ориентированные школы.

Однако все административные вопросы остаются нерешенными. Сейчас министерство образования идет по пути отката даже от тех договоренностей, которые были достигнуты с прежним правительством. Более того, под угрозой финансирование общеобразовательных предметов в православных школах. Пока церковные школы за счет прихода вели преподавание только религиозных предметов, а общеобразовательные уроки финансировались как в обычных школах.

И это разумно: дети не должны страдать из-за религиозности своих родителей. Если ребенка отдали в православную гимназию, это не должно ограничивать выбор им своей после-школьной судьбы. Он должен получить светское образование, которое, как минимум, не уступает тому, которое получают его сверстники в обыкновенных школах и иметь равные с ними условия для поступления в светский университет.

Отказ от этой схемы означает курс на маргинализацию детей из религиозных семей.

В заключение этой темы еще раз повторю наши тезисы: православная культура – культура большинства жителей и регионов России. А православная вера – вера меньшинства жителей России.

Как большинство мы спрашиваем: "да что за демократия у нас такая, что православная культура на порог школы не пускается?! Давно ли Россия оккупирована? И, интересно – кем?!".

Как меньшинство мы говорим: государство должно помочь сохранению уникальной и уже малочисленной культуры.

Нам слишком рано и настойчиво стали твердить, что демократия – защита прав меньшинств. Это верно. Но лишь в "университете демократии". А в "школе демократии" демократия – это уважение прав и интересов большинства. Пока еще российское государство не прошло "школу" демократии, а от нас требуют уже «академических» стандартов. Вот когда российская государственная школа научится уважать русское Православие – после этого можно будет ставить вопрос из университетской программы. А пока школьные учебники твердят, что Воладн это воплощение абсолютной истины и справедливости, а император Константин и князь Владимир приняли христианство для удобства эксплуатации крестьян...

– В своих интервью Вы часто делаете акцент на факультативность школьного преподавания Закона Божия, мол, никто никого не заставляет. На мой взгляд, слова о факультативности это от лукавого. Факультатив превратится в обязательку. Родители будут понуждать своих детей.

– Тут надо различать два типа православных людей. Одни – это и в самом деле церковные люди. Их не более 4% в стране. Их дети приучены к храму и к бабушке. Поэтому тут никакого насилия просто не будет.

Есть еще люди (их в России процентов 70), которые сами по церковным правилам не живут, церковную веру не знают, но в культурно-этнографическом плане отождествляют себя с Православием. Вот Лев Толстой по своим философским взглядам – не христианин. Он не член Церкви. Но отлучение его от Церкви означает ли его отлучение от русской православной культуры? – Нет! Культура, в которой он был воспитан, которой пронизано его художественное творчество и в которую влились его романы – это культура христианская. Ну, не буддистская же она, в самом деле!

Часть из этих не конфессионально, а культурно—православных людей также желает, чтобы их дети больше, чем они сами, знали о Православии. Но поскольку они не ставят свою полуверу в центр своей жизни, то и со своими детьми – если тем уроки Закона Божия не понравятся – они конфликтовать не станут. Так что и в этом случае насилия не будет.

В итоге – мне пока не известно ни одного конкретного случая, чтобы кого—то заставили вопреки его желанию изучать закон Божий.

– Раз мы заговорили о школе, то как Вы относитесь к тому, что в наших школах сейчас какую-то нездоровую популярность приобрел так называемый «Хэллоуин»?

– Да, это очень странно. Когда приходишь в школу для того, чтобы рассказать о Рождестве или Пасхе, то слышишь шарманку – "у нас школа многонациональная, дети разных вер, и поэтому не надо навязывать". Но как только речь идет о какой-то бесовщине, сразу забывается, что в этой школе христиане тоже еще встречаются. У нас свобода совести начинает рычать, когда встречает Православие, и умильно машет хвостиком перед каждой мерзостью.

– Как это влияет на детей, ведь это в духовном плане очень опасно?

– Опасность Хэллоуина для детей прекрасно передана песней Высоцкого "О масках": "Я в хоровод вступаю хохоча, и все-таки мне неспокойно с ними: а вдруг кому-то маска палача понравится – и он ее не снимет".

Поинтересуйтесь: какова статистика преступлений, совершаемых в ночь Хэллоуина? А вот в Пасхальную ночь в некоторых городах не совершается ни одного преступления.

Первые шаги к Хэллоуину были сделаны еще в советские годы, когда на утренники детей наряжали чертенками и ангелочками. И даже тогда как мало было ангелочков, и как много было бесенят. Казалось бы, советской власти должно быть одинаково, ведь и то, и другое – мракобесие и религиозность. Тем не менее, к чертям советская цензура и педагогика были более благосклонны, чем к Ангелам.

То, что дети склонны к хулиганству – не удивительно. Поражает активность учителей во внедрении хэллоуинских традиций в наши школы. Иногда, глядя, как они затаскивают детей на Хэллоуин и на уроки секспросвета, хочется крикнуть: "Люди, бойтесь школы! Российское учительство сегодня – это наша национальная катастрофа!!!". Уровень невежественности и безнравственности слишком у многих наших учителей просто опасен. В начале 90-х, на встречах с учителями было видно, что этих людей радует любая возможность узнать что-то новое. Они интересовались, что-то

записывали, спрашивали список литературы по затронутой теме. В последние годы – совершенно апатичные глаза, жвачка во рту у педагогов... В школу сегодня идут не по призванию. Слишком часто учат детей те, кто после университета просто не смог найти другую работу. Уповать на нравственное творчество таких учителей не приходится.

И любви к России у них тоже нет. За триумфальным маршем Хэллоуина по российским школам стоит старый комплекс вечной неполноценности нашей полуобразованщины. Эта ее странная и всегдашняя готовность быть глиной, которая принимает форму любой подошвы, которая на нее наступила – лишь бы подошва была импортной. Дайте нам любого иностранца, и сразу у него будем учиться всему. Ну как тут не вспомнить крик Чацкого: "Ах, если рождены мы все перенимать, хоть у китайцев бы нам несколько занять премудрого у них незнания иноземцев!".

Церкви же просто остается выбирать лучших учителей для совместной работы. Мы ищем совестное, равнодушное меньшинство. И ради работы с ним нужно создать совместный методический центр, где разрабатывались бы новые школьные программы, избавленные от атеистических наслоений и пережитков; создавались бы альтернативные учебники, которые отражали бы русский и православный взгляд на историю мировой культуры, национальную историю, историю языка, литературы.

Если учебник будет добротнo написан, если в нем будут корректно расставлены нравственные оценки, то и обычный учитель при всей своей апатии, излагая добротнo написанный учебник все же будет нести доброе и светлое. Учебники истории и литературы должны подводить к нравственным выводам, причем делать это настолько аргументированно и интересно, чтобы даже педагог, который давно уже сам потерял различие добра и зла, не смог бы до конца испортить урок.

Проблема в том, что сама Церковь после десятилетий удушения настолько интеллектуально бедна, что мы не можем самостоятельно разработать такие программы. У нас просто нет опыта общения с детьми. Он был в прошлом веке, но дети-то сейчас совершенно другие. И получилось, что интеллигенция сегодня разбита на две части: интеллигенция в пиджаках и интеллигенция в рясах. Значит – надо чаще встречаться.

– Как Церковь реагирует на засилие рекламы и на ее содержание? Суть современной рекламы коротко выражается в словах “Бери от жизни все”, “Сделай себе удовольствие” и т. д. У Вас наверняка найдутся слова для критики.

– В этом есть определенное противоречие. Для того, чтобы и в самом деле “взять от жизни все”, надо оторваться от телевизора. Одно без другого невозможно: или ты берешь от жизни, или от телевизора. Точнее не ты берешь от него, а телевизор высасывает твою душу не хуже гаррипоттеровского дементора.

Реклама комплексно воздействует на человека. В том числе на его подсознание. Церковь не может такими средствами вторгаться в жизнь человека. Поэтому здесь призыв только один – не входи в это болото. Но беда в том, что реклама очень агрессивна и передается через самый агрессивный предмет в доме – телевизор. И если взрослый человек, особенно воспитанный в советское время, может подойти и просто его выключить, как-то дистанцироваться, то у детей такой свободы нет.

Помните американский фильм "День Независимости"? Это фильм, дорогой каждому православному сердцу – ради кадра, в котором Белый Дом взлетает на воздух... Так вот, по сюжету этого фильма на Землю прилетают инопланетяне. А теперь представьте, что эти самые инопланетяне решили прежде своей высадки собрать информацию о нас. Они ж существа опытные, осторожные. Вот, глядя издали на нашу голубую планету, они и обеспокоились: а вдруг эта планета и в самом деле голубая... И стали они собирать информацию, которую Земля сама о себе посылает в космос. То

есть радио– и теле– сигналы. Зависли над Останкинской башней и начали вылавливать из эфира наши телепередачи. А затем вступает в действие элементарный закон обработки большого объема информации на незнакомом языке: сначала выделяются наиболее часто употребляемые слова, обороты, фразы, блоки и делается попытка выяснить их смысл. Ну, а чаще всего какие блоки звучат в эфире? – Рекламные... А инопланетяне – они на то и инопланетяне, что не понимают, почему у нас именно об этом чаще всего говорится. И они делают вывод: “значит для людей это самое главное”. Если же они начнут анализировать смысл этих рекламных роликов, то к какому выводу они придут? Получится, что человек – это существо, производящее грязь. Потому что 70 % рекламы – об этом. Перхоть, запах изо рта, кашель, проблемы пищеварения, туалетная бумага, памперсы, гигиенические тампоны, дезодоранты, и т. д., и т. п. Антропология рекламы – это грубейший физиологизм в восприятии человека. А с другой стороны – дикая гордыня: “Я этого достойна!”. Поразительная смесь физиологизма с невесть на чем основанной гордыней.

Что по этому поводу подумают инопланетяне, меня не волнует, а вот дети все это через себя пропускают. Полуторагодовалые малыши, которые и мультяшек еще не смотрят, телерекламу впитывают от начала и до конца. А когда четырехлетки начинают прыгать и выдавать рекламные слоганы вместо стишков Корнея Чуковского – это уж признак состоявшейся кражи: у нас крадут наших детей.

Реклама – это окно в будущий мир. Рекламируется не конкретный товар, а вполне определенная иерархия ценностей, определенные жизненные сценарии – чего ты должен добиться в жизни, а что считать неудачей, как себя надо правильно вести в том или ином случае. Реклама навязывает прежде всего определенное мировоззрение, а всякие там прокладки и дезодоранты – это ерунда, не более, чем повод поговорить о главном. Когда детишки, воспитанные в этой технологии, вырастут, я сильно сомневаюсь, будут ли они русским народом. Даже если их язык "всего" на 40 % будет состоять из англоязычных корней, привитых рекламными лозунгами.

– Как Вы относитесь к награждению нецерковных людей, бизнесменов и политиков церковными орденами?

– Есть притча Христа о неверном управителе, который растранил доверенное ему имение. Когда же господин, узнав об этом, призвал расточителя к ответу, домоуправ, понимая, что причиненного ущерба он уже никак не возместит, проявил "смекалку": созвал должников (не своих, а своего господина) и предложил им переписать долговые расписки в сторону уменьшения суммы их долга. Наверно, в надежде, что, будучи изгнанным со своей работы, он затем вернется к своим новым друзьям, которые оплатят ему добром за то, какое добро он сделал им при уходе со своей должности домоправителя... Как ни странно, Христос похвалил догадливость этого воришки. Притча кончается советом: "приобретайте себе друзей богатством неправедным" (Лк. 16,9).

Как нам применять эту заповедь? У каждого есть не нами созданное богатство, которое дано нам в распоряжение. Это время нашей жизни. В принципе, всё, что мне дано Богом, я должен был бы Ему же и вернуть. Но Господь понимает, что этого не будет. И поэтому просит у меня отдать хотя бы десятину, хотя бы эти полдня в воскресенье. И вот я должен бы быть в воскресенье в храме. А я вместо того, чтобы в этот день пойти в церковь, посвятить его Богу, пойду навещу больного друга. В известном смысле, я украл это время у Бога. Но если на Страшном суде возникнет вопрос, как я потратил этот талант, то я отвечу: "Я взял этот талант у Тебя, Господи, но я отдал его своим друзьям. Я не утаил его при себе. Да, я не был в то воскресенье в храме. Но я провел время не перед телевизором. Я был в больнице". Как ни странно, это будет оправданием. У преп. Викентия Лиринского сказано: "Время похищает все человеческое и этим налагает на нас долг взаимно похищать у него нечто полезное для жизни вечной" (Напоминание 1,1).

Вот и в случае с орденами Церковь проявляет не-сектантскую "мудрость века сего". Церковные ордена в некотором смысле богатство несправедливое. Богатства как такового нет. Любое богатство – это часть и порождение чьей-то "матрицы". Человек и только человек назначает цену всему. Предмет, который для кого-то является венцом мечтаний, может быть совершенно ненужным для другого человека (мне, например, не нужен трехколесный велосипед, а кто-то мечтает о нем со слезами на глазах). Вот и орден – богатство не для всех. Есть люди, равнодушные к таким наградам. Они молятся, служат, помогают не ради значка. Но есть люди, которые эти значки наделяют важным для себя смыслом. Первые, мне кажется, праведнее вторых. Во вторых есть некий "самоцен", гордынька. Они еще ловят свои отражения в других глазах, а, значит, живут в виртуальном мире фантомов. И виртуальность эта не очень-то праведна. Ведь орден значит что-то только в глазах честолюбца.

Мы не в силах переменить всех людей, привить всем "духовную нищету". Что ж – надо принимать людей такими, какие они есть. И если он еще не совершенен, то это не значит, что мы должны чураться сотрудничества с ним.

Здесь другая логика: сначала начать сотрудничество, а потом через контракты и договора подвести человека к вере и духовной жизни. Если жертвователю будут знать, что его копеечка есть в храме, то он и храм будет ценить, будет заходить в него. Сначала – чтобы принести жертву собственному тщеславию. Но потом есть надежда, что он расслышит голос молитвы и Евангелия и начнет сам молиться, а не только позировать и озираться. Он начнет искать и ценить небесную, пока еще незримую награду. Но пока он еще не дорос до этого – что ж, вполне уместно поощрить его первый шаг, дав ему награду уже символическую, но еще видимую.

Награждение орденами людей нецерковных – это своего рода церковная торговля. Изготовление церковных орденов – это как бы свой монетный двор, который чеканит свою валюту. В Иерусалиме были специальные храмовые деньги, имевшие хождение только внутри храмового двора. Менялы продавали эти деньги прямо в притворе храма. Нечто подобное сегодня с этими орденами. Государства меняют бумажные ассигнации на реальные богатства. Церковь меняет эмалево-жестяные крестики на реальную помощь. Между чиновниками и бизнесменами рождается новая конкуренция – у кого какие церковные награды. Они сами ищут повод их получить – а в итоге от них и через Церковь реальную помощь получают вполне реальные люди. Виртуальное движение честолюбивого помысла позволяет воздвигнуть вполне реальные храмы, накормить вполне реальных семинаристов и монахинь.

Проблему я вижу только в том, что у нас, церковных людей, слишком длинная память. Я же помню, что слово орден имело когда-то совсем иной смысл, чем сегодня. То, что сегодня называется орденом, точнее называть "знак ордена". Орден – это братство, это некий коллектив (вспомним монашеские ордена). А то, что вешается на мундир – это знаки твоей принадлежности к этому братству. Получается, что все, кто носит орден ап. Андрея Первозванного, составляют некое сообщество. И награждение орденским знаком – это принятие в некую партию. Так вот, с этой точки зрения сегодня весьма неуютно получать ордена – хоть государственные, хоть церковные. Ибо ты вступаешь в весьма сомнительное сообщество. Сегодня даже сектантов награждают орденами "За заслуги перед Отечеством"! А уж какие только проходимцы не оказывались в числе награжденных церковными орденами! И оккультисты, и воры, и "олигархи"... Но у Церкви нет своей контрразведки.

– На телеканале НТВ, в программе «Свобода слова» священник предложил не подавать руки российским миллиардерам. Это было бы естественно для поручика Иванова, но из уст протоиерея подобное предложение как-то странно было услышать. Есть ли у Церкви канонические формы воздействия на тех людей, которые безнравственно относятся к своему народу?

– Понятие "нерукопожатный человек" – и в самом деле весьма точное. Но боюсь, этот план будет трудно реализовать. Для начала я поставил бы вопрос так: нельзя ли посчитать, сколько церковных

орденов у семнадцати российских олигархов из списка "Форбс"? И сможет ли сам этот священник не подать руки встреченному миллиардеру? В интервью это легко сказать, а в реальной жизни, когда нужно найти деньги на возрождение церковной жизни, на строительство храмов, разборчивость, как правило, резко снижается.

– У Вас есть опыт общения с конкретными предпринимателями?

– Мало. Хотя бы по той причине, что я не настоятель. У меня нет такой стройки, куда я могу привести возможного спонсора и разжалобить его. Второе, – я всегда в дороге, и между встречами в одном и том же городе проходят годы. Так что иногда я задним числом я узнаю, что такой то был на моей лекции. То есть я не пускаю корней, не обрастаю социальными связями.

– Православие, по определению Василия Розанова, с самого начала заняло «миролюбующую», мироотвергающую позицию. Оно целиком смотрит в небо, призывая и своих последователей в своей жизни только касаться земли. Предпринимательство же – это, прежде всего, земное занятие. Не в этом ли главное противоречие между ними?

– Все познается в сравнении. Когда языческие философы хотели обругать христиан, то называли их словом "филосарки" – "любители плоти". Со времен Пифагора и Платона считалось, что тело – это могила для души, темница, из которой надо убежать. Позднее у гностиков космос вообще воспринимался как концлагерь. Евангелие же начинается вести о том, что "Бог возлюбил мир". Значит, и человек имеет право на такую же любовь. Поэтому мир не может быть предметом для плевка. И вообще у человека есть долг в мире, и это отнюдь не долг беглеца.

Миром Божиим человек может любоваться. Миром вещей человек может владеть. С одной оговоркой: ты можешь владеть всем, лишь бы ничто не владело тобою.

Просто больше чем мир, христианин любит человека и Бога. Но "любить меньше" все же не значит презирать или ненавидеть. Не любит же он "мир" как несвободу. Святой Исаак Сирий в 7 веке говорил, что под тем миром, с которым должен бороться христианин, понимается "совокупность страстей" – те аспекты моей жизни, в которых я влеком, пассивен. Там, где я редуцирован к месту, где осуществляют себя (а не меня) социальные и зоопсихологические сценарии, модели и законы.

– Христианство считает, что человек свободен от условий своего существования в мире, от общества?

– Юный тибетский скинхед из первой «Матрицы» (тот, что на квартире у Пифии упражнялся с ложкой) напомнил традиционный буддистский рецепт освобождения от кармической несвободы: «Прежде всего ты должен понять, что ложки не существует. Тем самым ты обретишь свободу от этой ложки и для обратного воздействия на нее». Нечто подобное есть в христианстве. Человеку необходимо защитить себя от растворения в своих социальных функциях – вот главная установка.

И первый шаг на пути прозрения – вспомнить, что есть Суббота. В субботний (для христиан – воскресный) день ты сбрасываешь с себя социальную маску и из "Его превосходительства" превращаешься в "раба Божьего". И ты ощущаешь себя перед лицом более высокого, чем ты сам. Причем настолько высокого, что нет смысла заискивать, искать повода для взятки и т. д. Все мы, увязательно меняемся в зависимости от того, с кем беседуем, – с подчиненными или начальником. Но есть такой Начальник, перед которым игра не имеет никакого смысла – и хотя бы в день субботний об этом стоит помнить и побыть перед Ним без грима.

Кстати, напомню толкование святого Кирилла Иерусалимского – святого 4 столетия – на вопрос "Зачем Господь создал субботу и ночь? Почему нельзя сделать так, чтоб всегда было только солнышко, светло, день?", он отвечает: чтобы хотя бы ночью и в субботу рабы имели свободу от своих господ.

– Как Православие смотрит на бизнес? Не противоречит ли занятие бизнесом христианским ценностям?

— Христианство – это не профессия, и поэтому оно может быть совместимо с любой профессией. Христианство – это не социальный статус, и поэтому христианская вера может быть совместима с любым социальным статусом: и раба, и императора.

Церковь не считает успех в мире бизнеса чем-то "греховным". В Евангелии Христос ставит преуспевающих купцов в пример остальным. Он вспоминает о людях, которые сейчас называются бизнесменами, когда говорит о самых таинственных вещах, о тайне Царства Божия: подобно Царство Божие купцу, который продает мелкий жемчуг для того, чтобы купить одну крупную жемчужину. Слово жемчужина сегодня зачаровывает и мешает понять прозаичную конкретику этого языка. По сегодняшнему это звучало бы так: если бы человек знал, что нефтяные запасы обнаружены где-то в калмыцких степях, то современный бизнесмен не усомнился бы продать свой гектар черноземной земли в Ставропольском крае и купить безводную калмыцкую землю.

То, что Христос обращается к опыту людей, живущих торговлей, а не только к опыту пастухов, земледельцев и рыбаков, показывает универсальность христианства. Оно готово разговаривать с любыми людьми на любом языке, отталкиваясь от опыта их жизни.

Успех в мирской карьере – это не зло. Это просто обстоятельства твоей жизни. Сами по себе богатство или нищета не имеют нравственного наполнения. Нравственное наполнение имеет только реакция человека на те обстоятельства жизни, в которых он оказался. Человек испытывается тем, как он реагирует на эти обстоятельства, как он переживает свою нищету или свое богатство. Ни одна земная работа сама по себе не вводит в Царствие Божие. И токарь спасается не тем, что он работает у станка и хорошо обтачивает заготовки, и крестьянин на Божьем суде будет оправдываться не тем, что он прямо проводил борозду и вовремя кормил своего коня. Так что нельзя сказать, будто работа банкира пагубна, а работа токаря спасительна.

Если от твоих профессиональных решений ежедневно зависят судьбы финансовых потоков, а, значит, и людей, то и отнесись к работе как к работе, как к своему профессиональному долгу. И делай ее хорошо и честно.

– Складывается впечатление, что православие очень подозрительно относится к самому институту собственности (мы тут говорим не о реальной церковной практике, а о догматике). Не сближает ли это православие с коммунизмом, как социальной доктриной?

– При обсуждении этой темы важно помнить, что в православии есть различие между повседневной нормой и высшим призванием.

Мало различать добро и зло. Надо различать хорошо и лучше. Скажем, Апостол Павел говорил, что хорошее дело – брак, но он хотел бы, чтобы его ученики были подобны ему – свободны для всецелого служения Христу. Ни слова осуждения в адрес брака, напротив – благословение. Для начала – мир закона, и лишь затем – то, что выше закона, мир благодати. Но сначала надо научиться жить в мире закона, нормы. Прежде чем обожиться, надо очеловечиться. Во втором веке святой Ириней Лионский говорил о грехе первых людей (Адама и Евы), что они, прежде чем стать людьми, хотели стать богами. Это очень точное определение очень часто встречающегося греха. Так вот сначала научись правилам обычного человеческого общежития, а потом уже возмечтай о каком-то пути отшельника, суперйога и т. д. Нечто подобное и здесь. Но отсюда следует, что если нечто не нужно на высшем пути, это нечто все же нельзя осуждать, встречая его в мире более обычном.

На горной высоте слитки золота и ценные бумаги будут ненужной ношей. Еда, подходящая для обычного шахтера или профессора не подойдет для того, кто готовит себя к Олимпийскому старту. Не

все обязаны быть монахами. Но завидовать монашескому пути и монашеской свободе должен любой разумный христианин.

И на любом этапе духовного становления есть общее правило: если борьба за собственность и труд по ее удержанию не расчеловечивают тебя – что ж, значит ты духовно силен и можешь ею владеть. Но ведь может быть иначе: лишняя соломинка может переломить горб верблюду. По слову святого Иоанна Златоуста – как слишком большая обувь натирает ногу, так слишком большое жилище натирает душу.

Христианство на 1800 лет старше теории научного коммунизма, и, значит, о проблеме богатства-бедности мы думали никак не меньше коммунистов. С коммунизмом у нас есть как точки сближения, так и линии расхождения. Формула советского коммунизма: "то, что было твоим – будет моим". Иная формула христианского "коммунизма": "что было моим, пусть станет твоим". "Деньги мои, идите прочь от меня – к бедным!". Но буквальное и всецелое исполнение такого евангельского совета – это высший полет, это путь совершенно свободного человека.

И, конечно, мы от этой вершины не отказываемся. И для нас дороги люди, типа преподобного Серафима Вырицкого, который был купцом и еще до революции успел избавиться от своих заводов и принял путь монашества. Однако, это не означает, что все должны так идти.

Понуждать всех к такой жизни было бы сопряжено с насилием. Это путь не нормы, а юродства, а, значит, это путь особого и личного Божьего призвания.

Помнить о таком пути, хотя бы иногда мечтать о нем и плакать о своей далекости от него должен каждый христианин. Реализовывать же – лишь тот, кто понял, что разминовение с таким путем есть затянувшееся насилие над собственной совестью.

Начинать надо не с него. Для начала ты хотя бы отнесись по-человечески к людям, которые зависят от тебя. В Египетской Книге Мертвых есть изумительная глава с описанием так называемой отрицательной посмертной исповеди, когда на суде душа умершего должна пройти испытание, называя те грехи, которых она никогда не делала. При этом боги взвешивают сердце человека и если он соврал, то сердце выдает его. И среди добродетелей, которые перечисляются там, одна совершенно изумительна: "я никогда не просыпался по утрам с мыслью о том, как бы задать побольше работы моим рабам". Думаю, это изречение стоило бы повесить в кабинетах очень многих директоров.

А что касается отношения к деньгам... Я вполне согласен со словами Владимира Мая: "Люди, активно вовлеченные в "производство денег", и особенно те из них, кто вырвался на самый верх предпринимательского успеха, подвергаются тяжелому нравственному испытанию. Это испытание независимостью, причем независимость от других людей (которую действительно имеют богатые люди) в их сознании подменяется представлением об их независимости от Бога. Кажется, что они "могут все", что они в своем величии приближаются к Богу. А это уже очень опасное для души состояние. На самом же деле деньги, если и дают свободу, то только от денег. Здесь было бы уместно вспомнить слова Ж.—Ж.Руссо: "Деньги, которыми обладаешь, – орудие свободы; деньги, за которыми гонишься, – орудие рабства"

– Но разве банкир не нарушает библейскую заповедь о запрете ростовщичества?

– Полагаю, что нет. Надо понять смысл заповеди. Да, она запрещает давать деньги под проценты. Но – кому? Точнее – кто именно в те времена просил о таком займе? Если крестьянин приходит к богачу и просит одолжить ему мешок зерна для посева при условии, что осенью вернет два мешка, то ясно, что просит он не от хорошей жизни. Значит, ростовщик наживается на беде другого человека. И это подло. Но сегодня банки дают кредиты не тем, кто голодает. Сегодня они помогают покупать "бутерброды с маслом" или даже с икрой (потребительские кредиты на приобретение телевизоров и

холодильников). Еще больше банки зарабатывают на бизнес-кредитах. Но если человек просит одолжить ему миллион для строительства бензозаправки, то из этого не следует, что этот человек оказался в страшной беде. В этом случае банк выступает в роли его партнера в бизнесе и просто разделяет с ним и финансовые риски и будущую прибыль.

Так что у христиан сегодня нет основания осуждать банкиров за их профессиональную деятельность. Христианский запрет на профессии сегодня стоит обратить не к банкирам, а к держателям ломбардов. Вот это и есть наследники былых ростовщиков. Они превращают чужие слезы в свои деньги. В ломбард люди несут вещи действительно лишь от нужды, в крайнем случае.

– Во время приватизации прижилась в народе циничная фраза: как будем делить – поровну или по справедливости? Есть ли, по Вашему, некий критерий экономической справедливости?

– Справедливого раздела собственности никогда не было: поскреби историю любой собственности, в конце концов, найдешь там кровь, удачного варвара—завоевателя... Поэтому по-настоящему справедливой я считаю в современном мире только интеллектуальную собственность. Если человеку пришла идея и он ее воплотил в работающий бизнес-проект, приносящий творцу доход – это справедливо.

Скажем, миллионное состояние господина Рубикса, придумавшего "кубик Рубикса" – это справедливо, миллиардное состояние компьютерщика Билла Гейтса – тоже. Но у нас в начале 90-х назначали олигархов: ты, Мишенька, будешь хозяином этого, а ты, Ромочка, хозяином того. И это я не могу назвать справедливым.

– Как современному человеку совместить свои христианские убеждения и свою работу в области бизнеса?

– Проблема есть, и она состоит в том, что любая религия поглощает человека всецело. В идеале любой человек должен был бы стать "посвященным" или монахом. Идеал чрезвычайно высок. Но первый шаг младенца радует все же больше, чем финиш олимпийского чемпиона, хотя он и не столь техничен, стремителен и идеален. Поэтому важнее не техника шага, а общее направление движения.

Первый же шаг в религии – это принятие тезиса об иерархичности уровней бытия. Есть быт, и есть бытие. Есть жизнь, и есть житие. Есть мир несвободы, мир кармических зависимостей (термин индийской философии), мир иллюзий – мир "матрицы". Таков мир суеверий, предрассудков, стереотипов, предписанных социальных ролей. И есть мир освобожденного сознания. И вот самые разные религии призывают человека к пробуждению и к борьбе за свою свободу. Они предлагают Путь Воина. Они обращаются к человеку: "Проснись, Нео! Матрица имеет тебя (Matrix has you)! Иди за Белым Кроликом!" (кто не узнал – это зачин фильма "Матрица", а упомянутый кролик в свою очередь отсылает к "Алисе в стране чудес"). Попробуй обрести свободу от давления, которое идет, с одной стороны, изнутри тебя, с другой – извне. Что есть давление изнутри? Человека можно представить "пирамидкой", в которой есть слои жизни ниже или выше его человечности. И вот надо ослабить давление низших, чтобы интенсивнее ассоциировать себя с более высокими слоями. Низшие же слои, когда ставишь их на место, отстраняешься от них, скандалят как брошенная любовница. Попробуй пойти против них – и сразу поймешь, что главный тиран сидит во мне, а не где—то там в правительственном здании.

Несвобода же, налагаемая извне – это отнюдь не только политические диктатуры. Речь идет о давлении социальных стереотипов. Иногда обретение независимости от своей компании (в смысле окружения) более сложный подвиг, чем обретение независимости от мнения Кремля или Белого дома.

Религия ведет человека к надчеловеческому. Поэтому в любой религии вопросы к человеку звучат так: кем ты себя считаешь, с чем ты себя отождествляешь, не слишком ли низкоую, чересчур

"материальную" цену ты назначил себе и своей жизни, не слишком ли малы твои мечтания?

Религия открывает человеку его собственную многомерность. Она напоминает: "сам ты не то, что написано на двери твоего кабинета". Ты можешь быть самым первым генеральным директором, хорошим управляющим, но плохим отцом. Замечательным банкиром, но, к сожалению, никудышным другом. Для бизнесмена это звучит так – нельзя сводить себя только к своим бизнес-проектам. В Византийской империи был замечательный обряд "акакии". К Императору во время его коронации подходил патриарх и вручал ему мешочек с землей в память о том, все мы смертны, все мы из земли произошли и в землю же и вернемся. "И потому, государь, ты должен помнить, что хотя сейчас ты возведен почти в Божественную славу, но все же перед Богом ты просто человек среди других людей..."

Слишком плоско и слишком рискованно отождествлять себя со своей социальной ролью. Сколько людей включая царей и епископов, погибло на этом пути, когда они слишком серьезно относились к своей социальной маске и забывали, что он, прежде всего, человек, у которого помимо должностных есть еще просто человеческие обязанности, долги и человеческая, зачастую, несостоятельность.

Правда, для христианских предпринимателей, да и вообще для людей публичной деятельности с христианским убеждением, здесь возникает еще одна серьезная проблема: с одной стороны, в христианстве четко утверждается, что очень важно иметь в сердце смирение. Смирение, конечно же, предполагает некую негативную самооценку, но как совместить эту негативную самооценку с исполнением профессионального долга? Ведь у профессионала должно быть чувство профессиональной добротности – удалось мне это или нет. Имеет ли право христианин на такое чувство? Многие неопиты – люди, которые недавно пришли в церковь – чувствуют этот конфликт, но жертвуют профессиональным чувством ради вновь усвоенного и приобретенного христианского переживания. На самом деле здесь все должно быть более дробно – по-дробно.

Не надо искусственно и натужно смиренничать. Конечно, глупо, если 15-летняя девочка, учащаяся православной гимназии будет стоять перед зеркалом и убеждать себя: "я такая уродина, что более отвратительного создания на Земле не существует!". Это будет ложь, а перед лицом Бога и перед лицом своей собственной совести не надо лгать. И то, что у тебя хорошо, надо признать это таковым.

У профессионала вырабатывается четкий внутренний балансир. Если я что-то делаю профессионально, то я должен профессионально же поставить оценку и собственному труду – даже если эта оценка окажется высокой. У христианина есть право признаться себе: мне хорошо удался этот проект, здесь я хорошо поработал. Даже у православного проповедника, у меня, например, есть внутреннее ощущение – удалась лекция или нет, удачно ли дал интервью, нашел ли какие-то новые слова, аргументы ходы мысли, или так себе – какие-то обычные слова говорил. Если я прочитал удачную лекцию, почему я должен, будто бы ради смирения, уверять себя, будто лекция была никудышная? Пушкинское восклицание – "ай да Пушкин, ай да сукин сын!" – это вполне трезвое лекарство, прописанное себе от шизофрении (ибо говорить на белое, что оно черно, а на успех говорить, что это катастрофа, есть путь к ней самой, к шизофрении-матушке). У православного монаха тоже, наверное, должно быть ощущение качества своего труда: как он сегодня – деревяшкой стоял в храме, пока мысли бегали вдалеке, или действительно удалось помолиться...

А вот дальше делать две вещи.

Первое. То, что есть доброго в жизни и работе приписать Богу, и поблагодарить его за это.

А второе... Когда ты сказал правду о том добром, что было в твоём сегодняшнем поступке, действии, тут же, чтобы не впасть в некое слишком превознесенное самоощущение, имеет смысл

вспомнить другие грани, аспекты, своей жизни, в которых ты отнюдь не так состоятелен. Ты можешь быть великолепный хирург – но плохой отец, ты можешь быть прекрасным администратором – но ты плохой друг...

Много жизней есть у человека. И успех в одной из них, честно достигнутый и честно же замеченный, еще не повод для столь же позитивной оценки других своих попыток. Понятно, что свой успех кажется важнее своих же поражений. И тут важно не ослепнуть в сиянии своей же славы.

После благодарного воспоминания о Боге полезно привести себе на ум то же, что сказал царь Давид: "грех мой предо мной есть выну" (выну – по славянски – всегда).

Память о собственном грехе очеловечивает. Чистая совесть – признак короткой памяти. Что с того, что эту лекцию я прочитал хорошо, а вот эту сделку провел успешно! Есть человеческие долги, которые выше профессиональных. Помнить об этих долгах и просит Церковь тех своих членов, которые работают в мире бизнеса.

– Как Вы считаете, есть ли в нашем обыкновенном предпринимателе средней руки какой-то «православный ген» и каково его влияние?

– Конечно, есть. Думаю, что это и есть все-таки уже упомянутая многомерность. Это понимание того, что человек не укладывается в свой футляр. И деньги – это лишь средство. Точнее – дар, который обжигает руки и совесть, требуя распорядиться собою "по людски", по совести.

– Почему так активно современный российский бизнес вовлечен в православие: финансирует строительство храмов и т. д. Какова его потребность? Разобраться в себе?

– Может быть, самим людям, работающим в бизнесе, бывает просто интересно общаться с другими людьми, ну что ли немножко инопланетными, особенно с теми, которые как раз не видят в них бизнесменов—спонсоров. Я помню, как-то мне довелось сопровождать одного из газпромовских генералов в поездке в Псково-Печерский монастырь. По ходу дела общения наместник упомянул о том, что они переводят монастырь на газовое отопление. Но при этом не последовало и намека на вполне ожидаемое продолжение: мол, может, вы чем-то поможете, хотя он прекрасно понимал, с кем беседует. Идет дальше, показывает храмы... И сам этот "генерал" потом сказал мне, что он заметил эту тактичность отца наместника. Я, говорит, это запомнил как раз потому, что это не было акцентировано, и лучше потом сам отдельно приеду и подниму вопрос о помощи. Так что и бизнесмену важно, чтобы в нем увидели "мена", а не "бизнес"; человека, а не его "дело".

– Правомерно ли предъявлять к бизнесменам более высокие требования? Чем-то они отличаются от обычных людей?

– Они отличаются тем, что от них зависят другие люди. В церкви одни требования к монаху, другие – к игумену монастыря. Бывали случаи, когда хороший монах был плохим игуменом. Он о себе мог хорошо заботиться, но у него не было таланта наблюдать за другими людьми и вовремя направлять и пресекать искажения своей властью игумена. Так что управляющий в ответе за то, чем и как он управил.

– В западных странах довольно полно было прослежено влияние различных ветвей протестантизма на хозяйственный дух и настрой предпринимательского сословия. Известный специалист по русскому народу Владимир Познер вынес вердикт, что во всех наших хозяйственных бедах виновато православие.

– Я несколько раз был на передачах Познера и могу свидетельствовать: это человек невысокого интеллектуального уровня. Он не в состоянии слышать своих собеседников. Когда он зачитывает заключительное слово (а он его именно зачитывает), оно никогда никак не связано с тем, что было

сказано до этого участниками дискуссии. То есть это человек со вполне тоталитарным сознанием, неспособным меняться в зависимости от предъявляемых ему контраргументов, а, значит, с ненаучным мышлением. Он способен лишь озвучивать расхожие либеральные штампы. Вероятнее всего он только слышал о существовании книжки Макса Вебера о роли протестантизма в развитии экономики Запада, но вряд ли ее читал.

Да, многие слышали о знаменитой книге Вебера "Протестантская этика и дух капитализма", но немногие ее действительно читали. Я же обращаю внимание на три тезиса этой книги.

Первый: капитализм при своем рождении и распространении, согласно Веберу, постоянно наталкивался на сопротивление людей традиционного склада мышления. Вебер приводит факты из истории Голландии 18 века, доказывающих, что действия по поощрению рабочих к более интенсивному труду путем введения более высоких расценок за более качественный и продуктивный труд не приводили к успеху. Рабочие работали еще меньше. Получив возможность зарабатывать больше за единицу времени, они предпочитали максимизировать свободное время при тех же доходах, а не доходы.

"Предприниматель, повышая расценки, пытается заинтересовать рабочих в увеличении производительности их труда. Однако, тут возникают неожиданные трудности. В ряде случаев повышение расценок влечет за собой не рост, а снижение производительности труда, так как рабочие реагируют на повышение заработной платы уменьшением, а не увеличением дневной выработки... Увеличение заработка привлекало его меньше, чем облегчение работы: он не спрашивал: сколько я смогу заработать за день, увеличив до максимума производительность моего труда; вопрос ставился по иному: сколько мне надо работать для того, чтобы заработать те же 2,5 марки, которые я получал до сих пор и которые удовлетворяли мои традиционные потребности. Приведенный пример может служить иллюстрацией того строя мышления, который мы именуем "традиционализмом": человек "по своей природе" не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повисить "производительность" труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на лейтмотив докапиталистического отношения к труду", и в итоге предприниматели порой предпочитали понуждать рабочих к более интенсивной работе путем снижения расценок...

И это отнюдь не абсурдная реакция. Надо быть человеком совсем уж современного западного типа, чтобы считать, что главный аспект в жизни человека – это его доходы и работа. Средневековая культура гораздо больше дорожит праздником. Во многом культура средневековья – это культура праздника. Это как раз то, что очень нервировало большевиков: почему у православных так много праздников, колхозники мало работают в эти дни и т. д. Так что я очень хорошо понимаю этих рабочих 18 века, которые отказывались запрягаться в конвейерную упряжь, а больше дорожили своим личным и семейным временем.

Где распространялся капитализм в интересующую Вебера эпоху? – в христианских странах. Какая, значит, традиция воспитывала людей так, что они оказывали глухое сопротивление капитализации? Так породило христианство капитализм или скорее сопротивлялось ему?

Как удалось это сломать? Вебер показывает, что с духовными проходимцами, для которых деньги это все, не построить огромный западный мир. Для этого должны были появиться совсем другие люди: своеобразные аскеты и монахи ради карьеры, ради предпринимательского успеха.

Этих новых людей Вебер увидел в проповедниках кальвинизма и, отчасти, лютеранства. Своеобразие этих групп состояло в том, что они были фаталистами. По их вере – у человека нет свободы. У человека нет возможности выбрать свой жизненный путь и его вечный итог. Бог еще до

создания мира решил, кого Он спасет, а кого отправит в погибель... И человек ничего не может сделать для изменения Божьего решения.

И если человек эту схему принимает, то, как жить дальше, не зная, кто ты? Как жить, пребывая в неизвестности о самом главном? Человек мучается: кто я – избранный или нет? И тут богословы говорят ему: Если ты идешь к спасению, значит, Господь тебя любит, а если Он тебя любит, то Он должен проявить Свое благорасположение к тебе еще в этой жизни, и это благорасположение будет заметно и для тебя, и для других: оно будет проявляться в твоём житейском преуспевании. Любящий Отец будет всегда помогать тебе, а не твоему обреченному соседу. И поэтому если ты социально и карьерно успешен, значит, у тебя с Богом отношения добрые, ты – избран. А если разоряешься, значит, ты все-таки проклят Богом. И тогда таких людей пасторы отлучали от причастия, отлучали от своей церкви.

Соответственно, потребность в жизненном успехе и стяжании богатства обрела религиозную мотивацию, а наличие такой религиозной мотивации способствовало распространению "капиталистического духа"...

И даже если человек не был настолько фанатичен, на него влияло если не само богословие, то его социальные последствия: мир тогда был слишком мал, и если в моем городке меня отлучают от церковного собрания, это мгновенно становится известно всему городу, люди начинают меня сторониться, рушатся контакты и остатки бизнеса. Поэтому даже не очень нерелигиозные люди старались жить комильфо, в том числе соблюдать церковные установления. Так что кальвинистская модель действительно помогала религиозно мотивированному экономическому росту.

Нетрудно заметить, что эта логика, хотя и была озвучена христианскими проповедниками, глубочайшим образом противоречит тому, что возвещало традиционное христианство. В православии всегда считалось, что Бог скорее с бедными, чем с богатыми. Христос – там, где боль, а не там, где шумный успех. "У Христа – у креста", – гласит русская поговорка. И ей вторит цветаевская строчка: "Значит – Бог в мои двери – раз дом сгорел...". И если на "теологии процветания" действительно лежит часть вины за дух стяжательства, охвативший западный мир, то не стоит вину за это извращение христианства перекладывать на само христианство. По крайней мере Православие не принимало участия в этом процессе.

И еще одно замечание по поводу книги Вебера. Автор сам отмечает, что описанный им материал весьма локален: он ограничен и в социальном пространстве, и во времени: "Люди, преисполненные "капиталистического духа", теперь (книга написана в 1905 году – А.К.) если не враждебны, то совершенно безразличны по отношению к церкви". Кроме того, работать эта модель могла лишь в условиях тоталитарной религиозности, когда церковная община контролирует всю жизнь человека. А от такого типа религиозности западный мир сам ушел в 19 веке.

Далеко не все протестанты принимали такую богословскую схему. Тем более ее не было у католиков и православных.

А у православных тоже были очень интересные опыты бурного коммерческого успеха. Это и греческое купечество, в том числе, например, и современная очень влиятельная греческая православная диаспора в США. Это и староверы, где никакой идеологии, подобной протестантской не было, там был совершенно другой механизм. В начале 17 века Петр ввел обязательный налог со староверов, полагая, что крестьянин ради лишней копейки пойдет к никонианскому попу, но вышло все совершенно иначе. Дело в том, что люди до этого жили по принципу "и нашим, и вашим". В душе, может быть, они и лелеяли любовь к старым обрядам и книгам, но большинству было не до решающего разрыва и конфликта. И при случае, какой храм попадет, в такой и шли. Но жесткий императорский указ заставил делать выбор. Для определенного рода людей это означало некий вызов их

состоятельности – как мужика, как просто трудяги, который может тащить на себе семью, хозяйство и т. д. Это что же, значит, я совесть свою потеряю за две копейки? Да нет, я уж напрягусь и эти две копейки еще дам. Эта мотивация привела в итоге к появлению очень крепкого староверческого и купечества, и кулачества.

Про коммерческие успехи армян, которые никаким боком к протестантизму не принадлежат, а гораздо ближе к православным традициям, можно и не говорить. Итак, во-первых, мы видим, что экономический рост далеко не всегда был мотивирован так, как это описывает Макс Вебер. Во-вторых, сами эти мотивы давно уже на западе не действуют (о чем и сам Вебер писал в 1905 году), а экономическое развитие общества идет... И только в сознании наших познеров все западные бизнесмены как будто бы мыслят моделями, которые описал Вебер.

И, наконец, тот, кто оценивает религию по критериям рыночной эффективности, заслуживает просто жалости: такой человек живет в столь удушающе-одномерном мире, что сердце просто требует послать ему гуманитарную помощь в виде Евангелия. С тем же успехом можно оценивать национальную литературу по успехам национальной футбольной сборной.

Владимир Мау, некогда бывший идеологом гайдаровской реформы, сегодня вполне справедливо говорит "веберовцам": "Объяснение экономических пороков православной традицией (в противовес, скажем, протестантской), по сути своей безнравственно, поскольку перекладывает на Церковь и православие пороки людей, человеческую ограниченность, неготовность к эффективной работе. Ни в одном тексте Библии нельзя найти оправдания неэффективности и лени... Человек несет личную ответственность за результаты своей деятельности. Ответственность не может быть переложена ни на государство, ни тем более на Православную Церковь. Между тем, достаточно распространенным является подход, который может быть охарактеризован как "приватизация достижений и национализация провалов". То есть ситуация, когда человек считает, что его успехи (прежде всего экономические, деловые) являются результатом его усилий, а возможные потери объясняются или неэффективностью власти, которая не может обеспечить порядок, или, того хуже, Православной традицией. Такого рода подходы близки, наверное, к греху лжесвидетельства... Вот как писал один итальянский путешественник об Англии конца XV столетия: "Крестьяне здесь так ленивы и медлительны, что они не утруждают себя сеять больше зерна, чем это необходимо для их собственного пропитания. Они предпочитают даже не обрабатывать землю, а оставляют ее под пастбища, на которых пасется огромное количество овец". Итальянские государства тогда были самыми развитыми в Европе, а Англия, только выходящая из "войны роз", – одним из самых бедных. Словом, консультант из развитой страны предлагает вполне естественную с точки зрения его опыта оценку ситуации. Мол, крестьяне недостаточно трудолюбивы, трудовая этика хромает. А главное, структура производства сугубо неэффективна: гораздо выгоднее сеять зерно, чем пасти овец. Казалось бы, исходя из "мирового опыта", надо разработать стратегический план замещения овцеводства хлебопашеством. Но ведь сейчас, с высоты прошедших веков, мы знаем: именно то, что итальянский путешественник считал источником застоя, позднее оказалось главным фактором начала небывалого роста, начала промышленной революции и превращения Великобритании в ведущую мировую державу. Кстати, нелишне обратить внимание, что очень похожие слова подчас можно слышать применительно к россиянам, причем здесь несклонность к производительному труду объясняют "православными традициями". Как видим, православие здесь совершенно не при чем."

– В последние десятилетия в протестантских странах активно идет поиск и разработка этических систем для бизнеса с опорой на христианские принципы. Является ли православный взгляд на деловую этику каким-то особенным, и не настало ли время нашим богословам и специалистам по управлению приняться за разработку национальной системы деловой этики? Некоторое время назад была даже принята этическая концепция православного предпринимателя...

– Я не участвую в таких обсуждениях и считаю, что это не более чем бумажная суета. Насколько я себе представляю реальную жизнь прицерковленных бизнесменов, вряд ли какие-то бумажки смогут стать для них нормативными. Такое в их жизни многообразие нюансов, ситуаций, что все их учесть нельзя.

Нередко приходится слышать: батюшка, я хочу все по закону, по совести делать. Но если я буду честно показывать все свои прибыли, доходы и расходы, то это, скорее всего, верный путь к разорению. Конкуренты этого делать не будут, их "полусерая" продукция будет дешевле, значит, они победят на рынке. Кроме того, огромную часть расходов показать в налоговой нельзя. Например, всевозможные но неизбежные взятки всем нашим замечательным инстанциям и крышам – начиная от откровенных угловников и кончая теми, кто якобы борется с оными.

Я, помню, расспрашивал как-то хозяина одного придорожного ресторанчика, и он говорил мне, что едва ли не пятая часть идет на бесплатное обслуживание – это так называемая административная рента. Показать это в расходах нельзя. Получается, что если ты все по-честному указываешь, ты оказываешься неконкурентоспособен (или даже преступен).

И все же главное здесь – мотив: ради чего делается то или иное "отступление", ради чего делается "оптимизация" финансовой отчетности...

Одно дело, если человек идет на такое лукавство для того, чтобы заработать побольше для себя. "Оптимизация" станет грехом, если руководитель идет на лукавство ради того, чтобы достроить третий этаж на своей вилле.

Но мотив может быть иным: "Если я разорюсь, то многие люди, которые мне доверились, которым я дал работу, останутся без средств к существованию". Ладно, если в кафешке сменится хозяин – работников ресторана это может не затронуть. Но ведь есть более серьезные вещи, в которые вложены авторские ноу-хау. И такой бизнес без своего основателя умрет. И где тогда окажутся сотрудники?

Кроме того, средства, высвободившиеся таким образом, можно вложить в производство, обеспечить лучшие условия труда, быта работников и т.д. – в этом случае это тоже будет терпимой хитростью.

И все же я не могу себе представить, чтобы в каком-нибудь официальном церковном документе было бы прописано: ну, ладно, в таких случаях так и быть, можешь дать взятку. То, что может быть сказано где-то в частной беседе, в официальном документе не может быть сказано. А раз так, кто же будет этому документу опять же верить? Поэтому здесь необходима индивидуальная личностная диагностика – в чем мотивы поступков этого человека? Здесь, конечно, сказывается именно русская традиция: у нас человек важнее бумаги. Впрочем, и риск тут тоже наш традиционный: из формулы "суббота для человека" можно сделать вывод "суббота для меня, родного", а надо бы делать иной вывод: "суббота – для него, ближнего".

Так что еще одну вертикаль должен найти в себе человек: иерархию ценностей. Нельзя ограничиваться лишь опознаванием добра и зла. Когда "крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха, что такое хорошо, а что такое плохо" – для крохи это был нормальный вопрос, а для взрослого человека – нет. Взрослый человек должен уметь отличать еще и оттенки. Это хорошо, а это лучше. Это плохо, а вот это хуже. Иногда бывает нужно совершить малый грех, чтобы избежать греха большего. Иногда надо пожертвовать одним добром ради достижения добра большего.

– Православие – это не только и даже не столько этическая система, сколько мистическое учение и практика. Насколько эта – его главная часть – может быть применена к хозяйственной жизни?

– Православие – это умение "право славить" Бога. Лев Толстой однажды сказал: если ты беседуешь с раздражающим тебя человеком, сначала посчитай в уме от 1 до 10, а потом отвечай. Этот совет уместен в устах психотерапевта, но неуместен в устах человека, который считает себя христианским учителем. Христианин бы сказал так: помолись прежде ответа. Если идешь на встречу с человеком, помолись об этом человеке. Во время беседы с человеком, даже если это подчиненный, помолись о нем. Помолись о нем, прежде чем сорваться с цепи. Ведь молитва – это прежде всего пожелание блага тому, о ком ты молишься, это предельное напряжение доброй воли.

В советские времена как раз считалось, что нормальный управляющий – это обкладывающий всех матом истеричный комиссар. Но хороший управляющий – это, прежде всего, взвешенный человек. Создание радостного и спокойного климата у себя внутри и твоих сотрудников – это следствие доброкачественно проделанной религиозной работы.

– Сейчас в сфере корпоративного управления очень активно обсуждается концепция, т.н. «корпоративной религии», которая идет на смену концепту «корпоративной культуры». Она предполагает развитие в рамках отдельной компании своей системы мировоззренческих догматов, символики, ритуалов, создание своего пантеона. Получается, что в мире будет столько же религий, сколько и компаний, да еще сотни сект и тысячи гуру. Что со всем этим делать?

– Пример "корпоративной религии" – это синтоизм и даосизм. С одной стороны, это не столько религии, сколько системы государственной и социальной этики. Но когда-то они были тесно связаны с религией и соприкасаются с ней до сих пор. Католические миссионеры 18 века в Китае пробовали своим коллегам в Ватикане пояснить, что когда китаец или японец падает ниц перед статуей императора – это все-таки не религиозный, а гражданский культ. И китайцам или японцам, принявшим христианство можно разрешить участвовать в такого рода культе. Но Ватикан с этим не согласился. С точки зрения религиоведения, возможно, Ватикан совершил ошибку, слишком перенес европейские представления о том, где поведение светское, а где религиозное. И все же граница светского и религиозного в этих традициях – и по сю пору предмет дискуссий в религиоведческой, миссиологической, востоковедческой литературе.

Типичный пример такого рода сложностей: более чем двусмысленный ритуал поклонения Вечному огню – 9 мая и 22 июня. Само словосочетание – "вечный огонь" – в христианской традиции имеет вполне однозначный смысл. Слово "поклонение" тоже имеет вполне религиозный смысл. Наверное, советские вожди не считали, что они приносят тайную жертву демону перед этим огнем, но все равно у христианина сердце сжимается, когда мы видим сцены, как наши иерархи идут на это поклонение... Так что в словосочетании "корпоративная религия" менеджеры видят слово "корпорация", а для нас все же главным остается слово "религия". Значит, это не наш проект. Есть такого рода вещи, которым не надо придавать видимость религии, чтобы не напрягать совесть человека библейского воспитания, для которого есть единый Бог и есть такие вещи, которые только перед лицом Бога можно делать и такие слова, которые только Богу можно говорить.

– В последние десятилетия активно развивается довольно специфический бизнес на основе эксплуатации духовных потребностей человека в форме различных местных и глобальных религиозных сект, превратившихся в очень эффективные корпорации. Православная церковь тоже зарабатывает деньги в т.ч. в форме т.н. «пожертвований» на различные требы...

– Здесь важно понять логическую разорванность этой ситуации. Священник работает, освящает, молится. Это труд. Однако те деньги, которые после этого поступают в церковную казну – это все же не зарплата, и не плата за требы. Потому что сам священник верит в то, что полученный итог, "продукт" создан не им, а – Богом, освящен Божьим Духом, а не его психической энергией. Священник был лишь соработником у Бога, сотворившего чудо. Главный же деятель остается невидим. Поэтому

и священник не имеет права считать, что ему что—то за его работу должны. Если кто и сделал, то сделал Господь, а не ты. Ты лишь просил и озвучивал молитвы людей, находил нужные слова, ты – священнослужитель, служащий священному таинству, святыне, а не создатель ее.

Соответственно ответная жертва – это жертва Богу, а не священнику. По этой причине, во-первых, для священника очень вредно считать, что он зарабатывает. Вот только для себя я тут делаю исключение и себе я говорю, что я своими лекциями, статьями и книгами именно зарабатываю. Потому что если об этой своей работе я скажу как о Богослужении священника – мол, и "я служу", то это будет поводом к такому самомнению и к такой гордости, перед которыми (и уж тем паче вместе с которыми) я не устою...

Во-вторых, отсюда наши разногласия с налоговой инспекцией, которая считает, что у нас выстраиваются отношения по типу "продавец-покупатель". А в нашем понимании тут все сложнее – потому что в нашем мире присутствует некто Третий, тот актер (делец), у Которого нет ИНН. Поэтому мы понимаем, что со стороны наша ситуация может выглядеть как "производство и продажа услуги". Но мы сами это переживаем совершенно иначе.

Поэтому если и оговаривается определенная сумма пожертвования – то это делается для того, чтобы избежать некоторой неловкости. Людям бывает легче на каком-то формальном уровне зафиксировать отношения. Я очень часто видел это сам и знаю от многих священников, когда священник говорит такому человеку, что у нас есть никакой таксы, сколько хотите, столько и пожертвуйте, то именно после этого у человека начинается чрезмерное перенапряжение чувств и мыслей: "батюшка, ну вы хоть намекните – ну сколько!!!". Вот чтобы хоть как-то упростить отношения человека с его собственной "жабой", ему и называется ориентировочная сумма пожертвования.

– Вы являетесь скептиком в отношении способностей нашего народа в его нынешнем состоянии не только в эффективном освоении огромных пространств России, но и просто в их удержании. Откуда такой скепсис?

– Поводов для скепсиса достаточно. Все разговоры о нашей соборности оказались агитпропом: налицо полное отсутствие человеческой национальной солидарности. Нет даже кастовой сословности в сословии духовенства. Наблюдаешь со стороны уличную встречу двух священников: на лице у каждого скорее чувство неудобства. Проходят не приветствуя друг друга, подчеркнута не замечая... Когда русские люди встречаются где-нибудь в парижском магазине – точно также: "мы с этими ничего общего не имеем!".

У нас нет ни одной народной программы помощи русским беженцам. Есть государственные механизмы, фонды (и их – позорно мало!), но проектов, рожденных совестным отзывом помочь своим, которых выгоняют откуда—нибудь из Туркменистана или Эстонии – нет абсолютно.

В России нет нормальной патриотической партии: наши прописные патриоты по большей части или троечники или марионетки. Когда наши правые идеологи начинают митинговать, то в их потугах столько насилия и над стилем русского языка и над логикой человеческой мысли, что поневоле сожалеешь, что им еще при рождении не заклеили рот лейкопластырем. За 15 лет так и не удалось создать не крикливое, а нормальное здоровое консервативное издание: с христианской традиционной системой ценностей, политических оценок и т. д. Нет аналогичного телеканала и нет такой партии. Эта дистрофия или атрофия механизмов общественной национальной самозащиты – вот это самое печальное.

Нам устами Маргарет Тэтчер вполне ясно пояснили, что Россия слишком сильно населена. В России должна быть добывающая промышленность, система транспорта и плюс элементарные органы

правопорядка для того, чтобы обеспечивать бесппроблемную транспортировку энергоресурсов. Поскольку это голос человека из мировой элиты, то ответить ему надо тоже голосом российских социальных элит. Поэтому, считаю, что предприниматели сделают огромное благо, если окажут все возможное давление на региональную и федеральную политику в области воспитания семейных ценностей.

Мир глобализации требует разрушить традиционные социальные скрепы: свобода от церкви, свобода от семьи, свобода от национальности, свобода от традиций, а значит, от связанности с родиной и своим народом и т. д. По определению Жака Аттали, цивилизация 21 века – это цивилизация кочевников; ей нужно максимально свободное перемещение финансовых и трудовых ресурсов в масштабах планеты. А для этого у людей, как трудовых ресурсов, не должно быть никакой иной идентичности, кроме профессиональной – ни религиозной, ни национальной, ни семейной, ни даже половой, по большому счету. Чтобы "Матрица" успешно имела тебя, у тебя должен быть универсальный разъем, в который можно было бы вставить нужный кабель.

Этот идеал меня не вдохновляет, и потому я бы хотел, чтобы ресурсы регионального и федерального бизнеса были бы направлены против этой глобальной атомизации человечества. Кстати, тут понятен парадокс идущих процессов: атомизация на службе глобализации. Распад традиционных связей для загнания рабсилы в новую глобальную сеть. Иногда освобождение человека из-под одного контроля – это лишь шаг на пути к контролю со стороны более высокой инстанции. Крепостные могли отчуждаться от своих привычных феодалов ради государевой кабалы. И при этом они порой оказывались еще более бесправными. Потому что свой Троекуров был крепостному более понятен и внятен, чем царь, до которого не докричишься через его безликий аппарат, перед которым ты просто никто.

Наконец, еще один повод для скепсиса – это просто отсутствие фольклора. У нас нет песен, которые бы оплакивали гибель СССР. А ведь это скорее катастрофа не менее страшная, чем 1941 год... Нет анекдотов. Нет даже литературы об этой боли. Единственное исключение, пожалуй, это повесть Валентина Распутина "Мать Ивана, дочь Ивана".

– Отношения Церкви не только с бизнесменами, но и с властью бывают сложными. С одной стороны – Церковь ищет у власти помощи в житейских делах, с другой – должна печаловаться о нуждах народа, паствы и обличать несправедные поступки вождей. Люди видят по телевизору как Патриарх обнимается и целуется с президентом. Бабушке, получающей пенсию в 700 рублей, это говорит только о том, что Святейший Патриарх как бы легитимизирует существующую социальную несправедливость...

– Да, все сложно. Но в этой сложности я хотел бы сначала обратить внимание на небольшую деталь. Ельцин наградил Патриарха Алексия всеми высшими орденами России, а Патриарх за все два ельцинских срока не наградил Бориса Николаевича никаким церковным орденом. Отсутствие действия тоже бывает серьезным действием. Я думаю, это показывает подлинное отношение Патриарха и Церкви к политике, которую проводил первый президент России.

В случае с Ельциным ситуация усугублялась еще тем, что Ельцин есть величина переменная и зависимая. Ельцин, который общался с Патриархом – это был один человек. Но Ельцин, который выслушивал советы Чубайса, был совершенно другой человек. Ельцин, при всей силе характера, человек легко управляемый. То есть тот, кто имел доступ к его уху, мог разворачивать его мнение на 180 градусов. Даже мне это удавалось. Поэтому я прекрасно понимаю, что когда Патриарх общался с Ельциным и касался вопросов социальной защиты, заботы о бедных, Борис Николаевич наверняка поддакивал: да, конечно, будем помогать. Потом приходил Чубайс и предлагал секвестрировать бюджет за счет социальных расходов. И Ельцин опять соглашался...

– Наблюдая воочию «сильных мира сего», Вы, по-видимому, смогли сделать определенные выводы. Насколько верующим человеком был, по-Вашему, первый президент России Борис Ельцин?

– О вере его я судить не могу, но был случай, после которого я потерял всяческое уважение к нему как к политику. Где-то за неделю до первых президентских выборов в 1991 году я увидел интервью Ельцина итальянскому ТВ. Журналист спрашивает: "Борис Николаевич, не кажется ли Вам, что Православие с его традициями аскетизма, монашества – это то, что мешает России войти в общество рыночных отношений?" Ельцин отвечает: "Это, конечно, сложность, но мы ее преодолеем". Второй вопрос: "Не кажется ли Вам, что Православие с его традицией соборности, т.е. коллективизма, является препятствием на пути к демократическому обществу, где ценится прежде всего индивидуум?" Ответ в том же стиле: "Трудность есть, но мы и ее осилим". Буквально через полчаса мне звонит Аркадий Мурашов – он тогда работал в команде Ельцина. "У Бориса Николаевича встреча с Патриархом назначена, и он интересуется, о чем ему с ним говорить? Можете что-нибудь предложить?" Я отвечаю: "Знаете, уже полчаса как могу..." На следующий день с утра еду в Белый дом, где пытаюсь объяснить Бурбулису, что неприлично, просто невысказано ни в одной стране мира, чтобы кандидат в президенты обещал преодолеть "тяжкое наследие" исконной религии большинства своего народа. Это что, демонстрация известного принципа "правительство отказало народу в доверии"? Через три часа прибывает в Белый дом Патриарх, и я уже официально его сопровождаю. Входим к Ельцину, и тот встречает Патриарха такими словами: "Ваше Святейшество! Тут вот некоторые говорят, что Православие и демократия несовместимы, так вот знайте: я с ними решительно не согласен!..." После этого я за Ельцина больше не голосовал.

Просто я тогда понял, что этот человек, ставший первым президентом России – не самодержец. Он слишком подвержен влияниям и советам. Самодержавна страна, которая сама решает свои вопросы, в которой нет управленцев, назначенных извне. И для этого не важно, кто управляет ею: царь, парламент или президент. Главное, что страна не становится зависимой от внешних сил. Самодержавие – антитеза не демократии и парламентаризму, а колониальной зависимости. Не самодержавна была Русь до 16 века: "Се яз, князь велики Борис Александрович Тфърьски взял есмь любовь такову с своим господином и дедом, великим князем Витовтом Литовским и многих Руських земель господарем..." СССР был самодержавной страной. Если бы Ельцина даже короновали на царство – самодержавия Россия при нем бы не получила. Он был управляемым человеком, и тот, кто получал «доступ к телу», переворачивал мнение главы государства в любую выгодную для себя сторону.

– У Владимира Путина есть задатки самодержца?

– Задатки—то есть. Но беда в том, что, передавая власть Путину, Ельцин сказал, что больше всего ценит в нем верность однажды избранному курсу. И речь шла о курсе, избранном до Путина и без его участия.

– Но зато новый президент России – настоящий православный христианин. Вас это разве не вдохновляет?

– Когда я вижу внешние проявления его веры, иногда это радует. Помню, Путину на сабантуе, в Казани, предложили залезть головой в таз с молоком. Он снял рубашку, и тут выяснилось, что у нашего президента есть нательный крестик. Навряд ли он надел его специально для телекамер... Я порадовался, конечно.

А когда я увидел впервые Путина за богослужением, меня поразило, насколько он точно исполняет все церковные правила. Рядом стоящие батюшки привычно обмахиваются крестным знаменем, так что и на крест не очень похоже. А Владимир Владимирович четко, по уставу. У меня

сразу возник вопрос, что это такое – глубокая церковность, или хорошая оперативная вменяемость агента?

Но с другой стороны при встречах с разными людьми, теми, от кого зависит принятие важных решений или кто их сам принимает – политиками, бизнесменами – я ко всем пристаю с одним простым вопросом: скажите, а что хорошего сделал для России Путин? Всем известно, что именно Гайдар разрабатывает Путину экономическую линию и стратегию. Ладно, пусть экспериментируют дальше – я не экономист, в конце концов. Но кто-нибудь может мне назвать ситуацию, когда бы интересы Запада требовали одного, а интересы России другого, и нашему президенту на самом деле удалось бы, вопреки этому требованию, отстоять (не просто заявить, а именно в конце концов отстоять) свой интерес, интерес России? Я такого случая не знаю. Надеюсь, причина во мне, в ограниченности моей информации, а не в президенте.

Я также не знаю, есть ли православная мотивация в действиях Путина.

Главный ведь вопрос не в том, ходит ли он в храм или нет, а в том – есть ли для него духовная православная составляющая при принятии решений.

Второй вопрос – отстаивает ли президент интересы Церкви, когда решаются, например, вопросы российско-украинских отношений или отношений России и Прибалтики. Мне неизвестны случаи, когда президенты России, нынешний или прошлый, вопрос, к примеру, газовых долгов Украины, связывали со статусом русского языка на Украине или будущего храмов Московской Патриархии.

Верующий человек всегда помнит о Боге и о Церкви. Его глаза могут смотреть в любую сторону, он может решать какие угодно проблемы, но частичкой своего сознания он всегда помнит, что он не весь здесь, в этой шахматной клеточке, он не ее пленник, есть еще и другая реальность. Я не могу сказать, наблюдая за словами и делами Путина, что он производит впечатление человека, у которого уже есть вот это неотмирное зрение.

– Какую цель должна сформулировать власть в информационной политике?

– Главная задача любого правительства – дать народу пережить очередной понтификат, очередное царство-президентство. Главное – чтобы народ не вымер за время твоего замечательного правления. После 20-ти лет перестройки и реформ наконец обозначилась наша долгоискомая национальная идея: выжить бы... Страна тихо умирает под громкие звуки рекламных пауз.

Есть очень печальный критерий – это решимость людей жить и бороться за свою жизнь. Сокращение продолжительности жизни мужчин – это безмолвный бунт. Психологи давно заметили – чем более культурен народ, тем больше диспропорция между количеством самоубийств и убийств. В обществе примитивного сознания агрессия всегда выплескивается вовне, а когда общество и культура более развиты, агрессию человек сдерживает в себе, и она обращается внутрь него. Россия 90-х годов кажется безумно варварской страной, но обратите внимание – не было ни одного погрома, инициированного русским населением. И при этом – катастрофическая смертность, самоубийственный протест русских мужиков. Мы вымираем "культурно" – без криков, без баррикад или погромов. Стреляя в свое сердце, а не в тех, кто это сердце зажимает в тиски безнадежности.

И еще есть протест женщин – в виде отказа от детей.

Ни одному народу в мире не подходит в большей мере такой печальный термин, как "самоеды". Как еще назвать народ, в котором только одному ребенку из четырех зачатых разрешают родиться? Народ, который ради комфорта убивает своих детей и отказывается от своих стариков? То, что сегодня средняя продолжительность жизни мужчины в нашем обществе – всего 58 лет, это означает, что общество не готово пестовать даже своих стариков... Это только у самых диких народов было такое отношение к своим детям и своим старикам.

В современных семинариях уже не нужно учить студентов искусству вести дискуссию с атеистами. В России конца XXI века атеистов не будет вообще. Я глубоко убежден, что Россия конца XXI века будет глубоко религиозной страной... Но это не потому, что у нас появятся замечательные миссионеры. А просто в силу торжества законов дарвинизма. Именно по дарвинистским критериям неверов приходится характеризовать как тупиковую ветвь эволюции: атеисты размножаться не умеют. Они просто вымрут как мамонты. Сегодня плотность населения в России соответствует нормам эпохи неолита: 1 человек на 1 кв. км территории. В российских семьях в среднем 1,17 ребенка на семью (для воспроизводства популяции нужно минимум 2,3).

Многодетные семьи есть только у бомжей (алкоголиков—пофигистов) и у религиозных фанатиков (точнее, тех, кого их светские соседи считают "фанатиками"). Делать ставку на бомжей было бы странно. Значит, единственная точка возможного роста – семьи религиозных людей. Когда в смешанной церковно—светской аудитории начинается разговор о демографии, батюшки с гордостью говорят: "Это не наши проблемы: на наших приходах рождаемость выше, чем в Узбекистане".

В наше время согласие родить ребеночка и вырастить его – действительно подвиг. Это решение оборачивается отставанием в карьере, замораживанием или падением уровня жизни. Чтобы пойти на эту боль и эту радость одновременно – нужна сверхмотивация. А мир сверхмотивов и сверхценностей – это как раз и есть религия.

А, значит, выбор очень вняттен: Православие или смерть. Это не лозунг религиозных фанатиков, а суровая действительность. Если мы хотим, чтобы Россия была населена не по нормам каменного века, то ничего менять не надо. Надо тихонечко освобождать территорию от своего экологически вредного присутствия. В демографии уже есть понятие "русский крест": пересечение падающей вниз кривой рождаемости с ползущей вверх кривой смертности. Так у нашей истории появилась математически предсказуемая ясность.

Именно математически очевидно: не будет религиозной мотивации, религиозного благоговения перед зачатой жизнью – не будет и России.

В этой ситуации любая антиклерикальная кампания в прессе или в классе является неумышленным (надеюсь) геноцидом. Любая попытка атаки на христианскую, традиционную семью, в том числе под видом терпимости к гомосексуализму, в этой перспективе воспринимается как еще один нож, добивающий физическое существование: а) русского народа, б) вообще европейской культуры в целом, так как весь "белый" мир идет к тому же бесславному концу.

Впрочем, слова о том, что Россия в конце XXI века будет религиозным обществом, слишком общи и потому могут создать иллюзию оптимизма. Но давайте уточним – какова будет структура этой религиозности.

Одной знакомой мне многодетной православной семье несколько лет назад московская мэрия дала бесплатную путевку на Черное море. Среди солнечных впечатлений, с которыми они вернулись, было и одно с оттенком горечи: Несколько вагонов в их поезде были целиком закуплены мэрией для помощи многодетным московским семьям. Принцип подбора был понятный: семья, где было больше четырех детей, получала бесплатную путевку. Но во всем поезде Поляковы оказались единственной русской семьей. Все остальные были хоть и московскими, но мусульманскими.

Вот статистика и прогноз по Москве. Исследование проведено Институтом общей генетики РАН. В 1994 году в Москве русских было 7 миллионов 959 тысяч. В 2002 – 7 миллионов 753 тысячи. Прогноз на 2025 год – 6 миллионов 340 тысяч. Чеченцев в 1994 году в Москве было 2,9 тысячи. В 2002 году – 8,5 тысяч. Прогноз на 2025 год – 643 тысячи. Ингушей в 1994 году было 0,9 тысячи, в 2002 – 2,9 тысячи, в 2025 году их будет 270 тысяч. Это означает, в Москве уже через четверть века будет миллион

«вайнахов» (чечено—ингушей), причем один вайнах будет приходиться на шесть русских. Надо еще заметить, что французские социологи выяснили – когда процент мигрантов превышает планку в 12 %, у коренного населения данного квартала возникает ощущение «оккупации»...

Но это уже вопрос к русским людям: какую страну вы оставите вашим детям? Если в вашей семье будет один ребенок – то своих внуков вы обрекаете на судьбу "нацменьшинства" в Московском Халифате.

– *Что тогда, по-вашему, может быть вдохновением на жизнь?*

– А что может быть более вдохновляющим, чем "приказано выжить!"?

Но достижение этой цели подразумевает наличие совершенно определенной этики и идеологии. Первый срок президентства Путина ушел на зачистку информационного пространства. Он выстроил телевидение так, что любой телеведущий воспринимается сегодня как голос Кремля.

Но при этом по-прежнему ни на одном из каналов нет ни одного ток-шоу, которое ставило бы своей задачей защиту традиционных ценностей христианской цивилизации (за исключением передачи Александра Архангельского на канале "Культура"). Ток-шоу – это же самая массовая и эффективная форма идейной рекламы. Не товарной, а именно идейной рекламы: насаждение определенной системы ценностей или анти-ценностей. Я вижу, что практически все телеведущие и ток-шоу работают на разрушение традиционной христианской семьи. Обычный набор "учителей жизни" на российских ток-шоу: из шести гостей два еврея, гомосексуалист плюс самовлюбленная певичка. И итоговое возмущение ведущего: опять зрители проголосовали не так, как им советовали уважаемые эксперты!

Обратите внимание на "Квартирный вопрос". Мне нравится эта передача. Но есть там рубрика, отведенная показу жилищ иностранных дизайнеров. В их квартирах нет детских комнат, нигде не мелькает жена. Как правило, это холостяки – мужики 30—40 лет с весьма утонченным вкусом... И они преподносятся как идеал жизнеустройства.

Мне приходится бывать на самых разных передачах, и всюду я вижу одно и то же: единственный участник, с которым ведущий считает нужным вести полемику – представитель Церкви. Иногда я иду на передачу, заранее зная, что меня оборвут, дадут не более минуты, но считаю и это полезным: пусть люди увидят, откуда идет агрессия – от православных или от профессиональных демократов.

Помнится, участвовал я в программе Познера "Времена" (17 октября 2004). В ходе той дискуссии ее православные участники вполне ясно говорили о том, что не собираются пользоваться государственными рычагами для навязывания своей веры всему обществу. Но это нисколько не помешало Познеру в заключение по телесуфлеру зачитать заранее заготовленный текст: «Вот пора бы, мне кажется, понять, что попытки навязать свое видение мира, свою идеологию, свою веру неизбежно кончаются бедой, как для тех, кто эту веру поддерживает, так и для тех, кому пытаются ее навязать. Рано или поздно это кончается бедой, и этому учат все „Времена“».

Зачитывать заранее составленный итоговый приговор без всякого соотнесения с тем, что было высказано обвиняемыми – это разве не признак монологично—тоталитарного мышления? Есть ли на нашем ТВ более властный теледиктатор, чем супердемократ Познер?

А вот бывший замминистра образования Асмолов ратует за уроки толерантности (это была программа "Ночное время" на "Первом канале" в конце сентября 2004 года). Последняя фраза его выступления была просто гениальна. Она звучала так: "А вот если кто-то рядом живет и мыслит нетолерантно, то это нелюди". Ну как тут не вспомнить бессмертную фразу М.С. Горбачева, который на одном из пленумов ЦК в начале перестройки произнес следующий перл: "Так, товарищи, по вопросу о плюрализме двух мнений быть не может".

Увы, ТелеРоссия продолжает ту войну, которую Сталин прекратил в 1941-м году: войну против веры своего народа. Эту войну нам объявила Елена Боннер. Несмотря на то, что в августе 1991—го Патриарх Алексей однозначно выступил против путчистов, Боннер тут же обозначила нового врага: мол, коммунизм рухнул, и теперь главный враг демократии это Русская Православная Церковь.

Но сегодня все телевидение вновь кремлевское. Так какие же я должен делать выводы при созерцании экрана? Почему по прежнему ведущие ток-шоу подбираются по антиклерикальному признаку? Кстати, и в США политические симпатии телеэлиты весьма отличны от мнения обычных американцев. Телеэлита и там, и в России – таран, которым меньшинство растирает в пыль традиционные ценности большинства. Отчего-то эта информационная война с народом страны проживания телеведущих и называется "демократия".

В России телевидение – это, пожалуй, самый недемократический институт общества. Общество не имеет никакой возможности влиять на то, что там происходит. Это действительно "групповщина", узкий круг лиц, принимающих решения. Для этих лиц Православие в лучшем случае – набор из пустых букв и звуков. В среднем – объект глухого раздражения. В худшем – объект целенаправленной агрессии.

Так отчего же путинский Кремль не убирает Познера с телеэкрана? Тоталитарно—нетерпимый либерализм (а именно это и есть Познер) в течение всего времени реформ был пропуском к профессии телеведущего. Готовность высмеять любую русскую святыню, возмутиться любым проявлением государственнической мысли – эти критерии, похоже, тоже учитываются в останкинском "естественном отборе". И сегодня от тележурналиста на государственном канале нужно мужество, чтобы сказать доброе слово о Православии. Не верите? – Но вот слова Аркадия Мамонтова, который к Пасхе 2005 года для канала "Россия" снял фильм о св. Иоанне Кронштадтском: "Я знаю, что буду из-за этой программы иметь проблемы, но иду на это... Года два назад мы сделали программу ?Чек? про наркотики. Там впервые рассказали о православном центре, где наркоманов лечат верой. Через неделю после выхода программы уважаемый комментатор бросил фразу: «Развели поповщину на государственном телевидении».

Полемика вокруг выставки "Осторожно, религия" показала, что для "уважаемых комментаторов", претендующих на роль лидеров интеллигентского сознания, никаких нравственных ограничений принципиально не существует. Хамство и кощунства допустимы, лишь бы они были выполнены "художественно". Их мир изоморфен, изопрофанен. В нем нет святынь, в нем можно все (кроме табуированной еврейской темы).

Если уж у нас телевидение снова государственное – то государство и должно изменить правила подбора теляняек. В конце концов у этих теляняек все равно не останется ни работы, ни аудитории после того, как на вымерших просторах России утвердятся Московский Халифат.

Кремль собрал мощнейший информационный кулак. Но для чего?

Я считаю, что сосредоточение такого колоссального ресурса может быть оправдано только в одном случае: если сейчас эту мощь развернуть в сторону революции сознания, а именно, в пользу семейной системы ценностей.

Демографическая обстановка в России известна в кремлевских кабинетах. И там активно разрабатываются методы "повышения иммиграционного имиджа страны", чтобы привлечь больше иностранной рабочей силы. Но России нужны не чужие рабочие руки, а свои дети!

И до той поры, пока мощный информационный кулак, созданный Владимиром Путиным в результате зачисток телевизионных ауллов еще в первый президентский срок, будет задействован исключительно для освещения его визитов и встреч, я буду считать, что власть мало беспокоит

будущее страны. Я только тогда поверю в то, что Путин – русский президент, когда информационные ресурсы будут ориентированы на выживание русского народа.

Как телевидение может промывать мозги людям – показали и "оранжевая революция" Украины, и создание атмосферы тотального "одобрямса" отмене льгот российскому населению. Девяностые годы показали, что пиар может все и что даже за Бориса Ельцина можно голосовать несколько раз.

Ну хоть бы раз этот ресурс был задействован во благо народа! Надо всем информационным "дустом" – рекламным, телевизионным, школьным – травить главного врага русского народа, который уже третье поколение шепчет: "зачем нищету плодить!". Это смертоносное клише должно быть заменено другим, традиционным и в самом буквальном смысле жизнеутверждающим: "дети – богатство бедных".

Неужели союз государства, школы, Церкви и СМИ в этом вопросе не способен произвести такую революцию? Способен. Но государство ее и не хочет. "Тихо вымирайте и тихо голосуйте за нас. Когда вымрете – мы импортируем новых избирателей"...

Поэтому вопрос об основах православной культуры в школе для меня стал лакмусовой бумажкой, по которой я (как и многие религиозные люди) буду определять свое отношение к правящему режиму. Если цель правящей элиты – кушать не меньше, чем португальцы в 1999 году, то они—таки обеспечат безраздельный триумф китайской кухни от Магадана до Петербурга...

– Как же сделать привлекательными такие слова как «выжить» и «бедность»?

– Простого решения здесь нет, а сложное решение выглядит так: нужно менять систему ценностных ориентаций людей.

Важно поставить цель, а средства к ее достижению найдутся. Одно из них – смена стиля детских игрушек и рисунков в детских книгах. Например, в одном отношении мы должны вернуться к эпохе неолита. В курганах находят статуэтки неолитических богинь – таких пышнотелых женщин, с большим тазом, чтобы было удобно рожать, и конечно, большой грудью. Вот они и должны стать для нас идеалом женской красоты вместо тощей и узкобедрой куклы Барби. Нужно, чтобы и взрослые, и дети, понимали, что самая красивая женщина – с большим животиком, беременная. И еще – через все ток-шоу должен идти один месседж: ребенок рифмуется со словом радость, а не со словом бедность.

Надо поставить задачу, а не повторять, что это невозможно, при этом по-прежнему как на главную угрозу в области демографии и медицины указывая на СПИД, а сам страх перед СПИДом используя для рекламы контрацептивов и гомосексуализма (мол, голубые жертвы СПИДа тоже люди, достойные нашего внимания, общения и любви, и вообще это не плохо и не грешно быть голубыми, но, видите ли, эти мужественные люди избрали рискованную ориентацию...).

История второй мировой войны показывает, что народ решал невыполнимые задачи. Но для этого цель должна быть ясно определена. Никто же во время войны не слышал: "Ну, невозможно от Сталинграда дойти до Берлина, слишком большое расстояние". Не дошли бы, если бы так говорили. Если переводить современную ситуацию на язык военных действий, то и Москва, и Сталинград уже давно пали, и только где-то далеко, в районе Урала, есть слабое партизанское сопротивление, а все остальное уже "Франция Виши".

– Мы так далеко зашли в поисках демократии?

– Да. И это определяет некоторую расколотость в восприятии современной политики современным же русским православным человеком. Патриотизм – это аксиома русского православного сознания. Выводная из него теорема – поддержка сильного национального государства, государственническое мышление. Но сейчас у нас нет веры в то, что государство – наше. Наше не в

смысле "церковное", но хотя бы – русское. Все отчетливее оно принимает черты колониальной администрации, управляемой из—за границы и ради интересов транснациональных монополий. И потому мы ждем, сможет ли Кремль не на словах и не стоянием в храмах перед телекамерами, а на деле доказать свой патриотизм.

– Посредством изменения информационной политики?

– Да – новой информационной и новой школьной политикой. Чтобы вернуть школу русскому народу, не нужно арестовывать олигархов (а уж тем более министров или учителей). Но все учебники должны быть переписаны с учетом одной сверхзадачи: после работы с ними должна оставаться решимость жить и любить в России.

Вот недавно в одной школе в ожидании урока я полистал учебник г. И. Годера. 5—й класс, "История древнего мира". Меня интересовала главка, посвященная рождению христианства. Книга не то что антицерковная, она антинаучная, хотя учебник образца 1997 года. Впечатление, что книга написана человеком, для которого христианство – что—то чужое, неведомое и холодное. Из того, как излагается христианство, дети никогда не смогут понять, что в нем привлекало людей. Все выхолощено, все сведено к классовой борьбе и пиару. Мол, в IV веке император Константин потому принял христианство, что понял, что христиане не революционеры и от них не исходит угрозы Римской империи. Доходит и до прямой лжи – когда утверждается, что якобы Первый Вселенский Собор, созванный Константином, определил, какие книги внести в состав Нового завета и какие отбросить. Это же просто сказка, которая кочует лишь по оккультно—теософской макулатуре.

– Журналистика связана с принципом «усней первым». Есть риск, что материал может оказаться неверным или будет не достаточно соответствовать идеологии издания. Как быть православному журналисту, тем более молодому, чтобы заявить о себе. Ведь у него при таких условиях практически нет шансов, чтобы стать заметной фигурой .

– В этом случае, я считаю, что нормальный православный журналист – это не уличный репортер, не оператор скандальной хроники – это аналитик. В аналитике нет спешки. Т.е. надо претендовать на статус обозревателя. Значит – надо стать лучшим, элитным журналистом. Надо быть профессионалом, иметь наработанные связи, понимать специфику, язык, логику, качество аргументации. Вот на этих условиях можно идти в православную журналистику. А если на первое место ставится работа папарацци, тогда православным журналистом быть нельзя.

– Как по—вашему: при Путине Русской Церкви стало легче?

– В путинский период стало легче, а, значит, вскоре станет труднее. Когда в 90-е годы Россия была фактически оккупирована сектами – Церковь зашевелилась, началась какая-то активность, писались и распространялись хорошие книжки... Сейчас, когда, как кажется, потоку сект поставлен заслон, и первые лица государства при удобном и неудобном случае напоминают о своем Православии, – снова в некоторых епархиях наблюдается неприятное расслабление.

– А какое время было благотворнее в нравственном отношении – 70-е, то есть сумерки империи, или все-таки 90-е с их беспределом и свободой?

– Свои бездны были везде... Советский Союз мог бы по-китайски переродиться в нормальную империю – наиболее органичную для России форму бытования, – если бы не Михаил Андреевич Суслов с его марксистской упертостью и мертвенной скукой, которая помешала России перестроить марксизм в нормальную государственническую идеологию... Но в любом случае я бы не хотел вернуться туда. Мне интересно жить сегодня.

– Скажите, Вы знакомы с организацией «Идущие вместе», если да, как вы относитесь к их деятельности?

– Я кошка, которая гуляет сама по себе, и ни с кем вместе не ходит.

– Я спросил про них, потому что они пробуют реанимировать цензуру. Считаете ли Вы, что определенные произведения культуры необходимо запретить?

– Сама по себе эта идея меня не травмирует. Элементарная нравственная цензура вполне может быть.

– А кто тогда будет цензором?

– Начнем с того, что цензура у нас есть. Каждый раз, когда наши горе-демократы говорят, что надо никакой цензуры – они хотят сказать, что цензорами будут лично они. Когда они говорят, что журналистика должна быть независимой – они подразумевают, что это они будут делать свою газету и диктовать свои условия. Нет более жестких цензоров, чем наши демократы.

Вот несколько заметок из 19 века:

"Самодовольный либерализм наш в те дни был всемогущ: ни ум, ни талант, ни богатое сердце не давали того, что всякий тупица имел в жизни, в печати, если на лбу его светила медная бляха с надписью "я либерал". Вот эта—то несправедливость, что люди расцениваются не "по душам", а прямо "по кастовым признакам" таких—то убеждений, подняла, и на много лет подняла, всю мою силу моего негодования против нее: как мы волнуемся же против привилегированных высших учебных заведений, откуда выходя и без знания и без сердца, люди уже по одной своей заштампованности получают сразу "9 классный чин" должности. Таким образом источником моего анти—либерального настроения было общее христианское чувство и вместе демократическое (все люди равны по душам, и добряк—консерватор выше прижимистого либерала)" (Василий Розанов).

В XX веке Лосский точно сказал о Бердяеве, что тот "был просто одержим мракобесием свободы". А в 1935 г. в Париже диспут по поводу софиологии закончился тем, что Борис Вышеславцев просто избил Максима Ковалевского, одного из единомышленников В. Лосского и оппонента о. Сергия Булгакова.

Вообще сторонники "открытого христианства" парадоксальным образом творят вполне закрытый его вариант. Декларируемая открытость к опыту "западных братьев" совмещается с поразительной глухотой к опыту собственно православному, к отрезанности от реального церковного мира. Об открытости и терпимости отца Георгия Кочеткова можно судить хотя бы по его неоднократным высказываниям о том, что он спокойно будет причащаться вместе с экуменически настроенным католиком, но взаимное причащение с православным фундаменталистом считал бы невозможным. И здесь приходится напомнить, что Апостольские правила (своего рода конституция Церкви) предупреждают (в 8—м правиле), что священник, отказавшийся от причастия с другим православным священником, и не приведший канонически убедительных оснований для такого своего поступка, сам должен быть лишен сана. Вообще нельзя не заметить, что экуменические настроения русских филокатоликов питаются не столько тягой к тому свету, что они видят в опыте западных христиан, сколько неприязнью к реальному православному миру, в котором они живут. Это известное искушение любви к дальним, питаемой прежде всего осуждением ближних...

"Мракобесие свободы" – черта, присущая и тем московским демократическим приходам, где служат духовные потомки отца Александра Меня. На словах они за многообразие мнений и свободу дискуссий в Церкви. Но о тех, кто смеет не видеть в трудах о. Александра эталон православного мыслителя, выражаются языком большевистской пропаганды – "Что бы ни шипели в его адрес

завистники и ненавистники...". Мои книги они никогда не пускают к себе – я не из их гнезда. Также и в прессе – есть определенные телепередачи, где я никогда не смогу появиться. Там совершенно четкая установка: найдите другого батюшку, тупенького какого-нибудь или там косноязычного, чтобы создал соответствующий имидж Православию.

В 1999 году молоденькая журналистка из газеты "Сегодня" взяла у меня интервью о Пасхе. Материал должен был появиться в Великую Субботу. Утром в пятницу отправляю ей по электронной почте правленный текст интервью. В середине той же пятницы она звонит мне и говорит, что все хорошо, материал пошел. Утром в субботу раскрываю газету. Интервью нет. Но мой текст есть. Он объединен в статью, а под статьей стоит фамилия журналистки. Мое имя не упоминается. Звоню ей. Девушка чуть не в слезах говорит: понимаете, в последнюю минуту редактору позвонил Гусинский и потребовал, чтобы Вашего имени в нашей газете не было...

По мне же – пусть цензура будет открытой, гласной, как было в царские времена, когда в каждой книге указывалось имя цензора, который и нес ответственность за эту цензуру как перед начальством, так и перед читателями и перед автором.

В условиях же, когда цензуры нет, а дурь на книжных прилавках есть, часто приходится идти на личные неприятности и говорить резкие вещи об уже растиражированных чьих-то суевериях.

– Отец Андрей, вам приходилось встречать во властных структурах людей, верующих искренне и глубоко?

– Вот-вот: они тоже – люди. И все человеческое бывает в них, в том числе и покаяние, и молитва. Я помню как в 1991 году на одной из первых патриарших служб в Кремле Иван Силаев, председатель правительства России, после службы зашел в алтарь – поздравить Патриарха с праздником. Я стоял рядом и все слышал. Другие VIP'ы подходили, говорили дежурные поздравительные слова и уходили. А Силаев вроде бы формальный поцелуй с Патриархом использовал для того, чтобы шепнуть ему: "Ваше Святейшество, помолитесь обо мне...". Это было сказано по ту сторону иконостаса, не было тележурналистов – это была действительно личная просьба.

– Представитель президента России по Центральному федеральному округу Георгий Полтавченко, бывший генерал КГБ, демонстрирует просто отчаянную влюбленность в Православие и Патриарха. По-Вашему, искренне?

– Наше личное общение (мы паломничали в Иерусалим перед Пасхой 2003 года) было слишком кратким, чтобы понять, насколько искренни его симпатии к Православию. Во всяком случае мне стало понятно, что у нас есть некоторые общие антипатии. И глаза у него хорошие. Мне кажется, что он производит ощущение случайно зашедшего "чужака" не в Церкви, а во власти.

– А Вы верите в подобные перерождения, когда генералы КГБ или чего-то еще, министры, губернаторы и иже с ними вдруг становятся верующими людьми и рьяно берутся за исполнение православного долга?

– Такое возможно. Тем более, что это происходит не во II или III веке, а в XXI. За эти века христианство перестало быть только верой. Оно стало еще и национально—культурной традицией. Поэтому сегодня в нашу Церковь приходят двумя путями.

Одни люди приходят потому, что искали истину. Они искали Небо, а, войдя в Церковь, кроме неба обрели еще и землю – почву под ногами. Они искали истину, а нашли свою родину. До крещения история и культура России казалась им (и мне) скопищем несуразностей и ошибок. Но принятие Евангелия дало возможность стать единомысленным с Андреем Рублевым и Достоевским...

Мое вхождение в Церковь тоже стало двойным обретением: я не только небо над головой

нашел, но и землю под ногами – я начал ощущать историю. Историю своей страны, народа, языка, Церкви... До этого я был воспитан в советском духе; история начинается только сейчас, и даже не сейчас, а с XXI века: любой подросток 60—70—х годов мечтал дожить до 2000-го года – там такое начнется!... Если не коммунизм, то космическая одиссея – точно. И лишь после крещения я смог внимательным и понимающим взглядом посмотреть в прошлое и радостно содрогнуться, расслышав слова молитвы – «Боже отцов наших!»...

А есть люди, для которых первична не философия, а боль за свою Родину. Они болеют за страну, мучаясь все время вопросами – кто мы такие, откуда, зачем? И однажды они начинают понимать, что невозможно ответить на эти вопросы, не разобравшись, что же такое Православие. В поисках земли они обретают Небо.

Но встречаемся все мы в одном месте – в храме. И вместе можем сказать о себе словами кинчевской "Трассы Е—95": "Я иду по своей земле к Небу, которым живу". Я думаю, что для таких людей, как Полтавченко, естественнее второй путь.

– А может все проще: чисто карьерные соображения ведут сегодня чиновников в Православие? Раз президент страны с крестиком, так и другим не грех подтянуться...

– Не думаю. Все прекрасно понимают, что сегодня любая попытка сделать шаг навстречу Церкви вызывает просто ушаты критики в СМИ... Последний пример – министр образования Владимир Филиппов. Как только он предложил идею "Основ православной культуры", началось просто бешеное неприятие, атака практически во всех СМИ страны. Поэтому здравомыслящий политик должен учитывать, что демонстрация своей приверженности к православной вере может стоить ему карьеры – пресса просто с удовольствием загрызет.

– У политиков довольно часто встречается фигура речи «мы русские, мы православные». Насколько правомерно отождествление русского и православного? Насколько сегодняшняя Россия – православная страна, учитывая, что по разным данным, регулярно причащается от 1 до 7% населения?

– Как раз у политиков я такой фигуры речи не встречал. Она часто встречается в газетах, но не у политиков федерального уровня.

Что же касается формулы "русский – значит, православный" – на культурологическом уровне она безусловно верна. Ну вот скажем, Лев Толстой. Формула "Лев Толстой – православный философ" будет неверна. Но сказать, что "Лев Толстой – православный художник", – это совершенно справедливо.

– Не раз приходилось слышать, что Церковь не вмешивается в жизнь общества, у нее достаточно своих проблем. Тем не менее все, что происходит в обществе, воздействует на саму Церковь. Ее пробуют растаскивать по национальным и политическим квартирам.

– Да, пробуют. Но если на Западе общественное мнение желает видеть Церковь социально активной, желает, чтобы она участвовала в политике, боролась за чьи-то права, то в России, напротив, авторитет у Церкви есть именно потому, что она в политику не вмешивается. Люди хотят, чтобы в жизни оставались островки, где можно было бы быть человеком, а не членом какой-то партии. И критерии, по которым оценивается епископ в католичестве и Православии, очень разные. На Западе, если католический священник не будет активно участвовать в общественной жизни, политике, это будет казаться странным. А в Православии, если епископ начинает делать политические заявления, то у людей появляется недоумение: что это он в политику полез? Ему что – молиться надоело?

Церковь вне политики по самой своей сути. То, чем она живет, находится вне компетенции

любых парламентов и референдумов. Но есть разница: чем живет человек и в чем он живет. Он может жить, то есть питать свою душу, находить повод к жизни в высокой музыке. Но жить при этом он может в коммунальной квартире. Сказать, что этот музыкант живет квартирно-коммунальными интригами и сплетнями, было бы неверно. Но в то же время вряд ли ему удастся всегда оставаться от них в стороне.

Так и Церковь: она вне политики по своей сути и она соприкасается с политикой на своей периферии.

– *Сейчас происходит некая полуполитизация Церкви, что ли... Даже не знаю, как это правильно назвать. Это нормально, в этом нет никакого противоречия?*

– Тем, кто говорит о сращивании Церкви с государством, хочу напомнить, что Церковь просто не участвует в жизни государства. Церковь не занимается назначением чиновников и контролем за ними. Церковь не цензурирует законы, Церковь не занимается формированием и распределением бюджета, не контролирует награды и наказания, раздаваемые государством, не формирует внешнюю и внутреннюю политику государства. Кстати, все эти "не" верны и относительно влияния государства на внутреннюю жизнь самой Церкви. Я знаю немало случаев, когда чиновники не только регионального, но и кремлевского уровня желали, чтобы определенный человек был назначен епископом той или иной области, а Патриарх принимал совсем другое решение.

Происходит не слияние Церкви и государства, а простое сближение церковной и светской элиты. Но светская элита не есть государство и церковная элита не есть вся Церковь. Такой процесс свидетельствует лишь о том, что назрела потребность в общении. Речь не о том, что светские чиновники будут согласовывать свои действия с Церковью, или епископы станут сверять свои решения со светской властью. Просто священник или епископ перестали быть изгоями, вот и все.

– Не так давно прошла информация о том, что уже подготовлен президентский указ, возводящий Православную Церковь в ранг государственной. Такое действительно возможно?

– Я думаю, это из области мифов. Замечательный английский писатель К.С. Льюис однажды попробовал взглянуть на духовную жизнь человека из зазеркалья – глазами тех демонических сил, которые желают духовной гибели человека. Получилась "аскетика наоборот": сборник вредных советов. В этой книжечке – "Письмах Баламута" – "старший искуситель" делится секретами ремесла и, в частности, открывает тайну своего влияния на общественное мнение: "Мы направляем ужас каждого поколения против тех пороков, от которых опасность сейчас меньше всего, одобрение же направляем на добродетель, ближайшую к тому пороку, который мы стараемся сделать свойственным времени. Игра состоит в том, чтобы они бегали с огнетушителем во время наводнения и переходили на ту сторону лодки, которая почти уже под водой. Так, мы вводим в моду недоверие к энтузиазму как раз в то время, когда у людей преобладает привязанность к благам мира. В следующем столетии, когда мы наделяем их байроническим темпераментом и опьяняем "эмоциями", мода направлена против элементарной "разумности".

Какие искушения царствуют в умах сегодня, заметить нетрудно. Когда вся страна наводнена сектами – мода дня требует писать о "нетерпимости" Православной Церкви, которая почему—то не желает тихо помирать, а дерзает время от времени отвечать на сектантские нападки.

Когда на страну надвигается катастрофа, связанная с окончательным разрушением ее конфессиональной самоидентичности, газеты переполнены криками ужаса: что будет, если Православие, недобитое атеистами, но добиваемое сектантами, возродится?! Кремль кишит экстрасенсами – но целая плеяда профессиональных церквеборцев уверяет, что государство вот-вот прикажет всем стать православными.

Пропаганду очень удобно вести с помощью двусмысленных, неопределенных терминов. А христианство – это религия "Логоса" (того Слова, что было в начале), и потому его проповедники стремятся к посильной ясности мысли и речений. Причем – не только в богословии.

Так что же значит "государственная религия", призраком которой уже не первый год газеты пугают обывателя?

1. Государство наказывает за отречение от господствующей религии. Но: известны ли кому-либо случаи, когда современные российские государственные структуры наказывали кого-либо за отречение от Православия?

2. Государство поощряет переход в господствующую религию. Однако: известны ли кому-либо случаи, когда современные российские государственные структуры понуждали кого-либо переходить в Православие или как—либо поощряли за крещение в Православной Церкви? Поскольку российскую жизнь принято сравнивать с жизнью в "цивилизованных странах", напомним, что например, еврею, который в России был христианином, а по переезде в Израиль пожелал сохранить свою веру, предстоит узнать, что в Израиле существуют серьезные ограничения в устройстве на работу, в получении образования, жилья и медицинской помощи для тех, кто не придерживается государственной религии Израиля – иудаизма.

3. Государство контролирует церковную жизнь и прежде всего вероучение. Да, такой контроль есть в современной Англии (женское священство в Англиканской церкви было введено отнюдь не решением церковного собора, но решением английского парламента). Но в России такого сейчас нет (и, кстати, никогда не было).

4. Государство контролирует основные моменты церковной политики (например, назначение епископов). Так обстоят дела во Франции (католический кардинал Парижа вступает в свою должность лишь после его формального утверждения президентом Франции). Так в Германии. Но этого нет в России.

5. Государство помогает господствующей религии, ограничивая права религиозных меньшинств. Такие ограничения есть в Германии, где только лютеранам и католикам разрешено преподавать в государственных школах. В России таких ограничений нет.

6. Государство помогает господствующей религии, не ограничивая активности религиозных меньшинств. Так в Финляндии государство оплачивает труд лютеранских и православных преподавателей Закона Божия в школе, не запрещая этого другим, но и не поддерживая труда миссионеров других конфессий.

Наконец, известны еще такие формы государственно—церковного симбиоза: государство обязано выполнять некоторые решения Церкви; государство платит зарплату (или часть зарплаты) церковным работникам; государство признает браки, скрепленные Церковью, но не зарегистрированные государственными службами. Никакими подобными правами Православная Церковь в России сейчас не пользуется.

Какое же главное преступление, направленное против свободы совести и на государственную поддержку Православия совершили российские государственные мужи? Они, оказывается, иногда со свечками в руках стоят в православных храмах – а телевидение на всю страну показывает те нечеловеческие мучения, которые они при этом испытывают. При всем сочувствии к сановным "подсвечникам" не могу не заметить, что посещение человеком храма все же не есть государственное или должностное преступление. Когда президент встречается с писателем М., никто из профессиональных борцов за свободу не требует, чтобы он немедленно посетил и писателя N. Но стоит ему только заглянуть в православный храм – как немедленно следуют намеки, что не грех было

бы и в синагогу зайти.

Разговоры журналистов о том, что Россия движется к православной теократии, не подтверждаются ни фактами, ни рассудком. Очевидно же, что у самой Церкви не хватает сил не только на то, чтобы подчинять себе общество и государство, но и просто на реставрацию своих храмов. Значит, приходится искать причину возникновения подобных разговоров в иррациональной сфере эмоций и предрассудков. Значит, у этих людей есть не логические, но иные – политические, национальные, религиозные мотивы для борьбы с "православной теократией". А может, все еще проще – и мотив чисто финансовый: какая-то из сект просто оплатила антиправославный алармизм очередного "антиклерикала".

Подлинно черное колесо катится по городам России – непрерывной чередой в муниципальных домах культуры, библиотеках и кинотеатрах сменяют друг друга шаманы и "целители", "контактеры" и "пророки", йоги и "белые ламы".

Так вот, я больше бы уважал мужество журналистов, борющихся за сохранение светского характера российского государства, если бы они писали не только об угрозе огосударствления Православия, но и об оккультизации школы и гостелевидения. То есть если бы они не бегали с огнетушителем во время наводнения...

Пока же в России государство (и прежде всего школы) отделены от Церкви, но не от сект. А потому будет, будет православная Церковь оказывать давление на государственные структуры. Мы "фанатично и нетерпимо" будем требовать одного: обеспечьте, пожалуйста, действительно светский характер образования и общественной жизни.

– Неужели только этим ограничиваются интересы Церкви в диалоге с государством?

– Пока я сказал лишь о том, чего мы не хотим – для себя, государства и сект. А вообще мне представляется разумным обретение Православной Церковью в России статуса "государственной" – при условии грамотного объяснения того, что значит слово "государственная". В современной Европе понятие "государственная Церковь" отнюдь не означает "обязательная Церковь". Церковь и государство могут быть в союзе, но этот союз не должен быть направлен против кого–то третьего, против инаковерующих людей.

Польза от такого союза могла бы быть, но при соблюдении очень и очень многих оговорок. Людей довольно легко напугать, похоронив хорошую идею лишь посредством словосочетания "государственная религия". Здесь необходим очень подробный правовой и исторический ликбез. Хотя для меня это часть более серьезной проблемы, определяющей, на какие модели будет ориентироваться Россия в своем развитии – на Америку или на Западную Европу. У нас слишком привыкли говорить "цивилизованный мир, западный мир", забывая о разнообразии в рамках самого западного мира. Мне бы хотелось, чтобы в сфере образовательной, культурной и религиозной политики Россия нашла для себя образец в Западной Европе, а не в США. Там не может быть государственной религии по той причине, что США – это изначально страна диссидентов (людей, которые убежали со своей родины). Понятно, что здесь ничего традиционного устояться не могло.

Россия (так же, как Греция, Германия, Англия) – это не страна беглецов, и поэтому у нас на правовом поле вполне имеет право на существование термин "традиционная культуuroобразующая религия". Причем таких религий может быть несколько. Например, такой опыт есть у Финляндии, где две государственные религии – лютеранство и Православие. Разные формы союза государства и религии большинства есть в Италии, Греции, Испании, Германии, странах Скандинавии и т. д.

– Так, а в чем именно союз и ради чего?

– Есть несколько сфер жизни общества, которые всецело контролируются государством, и именно по этой причине присутствие Церкви в этих сферах необходимо. Это государственная школа, государственные интернаты для малых и старых, государственные больницы, система исправительных учреждений и государственные средства массовой информации. Здесь человек слишком зависит от государства, слишком ограничен в выборе контактов и источников информации. И именно поэтому нельзя его оставлять с нашим государством один-на-один.

В эти государственные гетто Церковь желает войти вовсе не для того, чтобы привлечь в свои ряды новых членов, а для того, чтобы откликнуться на потребность в ее присутствии, которая уже есть у людей, в этих гетто находящихся. Проповедники новых сект идут в эти пространства, чтобы создать там спрос на свою идеологию. Традиционные религии в этом не нуждаются: люди нас и так ждут.

– Во многих западных странах есть понятие “культурообразующая религия”. Как Вы считаете, реально ли Православию приобрести такой статус в России?

– Православие уже имеет такой статус. Потому что независимо от того, что по этому поводу считает тот или иной депутат или директор школы, Православие реально создало и создает нашу культуру. Другой вопрос, как дело обстоит в законодательстве. Здесь Церковь прилагаются постоянные усилия, и в результате за последние 10 лет "точка консенсуса" в обществе сместилась ближе к нашим позициям. Начиная от совершенно светского либерального законодательства 90-го года – к закону 97-года, где хотя бы в преамбуле сказано, что Православие является неотъемлемой частью культуры и истории России. Но при этом преамбула не имеет законодательной силы, она лишь говорит о мотивах законодателя. Полагаю, что в ближайшие годы можно будет инициировать новый пересмотр законодательства в этой области, взяв за образец законодательство почти любой европейской страны, будь то Греции или Болгарии, Сербии, Румынии или Германии, Финляндии, Норвегии, Польши.

– Но сегодня некоторые нетрадиционные для России религии уже получили определенную часть конфессионального пространства, и возврат к традиции на государственном уровне может привести к конфликту...

– Может. Но почему мы должны бояться всех конфликтов? Политика – это столкновение интересов. Понятно, что поддерживая своих национальных производителей, мы входим в противоречие с интересами транснациональных корпораций. То же самое происходит в области религии: поддерживая свои национальные традиции, государство будет вызывать недовольство тех групп, которые приходят к нам из-за рубежа. Вопрос в том, в каких формах будет решаться этот конфликт.

И потом, в политике, как и в медицине, очень важно понимать: удалять больной зуб действительно тяжело, но если его оставить, может быть еще хуже. Иногда нужно идти на конфликт, чтобы не было худшего конфликта.

Разумеется, возможное "огосударствление" наших религиозных традиций вызовет какой-то стон в прессе. Но ведь не будет никаких полицейских или административных репрессий в адрес тех же неопротестантских групп. Просто в школах появятся уроки Православия. Конечно, это резко сузит возможности для дальнейшего роста таких групп. Но, простите, мы все—таки должны быть озабочены тем, чтобы наши дети были нашими детьми, а не "соросятами", которые питаются из зарубежных фондов и являются иностранцами в собственной стране.

– Бытует мнение, что сращение Церкви и государства отрицательно влияет на ее имидж.

– Церковь по сути своей вне политики. То есть, скажем так: я могу пользоваться автобусом, но живу я не проблемами автобусного парка. Точно так же и здесь. Политическая компонента совсем необязательна в жизни религиозного человека. Конечно, человек может свою общественную активность пропускать через призму своих религиозных убеждений, но может этого и не делать. Так что формула "религия и политика" сложна: христианин *не должен* участвовать в политике (в смысле это не является его долгом, к которому обязывает его Церковь и вера), но христианин *может* участвовать в политике.

Политика ведь сама часто и нагло вмешивается в нашу жизнь. Занятно, что когда Церковь нарочито пытается уклониться от политического действия, нам свистят: "какие вы отсталые!". Но стоит только Патриарху или епископу сделать шаг, обозначающий присутствие Церкви в современном мире, снова повод для критики: ваше дело молиться в келье.

Мы же должны находить наиболее приемлемую форму политического присутствия Церкви в светском обществе. Это не форма теократии или какого-то прислужничества власти. Это тактичное социальное партнерство, диалог, порой критический диалог. И эти тезисы уже прописаны в официальном документе нашей Церкви – основах социальной концепции Русской Православной Церкви, принятых на Архиерейском Соборе 2000 года.

– А почему тогда государство так рьяно защищает территорию Православной Церкви от воздействия других конфессий. Это ведь не за красивые глаза.

– Могут быть пересекающиеся интересы. Возьмем, к примеру, мир кинорежиссеров. Сам по себе он частное – лицо, но режиссер уровня Марка Захарова уже является национальным сокровищем России. Если государство окажет ему поддержку в творческой деятельности, я не усмотрю в этом никакого криминала. И посоветую режиссеру Пупкину не интриговать и не возмущаться в связи с тем, что государство оказало поддержку Марку Захарову, а не ему. Так и здесь: равенство религий перед законом не означает их равенства перед культурой и историей России.

– Есть ли у Вас какое-то отношение к новому расписанию праздников, принятому в России с конца 2004 года?

– Государственный праздник – это такой день, в котором все население страны находит повод для радости. Впрочем, радостное празднование не обязано быть тотальным. Общенациональный статус может иметь и такой праздник, который отмечается лишь частью населения – но при условии, что непразднующая часть готова поздравить своих радостных сограждан и не чувствует себя оскорбленной их торжеством.

Таков, например, Женский День. Это праздник половины народа. Но вторая половина готова поздравлять "именинниц" и не чувствует себя оскорбленной праздником не своей "улицы".

Таков праздник Рождества Христова. Его празднуют только христиане. Но ведь это не день победы христианской армии над мусульманской. И поэтому возвращение Рождества в государственный список праздников не воспринимается как ущемление прав нехристиан.

А вот что не может быть государственным праздником – так это торжество одной части народа над его другой частью.

И уж тем более странно смотрится выдавание дня начала гражданской войны за "день согласия и примирения". Вне зависимости от оценки советского периода истории России события 7 ноября 1917 года, это – а) государственный вооруженный переворот с последовавшим затем разгоном законно избранного парламента ("Учредительного собрания"); б) начало кровопролитного и затяжного

конфликта (и кто скажет – когда прозвучали его последние залпы. В 1929-м? В 1941-м? В 1993-м?).

Немалая часть сегодняшних граждан России, если бы им предложили самим оказаться в Петрограде 1917-го года и сделать свой выбор, выбрали бы сторону не-большевиков. Кто-то сказал бы и белым, и красным: "чума на оба ваших дома!". Кто-то вспомнил бы слова Максимилиана Волошина: "А я стою меж теми и другими и всеми силами моими молюсь за тех и за других". Кто-то взял бы оружие в руки, чтобы остановить "красное колесо" еще при первых его кровавых оборотах...

Значит, в этом вопросе наше общество партийно (партия означает – часть). И зачем же партийный праздник делать общенациональным? Зачем навязывать не память, а именно празднование тем, для кого 7 ноября – день скорби? То не нормально, когда в один и тот же день одни люди идут на панихиды по жертвам красного террора, а другие напротив радуются тому, что эх, как нам удалось тогда прорваться к власти и свергнуть тиранов. Слишком разную оценку разные люди дают событиям того дня. И хотя бы, поэтому он не может быть символом примирения.

В истории день 7 ноября отменить нельзя. В памяти он останется. Но зачем навязывать *праздничное* переживание революционных событий?

Так что идею возвращения 7 ноября в ряд будней я поддерживаю. А вот другие предложения праздничной реформы вызывают у меня иные реакции: от категорического "нет" до "Да, но...".

Юрий Шевчук дал потрясающую характеристику вновь навязанных десяти праздничных новогодних дней, назвав их "январским геноцидом": в традициях русского народа бесконечно длинные выходные обернулись беспробудной пьянкой российской глубинки...

Самое странное, что эти каникулы становятся предрождественскими. Во всем мире каникулы Рождественские, на Святках, то есть после праздника. У нас же они получатся именно пред—рождественскими: с 1 по 7 января. С церковной точки зрения это странно: именно последняя неделя перед Рождеством и есть неделя самого строгого поста и подготовки к празднику. Теперь же получится, что Рождество станет "по-празднством", похмельем. Бесконечные попсовые концерты и затертые юмористы всю неделю будут насиловать нас с телеэкранов. Под видом подготовки к Рождественскому празднику духовная подготовка к нему будет как раз сорвана. Представьте, что в месяц мусульманского поста (когда людям Ислама запрещено вкушать любую пищу при свете дня) телевидение с утра до ночи показывало бы кулинарные передачи и рекламировало винопитие. Сочли бы мусульмане такое телемену свидетельством уважения к их религиозным традициям?

Впрочем, я знаю, как будут вести себя православные в случае появления предрождественских общенациональных каникул: они будут убегать в монастыри. Детей в охапку – и поговорить к святыням, подальше от "народных артистов". Так что государству, которое предлагает нам этот свой дар, мы скажем словами знаменитого спиричуэлса: Let my people go! ("Отпусти мой народ!"; так Моисей просил египетского фараона). Дар берем. И на эти дни уходим от вас подальше.

Идея праздновать 4 ноября как день России хороша. Это день освобождения Москвы, а не захвата Варшавы. День народного порыва, а не просто властного решения. Но два обстоятельства смущают меня в этом празднике.

Первое: ведь это победа над поляками. Неужто для России это равновеликий противник? Вот он, итог века революций: мы оказались в стране, которая самой славной страницей своего прошлого считает победу над Польшей, а свое будущее освещает мечтой о том, чтобы догнать Португалию.

Второе: в дневнике некоего польского офицера тех лет я встретил следующую запись: "4 ноября русские опять пошли на приступ к Китай-городу и благодаря Богу, были отбиты... 7 ноября русские вошли в крепость с великою радостью, а в нас это вызывало великую скорбь и сожаление". А раз так

– то стоило ли переносить день привычного праздника?

Но самое странное в предлагаемой праздничной реформе – это ее половинчатость: отменяя день Октябрьской революции, предлагается праздновать день революции Февральской.

Речь идет о празднике 23.02/8.03. Это одна и та же дата, просто переданная в двух календарных стилях – "старом" и "новом". Как 13 января – "старый новый год", так 8 марта – "старое 23 февраля" ("Правда" писала в 1917 году: "Задолго до войны пролетарский Интернационал назначил 23 февраля днем международного женского праздника").

А в 1917 году именно 23 февраля началась февральская революция. Но поскольку большевики в ней участия не принимали, то праздновать ее годовщину не хотели. Но как революционеры – и уклониться от празднования дня "свержения самодержавия" не могли. Вот и был создан миф о боевом крещении в этот день непобедимой и легендарной Красной Армии.

Это именно миф. Не было еще ни Красной Армии, ни тем более ее побед. "В течение всего 23 февраля большевики и левые эсеры еще делали жалкие попытки сформировать хоть какие-то вооруженные отряды. Безуспешно". Газеты конца февраля 1918 года не содержат никаких победных реляций. И февральские газеты 1919 года не ликуют по поводу первой годовщины «великой победы». Лишь в 1922 году 23 февраля было объявлено Днем Красной Армии.

Вот записи двух современников. Бывший император Николай II: "12/25 февраля 1918. Сегодня пришли телеграммы, извещающие, что большевики, или, как они себя называют, Совнарком, должны согласиться на мир на унижительных условиях германского правительства, ввиду того, что неприятельские войска движутся вперед и задержать их нечем! Кошмар". Новый диктатор – В. И. Ленин: «Неделя 18—24 февраля 1918 года... Мучительно-позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую позицию, о неисполнении приказа уничтожать все и вся при отступлении; не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности, разгильдяйстве. Горький, обидный, тяжелый – необходимый, полезный, благодетельный урок!... Мы обязаны подписать, с точки зрения защиты отечества, самый тяжелый, угнетательский, зверский, позорный мир» («Трудный, но необходимый урок»). И это после якобы одержанной победы?

Вечером 24 февраля немецкий отряд численностью не более 200 человек без боя овладел городом. В тот же день, 24 февраля, пали Юрьев и Ревель (ныне Тарту и Таллин). Прорыв, не удавшийся мощной группировке генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга в 1915 году, осуществили – фактически без потерь – небольшие и разрозненные германские подразделения, скорость продвижения которых ограничивала не ярость народно—большевистского сопротивления, а степень непроходимости российских шоссе и железных дорог... После октябрьского переворота Германия свои наиболее боеспособные дивизии перебросила на Западный фронт. В России линию фронта обозначали дивизии "ландвера" – по сути, ополчения. Они должны были напоминать большевикам об обязательствах, которые те взяли на себя перед немецким Генштабом: вывести Россию из войны на условиях, выгодных Германии. Большевики медлили с подписанием капитуляции, тянули время. И вот 16 февраля немцы начали продвижение вперед, напоминая, что даже предатели должны держать свое слово...

23 февраля в 10.30 утра Германия, наконец, представила свои мирные условия, потребовав дать ответ на них не позднее чем через 48 часов. После якобы одержанной победы под Псковом и Нарвой вечером 23 февраля ВЦИК собрался для принятия продиктованных германским правительством условий безоговорочной капитуляции. В 7 часов утра 24 февраля Ленин телеграфировал в Берлин: «Согласно решению, принятому Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 февраля в 4 1/2 часа ночи, Совет Народных Комиссаров постановил условия мира, предложенные германским правительством, принять и выслать делегацию

в Брест—Литовск».

Так что 23 февраля 1918 года – это позорнейший день военной истории России. День капитуляции в первой мировой войне, точнее – во Второй Отечественной войне (так она именовалась в 1914—1917 гг. в русской печати). Капитуляции по воле Интернационала, превратившего "войну империалистическую (точнее – Отечественную) в войну гражданскую".

Не день это защитника Отечества а, в лучшем случае, "день красной армии". А защищала ли в 1918 году эта красная армия Отечество – это, мягко говоря, сложный вопрос. И то, что день защитника Отечества празднуется сегодня не в день Куликовской битвы, не в день Бородина, не в день рождения Жукова или день св. Александра Невского, а в день капитуляции, – это еще один признак атрофии нормального национального чувства в русском народе.

Именовать 23 февраля "Днем Российской армии" и "Днем защитника Отечества" просто непристойно. Хотя бы потому, что одно из условий той капитуляции с каждым годом становится все более и более тяжелым и очевидным: отделение Украины от России. Граница России и Украины была проведена немецким штыком. Это означало, что в состав Украины были включены города, которых просто не было в момент соединения Украины и России в XVII веке (например, Одесса). Земли, которые были "диким полем", коридором для крымско-татарских набегов на Москву, были освоены не гетманами, а Российской Империей (потемкинские деревни были настоящими). О том, что история этих земель не во всем совпадает с историей собственно Украины, зримо напомнили недавние президентские выборы: именно эти области голосовали ощутимо иначе, чем области, расположенные на правом берегу Днепра... Но немцы решили отрезать Донбасс от России. Большевики согласились. И даже при создании СССР границы Украины остались в пределах Брестского договора. По этим же искусственным границам и прошла линия нынешнего разлома.

Так что 23 февраля и 8 марта – не просто "мужской" и "женский" праздники. Для тех, кто желает помнить родную историю дальше, чем на 30 лет, это напоминание о все той же Русской Катастрофе XX века.

Еще одно разделение России с Украиной (Белорусией и т. д.) произошло 12 июня 1991 года – когда Ельцин провозгласил "суверенитет РСФСР", а по сути – выход возглавляемой им республики из состава СССР. И почему же этот день мы должны считать праздником? Логичнее день суверенитета России отмечать в память о венчании на царство первого русского царя – Ивана Васильевича Грозного... Конституции приходят и уходят. А Москва впервые стала столицей самостоятельного ("самодержавного") государства именно в тот день.

Россия – страна с непредсказуемым прошлым. Каждая новая власть стремится взять контроль над школой, а, значит, над учебниками, и следовательно, над историей. И поэтому в качестве общенационального дня надежней было бы избрать день без исторического предисловия, без конкретного событийно-символического сюжета, который может перетолкован так или иначе. В этом празднике главным стала бы идея, а не историческое событие. Не то, что произошло в прошлом, а то, что происходит и есть всегда. Общенациональным мог бы стать, например, День Матери. Дату для него можно было бы избрать с тем, чтобы хотя бы у части людей были особые ассоциации с ним. Например – 21 сентября. День Рождества Богородицы. Это еще и день Куликовской битвы. Так что разным людям была бы дана возможность выбрать в спектре значений этого дня. Но государство от своего имени предлагало бы участие только в его "общечеловеческой" составляющей.

А вообще такого рода праздники могли бы устанавливаться с учетом лишь одного фактора: психологического. Когда люди (и дети) устают в беспросветной череде будней, стоит дать им возможность отдыха. Конечно, хорошо сумрачные и короткие дни ноября разрядить фейерверком праздника.

Я бы хотел видеть в нашем календаре два праздника: День русского народа и День народов России. Их могла бы разделять неделя. И в этой неделе умещались бы детские осенние каникулы.

Смысл первого праздника вполне понятен: сегодня русский народ – это, говоря языком ООН, "разделенная нация". Нация, разрезанная границами и разбросанная по всему миру. Нация вымирающая, утратившая веру в свое будущее. Федеральные СМИ до сих пор слово "русский" произносят запинаясь, с чувством смущения, предпочитая иметь дело с "россиянами". Мы не радуемся друг другу, потеряли чувство естественной национальной солидарности и традиции взаимопомощи. 52% – женщины – имеют право на свой праздник (я не против Женского Дня, но мне хотелось бы, чтобы это был день женщин, а не революционерок). А 75% – русские жители России – разве не могут иметь свой день?

Ну, а объяснять необходимость праздника, который напоминал бы о федеративном устройстве нашего государства и о его многоликости национальной структуре, излишне. Как праздновать дни интернациональной дружбы, нас учить также не надо. Это как раз в нашей школьно-государственной традиции.

В общем – хорошо, что в поисках поводов для государственных праздников стали смотреть за рамки советского периода в истории нашей страны. Но признать нынешнюю праздничную реформу логичной и целостной трудно. С точки зрения чисто календарной мы вернулись к сумятице 1920 года. Тогда Екатеринодарский областной отдел труда и бюро профсоюзов установили следующий перечень праздничных дней: Новый год, первый и второй день Рождества, Крещение, "день 9 января", "день ниспровержения самодержавия" (12 марта), день народной коммуны (18 марта), Благовещение, Страстная суббота, Светлый понедельник, 1 мая, Вознесение, Духов день, Преображение, Успение, 7 ноября.

– Может ли священник быть для паствы «политическим учителем», т.е. рекомендовать за кого голосовать или говорить о своих политических взглядах?

– Я думаю, что говорить священник может – он тоже человек. Но только в частном общении, а не с церковного амвона. Служба кончилась, подошел прихожанин и спросил о чем-то интересном именно для него: «а как вы об этом думаете, каково ваше мнение». Ответить можно, даже если вопрос о политике. Нельзя лишь а) выдавать это свое мнение за позицию всей Церкви; б) нельзя ставить под сомнение полноту православности вопрошающего прихожанина, если окажется, что он со священником в этом политическом вопросе все же несогласен.

Священник может сказать, что вот такая позиция мне симпатична, вот такому политику я пока доверяю. Но нельзя из этого делать вывод, что и все остальные чада Православной Церкви должны отдать свои голоса упомянутому лицу.

Когда мне приходится говорить на эту тему (конечно, не в храме, а в лекционных аудиториях), то я это делаю только за рамками самой же лекции – в ходе послелекционной дискуссии.

В России периодически случаются стихийные бедствия под названием выборы. Они длятся по полтора-два месяца. Я не считаю, что на это время я должен отказываться от работы и не появляться на людях. А поскольку у людей в эти дни повышенная политическая температура, они, конечно, спрашивают меня и о том, что я могу сказать по поводу тех или иных кандидатов (местных или федеральных). Если различия между кандидатами мне известны и кажутся значимыми с точки зрения интересов Церкви, то я не ухожу от ответа. Правда, в этих своих ответах стараюсь опираться не на газетные сообщения, а на личный опыт общения с теми или иными политическими лидерами.

– А священнику легко удержаться от соблазна стать еще и политическим лидером?

– Если это настоящий священник, то легко. Потому что он обращается к той глубине человека, которая не затрагивается политической идеологией. Имя этой глубины – образ Божий, а не образ

политического лидера.

Это не-партийность хорошо передана в стихотворении Владимира Соколова, написанном в самую страстно—политическую и перестроечную пору – в 1989 году:

*...Так звездочет, звездой влекомый,
Оказывается ни с чем,
Когда его любой знакомый
Хватает за рукав: ты с кем?
Ему, когда он глаз не сводит
С отрады будущей земной,
И в голову—то не приходит
Спросить, озлясь: а кто со мной?
С ним никого, с ним только вечность.
...Ни крыши нет, ни потолка,
ни стен... Он брошен в бесконечность,
А там не смотрят свысока.
Он в апогее, он в зените,
Он в перигее звездных стуж...
А что он ест? Повремените!
Вы не кормильцы этих душ.
Он долго ищет свет в подъезде,
Но Вифлеемская звезда
Среди нависнувших созвездий
Ему мерцает иногда.*

– Как на Ваш взгляд – способно ли православие сегодня стать политической силой? И способна ли современная православная молодежь реально войти в политическую элиту и привнести в нее свои ценности?

– Я думаю, что так вопрос ставить преждевременно – сразу войти в политическую элиту. Когда старшеклассник решает поступать в Университет, он же не ставит перед собой цель сразу стать членом президиума Российской Академии Наук. Ты сначала докажи свое право быть студентом, потом раз в полгода надо доказывать свое право продолжать там учебу. Потом докажи свое право называться кандидатом наук, а потом уже твои заслуги и твой опыт приведут тебя в состав президиума Российской Академии Наук. Также и здесь – надо работать по принципу "глаза боятся, а руки делают".

– Как Вы считаете, появится ли в итоге православная активная востребованная молодежь?

– Отдельные люди есть уже и сейчас. В будущем их будет больше. Но обещать целое поколение молодых православных политиков – это было бы дерзостью. Ведь культура политического действия, как и любая культура, подобна английскому газону – она вырастает не за неделю, а за несколько столетий.

– Мне доводилось слышать, что в церковных кругах разрабатывается своя социальная программа. Что такое социальная программа Церкви? Если она предусматривает некий выход на общество, на те проблемы, что не удается решить светской власти, то как это пересекается в двух различных мирах?

– Вернее говорить о социальной концепции. И речь не о том, чтобы предложить обществу какую-то программу действий. Речь идет о том, чтобы мы, церковные люди, сами осознали для себя возможные координаты нашей оценки тех или иных вызовов современности.

Проблема биоэтики, генной инженерии, контрацептивов, клонирования – вот новые вызовы, на которые не могли ответить богословы прошлых веков. Вопросы новые, но ответить на них мы должны как люди ортодоксальной христианской традиции. Потому наша концепция вызвала немалый интерес у западных богословов. На Западе социальные доктрины тех или иных церквей известны давно. Но у них есть вполне сознательная установка на обновление. Русская же Церковь сознательно позиционирует себя в качестве ортодоксальной, консервативной – и при этом в обществе, которое радикально меняется, где трансформация происходит гораздо быстрее, чем, например, в Бельгии или Италии. Поэтому к нашей концепции интерес особый: как все это совместить?

Но изначальной установкой при разработке нашей социальной концепции было – уйти от политики. Мы исходили из того, что социальная концепция Русской Православной Церкви – это концепция для всей Церкви, а не только для России... То есть она адресована и православным людям в Прибалтике и в Молдавии, Украине и в США, Германии и Японии. Поэтому там нет оценки деятельности российских правительств и вообще никак не упоминается политический контекст современной жизни в России.

– Да, Основы Социальной Концепции РПЦ в виде документального свода – это в своем роде эксклюзив, этого нет ни в одной из национальных Православных Церквей. Какие проблемы они затрагивают и в чем смысл их принятия именно в наше время?

– Дело в том, что за все 20 веков христианской истории схема взаимоотношений Церкви и государства не отличалась особым разнообразием. В течение всех двух тысяч лет нашей истории Церковь бывала только в двух возможных социальных ситуациях: первая – когда гонят нас; вторая – когда гоним мы. Триста лет Римская империя гнала христиан, потом полторы тысячи лет христиане гнали всех остальных, потом коммунисты опять гнали христиан...

И только в нынешних условиях отделенности, дистанции стало возможно общение и диалог, порою переходящий во взаимную критику. Ведь когда Церковь и государство составляли единое целое, тогда не до диалога. Между левой и правой рукой никакого диалога быть не может. И с палачами тоже какой уж диалог...

Принятие Социальной концепции на Архиерейском соборе 2000 года означает, что нынешняя модель отношений Церкви и государства сохранится надолго. Это модель нейтралитета в диапазоне от благожелательного до холодно-враждебного, но, тем не менее, без открытых гонений. То, что называется свободой совести. Для Православия это впервые: Церковь, существующая в светском обществе.

Концепция исходит из того, что та ситуация, которая сегодня есть в мире – это всерьез и надолго. Государство отделено от Церкви, и Собор в своей социальной концепции признает эту реальность и, более того, находит в этом некий добрый знак, потому что принцип свободы совести – говорится в этой социальной концепции, – это есть способ легального существования Церкви в нерелигиозном окружении. А раз эта разделенность между Церковью и обществом, Церковью и государством – это всерьез и надолго, то мы должны начать диалог, исходя из осознания того, что мир людей населен разными существами.

Сегодня мы разделены. А, значит, должны узнать друг друга. Социальная концепция и есть наш откровенный рассказ светскому обществу о том, какими мы хотим видеть наши отношения.

Основы социальной концепции – это честное декларирование того, какие цели мы перед собой ставим. Какими мы, Церковь, прошедшая через искушение властью и искушение гонением, видим себя в обществе, что мы можем сказать о тех людях, с которыми мы беседуем, в чем мы можем стать на их позиции, в чем не можем. В общем, это есть честное приглашение к свободному диалогу.

Диалог предполагает честную декларацию о том, чего мы хотим в этом диалоге, какие принципы мы отстаиваем, ради чего мы на него идем и, соответственно, где пределы возможных компромиссов. Вот об этом говорит эта социальная концепция. То есть это не только документ, адресованный внутри самой Церкви, но и документ, адресованный ко всем тем, кто вступает с нами в диалог и общение.

– Откуда появились идеи, заложенные в Основах Социальной Концепции? Можно ли сказать, что они догматически уже были в церковном обиходе, а потом их только оформили документально?

– Концепция – не догмат. Это не более, чем эскиз, набросок, черновик; отсюда и название: "Основы концепции". Слово же концепция подчеркивает, что это не учение, не доктрина, а некое наше представление о том, что мы пережили в XX веке, понимание современной ситуации. Это слово о современности, но сказанное с сознательно консервативных, традиционалистских позиций.

Вот небольшой пример конфликта современности и традиции. Работая над этим документом, мы дошли до такого места, где нужно было высказать отношение Православия к смертной казни. Поначалу все казалось просто: надо заявить протест против смертной казни; это варварство, государство не должно убивать... Ну, а затем митрополит Кирилл сказал: "Положите, задача Собора – не рассказать о наших с вами предпочтениях, а засвидетельствовать позицию Церкви в ее целостности. Во всевековой целостности. Давайте посмотрим на церковное предание, церковную историю. Какая позиция по этому вопросу была?". И вот в итоге к следующему заседанию фиксируем: в Ветхом Завете смертная казнь предписывается. В Новом Завете она не отменяется. Как бы не подтверждается, но и не отменяется. В церковной истории последующих веков, в истории христианских государств: Византийской, Российской империи смертная казнь применяется. Значит, что мы можем сказать: нельзя человека извне освобождать больше, чем он освобожден внутри. Нельзя надеяться разогреть всю воду в чайнике, если каждую молекулу не разогреть до точки кипения. Нельзя довести до уровня духовно-нравственного совершенства все общество с помощью внешних законов, если не работать на молекулярном уровне с каждым человеком. И вот оказывается, общество сегодня не готово к отмене смертной казни. Поэтому мы сегодня фиксируем, что, с одной стороны, мы не требуем отмены смертной казни, а с другой стороны, церковь готова поддерживать общественное движение, направленное к отмене смертной казни. Но в итоге церковь не стремится навязать именно свою позицию всему обществу, ожидая, что это решение должно быть результатом согласия самого общества – жить без этого орудия устрашения.

– Помнится, русский философ Николай Бердяев писал, что "лучший период в истории Русской Церкви был период татарского ига, тогда она была наиболее духовно независима. Сегодня Церковь чувствует себя независимой, в том числе и от власти?"

– Все мы зависим друг от друга, поэтому отношения власти и Церкви лучше назвать взаимодействием. В вопросы вероучения, собственно церковной жизни, назначение епископов, содержание богословских публикаций государство сейчас не вмешивается. Государство, пожалуй, желает видеть церковную жизнь фактором стабилизации. Но вот тут и возникают проблемы, точнее – противоречия в государственном отношении к нам. Ведь Церковь влияет только на тех, на кого она может влиять. То есть на верующих. И чтобы наше слово стало для кого-то значимым, должно расти число таких людей. «Стабилизировать» бабушек вроде особо и не нужно. Они и так у нас хорошие. Значит, надо обращаться к молодым, в том числе и через монополизированные государством информационные каналы: телевидение и школу. Тут и начинается торможение. Последние несколько лет, например, мы замечаем подковерную борьбу между правительством и администрацией президента по вопросу о введении в школе основ православной культуры. Министерство образования поначалу приветствовало эту идею, но Администрация президента скорее ее торпедировала, хотя президент как бы за Церковь.

Вновь скажу: в условиях свободы, когда государство нейтрально, мы живем только 15 лет из двух тысячелетий нашей церковной истории. Это ново, трудно и интересно. Мы сами делаем ошибки, морщимся от ошибок других. Ведь культура, в том числе культура политического действия Церкви, подобна английскому газону: она должна расти столетиями.

– Известно, что в свое время именно христианство беспримерно подняло авторитет труда. Сейчас наше общество разъедает религия потребления. Один современный ученый справедливо заметил, что мы переняли у Запада культуру отдыха, но не захотели заметить, что Запад умеет не только отдыхать, но и трудиться. В связи с этим возникает вопрос: возможно ли, по—вашему, возрождение аскезы, как черты массовой психологии?

– Русская трудовая этика была. И православная трудовая этика была. Но дело не только в экономических или религиозных условиях. Эта черта русского национального характера связана с нашим климатом. У нас очень долгая зима, и люди, жившие в сельской местности, вынуждены были бездельничать. Русский человек долго запрягает, но быстро ездит. Недавно я читал дневники немецких солдат и офицеров, побывавших в России. Они писали о поразившем их совмещении: русские бывают фантастически ленивыми, даже когда речь идет об их собственной выгоде; и напротив – когда уж они решат работать, то они проявляют невероятное умение, ловкость, силу, организованность, и все могут сделать в мгновение ока. Русский человек может долго жить в полной апатии и равнодушии, а потом за несколько дней может сделать месячную работу. Эта “рваность” характера, импульсивность является, очевидно, достаточно коренной чертой и должны вырасти несколько поколений, прежде чем мы перейдем к городскому ритму жизни, не зависящему от сезонных перепадов. Может быть, наше общество в своих подсознательных пластах еще достаточно аграрно, то есть слишком сезонно, и только с течением времени оно обретет городскую “методичность”.

– Как Вы относитесь к тому, что Церковь активно занимается бизнесом?

– Есть священники совершенно разных складов – более традиционные, для которых, кроме их прихода и службы, ничего нет. Но о таких сразу начинают говорить, что они не от мира сего и безнадежно отстали от жизни и современной цивилизации. С другой стороны, когда встречается священник, способный жить и работать в современном мире и обеспечивать финансовое выживание прихода, его сразу начинают обвинять в том, что он не батюшка, а бизнесмен. Ну, отчего буквально все превращается в повод для осуждения?

Несколько лет назад приезжаю в Якутию, и там мне говорят: "вы знаете, наш батюшка выпить любит, поэтому мы в храм не ходим". Через несколько лет я вновь приехал в этот город. Спрашиваю: священник поменялся, и теперь-то вы в храм, наверное, ходите? А мне отвечают: "новый батюшка весь такой молитвенник, ну как ему понять нас, светских людей! Поэтому мы к нему не ходим...".

В общем – "пуля дырочку найдет".

Кстати, и первый батюшка отнюдь не был пьяницей. Он просто в поисках спонсоров для строительства храма ходил на презентации и приемы. С людьми общался. Но, как мы все знаем, наше русское общение почти невыносимо, если на столе только квас. Люди же сказали: "Значит, он как мы, а раз как мы, то и нечего его слушать, он не имеет права нас учить".

Если же батюшка будет "не как мы" – то о нем молва скажет: "ну он не от мира сего, он небожитель, он в нашей жизни ничего не понимает, поэтому его слушать тоже не надо".

С разных сторон можно прийти к одному и тому же выводу. Не случайно говорится, что у сатаны две руки. И одно и то же пойло он может подать и из-за левого плеча, и из-за правого. Подойдет слева: "на-ка, выпей", а я скажу: нет, мне сестрица Аленушка сказала, что из-за левого плеча брать нельзя. А податель пойла спокойно отреагирует: "Ну что за предрассудки!" – и тут же из-за правого плеча ту же отраву подаст.

– Наверное, каждый человек предъявляет Церкви и ее служителям особые требования. Ведь Церковь как бы узурпировала моральное право определять, что такое хорошо и что такое плохо. Поэтому неудивительно, что ее собственные промахи воспринимаются обостренно и даже преувеличиваются...

– Извините, об "обостренном морализме" нашего сегодняшнего общества я говорить не намерен. Страна, которая восхищалась сексуальной свободой Клинтона – это уже не страна Достоевского и Толстого...

– А насколько строг финансовый контроль в Православной Церкви? Нет ли у вас своей контрразведки?

– Все-таки работа священника строится на доверии. Честность зависит не от внешней жизни священника, а от его внутренней мотивации. Кто-то и обычное пожертвование за крестины положит себе в карман, а кто-то доход от церковного заводика использует на благо прихода. Я знаю немало священников, которые активно сотрудничают с бизнес-элитой, но при этом деньги к их рукам не прилипают – все уходит на храм и людям.

Бывает, что священник связан с человеком, который жертвует на храм, а потом оказывается, что деньги добыты несправедным, порой преступным путем. Увы, в Церкви нет своей контрразведки.

Финансовая проверка приходов есть. Но полной "прозрачности" тут не может быть в принципе: на пожертвования ни чеки, ни накладные не выписываются. Ревизия тут бессильна. Это дело совести.

– Отец Андрей, насколько сложившийся в народе образ священника, разъезжающего на "Мерседесе" с сотовым телефоном соответствует действительности?

– Ну что я могу сказать? Только одно: вашими бы устами да мед пить! Однажды в "МК" "догадались", почему я выступаю против ИНН. Да потому что вхожу в десятку самых богатых людей РПЦ и скрываю свои доходы. Здесь только остается руками развести – жаль, что это расходуется с действительностью. Я был бы не прочь видеть эту сказку былью!

Конечно, было бы здорово, если бы у всех нас были дачи и "Мерседесы". А на самом деле во все века слухи о богатстве священников были сильно преувеличены. Большинство священников – это сельские батюшки. И уровень их жизни – не выше крестьянского быта, то есть порой просто на грани нищеты. Так было и в XIX и в XX веках. И сейчас так же. Вот приезжаю я в Ивановскую епархию, а епископ говорит мне: "Мы хотели собрать батюшек на встречу с Вами, да и они хотели приехать. Но у них просто денег нет на междугородний автобус, чтобы до Иванова лишний раз доехать". Тут уж не до роскошеств. Есть приходы, где у прихожан задерживают пенсии, зарплаты, так там денег не видят, и батюшкам яички и картошку носят.

А что касается городов, то там – да, действительно есть такой типаж – отнюдь не многочисленный, но, к сожалению, весьма заметный. Типаж новорусских священников. Это батюшки богатых прихожан, банкиров, предпринимателей. Они, соответственно, и дарят священнику машину, квартиру, и прочее. Бывает, что такой священник даже экономический интерес к своим прихожанам теряет. Так как у него и так все есть.

А бывает богатство от бескорыстия: священник просто когда-то по-доброму к кому-то отнесся, ну, например, не мог человек заплатить за освящение квартиры, или за крещение своего ребеночка, или за свое венчание – а священник не обиделся и не отказал: "Ну и ладно, во славу Божию. Бог с вами". А потом колесо фортуны перевернулось и этот человек стал преуспевающим предпринимателем. И он вспоминает про то добро, которое он от священника получил. И возвращается к нему уже не с пустыми руками.

И наконец просто есть место для обыкновенного чуда. Вот у меня была такая история в Москве: выхожу из метро, иду к себе домой. На пути продовольственный рынок. Смотрю – у входа стоит женщина, и при ней коляска с двойняшками. Малышам по полгода где-то. Но женщина не просит никакого подаяния, такое ощущение, что муж пошел на рынок за продуктами, а она просто малышкой не стала в грязь завозить. Я прохожу, а сердце как-то кольнуло: "ведь трудно двоих малышкой сразу поднимать. Какие нужны затраты, силы!". И уже прошел метров пятьдесят и думаю: "надо все же им чем-то помочь". Как раз день зарплаты в храме был – деньги в кармане были. Ну, опять думаю: "по 10 рублей им дать – мало. Уж хотя бы по сотне дам". Подошел, минутку поговорил... Запомнил, что одного из малышек Олег зовут. И что вы думаете? Вечером того же дня звонит мне человек совершенно незнакомый. Представляется Олегом, говорит: "Здравствуйте, я работаю в российском представительстве компании "Philips". Отец Андрей, я давно знаю ваши книги, ваши лекции. Я давно думал – чем бы вам помочь. Скажите, может я вам чего—нибудь завезу. Какую—нибудь технику нашей фирмы, подарю вам?" И в итоге более чем на 4 тысячи долларов привозит: компьютер, телевизор, видеокамеру. Так что я теперь знаю курс рубля в банке Святого Духа. Если в наших обменных пунктах за 30 рублей один доллар дают, то у Господа – наоборот: один рубль, поданный в качестве милостыни, может вернуться как 30 долларов.

Это известная формула. Она есть еще в Псалтири. По-славянски она звучит: "Милуяй нища, взаим дает Богови". – "Тот кто милует нищего, займы одалживает Богу". Поэтому не каждый раз, когда мы видим богатого священника, нужно заключать, что с его душой что—то не так.

...В ноябре 2003 года в Домодедово подходит ко мне человек "Отец Андрей, Вы меня не узнаете?... Вы преподавали у нас в школе в Загорске!". И в самом деле такое было: в 1990-91 годах я приезжал на лекции и экзамены в Академию из Москвы и, если было свободное время, забегал в математическую школу, которая находилась рядом с Лаврой. И вот тогдашний мальчик вырос. Летим вместе в Екатеринбург. Миша рассказывает мне, что четверо ребят из его класса после тех встреч пришли в Церковь... В Екатеринбурге получаю свой багаж (вез я тогда с собой около ста килограммов книг, кассет, газет). Чтобы дотащить сумки до машины, надо найти носильщика. Миша его быстро находит. Вскоре багаж уже перенесен. Пора прощаться. Носильщик называет сумму, в которую он оценил свой трехминутный труд: 500 рублей... Немая сцена. Миша, однако, тут же дает ему востребованные деньги, а затем спрашивает носильщика: "А как Вас зовут" – "А зачем Вам это?" – "Да просто интересно. Все же, представьтесь, пожалуйста!". Носильщик называется. И Миша ему спокойно так говорит: "Завтра к десяти зайдите ко мне, пожалуйста" – "А куда это к Вам?" – "Сюда, в 210 кабинет". В общем, оказалось, что Миша – замдиректора аэропорта...

– Многие в миру вообще считают службу священника, особенно в Москве, доходным бизнесом...

– Я бы не стал говорить в таком стиле обо всем духовенстве. Я знаю тысячи священников. Конечно, они разные.

Что касается иномарок, то это у московского духовенства. Но Москва вообще город иномарок. Священники всюду относятся к среднему классу. На селе священник в XIX веке жил как крестьянин-середняк. В Москве же XXI века иномарки доступны среднему классу москвичей, а значит, и заметному числу священников. В моем храме из пяти священников машины есть у двух (старшего и младшего). Да, еще одному батюшке, что раньше служил именно у нас, человеку совершенно бескорыстному, прихожанин просто подарил иномарку за его доброе, любящее отношение к людям.

Главное – не знаки престижа, а отношение к ним. Пользуйся, но не прикипай. Вот буквально вчера один из священников нашего храма подходит ко мне и предлагает отдать те деньги, что он копил на покупку машины (у моей матери в тот день была тяжелая и дорогостоящая операция на сердце).

В общем – не надо в каждом человеке (в том числе и священнике), который выходит из машины, видеть негодяя.

Очень легко найти аргументы против "попа-в-мерседесе" – они понятны и ясны. Я преподаю курс миссиологии в семинарии. И недавно спросил своих студентов, как с миссионерской точки зрения смотрится священник на иномарке. Они ответили, что нехорошо. Я же пояснил, что – по-разному. Да, большинство людей смущаются, видя священника, выходящего из дорогой машины. Но есть и такие люди, которые эту картинку возьмут себе на заметку с совершенно другим комментарием.

Ведь есть такие люди, что сторонятся Православия потому, что на наших прихожанах, по их мнению, лежит отпечаток маргинальности. И если такие люди увидят, что у батюшки современная машина, ноутбук, мобильный телефон, то кто-то сможет отсюда сделать вывод не осуждающий, а удивленный: оказывается, можно быть современным и социально преуспевающим и одновременно православным. Можно сочетать успех в жизни и веру. Такой человек еще не готов ради незнакомой ему веры жертвовать своим социальным статусом (уже имеющимся или только возмечтанным). Да и кто может принести такую жертву, если он еще не познал действия Христа в своем сердце? Но хотя бы не закрыть для себя возможность дальнейшего знакомства с миром Церкви – это уже важное решение.

"Священник-из-иномарки" снимает с сознания такого человека один барьерчик: оказывается, Церковь – не для "неудачников". А, значит, можно попробовать... Потом этот человек может сам выпустить из своих рук свое социальное или финансовое богатство. Но это будет уже его выбором, его решением, а не требованием Церкви. Для начала же сам вид современного священника снимет психологический барьер отторжения – и сможет состояться разговор по существу.

– То есть Вы призвали ваших учеников пересесть на мерседесы?

– Нет, я их призвал не торопиться с осуждением. Если Церковь открыта для всех – значит, в том числе и для социально успешных людей. Мы слишком привыкли к собственной маргинальности и забитости за годы советской власти. И эта привычка уже уродует нас самих. Вот рассказ еще об одном юноше. Он был классе в десятом, когда его мама привела его ко мне и сказала: "Я хочу, чтобы мой Алеша был православным христианином!". Ну, тут уместно вспомнить анекдот, который говорит, что разница между еврейской мамой и террористом состоит в том, что с террористом можно договориться... Алеша исполняет мамино настояние, встречается со мной, беседует. Умный парень, быстро все схватывает. Соглашается в теории, но не крестится. Поступает в университет, время от времени продолжаем видеться. Перемен в его религиозной жизни нет. Наконец, он совсем пропадает с моего горизонта на несколько лет. И вдруг звонит: "Отец Андрей, поздравьте меня. Я крестился!". Я, конечно, перемежаю поздравления с упреками: почему, мол, меня на крестины не позвал, я, наверно, тоже имею к этому какое-никакое отношение... – "Конечно, но, понимаете, я в Германии крестился!" — ????!!!! Тебе что, в Москве храмов было мало? – "Но я в Германии в аспирантуре учился. Конечно, была ностальгия по России. Нашел русский храм, стал туда ходить. И тут меня поразило различие прихожан и их лиц. Понимаете, в России мне было трудно стать на колени рядом с бабушками. Мне было трудно сказать "мы" вместе с ними. Уж больно усталыми и безнадежными были их лица. А здесь, в Германии, из кого стоят православные общины – это студенты, аспиранты, ученые, работающие по грантам, семьи российских бизнесменов, увезенные подальше от ржкета... В общем – социально успешные люди. И вот от них у меня не было чувства психологической отчужденности. Вместе с ними оказалось легко и перекреститься, и поклониться".

– Когда богатые жертвуют на храм, как вы к этому относитесь?

– Всегда надо рассматривать альтернативу. А если не это, то что? Пусть богатый человек пожертвовал из каких-то суеверных и не очень-то покаянных соображений. Но куда бы ушли эти его

деньги, если бы он не передал их в Церковь? Вы что, думаете, он в пылу покаяния вышел бы на улицу, и начал эти деньги раздавать пенсионерам? Не вышел бы. Эти деньги он прожег бы в очередном турне с какой-нибудь певичкой на теплоходе в Средиземном море. Рома Абрамович прожигает миллиарды долларов, покупая самолеты и футбольные команды. Пусть уж лучше эти деньги, хотя бы вот так, через посредство церкви, вернутся к народу.

– А оттого, что эти деньги нажиты не честным путем, они не становятся «погаными»?

– Сами то деньги в чем здесь виноваты? К тому же, появляется повод поминать этого человека, жертвователя, в молитве сугубо, то есть особо, что в любом случае хорошо.

Когда человек жертвует на строительство храма, он становится неравнодушным к этому храму. Он начинает следить за ходом реставрации или строительства, присматривается к батюшке. И если он выяснит, что батюшка, честен, что к рукам его ничего не прилипает, вот храм уже под крышей, вот церковная столовая открылась, вот дети в церковной школе, вот библиотека, вот оргтехника закуплена... – Тогда у жертвователя рождается уже не только деловой, но и личный контакт с этим священником. Доверие. Тогда может статься, что его первый (денежно—спонсорский) шаг не станет последним. И тогда начнется покаянная перемена жизни. Поступки оказывают обратное влияние на душу человека. Поэтому у нас есть надежда, что вот по началу суеверный или даже лицемерный но все же добрый поступок, окажет гораздо более глубокое влияние на душу человека, чем сам человек рассчитывал изначально.

– Не кошунственно ли наличие ресторанов в Храме Христа Спасителя?

– После взрыва Храм Христа Спасителя на его месте вырыли большую яму, которую потом назвали бассейн "Москва". А до этого там пробовали делать сталинский дворец советов, но успели лишь выкопать огромный котлован для фундамента. Когда стали возрождать храм, выяснилось, что просто восстановить храм нельзя, поскольку все эти советские земляные работы понизили уровень земли метров на 15. Тогда решили эти 15 метров перекрыть "стилобатным этажом", на котором и поставили Храм в его прежних пропорциях и размерах. А вот под храмом, в этом стилобатном этаже, уже и разместили гараж, сеть трапезных, огромный зал церковных соборов, музей. Надо сказать, что дворец советов должен был раз в шесть превосходить по своей площади площадь Храма. Поэтому и котлован под него вырыли огромный, намного выходящий за размеры снесенного храма. Поэтому стилобатный этаж, перекрывающий советский котлован, также образует площадь, многократно превышающую площадь возведенного над ним Храма. Это значит, что собственно под Храмом находится только еще один храм – нижняя церковь. И вот вокруг нижнего храма, под и за пределами внешних стен верхнего Храма и находятся более светские помещения.

Сегодня весь этот комплекс храм не является собственностью Московской Патриархии. И Храм, и стилобатный этаж находятся в собственности московской мэрии. Если мэрия захочет разорить Патриархию, для этого надо будет просто подарить Церкви храм Христа Спасителя. И дефолт гарантирован. И мы благодарны мэрии за то, что мэрия несет на себе затраты по обслуживанию этого комплекса. Но из этого вытекает ряд вещей, не слишком приятных для Церкви. Поскольку не мы собственники этого здания, есть специальный фонд, который распоряжается этим. Поэтому залы соборов, помещения трапезных могут быть арендованы. Там имеют место мероприятия, которые не имеют никакого отношения к церковной жизни, и отнюдь не Церковь их организует.

– В храме Христа Спасителя в Москве есть доска с благодарностью людям, жертвовавшим на строительство Храма. Не секрет, что деньги многих сегодняшних «третьяковых» нажиты неправедно. Хорошо ли для Церкви принимать такие пожертвования?

– Вы говорите – "не секрет"... Предыстория этих денег для нас как раз секрет. Мы видим только

стоп—кадр: вот стоит человек, и он готов пожертвовать на церковные нужды, на строительство храма и т.д. Может быть, и старушка, принеся последнюю лепту на храм, вынула из запки остатки премии за успешную ликвидацию религиозного подполья. Но и этого мы не знаем. Мы знаем одно: жертва меняет душу жертвователя.

– То есть, если Церковь будет знать, что деньги несправедливые, она их не возьмет?

– Возьмет при обещании жертвователя, что более никогда ничего подобного в его жизни не повторится. А если он скажет, что со следующего "гопстопа" еще немного "отстегнет" – то, надеюсь, у каждого нашего священника найдутся гневные слова. Впрочем, в моей жизни была вполне анекдотическая ситуация: в одном украинском городе местный диакон после лекции отводит меня в сторону, показывает глазами на одного человека, стоящего невдалеке, и шепчет: "Это наш местный киллер. Но он стал читать Ваши книги и теперь потихоньку отходит от своего ремесла". Вот я до сих пор не могу понять, что значит "потихоньку". В постные дни, что ли, не принимает заказы?

Да, а если мы говорим о Храме Христа Спасителя, то я не думаю, что там в табличке есть имена бандитов.

– Хорошо, а как быть с колоколами, где выгравировано – «от братвы»...

– Если братва покаяться и обратилась в братию – то это еще терпимо. Но если они остались "братвой", то это возмутительно.

И вновь скажу: если человек жертвует, то он сам меняется. Напротив, если отказаться от его жертвы, то может наступить обратная реакция – он окончательно окостенеет. Иногда жесткость, наказание доламывает человека, а иногда исправляет. Это касается, например, отпевания самоубийц. Я знаю случай, когда священник отказался отпевать застрелившегося офицера. Друзья-офицеры на него наорали, поскандалили. Но через полгода приходит один из этих друзей и говорит: "Батюшка, спасибо, ты мне жизнь спас вчера". Священник удивился: "Как я мог спасти жизнь вчера, если полгода тебя не видел". "Батюшка, вчера у меня такая хмарь на душе была – хотелось пулю в лоб себе пустить, но я вспомнил, что нашего товарища ты за это не стал отпевать и остановился".

Но ведь аналогичный отказ в молитве о самоубийце может и вообще оттолкнуть маловерующих родственников от всякой молитвы и от христианства вообще... Значит – дело в совестности, чуткости и опытности священника. Церковь дает ему каноны и дает одновременно большую степень свободы от них, точнее – свободу их применения в реальной жизни. На языке богословия это называется "икономия" ("домостроительство").

– Неужто и десять заповедей священник может перетолковать как хочет?

– Я о канонах, а не о заповедях. Каноны – внутренние нормы церковной дисциплины. Например, это вопрос о том, можно ли отпевать самоубийц.

— Кстати, о самоубийцах. Многие относятся к эвтаназии, как к акту милосердия и любви к ближнему. Однако Церковь выступает против этого деяния.

– Здесь я думаю, наша позиция будет в чем-то созвучна с позицией Махатмы Ганди. Он в свое время противился строительству больниц в Индии, считал, что нельзя помогать больным, особенно прокаженным. У него был религиозно-философский аргумент: нельзя вмешиваться в карму. Если человек не изживет свою плохую карму в этой жизни, то потом он будет перевоплощаться и еще больше страдать. В рамках кармической идеологии это логично.

Наша позиция по отношению к болезни не совсем такая. Мы считаем, что человеку надо помогать. Господь дал лекарства, врачей и т.д. Но вместе с Ганди мы полагаем, что есть такая глубина

жизни, которая не диагностируется врачами. Человек – это "вещь в себе", и не все, что происходит внутри него, фиксируется с помощью энцефаллограмм. Есть такая глубина, где его сегодняшняя физическая боль что-то в нем меняет на не-физическом уровне. Если Господь не убирает больного, не стирает из жизни, значит, там идет какое-то внутреннее творчество. В рамках данного мира мы можем этого не заметить. Но умирающий как раз уходит из нашего мира, перестраивается для жизни иной. Не надо ускорять его роды, не надо его выталкивать.

– Даже в XV- XVI веках в нищей России расписывать церкви не давали кому попало. Феофан Грек, инок Андрей Рублев... Это был истинный подвиг во имя веры. Они постились перед тем, как приступить к работе. Сейчас подряды на строительство русских храмов получают заезжие гастарбайтеры. Хорошо, если не турки. Почему?

– Я знаю в Сибири храмы, которые строили турецкие рабочие. Ничего плохого в этом я не вижу. Полагаю, что те мусульмане, которые помогали в строительстве наших храмов, не будут потом, как албанцы в Косово, взрывать православные церкви. Думаю, что это неплохое лекарство от экстремизма. Но они месили бетон, а не расписывали храмы. Уверяю, наши художники только православные.

– Не слишком ли богаты золоченые православные храмы на фоне бедности общей народной жизни?

– А Вы не задавали подобного вопроса профессиональным спортсменам? Содержание одного профессионального клуба обходится городу много дороже, чем строительство нового храма. Бюджет хоккейного клуба ЦСКА в 2004 году составил 20 миллионов долларов. Раньше бояре гордились тем, кто какой монастырь поддерживает. Сегодняшние бояре содержат спортивных гладиаторов.

— Не хотите ли Вы своим аргументом усостыдить Ваших эстрадных кумиров, беруших огромные гонорары за свою фанеру?

В России всегда избы с земляными полами соседствовали с золотыми куполами храма. В конце концов это выбор человека: вкладывает он средства в отделку своего санузла или в красоту, доступную не только для него. И храмы возводили не от избытка, а от нужды. От нужды в Боге, от нужды в надежде. Людям же, которые строят храм от сытости, храм не нужен. Им нужно стойло.

– Каков же, по-Вашему, Божий замысел о России?

– На этот вопрос у меня нет ответа.

– У вас? Нет?

– Если бы был, я чувствовал бы себя совсем иначе... Пока же мне приходит в голову лишь плач пророка Исайи:

"Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями! Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши в ваших глазах съедают чужие; все опустело, как после разорения чужими... Омойтесь, очиститесь, удалите злые деяния ваши от очей Моих, перестаньте делать зло". (Ис. 1).

– Странно, что Вы цитируете Ветхий Завет.

– Что же тут странного? Я воспринимаю Ветхий Завет как органическую и необходимую часть Библии – он не годится лишь в качестве буквального морального руководства для современного человека. Я не люблю, например, когда в Израиле оправдывают свои "превентивные удары" при помощи примеров из книги Есфирь. Ветхий Завет потому и Ветхий, что это – дохристианский мир; оправдание тех людей – в том, что они не знали Христа. Им было так можно, нам – так нельзя.

– Далеко ли от консерватизма до национализма?

– Очень далеко. Ведь консерватизм христианина – это консерватизм имперского чувства, а империя – как раз и есть исконное противоядие против национализма, потому что империя может существовать только в том случае, если народ, создающий ее, не навязывает себя по мелочам всем остальным народам.

– Значит, Вы не шовинист?

– Что вы, конечно же шовинист! Позвольте мне воспользоваться случаем, чтобы обратить внимание читателей на книгу современного французского историка Пюимежа "Шовен, солдат—землепашец: Эпизод из истории национализма". Толстенная, страниц четыреста большого формата. Оказывается, слово *шовинизм* происходит от имени литературного персонажа Шовена. Это не исторический деятель, а литературно-сценический персонаж французских театров второй половины XIX века. Так вот, в пьесах разных авторов была одинаковая трактовка образа Шовена: это солдат, ветеран наполеоновских войн. В рассказе Альфонса Додэ, повествующем о Парижской коммуне, описывается его смерть. Баррикады перегородили Париж. Коммунары и стоящие напротив солдаты императорской армии уже готовы стрелять друг в друга. И в эту минуту между ними выбегает Шовен, уже старик и инвалид, призывает не стрелять, и падает, сраженный залпами с обеих сторон. Додэ кончает свой рассказ краткой эпитафией: «То был последний француз». В общем – «в солдате—землепашце Шовене как раз и воплощается мечта о национальном примирении, о слиянии всех французов, к какому бы классу и к какой бы партии они ни принадлежали, во всеобщей любви на земле, к воинской доблести и к нации... Такова высшая функция мифа, та, которой все подчинено и которую превосходно передает гравюра Шарле, где старый служака разнимает двух молодых солдат, готовых схватиться друг с другом. „Мы французы, Шовен, дело можно уладить“, – поучает он новобранца. Этот призыв к „национальному согласию“ и по сей день лежит в основе речей французских политиков».

Так вот, в этом смысле, я считаю, мы должны быть шовинистами. Русские должны радоваться друг другу, а не отворачиваться с угрюмым равнодушием, встречаясь на улицах чужих городов.

Но здесь сталкиваются две позиции. Одна говорит устами Честертона: "Хорошие люди любят другие народы. Плохие – забывают собственный". Другая озвучивает себя устами Карла Крауса: "Самое неприятное в шовинистах – это не столько их неприязнь к другим нациям, сколько любовь к своей собственной".

– А патриотизм для Вас – ценность?

– Да. И это определяет некоторую нездоровость в восприятии современной политики современным же русским православным человеком. Патриотизм – это аксиома русского православного сознания. Выводная из него теорема – поддержка сильного национального государства, государственническое мышление. Но сейчас у нас нет веры в то, что государство наше, не в смысле церковное, но хотя бы русское. Все отчетливее оно принимает черты колониальной администрации, управляемой из—за границы и ради интересов транснациональных монополий.

– А что значит быть русским?

– Я хотел бы обратить внимание на то, что в нашем языке наше национальное имя формулируется в грамматической форме имени прилагательного, а не существительного. О всех других народах мы говорим: немец, француз, грек, еврей, татарин... т.е. мы употребляем имена существительные. А когда говорим о себе самих, мы говорим: русский, т.е. характеризуем себя именем прилагательным. А раз оно прилагательное, значит должно к чему-то прилагаться. Тем стержнем, к которому прилагается слово "русский", в нашей традиционной культуре было слово "христианин" –

крестьянин. То есть главное – это вера, твоя душа, а твой язык, твоя культура – это то, что держится на этом стержне.

Сегодня же быть русским – это значит плыть против течения, быть участником Русского Сопротивления. Я говорю о сопротивлении не как о вооруженном повстанческом движении, а как о дисциплине мысли и чувства. Скажем, так: хочешь быть патриотом – выключи телевизор. То есть защити свое сознание от промывки мозгов, научись думать самостоятельно, не голосуй вместе с толпой на всех референдумах. Будь человеком, а не холячей телеприставкой.

– Как Вы относитесь к идее «Москва – третий Рим?»

– Хорошо отношусь. Москва и в самом деле была третьим Римом. Это отнюдь не русская идея, а классическая средневековая и общеевропейская: идея translatio Imperie, перехода Империи. По официальной византийской концепции Рим перешел на берега Босфора, в Константинополь (Царьград). А спустя тысячелетие падение Восточной Римской империи (1453) совпало с освобождением московского царства от татарской зависимости (1480). Т.е. те же самые агаряне (мусульмане), которые захватили Константинополь, они же оставили Москву в одном и том же XV столетии.

Это совпадение, конечно, потрясло не только русских. Идея, что Москва – третий Рим, принадлежит вовсе не старцу Филофею. Эту мысль приносили на Русь странники-монахи, дипломаты из Валахии, Румынии, Болгарии, Сербии и т. д. Впервые же ее выразил московский митрополит Зосима (позднее с позором смещенный с митрополичьего престола). В своем извещении о пасхалии на восьмую тысячу лет Зосима именует Москву новым Константинополем... Кстати, говоря о старце Филофее как о проповеднике этой идеи, стоит помнить, что слово *старец* имело в те времена несколько иной и более буквальный оттенок, нежели в современной церковной речи. Оно означало не особый духовный дар, намоленность и прозорливость, а просто – возраст. Например: «14 июля 1631. От великого государя патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси... По нашему указу послан к вам в Корелской монастырь под начало старец Нафанайло в блудном деле, что был у нас в патриаршем дворе у Риз Положения в черных попех, и священствовать ему во веки не велено». Так что именование Феофила старцем само по себе не означает его духовную равновеликость оптинским старцам 19–20 веков... Так что нельзя об этой идее, сопряженной с его именем, сказать, будто она – святоотеческого происхождения. Значит, православный человек может просто обсуждать ее, обращая внимание не на авторитет сказавшего, а на ее суть.

Что эта идея означает? Там, где государство осознает себя служащим идеалам Православия, слугою Христа, и при этом осознает себя ответственным за судьбы Церкви не только в своих пределах, но и во всей ойкумене – вот такая страна и оказывается третьим Римом. И как единственная была Римская империя, так и в средневековой культуре, считавшей себя преемницей культуры античной, империя тоже могла быть только одна. Москва оказалась единственным независимым, самодержавным государством православного мира в XVI столетии. Самодержавное – не в смысле монархическое, а в смысле самоуправляющееся (самодержец – автократор). Государство, которое не является ничьей колонией, – вот это самодержавное государство. И "Москва – третий Рим" означало, что на Москве теперь лежит ответственность за судьбы Православия во всем мире. Соответственно, Россия обязана была своей политикой, финансами, армией, дипломатией и т. д. поддерживать православные общины, Православную Церковь во всем мире, вплоть до Африки. Так что, в этой части я с этой формулой согласен.

Но я не могу согласиться с ее продолжением – "четвертому не бывать". Это слишком дерзновенное пророчество. А ведь "закон и пророки до Иоанна Крестителя". В новозаветные времена нужды в пророчествах нет. Так что не стоит за Бога решать – куда и как Он еще раз повернет колесо истории.

Уже триста лет Москва не является третьим Римом. С 1703 года по 1917 "четвертым Римом" был Санкт-Петербург – столица империи и резиденция православного Императора и Синода (причем первенствующим членом Синода был петербургский митрополит, а не московский). Как переход власти от Первого Рима к Риму Второму произошел в рамках одного и того же государства (столица Римской Империи по воле императора была перенесена с берегов Тибра на берега Босфора), так и в Российском Царстве империя была перенесена с берегов Москвы на берега Невы. Петр и основал Петербург именно в день падения Константинополя – Второго Рима и ровно через 250 лет.

Впрочем, если перебирать такие совпадения, то нельзя не отметить, что 4 ноября – день Казанской иконы и по нынешнему официальному календарю, освобождения Москвы от поляков (то есть (воз)рождения ее в качестве Третьего Рима) – это еще и день основания Константинополя императором Константином Великим.

В 1918 году Москва снова стала столицей – но уже не православного государства. И по сию пору прописанная в Москве власть не является православной. Речь не о том, ходит президент в Церковь или нет. Речь о том, судит ли он себя Евангелием или нет? Видят ли законы России свою высшую цель, источник и оправдание в Православии? Является ли высшей целью внешней политики России поддержка Православия во всем мире? Этого в сегодняшней России нет. Москва уже не Третий Рим. Место «Рима» вакантно.

Как видим, уже был и четвертый Рим. И безо всякого Рима почти век мы прожили. Так что не стоит схему Филофея возводить в ранг пророчества и тем паче церковного догмата.

Но если однажды в Минске (Тбилиси, Киеве, Кишиневе...) появится правительство, которое именно так будет осознавать цель своего служения, то Минск (Сухуми, Тирасполь...) и станет пятым Римом.

Кстати, для того, чтобы быть "новым Римом", вовсе необязательно быть сверхдержавой и ведущим игроком геополитики. Когда Москва приняла на себя служение "Третьего Рима", она не была даже "региональной сверхдержавой". Польша, Литва, Крымское ханство были для нее смертельными угрозами (или уж по меньшей мере равными соперниками). В 1571 году крымский хан сжег "Третий Рим", Москву из которой третье—римский император – Иван Грозный – предпочел убежать до подхода врага... Сверхдержавами тогда были Испания, Португалия, Англия... Важно, чтобы государство считало себя защитником Православия. Будут еще такие государства или нет в истории нашей планеты – я не знаю.

И еще очень важно помнить, что лозунг "Москва – третий Рим" – это, вовсе не всплеск националистической гордыни. Во-первых, сама идея империи – антинационалистическая, ибо наднациональная. Москва ощутила себя империей для всех православных народов. Причем – временно, до освобождения Константинополя. Когда царь Алексей Михайлович и патриарх Никон мечтали о том, что после присоединения Украины они двинутся дальше на Константинополь, то речь шла о том, что столица будет перенесена из Москвы в Константинополь. И именно поэтому патриарх Никон начал реформу богослужения, подлаживаясь под греков.

Удивительная идея! Если бы англичане планировали завоевать какой-нибудь народ, они бы при этом предполагали, что свою школу, свою Церковь и культуру навяжут этому покоренному народу. А вот русский империализм совершенно особый: мы должны подладиться под тех, кого завоюем, чтобы им проще было с нами сослужить.

Эта черта русского империализма, кстати, очень хорошо видна на топографической карте Российской Империи. Европейцы, придя в Новый Свет, несли с собой свою топонимику. Всюду новые Йорки и новые Орлеаны. А у нас даже имя нашей столицы – Москва – своим откровенно финно—

угорским паспортом напоминает о том, что русские здесь пришельцы (по известной формуле: коренное население – это предпоследний завоеватель).

– Можно ли после стольких лет гонений на христианство употребить выражение «Святая Русь»?

– Та Русь, что действительно свята, была и остается таковой. Другое дело, что сейчас сбывается пророчество Александра Блока "В будущем я вижу две России: Россию-Америку и Россию православную". Это два народа с пока еще общим языком и территорией, но с совершенно разными духовными ценностями и этикой. Есть "Соединенные Штаты Евразии" под именем Российской Федерации – с макдональдами, кока—колой и НТВ, – а есть Святая Русь. Она небольшая, но есть. И может поэтому, даже не зная об этом, жив остальной народ.

– Каково Ваше мнение о евразийской идеологии и нынешних попытках ее закрепления в российском политическом пространстве?

– Прежде всего, мне не нравится сама по себе евразийская идея. В тезисе о том, что Россия есть перекресток культур мне слышится хорошо завуалированная хула. Когда про некоего человека говорят, что, вообще, он хороший посредник, это часто следует понимать в таком смысле, что сам по себе он ничто, но если при случае окажется между серьезными людьми, то может немножко услужить – и тому, и другому. И когда называют особенностью нашей страны то, что она является "мостом", подспудно за этим звучит, что ничего своего она не создает. По мосту просто проходят – и все.

Так вот, Россия – это совсем не мост. Это нормальная, органическая часть западного мира. Причем поясню, что для меня Восток и Запад понятия не политические, а культурологические. Для западного мышления прежде всего характерно личностное восприятие Бога и тезис о сохранении его личности в посмертии, которое определяется принципиальной свободой человека. В этом смысле и Ислам – тоже Запад. Я не вижу серьезного влияния на русскую культуру со стороны, скажем, индийской культуры или китайской, влияния, которое превосходило бы аналогичное влияние этих регионов Земли на культуру Англии, например, или Германии. Вообще, назовите мне хоть одну идею, которая органично вошла в русскую культуру с того Востока, что восточнее Персии... Словом, я не вижу оснований считать, что Россия является евразийской в культурном смысле державой.

А потом эти разговоры о Востоке имеют еще один неприятный поворот – когда выливаются в навешивание ярлыка "азиатчины". Эти бесконечные стенания по поводу того, что русская история с ее татаро-монгольским игом, Иваном Грозным, крепостничеством, самодержавием и так далее подавила ростки свободы, самостоятельности, и поэтому бедная душа современного россиянина не в состоянии принять благо прав человека и либерализации... У меня простой вопрос. А душа чухонца – в состоянии? Покажите мне, пожалуйста, где, собственно говоря, у латыша или финна большой опыт демократии, жизни в свободе, чем у русского крестьянина, особенно новгородского, или у сибирского или новороссийского казака?

– А конкретно к евразийству Дугина как Вы относитесь?

– Это враг опаснее любой Блаватской (потому что умнее и образованнее). Как и у Блаватской, это попытка переварить Православие в каббалистику. Достаточно вспомнить его статью "Мессианство Каббалы". Неприкрытая апология террора, жажда превратить Православие в революционно—террористическую идеологию также не вызывают желания сблизиться с этим человеком. Ну зачем притворятся "старовером" – и при этом рекламировать наркоту? – "Могу сказать, что наркотический опыт крайне интересен. Определенному типу людей, людям более материалистической природы, это могло бы открыть глаза на жизнь. Я считаю, что наркотики крайне интересны и положительны для западных людей и менее интересны для русских, – не потому, что они хуже или вреднее. Я, кстати,

даже считаю, что они не так уж вредны на самом деле, в каком-то смысле даже полезны для расширения сферы восприятия. Это то же самое, что с масонством. На Западе масонство неизбежно, потому что там католическая церковь – организация настолько узкая, убогая и недуховная, что без масонства ей просто нечего делать. А в масонстве присутствует (или присутствовал) компонент настоящего мистицизма. Но нам оно абсолютно не нужно, потому что Церковь наша сплошь мистична”.

Занятная полемика обо мне развернулась в июне 2001 года на дугинском интернет-форуме. Поначалу Дугин отзывался обо мне только крайне негативно. Потом начал говорить более комплиментарно. И вот верные "евразийцы" стали недоумевать.

"Фигуру Кураева сложно оценить однозначно, – пишет некий "Северный олень", – С одной стороны его труды полезны с точки зрения популяризации Православия, его распространения в массах и т.н. "интеллигенции". Его критика различных разновидностей "эзотерических" учений современного мира, еврейства бесспорно также полезна. Кураев – талантливый популяризатор, у него хороший простой, ясный и в то же время не примитивный язык. Однако, настораживает церковный либерализм данного автора, его приверженность идее отделения государства от Церкви, толерантность к сектам и всевозможным "эзотерикам". Безобразно либерально звучат его выступления против введения смертной казни и уголовной ответственности за атеизм. Кураев – принципиальный противник жесткого, инквизиционного, хирургического подхода к решению обозначенных им же проблем. Это либерал от христианства, зараженный бациллами современного "гуманизма". Для первой половины 90—х годов, когда РПЦ на идеологическом фронте занимала исключительно оборонительную позицию, он подошел и вполне справился с возложенной задачей. Но для агрессивной, наступательной, лишенной либералистических предрассудков Церкви, возвращающейся к истокам и смотрящей на государство свыше – Кураев не только не подходит, но и выступает в роли преграды".

Что ж, предельно ясное определение различий между нами: я действительно против расстрелов и костров. Один же из самозванных "хирургов" на теле России, выступающий в интернете под псевдонимом "руссист" пишет: "Мнение Дугина о Кураеве никогда не менялось. Оно *крайне* негативное. Отзыв, на который вы ссылаетесь (написанный довольно давно), носит тактический характер. Мол, даже такая падаль, как Кураев, если ее окружить правильным контекстом, может быть использована для хорошего дела... Я не высказывал о дьяконе свое личное мнение, я лишь озвучил ни на йоту не изменившееся мнение Дугина (общеизвестное, впрочем). Мнение это, безусловно не отменяет курс на максимальную корректность по отношению к дьякону в публичных высказываниях. В конце концов, радикальный центрист должен быть корректен по отношению ко всем. Особенно к врагам. «Тактические уловки» – крайне неудачное определение. Речь идет лишь о том, какой тип рефлексии на врага в данный момент наиболее эффективен. Дугин полагает, что бороться с кураевыми сейчас следует не через публичное обличение, а через обезоруживающую корректность... Неужели это не понятно???" Дугин же написал: «Мне очень понравилось мнение о.Андрея о евразийстве. Я, кстати, отношусь к нему совсем не так плохо, не так плохо. Гораздо лучше, чем мне приписывает руссист. Много лучше. Такое мнение откровенное и открытое. Хорошо бы так думали и другие. Легче бы было работать. Не надо обижать у нас на форуме отца Андрея. Он этого не заслуживает. Его холуи заслуживают, а сам он нет. Но все холуи заслуживают наказания. Отец Андрей очень дельно высказался о евразийстве, аргументировано и со вкусом».

В общем – обычная "эзотерика": сплошные "тактические уловки" для осуществления своей "работы" по мутированию христианства в нечто соответствующее каббалистико—масонским стандартам.

– Как Вы оцениваете реальность мусульманской угрозы сегодня? Ислам сейчас очень

активно распространяется во всем мире...

– Слово "угроза" здесь двусмысленно, потому что когда мы говорим об угрозе, то предполагается какой-либо злой умысел. А в чем можно упрекнуть мусульман? В том, что они честные люди, которые придерживаются своих древних традиций и проповедуют свою веру? Разве это плохо? Дело не в активности мусульман, а в другом – почему мы-то так не дорожим своим языком, своей культурой и своей верой? И почему мы абортами и "контрацептивной рассудительностью" лишаем своих детей права на жизнь?

– Муфтии утверждают, что террористы, взрывающие мирных людей, ничего общего с исламом не имеют. Но неужели десятки «шахидов» идут на смерть против своей веры? А мне кажется, что ислам глубинно, в фундаменте своем просто ни в грош не ставит человеческую жизнь. Что Вы по этому поводу думаете?

– Слова муфтиев и "политкорректных" журналистов о том, что террористы-шахиды не имеют отношения к исламу, – из разряда тех благоглупостей, когда говорят, что у террористов нет национальности. Но они же не инопланетяне в конце концов! В культурах и религиях могут быть импульсы, подталкивающие к жестокости или к терроризму. Например, в послевоенные годы часто ставился вопрос, почему в культурнейшей стране Европы, в Германии зародился фашизм? Не означает ли это, что зубы дракона росли через века христианской европейской традиции? Не было ли в христианстве чего-то такого, что учило людей относиться бесстрадательно к боли еврейского народа? Этими вопросами и ныне полна европейская пресса. Даже несмотря на то, что во времена фашистской Германии Церковь подвергалась гонениям, а гитлеровская верхушка была откровенно языческой – вопрос о христианских корнях антисемитизма считается вполне академическим.

Но отчего-то аналогичный вопрос об исламских корнях терроризма считается невежливым.

Как-то один высокопоставленный муфтий подарил мне книгу "О свободе научных исследований в Коране". Меня заинтриговало название этой книги, потому что оно трудно соотносилось с моим представлением об исламе. Книжка оказалась пропагандистской. Свобода исследований признавалась, но – только в рамках исследования Корана. Свобода дискуссий доказывалась там таким примером. В решающей битве последователей Магомета с арабами-язычниками несколько десятков "неверных" были захвачены в плен. На военном совете решался вопрос, что с ними делать. Одни предлагали пленных казнить. Другие продать в рабство или потребовать у их родных выкуп. Победила точка зрения, что их надо продать. Через пару дней один из сподвижников Магомета (Омар) увидел пророка Магомета плачущим. На вопрос, почему он плачет, пророк ответил: Всевышний ниспослал откровение: "Ни одному пророку не годилось иметь пленных, пока он не производил избиения неверных на земле" (Коран 8,67). Так что пленных надо было казнить. Далее автор брошюры комментирует этот эпизод: мол, раз пророк Магомет не наказал того генерала, который принял неправильное решение, то свобода дискуссий возможна... Отчего-то этот пример меня убедил скорее в обратном.

– *Я знаю, что вам хорошо досталось за статью "Как бороться с терроризмом без спецназа"...*

– Да, такая статья была в "Известиях". А что досталось – мне не привыкать, и это нормально, если текст обсуждается.

– Каков Ваш взгляд на чеченскую проблему, если вкратце? Потому что один православный журналист в своем сетевом дневнике уже назвал тех, кто штурмовал здание театра на Дубровке, убийцами спящих женщин. Это, наверное, очень политкорректно...

– Нет, это уже не политкорректность. Я знаю, о ком Вы говорите. Это его неукротимое желание сказать гадость, только и всего.

Если же говорить о моем отношении к проблеме... Есть давний, еще средневековый спор номиналистов и реалистов, в который, с известными поправками, можно уложить и современный спор либералов и консерваторов. Номиналист считает, что "общее" – это только имена, абстракции. Реалисты же считали общие "идеи" реально существующими. Либералы считают, что каждый человек сам по себе: если он совершил преступление, то "общее", к которому преступник принадлежит, не несет никакой ответственности за его преступление. Это частный выбор частного человека.

Мне же ближе "реалисты": В каждом человеке есть нечто, что он наследует, а не выбирает. Есть предрассудки, общие для больших групп людей. Это пред-рассудки в самом буквальном смысле: нечто вошедшее в меня до пробуждения моего рассудка, переданное мне моей семьей, школой, культурой в качестве стандарта поведения. "Все мужчины делают это!". Но в разных культурах довольно разные представления о том, какое именно "это" должен делать "настоящий мужчина". Захватывать женщин в плен – позор с точки зрения одной культуры и доблесть по понятиям культуры другой. Преступники есть в любом народе. Различие народов в том, что поступок, считающийся преступным в одной культуре, считается нормой или доблестью в другой.

Интересно, что после той статьи в "Известиях" меня вызвали для отчитки в прямой эфир радио "Эхо Москвы" и подставили под критически-возмущенный удар двух знатных чеченцев. Генерал юстиции Абдулла Хамзаев и бывший прокурор Чечни Вахид Абубакаров за час разговора в прямом эфире вопреки моим неоднократным прямым призывам так ни разу и не дали нравственно-правовую оценку рабовладению в современной Чечне...

Здесь разница в "предрассудках" скотоводов и земледельцев. Мирная деревня землепашцев для кочевника – часть его законного хозяйственного ареала; он считает себя вправе регулярно делать на нее набеги и уводить отсюда рабов и рабынь. Вы ничего кочевникам не докажете – тут цивилизационная несовместимость. Земледельцы не могут сказать соседям-кочевникам: "вы живите по своим уставам, а мы по своим". Как бы дико это ни звучало с точки зрения нынешней "политкорректности", выход только один: давление Империи земледельцев, объединившихся для совместного отпора "дикой степи", на скотоводов с целью мутирования их культуры. Это путь долгой, упорной колонизации. Обучение, хитрая политика внутри кочующих племен, подкуп, выбор и поощрение самых сообразительных и цивилизованных вождей, развитие медицины, ремесел, помощь деньгами или, напротив, блокада... в общем, – весь набор мероприятий, описанных в прогрессорской трилогии Стругацких.

Но от российско-чеченского конфликта веет безнадежностью. У современной России нет ресурсов для прогрессорской работы в Чечне. Но и просто уйти отсюда Россия уже пробовала. И что же? – Чечня пришла к нам. Предложение наших пацифистов – установить границу по Тереку – вряд ли сработает: для земледельцев Терек это граница, а для кочевого сознания Терек – просто легкое препятствие на пути к славе и добыче. Я готов допустить, что Россия может и должна уйти из Чечни, раз ничего больше не может с ней сделать. Но вот готова ли Чечня оставить Россию в покое?

Вокруг Чечни очень много лжи с обеих сторон. Я против лицемерия. Я считаю трусливой пропагандой модное ныне бережное отделение чеченских боевиков от остального населения ("у террористов нет национальности и веры"). Если бы не поддержка этого населения, давно бы не было никаких боевиков. Не надо закрывать глаза на то, что перед нами именно конфликт мировоззрений, образов жизни и, если угодно, действительно, цивилизаций.

– Вы говорите, что имеет место конфликт цивилизаций. А Аверинцев, скажем, пишет, что имеет место кризис белой цивилизации...

– Одно другому не мешает. Исламо-христианское противостояние, кстати, это кризис именно внутри "белой цивилизации". Похоже, европейцы уже не способны нести бремя белого человека. Они

не в силах взять на себя ответственность, да и не достойны ее в своем нынешнем трусливом и расслабленном состоянии. У России в Чечне один выход – стать империей, готовой растить, развивать, прикармливать это племя. Если сил для этого нет – надо смириться и уйти... если нам позволят уйти.

– Как по-вашему, у христианства есть шанс победить в военном противостоянии с исламом?

– Это вопрос оптимиста. Я бы сказал, крошечного, беспросветного оптимиста. Потому что оптимист еще допускает, что будет война – сильная встряска, после которой христианские ценности воссияют новым светом. А я пессимист. И я допускаю, что мы проиграем без всякой войны. Произойдет простая депопуляция, а потом и капитуляция. То есть мы попросту не примем боя. Победит философия трусости, выдаваемая за правозащитную (ну, тут я повторяю то, что Солженицын говорил Западу в 70—х годах, пугая его коммунистической глобализацией).

– Вы так мрачно смотрите на вещи?

– Почему же мрачно? Наша вера предполагает, что нам интереснее безнадежные дела. Зачем заниматься тем, что и так обречено на успех? Мы беремся только за то, что обречено. И, случается, побеждаем. А Вы еще спрашиваете, почему Православие в основе своей авантюрно! Да противостоять сегодня исламу – это такая авантюра: с нашим—то внутренним разбродом, с таким изломанно—перевязанным инструментом! Особенно если учесть, что войну приходится вести на два фронта. В противостоянии исламскому фундаментализму ведь надо еще предохраниться от зачатия своих, "православных" террористов и инквизиторов. В Русской Церкви сегодня немало людей, которые несут в себе семена нашего собственного "ваххабизма". Ой, как верно поет Константин Кинчев: "Устоять на краю, да не пасть в самосуд, Вот такое дано – дело нам".

– Конечно, как верующий человек Вы не можете не уповать на чудо Господне, на то, что у России все-таки есть какие-то перспективы для спасения. Тем не менее, реалии-то как раз говорят об обратном. И простые статистические данные подтверждают, что великой России приходит конец. Та же демография об этом вопиет...

– Чудо оно потому и чудо, что не следует из законов демографии. Оно от Бога исходит. И естественно, чудо нельзя предсказать, оно, по словам Пастернака, "настигает мгновенно, врасплох". Или, как однажды сказал Бродский: "Знал бы Ирод, что чем он сильнее, тем верней неизбежнее чудо". Но я очень не хочу выступать в роли такого комиссара, который обещает, что победа, мол, никуда от нас не денется и все равно будет за нами... Христианство учит работать, даже будучи пессимистом. Этика христианства – это этика эсхатологического поражения. Мы знаем, что мировая история кончается тем, что описано в Апокалипсисе, то есть не воцарением Христа на земле, а напротив – появлением антихриста. И вот, зная неизбежность коллективного поражения, тем не менее надо сражаться за каждого отдельного человека. Вот в этом, наверное, и есть эсхатологическая мужественность христианства.

– Говоря проще, спастись?

– Нет, не только себя спасать. Другим людям тоже еще можно помочь. Понимаете, мои книжные знания пессимистичны. То, что я вижу по газетам, читая какую-то статистику и т. д., конечно, настраивает на весьма пессимистический лад. В конце концов, как можно быть оптимистом, коли нам точно известно, когда кончится нефть на территории России. Более того – пессимизм, окружающий меня в церковной среде, конечно, заражает и меня, и мое послание направлено по адресу "Безнадега точка ру".

Но мои миссионерские впечатления скорее оптимистичны. Я ежедневно захожу в новые аудитории, студенческие, школьные, и вижу, как меняются люди, глаза ребят, когда начинаешь с ними

разговаривать. Не всех, пусть не всех. Я радуюсь, если 2—3 человека в классе переменялись, загорелись.

Сегодня нельзя однозначно сказать, что современному поколению присуще "вот то", и что нет у него "вот этого". Есть живые люди, живые сердца. И они очень разные. На мои лекции всюду приходят по желанию, это не обязателька. А если у людей есть желание слушать рассказы о Православии – значит, незачем клеймить "времена и нравы".

– Не впадут ли в атеизм люди, прочитав в Вашей книге «Сатанизм для интеллигенции», что христианство едва ли не единственная религия на земле, которая утверждает неизбежность своего исторического поражения? Откуда такой пессимизм?

– Да, совершенно верно, такая фраза у меня есть, и я не собираюсь от нее отречься. Потому что это слова Христа "Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?" Земная история кончается поражением христиан. В "Апокалипсисе" об этом честно предупреждается: "И будет дано Сатане вести войну со святыми и победить их".

Православная традиция доживет до конца мировой истории. Сохранится сообщество людей, собравшихся вокруг веры, чаши с Причастием... Другой вопрос – в каком качестве? **Несомненно, последний, самый последний период, мы будем в капсулированном состоянии – будет крайне мало людей, придерживающихся Православия всерьез. Этому ничуть не будет мешать то обстоятельство, что официальное Православие и во времена антихриста может процветать. Храмы будут открыты, но вероучение, которое там будет возвещаться, будет весьма далеким от христианства.**

Церковь проиграет в социальном смысле. Не будет христианской школы, христианской политики, христианской культуры. Во многом этого нет и сейчас.

Впрочем, мы не знаем, когда все это настанет, а сейчас мне очень дорога французская поговорка: "Делай то, что ты должен – и будь, что будет".

– Но о победе Христа говорится в Символе веры: «Егоже Царствию не будет конца». Как можно ратовать за православную веру и не верить во всемирное торжество Евангелия?

– Царство Христово наступит тогда, когда "времени больше не будет". А пока есть время – мы потерпим поражение. Но для меня это не повод отказываться от Христа – мало ли поражений здесь, на земле? Есть вечность, а в вечности Господь – само торжество.

Но вообще-то все это я как раз и пояснял в своей книге... Так что этот ваш вопрос по меньшей мере странен – приводить цитату из моей книги и спрашивать – "почему Вы так сказали?". В книге уже был ответ на ваш вопрос. Зачем же делать вид, что не читали этих объяснений?

– Извините. Но Вы как-то проецируете ваш эсхатологический пессимизм на краткосрочную историческую перспективу?

– В историческом смысле я пессимист, и мне кажется, что большевистский режим сломал хребет русскому народу. Поэтому сейчас русский народ похож на собаку, которая еще может лапками скрести, но ни свою конуру, ни хозяйский дом охранять не может. Если бы мы, нынешние "дорогие россияне", были перенесены в 1941-й – скорость продвижения немцев ограничивалась бы только проходимость наших дорог. Как это уже и было в феврале-марте 1918-го. Поэтому чувствуется какая-то неправда в пышном праздновании юбилея Победы. 60 лет – большой срок. Победили Гитлера не мы, не те, кто сейчас создает и потребляет информационно-юбилейный шум. Нынешние российские элиты и их электорат ни в малейшей степени не являются преемником Советского народа, победившего в 1945 году.

С точки зрения диагностики жизнеспособности общества, плохим признаком является даже то обстоятельство, что в России нет православного терроризма, нет русского националистического терроризма.

Терроризм сам по себе – это выплеск злой, разрушительной энергии. Но все же – энергии. Пока человек еще жив, у него остается хотя бы коленный рефлекс: бьют по чашечке – дерни ножкой и в лицо обидчику стукни туфелькой. А вот когда бьют под чашечку, а ножка-то уже не шевелится, значит, – или труп, или паралитик.

За последние десять лет нам били уже по всем возможным болевым точкам, особенно наши телевизионщики и пропагандисты "нового мирового порядка". Все национальные, исторические, религиозные святыни осквернили, хотя бы словесно, в потоках издевательств и карикатур. Реакции нет. Народ пропил распад СССР, теперь спокойно ожидает развала России. Поэтому, мне кажется, народ наш "скорее мертв, чем жив".

Я бы с радостью говорил бы сегодня проповеди против бунтов, восстаний и погромов, но ведь их, к сожалению, нет.

– Но в душе, небось, радовались бы погромам?

– Ну, со стороны, как врач радуется тому, что в организме есть признаки жизни. Это, конечно, черная энергия, но это хоть какая-то энергия. Услышав об этих неумных и злых телодвижениях, я бы испытал то же чувство, что и спасатель, который получает пощечину от той девушки, которой он делал искусственное дыхание. Дыхание он ей делал уста в уста, а вот когда она наконец смогла вздохнуть самостоятельно, она пришла в себя, и, увидев у своего лица прильнувшего к ней незнакомца, со всей дури, почти не приходя в сознание, влепила ему... Больно-то оно, конечно, больно и даже обидно, но и добрая сторона в этом событии все же будет: раз дурит, значит все же живет...

Не реагирует на боль или святой, или труп. Когда этих выплесков нет совсем, это означает одно из двух: или народ достиг такой степени совершенства и святости, что он умеет жить по Евангелию и действительно прощать своим врагам, или это апатия трупа, которому все равно, что с ним делают. Говорить о том, что наш народ после 70 лет советской власти стал каким-то особо святым или духовно совершенным, невозможно. Значит, приходится констатировать некую духовную апатию существа, которое утратило возможность защищать себя, свою территорию.

Во всех странах, выходявших из-под коммунистического владычества, возрождение государственности и общественности шло под лозунгами возвращения к своим народным или национальным традициям – так было в странах Восточной Европы, Балтики, и на Украине, и в Молдавии, и в Средней Азии... Но в России почему-то не произошло такой смычки демократизма и патриотизма. Они оказались по разные стороны баррикад.

И коротичевский "Огонек", и НТВ надавили на все возможные болевые точки и нервно-паралитические узлы общества иголочками кощунств и оскорблений. Журналюги поиздевались вволю и над святынями историческими (типа Отечественной войны), и над святынями религиозными. Достаточно вспомнить "Последнее искушение Христа". И то, что в ответ мерседес Гусинского не взлетел на воздух – плохой признак. В любой порядочной стране это бы произошло – мусульманской, католической, протестантской. А раз у нас ничего в ответ не взорвалось, значит, никакого народного самосознания нет.

Еще одна печальная черта – у нас умер фольклор. Ни песен, ни стихов, оплакивающих боль через колено реформируемой Родины... Ни даже анекдотов или частушек про "демократизаторов".

А как жители России относятся к русским беженцам из Казахстана и Средней Азии, Прибалтики

и Кавказа? Помощь и сочувствие или равнодушие и презрение встречают их в России?

А смогла ли православная Русь поистине народно, искренне отпраздновать 2000-летие Рождества Христова? Кажется, ни радоваться, ни плакать мы уже не умеем.

И еще одну горькую вещь я скажу. В прессе я встретил информацию о том, что в Башкирии за последние годы резко снизилось потребление алкоголя. Эта тенденция – укор для нашего народа, "крещеного, но не оглашенного". Ведь что она означает? По законам ислама употребление спиртного является грехом. И вот мы видим, что башкиры всерьез восприняли возвращение к нормам жизни своих отцов. А в России сколько мы ни открываем храмов, а потребление водки растет. И боюсь, что это означает, что наш пафос "второго крещения" уйдет в колокола, в свисток, а не в реальное возрождение жизни.

– Что спасет Россию?

– Все зависит от того, от чего вы хотите спастись. В истории России были периоды, когда именно Церковь выводила народ из кризиса. Вспомним Преподобного Сергия Радонежского, вспомним священномученика Патриарха Гермогена и роль Церкви в освобождении Москвы от поляков в Смутное время. Однако не все государственно-национальные кризисы в истории России преодолевались при первенствующем участии Церкви. Например, победу в Отечественной войне 1812 года доставил героизм русских солдат и офицеров, а не проповеди отшельников, посетивших действующую армию; террористов 1905 года усмирил Столыпин и его "галстуки", а не возвания Синода. Я думаю, что и из нынешнего кризиса Россия, если ей суждено из него выбраться, будет выведена людьми в погонах, а не людьми в рясах.

Не надо очаровываться Церковью (земной Церковью – ибо о Небесной Церкви те, кто видят в нас политическую силу, и не помышляют), чтобы не пришлось разочароваться. Наша Церковь сегодня очень слаба, она – инвалид и в Москве, и по всей стране. От инвалида нельзя требовать, чтобы он взял и вызвал чудо-юдо на смертный бой и сшиб ему одним махом три головы. На сегодня Церковь слишком больна, и общество слишком нецерковно.

– Я думаю, если сейчас нам выйти из храма и опросить на улице сто человек, что им дороже – великое голодное и босое мессианство или спокойная нормальная жизнь, как в Европе, ответ будет очевиден.

– Да, многие предпочтут второе. Это и означает, что русский народ деградирует. В итоге, боюсь, он претерпит ту же трансформацию, которая произошла с римлянами – они превратились в итальянцев. Или с эллинами, которые превратились в греков.

– Ну и что?

– А то, что народ становится хранителем музея своего собственного имени. Он не столько созидает новую культуру, сколько живет воспоминаниями о том, что когда-то было... Народ слагает с себя ощущение вселенской ответственности за то, что происходит. А без этого ощущения мессианства художник, писатель или ученый не может творить. Ему нужно призвание: я должен! То, что я делаю – это больше, чем нужды моей семьи...

– 70 последних лет мы тоже были миссионерами. И просто устали. Мессианство – это тяжелая болезнь.

– Без ощущения своей призванности невозможно никакое позитивное творчество.

– А чему научилась Церковь в ушедшем веке?

– Боюсь, что ничему. Когда слушаешь приходские проповеди и пересуды на тему "Уроки XX

века". почитаешь о том же материалы наших газет – становится печально. "Ничего не забыли и ничему не научились"... Вместо осмысления наших вполне реальных церковных болезней – призывы к покаянию в грехах далеких предков. Вместо поиска болезней в нас самих и в нашей истории – поиски врагов вовне.

Даже вопрос об "уроках" не ставится. Или вам знакомы публикации в официальной церковной прессе с таким вопросом? Есть страшные слова у пророка Исаяи. Господь ему говорит: "Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?" (Ис. 1,5).

Действительно, небывалые гонения обрушились на нашу Церковь в XX веке. Самое горькое и вроде бы самое действенное лекарство Господь дал нам. И что же?...

В славянском языке слово "наказание" происходит от слова наказ (урок, вразумление). Более страшного урока, чем в XX веке, Православная Церковь не получала никогда. Это означает, что гонения – это не приступ сатанинской ярости, но обжигающий огонь Божественной любви, Божественного неравнодушия к нам, к судьбам нашего народа и нашей Церкви. Если Господь избрал средство столь радикальное (таких гонений не было даже в Римской империи), значит, и мера наших болячек, нашей духовной тупости в дореволюционные годы была такова, что эти болезни не могли бы излечиться средствами менее радикальными, нежели прижигание. А теперь подумайте: какие болячки в нашей церковной жизни были сто лет назад, но Господь прикоснулся к ним каленым железом гонений, и сейчас они исчезли... Если сможете ответить на этот вопрос – то это и будет ответом на вопрос о том, "чему мы научились".

Не благодарны ли мы в глубине души большевикам за то, что они загнали нас в "гетто", где теперь стало довольно-таки безопасно и уютно и где мы можем спокойно решать наши частные дела? Большевики выстроили ограду вокруг Церкви – чтобы она не влияла на подрастающие поколения строителей коммунизма. Теперь мы сами эту ограду реставрируем. В церковной среде распространено убеждение, что служение Богу – это только богослужение, что церковная жизнь тождественна жизни литургической. Нередко священник, который пробует выйти к людям за храмовую ограду, идет в школу, университет, в газеты, в больницы, начинает восприниматься как "обновленец" и "протестант".

Некоторые из предреволюционных болячек действительно исчезли. Скажем, сейчас нет такой бумажной канители, когда каждую проповедь надо было согласовывать, в двух экземплярах, заранее у благочинного. С Церкви сняты полицейские функции: выискивать сектантов, разбираться в причинах развода, устанавливать вину: кто изменил первым и т. п.

Эта консисторская обыденность ушла, но то, что пришло на смену, тоже не всегда вызывает восторг. Например – кошмарный обвал уровня богословской культуры и образования даже в духовенстве и монашестве...

Но это частности, конечно. Более серьезно то, что сегодня со страниц церковной и наипаче околоцерковной печати нередко раздаются призывы "принять меры" против каких-то человеческих действий или убеждений, расходящихся с православным верованием. Но если человек, только что сам вышедший из тюрьмы, требует посадить всех остальных, это означает, что заключение он пережил не по-христиански. Страдание не обострило его совесть.

Единственный светлый признак в этом отношении – это принятие "Основ социальной концепции" на Соборе 2000 года.

ОТКУДА У ЦЕРКВИ ДЕНЬГИ?

Не запах ладана и воска встречает посетителя у входа во многие православные храмы – а звон монет и разговоры о деньгах. Свечи, иконки, освященное масло, просфоры, крестики, – все это предлагается в "свечных ящиках", располагающихся у входа в храм или даже в самом храме.

Если человек знает Евангелие – он тут же вспоминает, что Христос изгнал торговцев из храма. Если человек Евангелия сам не читал – что ж, рано или поздно найдутся "доброжелатели" из какой-нибудь секты, которые не откажут себе в удовольствии ткнуть пальцем в чужой грех. С гневным возмущением они обратят ваше внимание на очевидное противоречие между жизнью православной церкви и Евангелием...

Но ведь Евангелие читают и православные священники. Почему же в наших храмах звенят деньги?

Деньги в храме – это плата за то, что мы живем в условиях, весьма отличных от той культурно-бытовой среды, в которой складывались устои православной жизни. Это наша плата за то, что мы живем не в традиционном обществе, не в крестьянской общине. Мы – жители городов, вдобавок северных, а отнюдь не палестинских или греческих.

Представим себе основы церковной "политэкономии" в ту пору, когда господствовало так называемое "натуральное хозяйство".

Что нужно было для повседневной жизни храма? – Хлеб и вино для таинства Причастия. Воск для свечей, оливковое масло для лампад, ладан для благовонного каждения. Все это совсем не экзотично и не дорого. У греческого, сербского, болгарского крестьянина (а именно отсюда к нам пришел православный уклад жизни) все это было под рукой. Хлеб он выращивал свой. Вино делал из своего винограда. Маслиничное дерево росло на его же пастбище. В качестве ладана могла сгодиться смола, собранная с деревьев (прежде всего – сосен и кедр).

Денег почти не было (особенно на селе). Люди приносили в храм частичку того, что они вырастили или сделали сами. Они не покупали свечи в храме – а приносили из дома свои. Они не покупали в храме бутылочку с маслом для своих домашних лампад, но из дома приносили сделанное своими же руками масло. Они не покупали в храме просфор, но свой, домашний хлеб или муку приносили для храма. Они не покупали в церковной лавке ладан, привезенный из-за границы, но сами делились с храмом собранной ими смолой. То, что мы сегодня выносим из храма, еще сто лет назад люди (по крайней мере крестьяне) в храм приносили.

Крестьянин понимал, что он не является творцом своего урожая. Да, его труд и его вклад велик. Но без дождя и без солнца – разве дала бы плод вспаханная им земля?! Всю страду он с надеждой смотрел на небо. Теперь у него есть урожай – и чувство справедливости требует быть благодарным Небу. Частичку своего урожая, частичку своего труда он приносит к алтарю: "Ты даровал мне этот дар, Господи, я благодарю Тебя за него и приношу ответный дар, хотя и символический".

Именно в этом смысл освящения льна, меда, яблок, винограда в августовские церковные праздники. Яблоки не становятся вкуснее от принесения их в храм. Просто душа учится быть благодарной. Как однажды заметил английский писатель Честертон, религиозное воспитание малыша начинается не тогда, когда отец начинает рассказывать ему о Боге, но когда мать учит говорить "спасибо" за вкусно испеченный пирог.

Итак, люди приносили частичку своего труда в храм. Так сегодня на панихидах, поминая своих близких "за упокой", люди приносят из дому печенье, яблоки, пряники, сахар, блины и ставят их на панихидный столик. По окончании молитвы часть принесенных продуктов они отдают

церковнослужителям, часть – предлагают всем, кто находится в храме, часть – раздают нищим у храма. Вот так же раньше происходило и с важнейшей церковной службой – с Литургией. Люди приносили из дома вино и хлеб, передавали их священнику с просьбой помолиться за тех, кто принес эти дары и о тех, за кого они принесены. Это и было то, что сегодня называется "просфора". По-гречески это слово означает приношение. "Просфора" – то, что приносится в храм, приносится в жертву, а не то, что уносится из храма.

Но сегодня люди дома не пекут хлеб и не делают вино. Более того – ни домашняя выпечка хлеба (в тех семьях, где она сохранилась), ни домашнее изготовление вина или свечей сейчас почти ни для кого не являются основным видом труда. Люди живут иными работами, и эти иные виды труда дают им пропитание и заработок. Но где бы ни работал человек – его религиозная совесть напоминает ему: в своей работе ты пользуешься теми талантами, теми дарами, теми возможностями, что даровал тебе Творец. Так хотя бы частичку их верни в Его храм с благодарностью. Как же инженеру или трактористу, журналисту или учителю частичку своего труда принести в храм? Не деталь же от трактора приносить и не экземпляр газеты со своей статьей... – Так у нас есть знаки, выражающие плодотворность труда в самых разных сферах. Это то, что в современной политэкономии называется "всеобщий эквивалент". Деньги.

Часть того, что человек заработал, он в виде денег приносит в храм. Эти бумажки он меняет на то, что не сделал сам, но что нужно для службы в храме: на свечи, хлеб (просфоры), вино, масло, ладан... Для постороннего взгляда здесь происходит явная торговая операция: деньги меняются на предметы. На самом деле все иначе. Человек принес свою жертву. Но ведь денежную купюру не зажжешь вместо свечи, а монету не положишь в кадило вместо ладана. Что ж – Церковь заранее позаботилась о том, чтобы нужные вещества были заготовлены. Свечу не нужно делать самому и везти в храм через полгорода. К церковному порогу прихожанин может поднести свою жертву в виде монетки, а уже внутри храма идти со свечой в руке.

Налоговая инспекция видит здесь акт торговли. И, конечно, требует поставить кассовые аппараты в храмах и уплачивать "налог с продаж" свечей и просфор. В чем тут неправда? – Человека понуждают давать жертву совсем не тем, для кого он ее принес. Человек принес свою жертву в храм, а налоговая инспекция говорит: нет—нет, вот эту часть мы берем себе. Если люди сегодня больше доверяют Церкви, чем государству – разве в том вина Церкви?

Законодательство гласит, что если предприниматель часть своей прибыли жертвует на Церковь, пожертвованная сумма исключается из его налогообложения. Так почему же это правило нередко забывается, когда речь идет о тех копеечках, которые живые и небогатые люди (а не юридические лица) приносят к храмовому порогу?

Мы не видим в этом акта купли-продажи. "Свечной ящик" – это скорее тот переходной тамбур, который помогает людям из современной цивилизации безболезненно перейти (хотя бы в одном отношении) в мир древней традиции. И потому мы не считаем, что наличие "свечного ящика" у храма нарушает Евангельскую заповедь или налоговый кодекс.

Патриарх Алексей при встречах с духовенством постоянно подчеркивает: в храмах не должно быть слов "цена", "стоимость", "плата". Лучше говорить "жертва на такую-то свечу", "пожертвование на такую-то молитву". А есть храмы, в которых свечи вообще предлагают без всяких разговорах о деньгах. Свечи просто и открыто лежат, а рядом с ними стоит ящик для пожертвований. Кто-то по скудости своих средств берет бесплатно. Но нередко люди опускают в этот ящик не тот рубль, в который реально обошлось производство свечи, а пять или десять рублей – понимая, что здесь не обмен эквивалентами, а жертва...

Теперь понятно, почему с церковной точки зрения согрешают те, кто покупают (здесь-то –

именно покупают) свечи у уличных торговцев или в светских магазинах, не в храме. Если свеча есть символ нашего горения к Богу и нашей жертвы для Него – то что же получается, если вы эту свечу приобрели у обычного бизнесмена? Свеча не молится за нас, вместо нас. Свеча лишь напоминает нам о том молитвенном горении, которое должно быть в наших сердцах. Свеча сегодня не способ освещения храма или квартиры. Она – воплощение той малой жертвы, что мы принесли в храм. Сама же эта малая жертва есть символ той величайшей жертвы, которую христианин должен принести Богу: “Сами себя, и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим”. Да разве можно произносить эту молитву с “экономленной” свечой в руке? Такая жертва приносится не в храм, а мимо храма. И свеча такая горит не Богу, а нашему эгоизму и копеечной “экономии”.

Свеча, купленная на улице и принесенная в храм – не жертва, а нечто противоположное. Это копейка, украденная у храма. Как бы ни заверяли уличные свечные торговки, что их свечи “освященные”, “софринские”, “церковные” – своим собеседникам они предлагают соучастие в грехе.

Да, в прошлом люди свои свечи приносили в храм, а не приобретали их в храме. Но кроме этого, они еще и платили церковную “десятину” (пусть даже не деньгами, а частью своего урожая). Сегодня Православная Церковь (в отличие от многих протестантских общин) не призывает своих прихожан к столь ощутимой – десятипроцентной – жертве. Но, пусть и малая жертва, чтобы перестать быть актом купли-продажи и приобрести духовно-значимый характер, должна быть все же принесена в храм, а не отдана уличным спекулянтам.

Сегодня слова “жертва” и “жертвенность” не популярны. Но чем настойчивее реклама и массовая культура твердят, что жить надо как можно вкуснее и что “себе в удовольствии не откажешь”, тем важнее для Церкви противостоять этой расчеловечивающей моде.

Не о деньгах наш спор с налоговой полицией, которая норовит собрать налоги с тех операций “купли—продажи”, которые ей мерещатся в храмах. Так смотреть на церковную жертву, приносимую людьми, все равно, что в крещении видеть лишь закаливающую процедуру. Не ради же закалки люди подходят в крещению. Конечно, происходящее в крестильне можно описать по законам физики и вспомнить не Христа, а Архимеда: сопоставим вес тела и массу вытесненной им воды... Но не ради того, чтобы поднять уровень воды в крещальной купели, опускается туда человек... И как происходящее в крестильной купели не описать законами Архимеда, так и то, что происходит у свечного ящика, не описать лишь по законам Адама Смита, Карла Маркса и Егора Гайдара.

Здесь не торговля, а воспитание души. Осознай тот малый жест, что совершаешь у церковного ящика, не как обычную торговую операцию, но как начальную жертву – и многое начнет меняться в душе. Не купленную свечу с сознанием выполненного покупательского долга надо возжигать на подсвечнике, но огоньком жертвенности освещать свой жизненный путь. Это, конечно, малость. Но и она может помочь человеку осознать, что, кроме работы, в мире есть еще и служение. Кроме того, что продается и покупается, есть еще и то, что жертвуется.

Свечи, некогда необходимые для освещения храма, сегодня утратили это свое назначение. Храм освещается электричеством, а за электричество надо платить деньгами. Храмы в России надо отапливать (чего, кстати, нет в Греции и что было редкостью в средневековой Руси). Где храму взять деньги для расчета с городскими службами, если люди даже свечи будут покупать у уличных торговков?

То, что Церкви есть, на что тратить деньги – понятно. Строительство и реставрация храмов, зарплата священникам и певцам, сторожам и уборщицам. Затраты на содержание семинарий, воскресных школ, церковных гимназий и больниц. Аренда помещений для внехрамовых бесед и лекций и покупка эфирного времени для радио– и телепроповеди. Содержание центрального аппарата и зарубежных миссий и представительств... Откуда же Церковь может брать эти немалые деньги?

В прошлые века большая часть этих средств шла прямо из государственного бюджета. При отделении Церкви от государства на этот источник более полагаться нельзя.

В некоторых странах в распоряжении Церкви (почти исключительно – католической Церкви) остались земельные угодья, пожертвованные ей в течение многих предыдущих столетий, и Церковь может жить за счет сдачи этих земель в аренду. Но и такой вариант в современной России нереален.

В ряде стран (прежде всего – Германия и государства Скандинавии) собирается специальный церковный налог. Каждый гражданин страны обязан определенный процент от общей суммы своих налогов перечислить на церковные нужды (свобода же совести состоит здесь в том, что человек может сам решить – какой именно из конфессий он доверяет свои деньги). Подобный вариант в современной России – явно из области фантазий.

Наконец, те религиозные общины, которые не зависят от поддержки государства, нередко вводят свой внутренний обязательный налог со своих прихожан. Это так называемая "десятина". 10 % от всех своих доходов прихожанин обязан пожертвовать в церковную кассу. Когда-то и на Руси было такое правило (вспомним, что первый православный храм в Киеве назывался "Десятинной церковью"). Но вернуться сегодня к такой практике нам мешает понимание того, что этот шаг означает сокращение и без того крохотных пенсий и зарплат многих наших прихожан на десятую их часть.

Что же в этом случае остается? – Предложить прихожанам жертвовать в храм по мере своих сил (принося копеечные жертвы за свечи и просфорки) в обычные дни и годы их жизни. И при этом предложить им жертвовать в храм более серьезные суммы при тех редких случаях, что бывают в жизни нечасто (прежде всего – при крестинах и венчаниях).

Несомненно, что быть православным прихожанином в этих условиях гораздо "дешевле", нежели быть протестантом, платящим ежемесячную "десятину". Но несмотря на это, протестантские проповедники любят поязвить на тему о сребролюбии православных: все мол, у них, за деньги. Нет, далеко не все. Человек может ходить в храм и жить церковной жизнью, не внося в церковную кассу вообще ни копейки.

Никто не заставляет его приобретать свечи. Важнейшие таинства нашей церковной жизни – исповедь и причастие – всегда совершаются без всяких "плат". Если у человека нет возможности внести надлежащую жертву за крестины, венчание или погребение – по церковным правилам священник обязан согласиться на совершенно безвозмездный труд (труднее будет уговорить хор).

Если у человека нет возможности передать в алтарь записочку о "поминовении" своих близких с приложением к ней жертвенной копейки – и это не беда. Господь знает помыслы наших сердец и состояние наших семейных бюджетов. Если не мелочная корысть и не типичная жажда "халявы" стоят за этим, а действительная бедность – что ж, горячая молитва человека за своих ближних будет Богом услышана. Ведь священник, завершая литургию, опускает в Чашу с искупительной Кровью Христа все частицы, вынутые из переданных в алтарь просфорок. Вынимая эти частички (хлебные крошки) из просфор в начале Литургии, священник зачитывал имена тех людей, что значились в сопроводительных записках. Теперь же все их он опускает в Чашу со словами: "Омый, Господи, грехи поминавшихся зде кровию Твоею честною, молитвами святых Твоих". Видите: священник не говорит "мною ныне поминавшихся" но – вообще "поминавшихся". Упоминаемые в этих же словах "молитвы святых" – это отнюдь не только молитвы тех, кого мы привыкли видеть на иконах. Здесь имеются в виду и молитвы тех, кто стоят с нами в храме, тех, кто причастился Крови Христовой на этой Литургии (перед Причастием ведь священник возгласил: "Святая – святым", то есть святыня Христова дается тем, кто достойно, исповедав свои грехи, очистившись, приступает с Причастием). Как видим, не вместо нас молится священник о наших ближних, но вместе с нами. И поэтому невозможность принести денежную жертву на храм никак не означает, что человек не может приносить молитвенную,

сердечную жертву Богу. Исповедуйся, причастись, и, причастившись, помолись о своих ближних – и такая молитва будет значить никак не меньше, чем молитва священника о них в алтаре по переданной тобой записке.

А теперь настала пора открыть главную тайну церковной экономики: Церковь живет на деньги атеистов.

Представьте, что я юный "богоискатель". Я прихожу в храм и прошу священника меня покрестить. Батюшка, поговорив со мной, понял, что желание-то у меня серьезное, а вот знаний о Евангелии и о нормах церковной жизни – никаких. Он предлагает мне походить в воскресную школу или на беседы с ним. Проходит время (может, месяц, может – годы). Наконец, и он, и я приходим к выводу, что настала пора для моего сознательного крещения. Возьмет ли с меня, со студента, деньги священник, который немало собственных сил вложил в то, чтобы мое решение стало более осознанным и глубоким? Или скорее он сам сделает мне подарок в день моего духовного рождения?... Между прочим, именно так и было со мною в 1982 году – при крещении с меня не то что не взяли ни копейки, но еще и подарили крестик и свечи.

Проходят годы. Юноша растет действительно церковным человеком, регулярно исповедуется, причащается; в храме он бывает не только по большим праздникам... И вот однажды он приходит к священнику не один: "Батюшка, знакомьтесь, это моя Танечка... Мы бы повенчаться хотели...". Заговорит ли с ним священник о деньгах? Или повенчает своего духовного сына радостно и бесплатно – да опять же еще и очередную книжку по этому случаю подарит?

Проходит год. Молодой человек и его Танечка, за этот год также ставшая прихожанкой и духовной дочерью того же священника, подходят к нему с очередной просьбой: "Вот тут у нас, понимаете ли, Ванечка родился... Когда бы нам покрестить его?". Кто тут вспомнит о деньгах?

Еще годы остались позади. Татьяна скорбно подойдет к тому же священнику (если он будет еще жив) и скажет: "Овдовела я... Отпойте моего любимого". И неужели за отпевание человека, воспитанного им, всю жизнь проведшего на глазах у священника, он возьмет деньги у своей же скорбящей духовной дочери?

Вот парадокс городской церковной жизни: постоянные прихожане, подлинные духовные дети священника денег в храм практически не приносят. Храм же живет не на пожертвования прихожан, а на деньги "захожан". Прежде всего – на деньги тех, кого приносят в храм дважды в жизни: первый раз, чтобы крестить, второй раз – чтобы отпеть. Вот эти практические атеисты, не знакомые ни священнику, ни прихожанам, и передают свои деньги в церковный "свечной ящик". За себя и за того (церковного) парня.

Такая система церковной "экономики" сложилась в советские времена. Сегодня она, конечно, усложнилась. Появилась книжная и иконная торговля (есть храмы, в которых честно предупреждают: книги в нашем храме стоят дорого, дороже, чем в светском магазине. Но поймите, дорогие, приобретая книгу именно у нас, вы жертвуете на возрождение храма"). Есть благотворители—спонсоры. Бывает помощь со стороны городских властей.

И оказалось, что теплота человеческих отношений вознаграждается сторицей. Прихожане, полюбившие священника, убедившиеся в бескорыстии его служения, воспринимают как свои нужды храма. И, если не могут помочь сами, находят знакомых в новых российских элитах (в госаппарате, в банках, в сфере бизнеса), знакомят с батюшкой и убеждают помочь. Те же священники, что понаемнически относились к людям и смотрели на прихожан сквозь купюры – остались один на один со всеми волнами финансового кризиса. На добрых же пастырях, сумевших по-человечески, по-христиански относиться к людям, сбылись евангельские слова про заботу о земных благах: "Ищите прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам" (Мф. 6,33).

ЖЕНЩИНА В ЦЕРКВИ

– *Отец Андрей, почему Церковь так несправедлива к женщине? Ведь сколько в церковной литературе, особенно древней, особенно монашеской, весьма негативных высказываний о женщине как о «вместилище греха и скверны»!*

– Если уж исходить из позиций терпимости и равноправия, то давайте будем "терпимы к нетерпимости" других людей и культур. Попробуем понять, прежде чем заклеить.

Да, в некоторых книгах (в аскетических руководствах для монахов) проскальзывает то, что можно оценить как “дискриминацию” женщины в Церкви.

Но тут появляется повод заметить, сколь опасным может быть изучение религий только по книжкам. Если студенту дать задание сделать подборку высказываний Святых Отцов о женщине, то с помощью интернет-библиотек он быстренько наберет десятка два нужных цитат. И большинство из них будут весьма нелестными для женщин. Но такой исследователь ошибся бы, если бы предположил, что именно таково и есть учение Церкви.

Чтобы понять Церковь, надо в ней жить и ощущать неписаный "этнос Православия".

Итак, представьте средневековый город. В нем есть два монастыря: мужской и женский. И вот в обоих обителях разыгрывается одна и та же сценка.

В мужском монастыре юный послушник подходит к игумену и говорит: "Отче, тут такое искушение у меня было... Я вчера работал на монастырском поле. А мимо такая девушка с коромыслом прошла. Я, грешным делом, загляделся на нее. А потом всю ночь уснуть не мог: помыслы блудные и мечтания одолевали...". Старец же говорит ему в ответ: "Да, от женщин нам, монахам, одни искушения. Ты бегай их, не засматривайся на них, не разговаривай с ними, не держи их образ в памяти. Помни: не может долго лежать сухая солома рядом с тлеющим углем! Женщины для нас – источник гибели и скверны!".

В женском монастыре в тот же вечер такая же беседа. Юная послушница подходит к старице и говорит: "Матушка, тут такое искушение у меня было... Я вчера пела в хоре. А в храм такой солдатик молодой зашел. Я, грешным делом, загляделась на него. А потом всю ночь уснуть не могла: помыслы блудные и мечтания одолевали...". Игуменя же молвит ей в ответ: "Да, от мужчин нам, монахиням, одни искушения. Ты бегай их, не засматривайся на них, не разговаривай с ними, не держи их образ в памяти. Помни: не может долго лежать сухая солома рядом с тлеющим углем! Мужчины для нас – источник гибели и скверны!".

Вполне понятная педагогика в обоих случаях. В аскетических наставлениях речь идет не о том, что женщина хуже мужчины (или наоборот), а о том, что у нормального человека всегда есть эротический интерес к противоположному полу. Старец обращается к своим послушникам, о которых ему хорошо известно, что они не евнухи, что у его юных послушников есть “основной инстинкт”. Естественно, что этот инстинкт у большинства из них ориентирован в нормальную сторону – на девушек. Поэтому старец и говорит: смотрите, уклоняйтесь от общения с молодыми девицами, чтобы не было повода никаким искушениям и мечтаниям. И если одна из первых, начальных задач монашества состоит в том, чтобы взять под контроль этот инстинкт, то, соответственно, в женских монастырях говорят “будьте осторожны при общении с юношами”; а в мужских – “будьте осторожны при общении с девушками”.

Этот аскетический принцип присутствует во всех религиях, где есть инициации или практика подвижничества. Буддистские тексты тут гораздо радикальнее христианских: “То же самое тело красавицы для трех существ разное: для собаки – это пища, для любовника – существо, для монаха – падаль”.

А теперь вспомним, что общая особенность всей традиционной литературы во всех культурах, во всех странах, во всех веках состояла в том, что литература (как и политика, как и культура) была мужской. До нас почти не дошло свидетельств о духовной жизни и богословской мысли женщин-христианок. Нам известны лишь отдельные изречения так называемых амм (вот у нас мама, а в Египте амма: авва – это отец, а амма – мать). Мы знаем всего несколько их удивительных изречений. В основном же церковная литература прошлого – это литература мужская.

И поэтому советы мужчины-игумена тиражировались, а аналогичные советы игуменьи ("аммы") оставались лишь в устном предании, не выходя за стены женской обители. Оттого у не-церковных книжников и создалось впечатление, будто Церковь что-то имеет против женщин как таковых.

В философию и догматику эти аскетические советы все же у христиан не переходили.

В качестве доказательства я хотел бы предложить сравнение двух текстов. Один принадлежит Будде.

“Взгляните на девушку в пору ее расцвета по 15-му или 16-му году. Не кажется ли эта сверкающая, ослепительная красота великолепной в эти мгновения? А между тем прекрасное, манящее и желанное в этой блестящей красоте и есть не что иное, как мучение телесности. Взгляните на то же существо в другую пору ее жизни, по 80-му году: всмотритесь, какая она разбитая, согбенная, иссохшая, на клюку опирающаяся, едва плетущаяся, бессильная, выцветшая, беззубая, облысевшая, с дрожащей головою, морщинистая, темными пятнами покрытая... Вот вам ничтожество телесности! А потом, братия, взгляните на ту же сестру недугующую, тяжело страждущую, загрязненную испражнениями, поднимаемую и обслуживаемую другими. А потом взгляните на тело той же сестры на одре смертном, через день, два, три после кончины ее, как оно вздулось, почернело, предалось тлению. А потом взгляните на скелет с обрывками мяса, залитый кровью, сдерживаемый связками... Ну, что же братья? Куда же делась та сияющая, прежняя красота? куда исчезла? и как сменилась жалким, безобразным претящим ничтожеством телесного? (Терагата,60).

Второй текст принадлежит свт. Иоанну Златоусту. Начинается он очень похоже: “Когда ты видишь женщину благообразную, веселую, воспаляющую твои помыслы, то представь, что предмет твоего пожелания – земля, что воспламеняет тебя пепел – и душа твоя перестанет неистовствовать... Представь, что она изменилась, состарилась, заболела, что глаза ее впали, щеки опустились, весь прежний цвет поблек; подумай, чему ты удивляешься. Ты удивляешься грязи и пеплу, тебя воспаляет пыль и прах”.

Но вот сиюминутная аскетическая задача угашения похоти достигнута, и, оказывается, Златоуст совсем не собирается догматизировать свои слова: “Говорю это, не осуждая природы – да не будет! – не унижая ее и не подвергая презрению, но желая приготовить врачество для больных. Бог сотворил ее такую, столь уничиженною, для того чтобы показать и Свою собственную силу и Свое попечение о нас, брэнностию природы располагая нас ко смирению и укрощая всякую нашу страсть, а вместе с тем – являя Свою мудрость, по которой Он мог и в грязи образовать такую красоту. Посему, когда я унижаю естество, тогда открываю искусство Художника. Ибо как ваятелю мы удивляемся более не тогда, когда он производит прекрасную статую из золота, а тогда, когда вырабатывает точный и совершенный образ из грязного вещества, так и Богу мы удивляемся и воздаем хвалу потому, что грязи и пеплу Он сообщил отличную красоту и в телах наших явил неизреченную мудрость”.

Нежелание видеть разницу духовных путей христианского мира и восточного приводит к весьма примечательным ситуациям. Например, в 1991 году издательство “Художественная литература” выпустило книжку “Будда. Истории о перерождениях”. В джатаке “О заклинании тоски”, включенной в состав сборника, есть следующее назидание: “Брат мой, ведь женщины – сластолюбивы, бездумны, подвержены пороку, в роду людском они – низшие. Как ты можешь испытывать любовную тоску по

женщине, этому сосуду скверны?”. Издательство рекомендует эту книжку “для семейного чтения”...

Да, Рерихи всех убедили в том, что Будда и Христос так похожи друг на друга... Более того, ради того, чтобы лишний раз уколоть христиан, Е. Рерих, например, пишет: “Будда высоко ставил женщину”. Я был бы готов ей поверить...

Но почитаемый рериховцами реформатор тибетского буддизма Цонкапа говорит, что для приготовления к лучшей реинкарнации надо осознать: "Радость от достоинств мужчины; недовольство женским положением, признание его ущербным; отвращение желающих обрести женское тело от их стремления".

А однажды, чтобы убедить сомневающихся в правоте своего тезиса о том, что всякая женщина не более чем скверна, Будда провоцирует свою собственную мать (в том перевоплощении) на убийство его самого... В другом перевоплощении – будучи царем Бенареса, Будда послал своего придворного плута сокрушить добродетель жены жреца, которая хранила верность мужу, – конечно же, ради подтверждения своей спасительной проповеди: “женщин нельзя удержать от соблазна”. Кто в состоянии представить, чтобы подобные легенды слагались вокруг имени Христа?

И, кстати, почему Христос, по словам буддистов, якобы учившийся буддизму в Тибете и Индии, первое чудо совершил на брачном пире? Почему он умножил радость собравшихся, умножив вино? Почему не предложил помедитировать на тему об изгрызанном трупы невесты?

Так что мне представляется, что попытка Е. Рерих обличить христианство за счет женолюбивого буддизма не отличается уважением к историческим реалиям.

– А почему Вы думаете, что у христиан такая педагогика не переходит в догматику?

– Потому что помню о том, что именно Деву Церковь превознесла выше "Херувим и Серафим".

– Но все же сам мужской характер церковной средневековой литературы, о котором Вы сказали, разве не свидетельствует о дискриминации и отлучении женщин от культуры и образования?

– Видите ли, этот факт не был никак юридически оформлен. Речь идет о вкусах, а не о репрессиях. Если сегодня есть спрос на книги Акунина и нет массового запроса на Тредьяковского – это еще не означает дискриминации или гонения на допушкинскую русскую литературу. О том, что запрета на женское литературное творчество не было, свидетельствует хотя бы то, что Церковь приняла в свое Богослужение Рождества и Страстной Седмицы песнопения, написанные в IX веке монахиней Кассией (и, кстати, отнюдь не анонимные, но подписанные ее, то есть женским именем).

Кстати, с этой Кассией произошел замечательный случай. В 830 году византийский император Феофил выбирал себе невесту. 11 прекраснейших знатных дев были представлены ему. Феофил вошел в зал, держа в руках золотое яблоко, которое он должен был вручить своей избраннице. Подойдя к Кассии, он сказал: "От жены произошло все злое" (намекая на грехопадение Евы). Кассия же быстро отмела богословские инсинуации императора и ответила Феофилу: "От жены же произошло все лучшее" (имея в виду рождество Христа от Марии). Тут император здраво рассудил, что с такой женой править будет скорее не он, а она. В итоге яблоко было подано Феодоре, которая стала императрицей. Кассии же не оставалось другой дороги, как в монастырь... Такова легенда. А Феофил и в самом деле кончил плохо: он стал еретиком, уничтожившим иконы.

А что касается "отлучения от образования"... Знаете, я недавно купил одну милую дореволюционную хрестоматию по Средневековью. В ней приводится германский закон 1225 года, регламентирующий раздел имущества при разводе супругов: "жене идут все овцы, гуси, лари, пряжа, постели, перины, подушки, кольца, убрусы, псалтири и всякие божественные книги, обычно читаемые

женщинами, сундуки, ковры, мягкие сиденья, занавески...". Составители этой хрестоматии обычно приводят только тексты – безо всяких комментариев. И только к этому месту они сочли необходимым сделать пояснение: "В средние века женщины, в общем, грамотнее мужчин".

Впрочем, не менее удивительно само наличие такого закона: современная католическая Церковь развод в принципе не допускает, а в прежние столетия ее позиция была помягче: в Риме развод был разрешен еще в 9 веке; в Византии античная практика, разрешающая разводы, была упразднена к 8 веку...

– А как же знаменитые слова Апостола: «жены ваши в церквах да молчат; ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит. Если же хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви» (1 Кор. 14,34—35)?

– Во-первых, апостол говорит о Богослужбных собраниях, а не о всей церковной жизни (а вне Литургии голос женщин всегда звучал и слушался в Православии: вспомним советы древней подвижницы матушки Синклитикии).

Во-вторых, не будем забывать, что это слова именно Павла. Вроде бы если апостол нечто сказал – для христиан все должно быть ясно: следуй апостольскому завету. Но все не так просто – ибо этот апостол так говорил о принципе своей проповеди: "с иудеями я как иудей, с эллинами – как эллин". Это означает, что в его проповеди есть момент педагогического приспособления, нежелания по мелочам нарушать социальные нормы той среды, к которой он обращался. Он прекрасно умел отличать субботу от человека, умел человека ставить выше субботы, а субботу чтить за то, что ее почитание возвышает самого человека. Мало отличить главное от второстепенного – надо уметь ценить "второстепенное" ради того главного, что через него проступает. Павел, например, учил, что ветхозаветное обрезание уже не имеет религиозного смысла. Но когда он своего ученика, грека Тимофея посылал на проповедь, он все же обрезал его – иначе круг проповеди Тимофея слишком сузился бы. Евреи не стали бы внимать проповеди необрезанного грека, толкующего их Писания...

Разве мы следуем этому примеру апостола? Подвергаются ли сегодня обрезанию наши монахи, отправляемые на служение в нашу миссию в Иерусалим?

Так, может, и слова апостола свободы об ограничениях для женщин были уступкой внешним нравам, попыткой "не дать повода ищущим повода" (2 Кор.11,12)? Христианство и так начало свой путь как маргинальная секта: ее проповедовали презренные рабы и не менее презренные (в глазах имперских элит) евреи. Если бы апостольская проповедь шла через женские уста, то появился бы дополнительный и не-необходимый социально-психологический барьер на пути Церкви к Вселенскости.

Во всяком случае последующая история Церкви показала, что Церкви приходится считаться с теми социальными условностями, которые она сама одобрять не может, но учитывать должна.

Например, в Индии даже католикам пришлось строить разные храмы для христиан из разных каст и уже во всяком случае служить для них разные мессы, чтобы из одной чаши не причащать кшатриев и неприкасаемых. И в российских тюрьмах – та же проблема. На исповеди заключенный говорит священнику: "я рад бы причаститься, но вы ведь причащаете и наших "опущенных", а по нашим воровским понятиям, если я ем и общаюсь с ними, я сам становлюсь как они – и тогда и меня опустят"... Так что порой приходится служить отдельные службы для разных тюремных каст. Но из этого не следует, что сама Церковь проповедует кастовые различия.

Так придавал ли сам апостол Павел своему совету о молчании жен характер ситуационно-педагогический, то есть преходящий, или же он видел в нем вечную норму церковной жизни? То, что

апостол в обоснование своего совета ссылается на требования "приличия" и еврейского "закона", склоняет скорее к первому варианту.

А вообще это очень интересный пример того, как меняется церковная жизнь. Слова апостола Павла, запрещающие женщине возвышать глас свой в церковном собрании, понимались как внутрицерковная заповедь в течение девятнадцати столетий. Понимались настолько жестко, что женщины не могли даже петь в церковном хоре. Знаменитые Блоковские строки – "девушка пела в церковном хоре..." – это свидетельство об уже начавшихся переменах: к концу XIX века ситуация начала меняться. Женские голоса сменили мальчиков в церковных хорах. Поначалу – "де факто". Затем уже всерьез (кажется, Чесноков стал первым композитором, который стал писать специально для женских голосов в церковных хорах).

После революции, когда мужчины ушли из храмов, женщины стали исполнять прежде чисто мужские послушания церковных чтецов и даже алтарников.

Особняком стоит дата 1971 года. В этот год впервые в истории Церкви делегатами Поместного Собора стали женщины (даже на архидемократическом Соборе 1917—1918 годов женщин, в том числе и игумений, не было). Участвовали женщины и в работе Поместного Собора 1990 года, избравшего Патриарха Алексия II.

В 90-е годы пришла пора религиозной свободы – и отнюдь не всё вернулось "на круги своя". Женщины стали проповедовать: писать статьи и книги, издавать и редактировать богословские журналы, вести уроки Закона Божия в церковных и светских школах, богословия в светских университетах (в XIX веке законоучитель это только батюшка). В Тихоновском Богословском институте даже литургику – науку о богослужении – преподает женщина (М. С. Красовицкая)! И там же уже прошло несколько успешных защит богословских диссертаций женщинами.

В современной же культуре наконец-то зазвучали те голоса, которые принадлежали прежде "молчащему большинству". В Церкви зазвучал голос женщин. Православная женская богословская мысль рождается только на наших глазах.

И я рад, что именно монастырь, причем укорененный в древнейшей и славнейшей обители Руси – московское подворье Троице-Сергиевой Лавры издает богословские труды женщин (Олеси Николаевой и Ирины Силуяновой).

Я рад этому парадоксу: именно монахи дают возможность зазвучать в Церкви голосу женщин.

Вспомним еще имена серьезнейшего московского философа Пиамы Гайдено и петербургской писательницы и философа Татьяны Горичевой – и станет ясно, что в России оказалось возможным появление женской православной мысли, не вырождающейся при этом в крикливый и натужно—диссидентский "феминизм".

Для меня это пример нормального церковного развития. Так меняется растущее дерево: без громких деклараций, без искусственного "перспективного планирования". Живое растет просто – "само собой".

Впрочем, одну перемену я считаю желательной в нашей церковной молитве. В женских монастырях в богослужебные тексты внесены понятные и естественные коррективы: моление возносится не "братьях святых обители сея", а о "сестрах". Вот именно это последнее слово мне и хотелось бы почаще слышать в храме – не в качестве замены "братьев", а как дополнение. Скажем, в прощении – "Еще молимся о всех преждепочивших отцах и братьях, зде лежащих, и повсюду православных" добавление "и сестрах" было бы нелишним.

На третьем же аргументе, позволяющем полагать, что слова Апостола не относятся к

проповедническим опытам современных женщин, стоит остановиться подробнее.

В этом месте своего послания апостол призывает коринфян не увлекаться мистическими экспериментами. С точки зрения апостола не следует поощрять в себе стремление к "глоссолалии", то есть говорению на "незнакомых языках". В общем – это текст, мягко, но ясно направленный против мистического экстремизма, подобного тому, что встречается у современных "пятидесятников" и "харизматов". "Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие или неверующие: то не скажут ли вам, что вы беснуетесь?" (1 Кор. 14,23). Затем апостол советует не говорить в собрании нескольким людям одновременно – "потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира" (33). И затем – "жены ваши в церквях да молчат" (34). И вывод: "все должно быть благопристойно и чинно" (40).

Мы видим, что совет о молчании жен прозвучал в послании к общине, чьи собрания проходили довольно бурно. Эта община была легка на расколы, на внутренние распри. Не умела она еще и отличать подлинно христианского учения от подделок. Прикоснувшись к чему-то необычайному, она легко впадала в надменность и гордость. Поэтому апостол в посланиях к коринфянам напоминал им, что путь любви выше, чем путь гностического "знания", дар любви важнее дара "языков", жизнь в любовном единении важнее школьных споров по поводу того, чей учитель "выше".

Теперь представим себе, какой была роль новообращенных (а иных тогда просто не было) женщин в жизни такой общины. Эмоциональные, легковверные, они восторженно восприняли весть о том, что вера в Евангелие освобождает их от тягот иудейского закона. Недавно безмолвные – они стремились утвердиться в своем новом качестве, торопясь оповестить всех окружающих о своих духовных переживаниях.

Сегодня мы видим, что в тех сектах, что возвещают непосредственные и регулярные "контакты с Духом", ведущую роль играют именно женщины. Елена Блаватская, Елена Рерих, Алиса Бейли, Елена Писарева, Мария Дэви Христос из "Белого Братства", Ольга Асауляк, Людмила Шапошникова, Наталья Бондарчук... В тех оккультно-гностических кружках, которые стояли на границе церковного христианства и язычества, также возвещались идеи и духовные опыты, быстрее пленявшие именно женское сознание. В Коринфе, где христиане еще не научились отличать гностические подделки от апостольской веры, голос женщин, видевших себя в роли "пророчиц", был слишком громок.

Не входя в обсуждение доброкачественности каждого из "голосов" и "пророчеств", апостол Павел призывает сдерживать этот энтузиазм. Его голос – голос трезвого пастыря среди внезапно опьяневших. Никому не вынося строгого и жесткого приговора (чтобы не спровоцировать ответного бунта), он призывает не прикипать сердцем к этим экзотическим состояниям. В таком – кричащем, многоголосом, мистически впечатлительном собрании – жена да молчит. Хочет говорить? – Пусть она это делает в спокойной, трезвой обстановке у себя дома.

Не против женщин текст апостола Павла. И не в защиту полового сегрегационизма. Это просто текст в защиту трезвости и рассудительности. Разве не разум велит нам ставить любовь выше экзотических мистических дерзаний: "если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, а не имею любви: то я ничто" (1 Кор. 13,1—2)? "Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание опразднится" (8).

Так вот – если бы Олеся Николаева, Ирина Силуянова, Татьяна Горичева и Пиама Гайденко вскрикивали на "иных языках", если бы они цеплялись ко всем встречным с предложением немедленно выслушать переданное им прошлой ночью "откровение", если бы они считали себя наделенными неким эзотерическим "знанием", если бы они ощущали себя проводницами неких "пророчеств" – то к ним с самой жесткой интонацией надо было бы обратиться слова Апостола: "Жена в церкви да молчит!".

Но ведь все они – философы. Все они пишут логично, строго, сдержанно, призывая контролировать движения сердец и эмоций доводами науки, логики, богословия. Если бы в том коринфском собрании посреди всеобщей опьяненности "иными языками" вдруг встала бы женщина и спокойно сказала: "Братья! не упивайтесь своими "вдохновениями". Самый важный дар духа – это любовь. В сердце нетрезвое, в сердце, опьяненное своими "переживаниями", этот дар не войдет. Поэтому давайте отложим нашу возбужденность и научимся бесстрастно—умной молитве..." – разве осудил бы ее апостол Павел за это выступление?

— Почему женщине нельзя быть священником?

– Давайте сразу уясним: я ведь тоже не священник. Так что мои ответы не стоит воспринимать как попытку человека, дорвавшегося до кусочка власти, не допустить кого-то другого до этого же кусочка. Я говорю о том, чего нет и у меня. Я сам отношусь к той части человечества, которая не совершает церковных таинств, то есть к той части, к которой принадлежат и все женщины.

А лозунги о несправедливости рождаются как: сначала человеку внушают, что у него есть права, о существовании которых он и не подозревал, а потом заявляют, что этих прав ты лишен. Жил себе человек спокойно без всякого DVD, а ему вдруг говорят, что каждый порядочный человек имеет DVD, и лишь тебя этот коммунистический (вариант: "воровской") режим совершенно несправедливо лишил права на пользование DVD. И вот человек, который доселе даже не знал, что это такое, начинает смысл своей жизни видеть в борьбе за обладание DVD.

Так же и здесь: жила себе девушка и никогда и не помышляла о том, чтобы стать священницей. По правде говоря, она и в храм-то не заходила... Но тут ей говорят: "Да ты знаешь, как тебя православные унизили! Они не разрешают тебе стать священником!" – и всё, одним озлобленным нервным клубком, борющимся за свои "права", в мире стало больше...

А ведь сущность человека совсем не сводится к борьбе за свои права. Человек вообще осуществляет себя не тогда, когда пользуется своими правами, а когда он исполняет свой долг. Помимо того, что у человека есть права, в его жизни имеет место еще и служение.

Так вот священник – это священно-служитель. Это не человек, который обладает правами священника; напротив, он несет послушание священника, служит.

Так что Церковь просто не возлагает крест священнослужения на плечи женщины. По-моему, тут не столько ущемление прав, сколько забота о женщинах.

– Но почему же у протестантов есть женское священство, а у православных его нет?

– Человек живет в мире символов. И в этом его отличие от животных, для которых каждый предмет просто равен самому себе (точнее – сиюминутной реакции животного на этот предмет), а потому и не является ни знаком, ни символом.

А те символы, в окружении которых (и чрез посредство которых) живет человек, бывают разные. Это могут быть образы (иконы) литературные и живописные, музыкальные и сценические. Так вот, священник – это литургическая икона Христа. Алтарь – это комната Тайной Вечери. Литургия есть сама Тайная Вечеря.

На этой Вечере Христос Сам раздавал Свои Кровь и Плоть. Он взял Чашу и сказал: пейте, это кровь Моя. А не Дева Мария взяла Чашу и сказала: пейте, это кровь Моего Сына.

Мы причащаемся крови Христа, которую дал Он Сам, именно поэтому священник, причащающий Крови Христа, должен быть литургической иконой именно Христа, а не Марии.

Кроме того, на Литургии священник именно раздает Дары. Давать, дарить – служение мужское.

Принимать – это служение женское. Так что священство есть выражение именно мужского архетипа.

А мышление протестантов не-иконично, не символично. И поэтому в их системе женское священство вполне логично. И я против женского священства протестантов ничего не возражаю. Более того, все те служения, которые несет пастор протестантов, может нести и православная женщина. Подумайте сами, какие функции выполняет пастор в протестантской общине.

Протестантский пастор прежде всего проповедник. Но и у нас женщина может быть проповедником и учителем (в воскресной школе или в богословском институте, например).

Еще протестантский пастор может быть духовным советчиком, принимающим исповеди людей. Он не дает им "отпущения грехов" (такой практики протестантизм не допускает), а просто является свидетелем человеческого покаяния и советчиком. Что ж – и наши "старницы", духовно опытные монахини несут такое же служение в нашей церковной жизни. Есть такие монахини, к которым за духовными наставлениями ездят даже священники и епископы...

Протестантский пастор организует общинную жизнь своего прихода – но и у нас такой работой вполне могут заниматься женщины. Немалым числом приходов реально управляют "матушки"...

А вот чего не бывает у протестантов – ни у женщин, ни у мужчин – никто из них не служит Литургии. Ибо по их учению Литургии как таинства просто не существует, а есть лишь приходской театр, в котором люди разыгрывают евангельские сценки и делятся "воспоминаниями".

Священства в православном понимании у протестантов нет – а потому их пасторы (или, как почему-то говорят русские баптисты – пастора) исполняют несвященнические служения, не таинство-совершительные. И тут и в самом деле не имеет значения пол этого функционера.

В общем, как еще тридцать лет назад сказал наш Синод о женском священстве протестантов – "Мы не видим оснований для возражений против любого решения этого вопроса в конфессиях, где священство не признается таинством и где, следовательно, с точки зрения Православия, сакраментального священства, как такового, вообще нет".

– Выходит, православное неприятие женского священства мотивируется только на уровне «символов»?

– Нет, не только. Тут есть и "онтология", поскольку речь идет о таинстве, которое совершает Бог, а не только о нашем осмыслении того, что делаем в храме мы. Хотя, впрочем, все равно надо признать, что женское священство в Православии отсутствует прежде всего в силу традиции, а не в силу каких-то юридически прописанных норм.

Но, кроме этого, есть еще и несколько психологических мотивов. В женской религиозности есть какая-то парадоксальность. Есть такая странная церковная алхимия. Берем два компонента: первый – Православие, второй – женщина. Каждый из этих компонентов сам по себе теплый, пушистый, хороший. Теперь сливаем их в одну колбочку. Что получаем? Православие + женщина = приходская ведьма. Далеко не всегда, конечно, но все же слишком часто, чтобы этого не замечать.

Удивительно, но факт: почему-то женская религиозность более жестока, нежели религиозность мужская.

Вроде бы с именем женщины связаны тепло и ласка, мягкость и заботливость. Но слишком часто приходится замечать, что женская религиозность бывает гораздо более ригористической, жесткой и даже жестокой, чем религиозность мужская. У многих женщин России есть опыт изгнания из храма. Как точно написала об этом опыте публицистка рериховского лагеря Т. Книжник – нередко наши прихожане "реагируют на длину юбки, рукава рубашки и отсутствие платка на голове с чуткостью и

непреклонностью, достойной самого исправного турникета в метро". Но – кто же именно работает "турникетом" в наших храмах? Священники ли, бородатые прихожане, или, напротив, "босолицы" благочестивые юноши контролируют "форму одежды" заходящих женщин? Да нет – свои же товарищи по полу. Знаменитые наши "бабушки"... И даже проповеди священников, призывающие их воздержаться от такого самочиния, зачастую не помогают.

Посмотрите, как разнится поведение мужчины и женщины в храме (при условии, что у обоих еще нет опыта церковной жизни).

Мужчина, впервые зашедший в храм, ведет себя как охотник в лесной чаще. Он опасливо и внимательно озирается по сторонам. Но он опытен, он еще и не в таких переделках бывал. Поэтому он во всем разберется сам, он сам решит, куда какие свечки втыкать, и не стоит лезть ему под руку с советами...

Женщина же, впервые заходящая в храм, напротив, открыта к советам. Она только обрадуется, если кто-то подойдет к ней и объяснит. И вот она получает первые наставления: у этой иконы свечку за пять рублей, у этой – за десять, здесь поцелуй, здесь один поклон, а вот тут – три...

Но человек склонен ситуации своего первого вхождения в новый для него опыт воспроизводить вновь и вновь. И если женщина на заре своего воцерковления получила инструкцию, то и потом в течение десятилетий эти обретенные ею "тайные знания" она будет транслировать все новым и новым захожанкам. Может быть, поэтому женская религиозность бывает более "инструктивной" и жесткой.

Я просто совершенно уверен, что именно женщина написала дикий "акафист Божией Матери в честь иконы Ея, "Прибавление ума"". Это самобытное (а также самовольное) творение (увы, растиражированное Мгарским монастырем Полтавской епархии с поддельным благословением Патриарха Алексия) возвещает: "О, Всенепорочная Дево, в Царстве Сына Твоего, иже что нечистое не выйдет за нарушение Заповедей Божиих, люди умом притупляются, да наказаниями вразумляются и будут петь Тебе: Радуйся, грязных женщин, пришедших в храм, обличающая. Радуйся, продолжающим ходить грязными в храм, колдунам и чародеям их портить подвергавши. Радуйся, грязных дерзавших касаться святыни, скорбями и болезнями наказуеши. Радуйся, касаться церковной святыни в эти дни, грех дважды усугубляеши. Радуйся, потерявших страх Божий, забвению их ум придаеши. Радуйся, не ходящим в храм во дни очищения, благодать им сохраняющая. Радуйся, грязным бравшим благословение у священников, благодати им не даеши. Радуйся, священников, касающихся грязных женщин, благодати на несколько часов лишаеши. Радуйся, священников, не вразумляющих людей, наемниками именуеши. Радуйся, Пресвятая Богородице, прибавление ума"...

Автору сих виршей ум явно не был прибавлен – оттого творение ее равно дико и с точки зрения содержания, и с точки зрения соблюдения правил церковно-славянского языка... Естественно, что с учением Церкви подобные домыслы не имеют ничего общего.

Порой приходится слышать, что недавно обратившаяся женщина готова до истощения "запостить" всю свою еще неверующую семью.

Через женские предания транслируются такие "нормы" благочестия, как запрет передавать свечку через левое плечо. Женщины создают культ "батюшки" на приходе (возводя его в ранг "старца").

А уж женская готовность верить самым нелепым домыслам давно уже сделала устойчивым и в церковной лексике словосочетание – "бабьи басни".

И это – не просто частность. На первых же страницах Библии мы встречаемся с предупреждением о том, что женская религиозность склонна к крайностям. Ева беседует со змием в

Эдемском саду, и змей спрашивает, что же Бог запретил людям. Ева отвечает: нам к древу познания добра и зла нельзя прикасаться. Но заповедь-то была другая: не вкушай плода древа познания добра и зла. Ева же вместо "не вкушай" говорит даже "не прикасайся", вместо плода теперь уже запретно все древо. Ева ужесточает заповедь.

Тем самым, по мысли свят. Филарета Московского, Ева не выказывает понимания смысла запрета, и внешнее действие ("не прикасайтесь") выставляет как условие вечной жизни. Случайный, внешний мотив Ева поставляет здесь главным и единственным. Отсюда змей видит, что жена не внутренними нравственными мотивами руководится, но простым страхом перед наказанием – и именно сюда направляет свои усилия.

Библию иногда полезно читать по-детски. Представьте эту картинку как на страничке "Детской Библии": жена стоит перед яблонькой, а змей обвился вокруг ствола и даже голову сверху свесил. И в ответ на слова жены о смертоносности прикосновения он всем своим видом говорит: "Да я не то что прикоснулся, живу я тут – и ничего! Так что давай, вперед, без суеверий!".

Так именно ужесточение, искажение заповеди женой привело к ее более легкому нарушению: смерть – в понимании Евы – происходит от прикосновения, а раз она уже видела змия, прикоснувшегося к древу, то так стало легко допустить, что прав не Творец, а этот столь необычный собеседник. И затем уже в опыте самой жены еще прежде вкушения от древа познания вроде также подтвердилось, что можно нарушить заповедь без особых последствий: жена сначала "взяла плодов его", увидела, что прикосновение к древу не убило – и после этого "и ела".

Так часто в нашей церковной жизни: излишне жесткие и необъясненные запреты приводят наших взрослеющих детей к итоговому разочарованию в фундаментальных и обоснованных истинах Евангелия.

И то, что первый поступок женщины на земле, согласно Библии, это ужесточение запрета, вряд ли случайно. Женская религиозность ищет запреты, с радостью их принимает и транслирует.

Боюсь, что женское священство стало бы не более добрым, а более жестким.

Женскими устами произнесены и женским пером записаны такие, например, страшилки: "Одна странница видела такой сон: по мосту шли девушки с накрашенными губами и волосами, и все они падали в липкую смолу и погибали". А ведь это прямое противоречие слову Библии: "человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце" (1 Цар. 16, 7).

Еще один пример страстно-эмоционального "богословствования". В женский монастырь приходит письмо от матери четырех детей. Она говорит, что по "вопросу об ИНН-цифровом штрих-коде" разные священники говорят ей разное и просят совета – брать ли "номер" или рискнуть будущим своих детей и остаться без работы... Вот наиболее яркие перлы из ответа сестер ("нас всего 20 сестер, все очень молодые, юные девушки"). После описания грядущего антихриста говорится – "Вот что готовит мир... Поэтому нам ничего от этого мира не надо! И все сестры обители так рассуждают. Более того, мы уже начали готовиться страдать, видя как зло набирает силу, как торжествует в мире нечестие, сатанизм. Был в нашем монастыре очень трудный период, когда мы защищали свой храм, чтобы в него не заходили в развратной одежде, накрашенные, полуобнаженные женщины, которые смеялись над христианским благочестием... Модницы просто помогают сатанистам. Прежде всего с современной модой связаны их ритуальные надругательства сатанистов над христианской культурой. Особенно это видно в американской моде, которую финансируют еврейские банкиры. Самое распространенное и давно привычное для всех женщин – крашенные губы и ногти – это символ ритуального кропления жертв венной кровью в секте жидов-хасидов, но от этого отказаться оказывается невероятной трудностью... Если бы только захотели понять и распознать "зверя" не

только в ИНН, но во всей современной культуре, которая готовит ЕМУ место в наших душах, делая их мертвыми для принятия Святого Духа... Бог возвеличил русский народ перед всеми другими народами... Народ, который в своей вере, в своем следовании за святыми стоял впереди всех народов – НАРОД—БОГОНОСЕЦ".

Замечу, что ИНН этого монастыря – 2353013199. Значит, "страдания" этих сестер были лишь в том, что они хамили туристкам, которых Бог по Промыслу Своему привел в их храм, а они их оттуда выгоняли... И еще одна немаловажная деталь: при написании слова "Бог" эти юные богословицы обходятся одной заглавной буквой. А вот для антихриста им не жалко целых трех бо-о-ольших буквищ. Похоже, что в своем монастыре они не Христа ищут, не Ему уневеещиваются, а от антихриста прячутся – ибо в их помыслах сей персонаж занимает больше места, чем Истинный Жених... Надеюсь, что их фарисейские размышления о превознесенности русского народа (который в большинстве своем как раз и не шел за святыми в советские годы, да и по сию пору лишь пятью или тремя процентами от своей численности участвует в церковной жизни) над всеми остальными не дойдут до Греции... А что касается помады и секты хасидов – то ведь мода на крашеные губы гораздо древнее хасидов (это движение появилось лишь в середине XVIII века и, кстати, вызвало ожесточенное сопротивление раввинов и, как следствие – поддержку правительства России).

У нас уже есть общественный институт, куда пустили женщин – школа. Чем это кончилось? Мужчины там водиться перестали, школа стала чисто женским институтом. Конечно, в этой мутации нет вины женщин—учительниц. Но все же – хороша ли эта мутация? Я в этом сильно сомневаюсь. Если появится женское священство, то это будет верный шаг на пути превращения Православия в тоталитарную секту. Задатки к этому у нас и так есть. Но добавление женского фактора еще более это усилит.

Кроме того, не стоит забывать и об особой впечатлительности женщин. Их отзывчивость могла бы сослужить дурную службу, если бы появилось женское священство. Вспомните – как проходит исповедь в приходском храме. Кающийся стоит рядом со священником – и оба они открыты взорам остальных людей. А на исповеди люди, понятно, рассказывают о разном. И грехи бывают действительно грязные и подлые. Нетрудно догадаться, как все это будет отражаться на милом лице отзывчивой и сердечной священницы. Да по ее лицу весь храм будет читать, про что идет речь...

Это не означает, что женское духовничество невозможно. Даже священники и епископы, бывает, ездят за духовным советом и на исповеди в старицам в женские монастыри. Но это именно старицы – люди, в которых все чисто "женское" уже выгорело. А долгий опыт жизни в Церкви и духовной брани остался. Этим опытом они и делятся (понятно, что, не будучи священниками, они не читают молитв на разрешение исповеданных грехов).

Итак, если преодолевается "удобопреклонность" женского начала к эмоционально—неконтролируемым реакциям, если воцаряется трезвость, то голос женщины звучит в Церкви.

Бывают, конечно, и истерики (причем у обоих полов). В качестве примера можно вспомнить книжку З. Ждановой "Сказание о житии блаженной Матроны", публицистику Анны Ильинской, и вроде бы вполне мужские по авторству, но уж больно истеричные публикации "Жизни вечной" о "блаженной Пепагии Рязанской".

А если проповедь, написанная или произнесенная женщиной, лишена истерики, если в ней нет даже столь естественной позы взирания "сверху вниз", с которой "посвященный" вещает тем, кто еще не дорос до его вершин – то нет оснований к тому, чтобы подводить этот женский труд под строгое понимание слов апостола Павла о молчащей жене.

– Какое положение в древней Церкви занимал институт диаконисс?

– Диакониссы участвовали не в богослужебной, а в социальной жизни Церкви – помогали бедным и больным. Особо значима была их роль на востоке Римской империи, где женщины были лишены той свободы, которую они имели на западе. Здесь женщины без сопровождения не покидали своих домов, и соответственно, чтобы их крестить, нужно было проникнуть в гинекон – женскую половину дома. Право доступа сюда имели только евнухи и женщины. Поэтому на Востоке диакониссы и крестили, и проповедовали (и то и другое совершая в тайне). Сегодня же нет никакой необходимости в этом институте. Даже в женские колонии мужчин-священников пускают.

– Говорят, был церковный собор, который на полном серьезе обсуждал, можно ли считать женщину человеком, есть ли у женщины душа или нет, и большинством только в один голос святые отцы все же приняли решение, что женщина – тоже человек.

– Это миф, причем поразительной живучести, невосприимчивый ни к какой научной критике. Он был уже у Блаватской (то есть в XIX веке). Его повторяла атеистическая литература в советские времена. Современным оккультистам эта погрешность также дорога.

Но ни один из антицерковных критиков, упоминавших об этом соборе, никогда не указывал каких бы то ни было конкретных сведений о нем: когда он состоялся, где, кто был его участником... Ни век, ни страна никогда не называются. «В некотором царстве, в тридесятном государстве, при царе Горохе...».

Я не верю этой сказке не только потому, что в научной и церковной литературе не встречал ничего, ее подтверждающего. Я все же не считаю, что границы реальности совпадают с границами моей осведомленности. Когда я слышу это миф – я отвечаю словами Честертона: "Я могу поверить в невозможное, но не в невероятное".

У Честертона эта формула звучит в таком диалоге: "Я могу поверить в невозможное, но не в невероятное. – Это и есть то, что вы называете парадоксом? – спросил Таррент. – Это то, что я называю здравым смыслом, – ответил священник. – Гораздо естественнее поверить в то, что за пределами нашего разума, чем в то, что не переходит этих пределов, а просто противоречит ему. Если вы скажете мне, что великого Гладстона в его смертный час преследовал призрак Парнела, я предпочту быть агностиком и не скажу ни да, ни нет. Но если вы будете уверять меня, что Гладстон на приеме у королевы Виктории не снял шляпу, похлопал королеву по спине и предложил ей сигару, я буду решительно возражать. Я не скажу, что это невозможно, я скажу, что это невероятно".

Так вот, такой собор, обсуждающий вопрос о наличии души у женщины, просто невероятен: в Церкви, ежедневно воспевающей Марию, такой вопрос попросту не мог возникнуть. В древности соборы были только у православных и католиков. Но и те, и другие слишком почитают Божию Матерь, Деву Марию, и поэтому сама постановка вопроса о том, женщина – человек или нет, оборачивалась мгновенной хулой на Ту, кого сама Церковь возвеличивает как "честнейшую Херувим"...

И все же мне наконец попала книга (не теософская, а нормальная, церковная), в которой и в самом деле упоминалось о постановке такого вопроса на соборе. Это Маконский собор 585 г., собравший епископов Бургундии. "На этом же соборе поднялся кто-то из епископов и сказал, что нельзя называть женщину человеком. Однако после того как он получил от епископов разъяснение, он успокоился. Ибо священное писание Ветхого Завета это поясняет: вначале, где речь шла о сотворении Богом человека, сказано: "...мужчину и женщину сотворил их, и нарек им имя Адам", что значит – "человек, сделанный из земли", называя так и женщину и мужчину; таким образом, Он обоих назвал человеком. Но и Господь Иисус Христос потому называется сыном человеческим, что Он является сыном девы, то есть женщины. И ей Он сказал, когда готовился претворить воду в вино: "Что Мне и

Тебе. Жено?" и прочее. Этим и многими другими свидетельствами этот вопрос был окончательно разрешен" (св. Григорий Турский. История франков. 8,20).

Так что был, был собор, на котором этот идиотский вопрос прозвучал. Но если один дурак (как говорят в таких случаях в Церкви – "окромя сана") задает глупый вопрос – это еще не значит, что весь собор был всерьез озабочен этим вопросом и ради его обсуждения собирався. И уж тем более это не значит, что Церковь в ее полноте сомневалась в том, считать ли женщину человеком.

Каждый человек (кроме святого) лишь частичкой своей живет в Церкви. А кроме этого, в его образе действий и реакций, в его мыслях и чувствах сказываются иные культурные миры, к которым он принадлежит. VI век в Западной Европе – это век христианизации варваров. Так какое же из этих начал породило этот дикий вопрос?

Тут стоит учесть национальный состав этого собора. На нем были епископы франки и епископы галло-римляне. Для франков христианство было полужнакомой новинкой. Поэтому в их среде и могли раздаваться странные мнения и вопросы. Не христианская закваска породила этот вопрос, а инерция языческого пренебрежения к движимому имуществу кочевника, именуемому "женщина". Христианство осадило эту инерцию, а не породило ее.

Что ж, на этом примере становится яснее, как именно создаются мифы антицерковной пропаганды. Да, интересно, что этот же Маконский Собор запретил епископам охранять свои дома собаками – ибо это противоречило бы христианскому гостеприимству...

Иногда же антицерковные проделки (подделки) рериховцев более незаметны. Например: "Можно привести достаточно примеров характерных высказываний отдельных отцов Церкви... Для Климента Александрийского "всякая женщина должна быть подавлена стыдом при мысли, что она – женщина" (Paedagogus. II, 2; P.G. 8, 429). Для Фомы Аквината copula (узы брака) всегда связаны с quadam rationis jactura (некоторой потерей разума) (Summa Theologiae I, sent.2, dist.20, q.1)".

В любом суде готов доказать, что г-н "Владимиров", написавший эти строки, сам не читал ни Климента, ни Фому.

Чего он привязался к Фоме Аквинскому – непонятно. Сами влюбленные постоянно поют о том, что они "обезумели". Ну Фома и согласился с ними. В чем его вина-то? И супружеское соединение (а именно о нем говорит Фома, а не о регистрации брака и не о решении заключить брачный союз) вряд ли может происходить вполне рационально. Супружеское ложе все же не шахматная доска. Неужто г-н "Владимиров" умеет это делать медленно и печально, с четкой рациональной рефлексией?

А вот с Климентом г-н "Владимиров" (пишу в кавычках, ибо уверен, что это псевдоним) все совсем переврал (но у него алиби: он сам Климента не читал, а просто доверился поверхностному парижскому богослову Павлу Евдокимову).

Климент не хулит женщину, а просто уговаривает ее не упиваться. Он пишет, что женщинам ни к чему терять свою красоту и – по деликатной их природе – им не к лицу пьяная отрывка. Контекст «Педагога» «Как ты можешь такое делать – а еще девочка!». Никакого выпада против женщины здесь нет. А рериховцы трактуют, что по Клименту неприлична сама природа женщины.

– И все же слишком часто сегодня говорят, что христианство унизило женщину, а язычество ее превозносит. Может, все же нет дыма без огня? Не унижает ли женщину библейская версия о создании женщины из ребра? Как любят шутить мужчины – из единственной кости, не содержащей мозга?

– Шутка эта, может, и остроумная, только вот к библейским смыслам прямого отношения не имеет. Если внимательно читать первые главы книги Бытия, то нельзя не обратить внимание на то, что

мужчина создан из внешнего – из праха земного. Женщина же создана из внутреннего, из сокровенного, она взята от сердца (от ребра). Жена дана только в саду, и не раньше. Женщина – дитя Эдемского сада. Мужчина создан вне сада, но женщина – именно райское создание.

То, что женщина создается из ребра мужчины – это заслон на пути спекуляций на тему о "недочеловечности" женщины.

Далее. Когда Адам видит женщину впервые, он произносит очень странные слова: “Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть”.

Эти слова сегодня привычны для нас, поэтому мы не замечаем их странности. А ведь перед нами формула классического матриархата! Мужчина оставляет своих отца и мать и приходит к жене в дом. В последующих культурах ведь было совсем иначе: невеста оставляла дом родителей и приходила под крышу к мужу. Отголоски этого сохраняются до сих пор: если муж переселяется на квартиру к жене, это воспринимается как нечто ненормальное. Библия же изначально предполагает нечто совершенно непривычное для нас: муж прилепляется к жене... Но затем все это изменилось.

– Каким образом? В результате так называемого “грехопадения”?

– Грехопадение не связано со сферой пола в вульгарном понимании: оно не состояло в сексуальном общении между Адамом и Евой, как это часто почему-то предполагается. Церковь никогда ТАК не воспринимала драму грехопадения. Не в этом было их грехопадение, а в том, что люди не поверили Творцу...

Вместе с тем, грехопадение имело прямое влияние на отношения между полами. Мы видим, как последствия грехопадения изменяют изначальный замысел Бога о человеке: “К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобой”, – говорит Бог жене уже после греха. И так, вначале говорится, что муж будет уходить к жене, а кончается рассказ об эдемском саде тем, что теперь жена будет уходить к мужу. Значит, что-то произошло в промежутке.

А в промежутке было то, что жена была одна перед древом познания. Что там произошло – это долгий разговор и прямо к нашей теме не относящийся, но когда она все-таки вкусила плод с “древа познания”, то вернулась к мужу и предложила ему соучаствовать в этой трапезе. Так почему жена захотела, чтобы муж стал соучастником ее проступка? Мне известны два толкования этого текста.

Иудейско-раввинистическое толкование погружает нас в глубины женской психологии. Согласно этому объяснению, Ева почувствовала, что умирает. И тогда она подумала: “Как же так, вот я умру, а Адам останется жить, и Бог даст ему новую жену, и он будет с нею счастлив, но без меня! Да не будет этого!”. И решает отравить Адама. Чтобы понять это раввинистическое сказание, нужно знать, что с иудейской точки зрения Ева – это вторая жена Адама, а не первая. Первой была Лилит (в Библии о ней ни слова). Ева знала, что жена может быть другой – поэтому она идет на такой поступок.

Ну, а православное толкование этого места дает Ефрем Сирийский (святой, живший в IV веке). Он обращает внимание на то, что, когда человек совершает очень серьезный грех, он ощущает приступ радости: “Надо же, я смог! я переступил! я не такой, как прочие”. Приходит леденящая эйфория: когда человек падает, первые секунды своего падения он воспринимает с восторгом... Ужас приходит потом. Когда Ева преступила заповедь, она как раз почувствовала эту эйфорию, она почувствовала себя богиней. И вот тогда она идет к Адаму, чтобы показать ему свое новое качество: “вот, видишь, я начинала свой славный жизненный путь всего лишь в качестве твоего ребрышка, а сейчас я – богиня. Я возвращаюсь к тебе, чтобы научить тебя жить”. Ева ощущает себя богиней и идет показать свое новое достоинство мужу: “Я теперь стою на этой сцене!”. Жена идет к мужу, “надеясь, что уже божеством вернется к тому, от кого произошла человеком”. В женщине пробуждается жажда власти и господства.

Именно этот грех, грех переломанных межчеловеческих отношений, и врачует Бог... Бог не наказывает за преступление, а врачует, исцеляет появившуюся болезнь. Бог не дает бессмысленных наказаний. Вспомним, что слово наказание несет двойкий смысл: наказание как некая дисциплинарная акция, и наказание как наказ, вразумление. Наказуя, Господь вразумляет. Он дает лекарство. Не мстит, но лечит.

Если мы стоим в аптеке, где люди выписывают различные лекарства, то по тому, что они покупают, мы можем понять, что у них болит. Так же и здесь: Господь прописывает лекарство, которое врачует отношения между мужем и женой. Но: если именно сюда прилагается лекарство – значит, именно тут и произошел перелом. Значит, именно межчеловеческие отношения надо врачевать. В них вторглись отношения власти и властной похоти. Господь этот надлом выправляет в другую сторону. Раз жажда господства впервые появилась именно в женщине, то теперь жена ставится в отношение послушания к мужчине. В глазах Бога вообще нередко те, кто ставят себя первыми, становятся последними, а последние могут стать первыми.

– А где мы видим, что мужу дается господство над женой?

– Прежде всего это те строчки, которые я уже упоминал: о влечении жены к мужу и о том, что муж будет господствовать над женой. О том же говорит и другой библейский эпизод: это наречение Адамом имени своей жене. Отныне (и только отныне), то есть с конца третьей главы книги Бытия, она – Ева. В Эдеме была "жена": Ева появляется уже после изгнания. Но почему Адам раньше не дает имя жене? Ведь еще раньше он нарекал имена животным. Почему же имя жене не было дано сразу после этого? Именно потому, что дать имя – значит проявить верховенство. Но верховенство мужа над женой появляется только после греха. После того, как Бог определяет их новые взаимоотношения. Нет, не забыл муж дать имя жене, и не успел это сделать до грехопадения, а просто не мог, точнее – не имел права. И поэтому наименование жены – это не просто последнее действие человека в Эдеме, но и первое событие, произошедшее уже после наказания людей Богом.

– Но почему были созданы двое и разные? Как Церковь трактует “разность” мужчины и женщины? И почему не сразу двое?

– Конечно, это можно по-разному толковать. Мне, например, довелось слышать толкование западноберлинских богословов-феминисток, по мнению которых, тот факт, что сначала создан Адам, а потом женщина, означает, что целью творения Божия была женщина; мужчина же – не более, чем полуфабрикат, использованный Богом для создания венца творения...

Но все же, если читать библейский текст посерьезнее, то мы увидим, что перед нами рассказ не только о первой семье, но и о чем-то большем. Вообще, Библия представляет не столько хронику жизни первых людей, сколько икону – осмысление базовых событий человеческой истории. Это не протокольная запись очевидца и современника, это рассказ о том, что должен знать о себе самом каждый человек. Это сборник архетипов.

В каждом из нас живет мужское и женское начало. В той главе Библии, которая описывает грехопадение, нет имен “Адам” или “Ева”, там стоит “га Адам” – это имя существительное с артиклем. Это не имя, а понятие: “Человек как таковой” (артикуль от этого понятия отпадет позже – в Быт. 4,25 – и тогда понятие станет личным именем; вместо “га-Адам” появится просто Адам). И есть жена, у которой тоже еще нет имени. Здесь едины мужское и женское начало, возможно даже в одном и том же существе (не путать с гермафродитами языческих мифов): “когда Бог сотворил человека, мужчину и женщину сотворил их, и нарек им имя: человек” (Быт. 5,1—2). Как видим, “га-адам” (“человек”) – это одно имя на двоих...

Действительно, в каждом человеке есть то, что традиционно считается мужским началом, и то,

что считается женским. Разум и чувства. Воля и чувствительность... Муж в повествовании об Элеме – это разумно-рассудочная часть человеческой души, а с женственностью соответственно связываются чувства.

Почему же человечество двусоставно? Просто библейское повествование с самого начала утверждает, что мир имеет право быть разнообразным. Христианство – это религия плюрализма, а не монизма. Многие индийские философы, например, говорят, что есть только "Единое" – "Непостижимое", "Непознаваемое", "Неизреченное", а все остальное только кажется, но бытием не обладает. Поэтому если какая-то реальность нам кажется отличной от "Единого", то значит наш ум помрачен и загрязнен.

А Библия поясняет: быть не-Богом – это не грех. Быть иным, чем Бог, – это не проклятье. Бог такими нас создал. Он Сам любит разнообразие мира ("И увидел Бог, что это хорошо"). Так и человеческая природа с самого начала оказывается разнообразной, носящей в себе мужское и женское начало.

Мужчина и женщина – разные, но это не значит, что кто-то из них "хуже" другого.

– И все же многие утверждают, что некоторые устои и традиции в Православии нужно менять. Они якобы не подходят сегодня нашему обществу. Допустим, если девушка приходит в церковь в джинсах – это всегда плохо.

– Нет такого человека, который не согласился бы с тем, что в Православной Церкви что-то надо поменять. Вот только каждый по-разному понимает, что именно подлежит перемене. Один скажет, что надо избавиться от модернистского наследия петровской эпохи и вернуться в московскую Русь, воссоздать пение на старообрядческий манер, безо всяких там "Литургий" Чайковского. А другой, например, рериховец, скажет, что надо отказаться от веры в то, что Христос воскрес, заменив ее верованием в то, что Христос просто "разложил Свое тело на атомы".

Отношение же к брюкам никак не является устоем Православной Церкви и православной веры. Это не вероучительная, а этикетная форма на сегодняшний день. Но когда-то за этим стояли две серьезные вещи.

Первое. В брюках в старые времена порядочные люди вообще не ходили. Ни мужчины, ни женщины. Так было в Древнем Риме, так было в Палестине, так было в Византии. Люди ходили в туниках. А в брюках ходили варвары: они были кочевниками, все время верхом на лошадях. И вот чтобы не натирать ноги об лошадь, они обматывали ноги тем, из чего потом получились брюки. Когда по Константинополю шел человек в брюках, то своим брючным видом он показывал, что он варвар, то есть не христианин, и его не пускали в храм.

Когда варвары стали христианами, этот мотив ушел. Но появился другой, связанный с карнавальными переодеваниями, которые когда-то имели религиозный смысл переворачивания всего наизнанку: мужчины в женской одежде, женщины в мужской, мирянин одевается монахом, нищий – царем, ребенок – стариком, человек – зверем.

Эти переодевания на Святки или Масляницу были рудиментом очень древних языческих ритуалов встречи Нового Года.

Главная забота древнего человека – забота об уничтожении истории. Человеку архаического мышления тяжело жить в истории как в пространстве уникального поступка уникальной личности. Он чувствует себя надежно, только копируя чей-то поступок, отождествляя себя с героем, который впервые совершил некий акт. То "впервые" оказалось удачным. Значит, если отождествить себя с тем временем и тем героем, можно гарантировать удачу и своего нынешнего проекта. Скажем,

полинезийцы, отправляясь с острова на остров, убеждают себя, что это не они плывут, а тот человек, который впервые переплыл океан.

Архаический человек воспринимает историю как экологическую катастрофу. И новогодние ритуалы у всех архаичных народов – попытка возвращения в точку альфа, когда не было ни меня, ни космоса, когда мы еще не грешили и все еще было возможно.

Приходит весна, начинается новый жизненный цикл. И хочется все плохое оставить в прошлом, избавиться от груза ошибок, как бы отменить историю, начать все с начала. А началом всего, первой страницей космической истории был хаос. Соответственно, обновление жизни должно придти через погружение неудавшейся жизни, жизни, коррумпированной неудачами и грехами, в первобытный хаос.

Скоморошество, выворачивание всего наизнанку, смена социальных ролей, смешение мужского и женского, молодого и старого, было разрушением социального космоса, устоявшихся социальных ролей, стереотипов. А, значит, суматоха масляницы есть путь возвращения к докосмическому хаосу – возвращение на ту строительную площадку, на которой можно еще раз попробовать с нуля построить мир новый и, быть может, лучший. Собственно, "Интернационал" мог бы быть прекрасной святочной или масляничной колядкой: старый мир мы "разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим". Тут поистине "анархия – мать порядка".

Поэтому переодевания мужчин в женщин и наоборот – это своего рода языческая форма покаяния, выражение желания жить по-другому.

Но пришло христианство и принесло иные формы покаянного поведения: изменение не одежд, а сердец. Языческая лучинка на фоне евангельского солнца стала восприниматься не как источник слабенького, но света, а как источник вполне заметного чада...

Церковь понимала этот религиозный подтекст святочных или масленичных праздников. Скоморошество было альтернативой крещения и исповеди, ибо норовило обновить жизнь без покаяния – просто хохмами и переодеваниями...

Память об этом некогда серьезном религиозном языческом подтексте переодеваний повлекла за собой серьезное же, но уже негативное отношение к тому, что женщины надевают мужскую одежду.

И, кстати, нет тут никакой дискриминации именно женщины. Неодобрение "переодеваний" касается всех – независимо от пола. Все мы знаем, что порой приходится выслушивать женщине, если она заходит в храм в "мужских" брюках. Но вы попробуйте представить себе, а что пришлось бы выслушать мужчине, решившему зайти в храм в юбке!

Но духовенство сегодня ходит в "духовном платье": в одежде, которую светские люди считают типично женской (даже ряса запахивается у нас на левую сторону, а не на правую, как у мужских рубашек). Как всегда при работе с Библией, тут неизбежен вопрос: отчего, на каком основании какие-то ветхозаветные установления мы воспринимаем буквально, а буквально соседние – считаем устаревшими. Напомню, что на той же странице Библии, где говорится "На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье", заповедано и следующее: "сделай себе кисточки на четырех углах покрывала твоего, которым ты покрываешься" (Втор., 22, 12). Так что если кто-то будет изгонять из храма девушку в брюках, я бы советовал к этому вышибале подойти с вопросом – "А на Ваших покрывалах в доме есть ли кисточки по углам?"

Ну, а что касается джинсов, то я вполне согласен с Валентином Распутиным, который с полной своей симпатией описывает женщину, что "сама одевалась хоть и не броско, но по моде, дав моде притереться в народе, приглядевшись, что в ней хорошо и что нет. Джинсы – да ведь это крепчайшая,

хоть на камнях дери, ткань; эту моду давай сюда. Кожаные куртки пошли – да ведь кожа испокон была у нас в носке, забыли о ней по великой бедности, а миновала нужда, и о коже пора вспомнить" ("Дочь Ивана, мать Ивана")...

– Да, так как же вы объясните очевидную дискриминацию женщины, которой во время регул запрещают даже в храм входить?

– Простой ответ звучит так: в храме неуместна никакая и ничья кровь. Слишком много крови текло в религиях до Христа. Священники даже ветхозаветного храма ходили по шиколотку в крови. Но Кровь Христа остановила потоки крови, проливаемой ради Бога. И как сегодня вегетарианцы гордятся тем, что "я никого не ем", так и христиане радуются тому, что наша жертва Богу – умная, словесная, бескровная.

Мясо животных нельзя вносить в храм. Если у кого-то в храме пошла кровь из носа – лучше выйти из церкви. Если священник перебирал листочки с поминальными записками и краем листка порезал себе палец – он тоже должен покинуть храм и не может в него вернуться, пока кровотечение не остановится (или пока ранка не будет перевязана так, что кровь перестанет проступать через пластырь или бинт)... В "Вопрошаниях Кирика" (рукописи этого текста известны с конца XV века) вопрос: "Аще кто приготовится ко святому причастию, а явится во рте кровь? – Ино святого причастия не дати. – А что попу из носа кровь идет, обедня пети ли ему? – Ино обедни не пети ему" (Русская Историческая библиотека. Т.6. Памятники древнерусского канонического права (11—15 века). Ч. 1. Спб, 1908, стб. 871).

Только одна Кровь в храме уместна – Кровь жертвенная. И это Кровь Того, Кому мы молимся и Кто Себя принес в жертву за нас.

Другое дело, что "неуместно" не значит "вредно" или "губительно". Увы, нередко наши прихожане не умеют замечать таких различий и начинают страшить друг друга рассказами про "страшный грех нечистоты, причастность к которому лишает благодати и губит душу" (вспомним вышеупомянутый фольклорный акафист).

На вопрос: Почему не только в Ветхом законе, но и по словам отцов месячное очищение женщины считается нечистым? – преп. Никодим Святогорец приводит три причины: 1) из-за народного восприятия, потому что все люди считают нечистотой то, что извергается из тела через некоторые органы как ненужное или излишнее, как например, из уха, носа, мокроту при кашле и т. д.; 2) это называется нечистым, ибо Бог через телесное поучает о духовном, т.е. нравственном. Если нечисто телесное, бывающее помимо воли человеческой, то насколько нечисты грехи, которые мы творим по своей воле; 3) Бог называет нечистотой месячное очищение женщин (и это есть поистине единственная и главная причина), чтобы воспретить мужчинам совокупление с ними, когда они имеют месячное очищение, как говорит Феодорит, как из-за достоинства мужского и почитания женщины, как говорит Исидор (Пелусиот), так и ради почитания Закона и естества, согласно Филону, а главным образом и преимущественно из-за заботы о потомстве, детях".

В этом объяснении важно заметить мотив, которого в нем нет: нет "мистической", "ритуальной" тематики. Нет представления о том, будто физиологический процесс затрудняет действие Божия Духа в теле христианки.

Понятно, почему страх перед менструальной кровью живет в фольклоре: он восходит к очень древним языческо-магическим представлениям. В "Естественной истории" (28,23) Плиния говорится, что прикосновение менструирующей женщины портит урожай, губит посевы, покрывает железом ржавчиной и наводит патину на медь, уничтожает сады, убивает пчел и приносит множество других несчастий. Каббала полагает, что менструальная кровь привлекает множество демонов. Она

использовалась как необходимый компонент во многих колдовских рецептах. Если уж и язычество со своей неразборчивостью что-то считает нечистым и демоническим – то христианство тем более не стало оспаривать общенародное убеждение в религиозной негативности менструальной крови, и потому тоже стало сторониться ее.

Библейская позиция в этом вопросе неоднозначна. С одной стороны – ветхозаветные констатации женской нечистоты в женские дни, с другой – евангельское повествование о том, что "кровоточивая жена" коснулась Христа и получила искомое ею исцеление.

И в церковной практике: с одной стороны часто приходится слышать, что женщине во "дни нечистоты" прикасаться к церковной святыне, с другой – если женщина тяжело болеет и умирает и при этом она находится в своем "женском" состоянии, священник совершенно спокойно должен ее причастить высшей Святыней. Также считается и допустимым, и необходимым причастить роженицу, если та умирает (хотя обычно ее держали бы вдали от Чаши в течение 40 дней).

Но опять церковная позиция очевидно меняется – без официальных постановлений и громких дискуссий, "само собой". В епархиальном управлении не составляют графика явки сотрудниц на работу в зависимости от их физиологических циклов. В регентских и иконописных отделениях семинарий приход "критических дней" также не воспринимается как уважительный повод для пропуска занятий, спевков или служб.

И это – просто потому, что произошла гигиеническая революция. В былые века не было ни душа, ни нижнего белья. Кровавым же метам в храме никак не место. Плюс к этому, простите, запах (в четвертом веке преп. Макарий Египетский так перелагал слова пророка Исайи: "И вся праведность ваша – как тряпки женщины в ее месячных").

Итак, с одной стороны, традиционная церковная позиция вполне резонна. Но при этом она не является древнейшей.

"Апостольские постановления" – памятник, дошедший до нас через св. Климента Римского, т.е. от третьего столетия – гласит в разделе "Ереси": "Если же кто наблюдает и исполняет обряды иудейские относительно извержения семени, течения семени во сне, соитий законных (Лев. 15.1—30), те пусть скажут нам, перестают ли они в те часы и дни, когда подвергаются чему-либо такому, молиться или касаться Библии, или причащаться Евхаристии? Если скажут, что перестают, то явно, что они не имеют в себе Духа Святого, Который всегда пребывает с верующими; ибо Соломон говорит о праведных, чтобы каждый уготовил себя так, чтобы Он, когда спят они, хранил их, а когда встают, глаголал с ними (Притч. 6,22). В самом деле, если ты, жена, думаешь, что в продолжении семи дней, когда у тебя месячное, не имеешь в себе Духа Святого; то следует, если скончаешься внезапно, то отойдешь не имеющею в себе Духа Святого и дерзновения и надежды на Бога. Но Дух Святой, всеконечно, присущ тебе, потому что Он не ограничен местом, а ты имеешь нужду в молитве, в Евхаристии и в пришествии Святого Духа, как нимало не согрешившая в том. Ибо ни законное совокупление, ни роды, ни течение кровей, ни течение семени во сне не могут осквернить естество человека или отлучить от него Духа Святого, но одно нечестие и беззаконная деятельность. Итак, если ты, жена, во дни очищения месячного не имеешь в себе, как говоришь, Духа Святого, то ты должна быть исполнена духа нечистого. Ибо когда ты не молишься и не читаешь Библии, то невольно призываешь его к себе; потому что он любит неблагодарных, нерадивых, сонливых, так как сам, по неблагодарности заболев зломыслием, Лишен Богом достоинства, решившись вместо архангела быть диаволом. Поэтому воздерживайся, жена, от суетных речей, и всегда помни о Сотворившем тебя, и молись Ему, ибо Он – Господь твой и всего, и поучайся в законах Его, ничего не наблюдая, – ни естественного очищения, ни законного совокупления, ни родов, ни выкидывания, ни порока телесного. Наблюдения эти суть пустые и не имеющие смысла изобретения людей глупых. Ибо ни погребение

человека, ни гроб, ни та или другая снедь, ни течение семени во сне не могут осквернить душу человека, но одно нечестии на Бога и беззаконие и несправедливость к ближнему, или чтобы то ни было противное правде Его, прелюбодеяние или любодеяние. Брак почтен и честен, и рождение детей чисто; ибо в добром нет ничего худого. И естественное очищение не мерзко пред Богом, Который премудро устроил, чтобы оно бывало у женщин... Но и по Евангелию, когда кровоточивая прикоснулась к спасительному краю одежды Господа, чтобы выздороветь, Господь не укорил ее и отнюдь не обвинил, напротив, исцелив ее, сказал: вера твоя спасла тебя" (Постановления Святых Апостолов. 6, 27—30).

А "во всей раннехристианской Сирии имелись церковные установления, в которых определенно говорилось, что диакониссы имеют право приближаться к алтарю, причем именно потому, что Иисус Христос не прогонял от себя кровоточивых. Отмена запрета на общение с кровоточивыми женами весьма близка к отмене пищевых запретов, о чем говорится в Апостоле. Как христианам из язычников незачем перенимать еврейские пищевые заповеди, так тем же христианам незачем держаться еврейских предписаний о ритуальной (не)чистоте. И именно в Сирии, где превалировали христиане из иудеев, постановили: прикосновение к кровоточивой не оскверняет".

Отсюда понятно, почему в другом регионе постоянных контактов христиан с иудеями – в Испании конца XV века инквизиторы, перечисляя признаки, по которым можно найти marrana (еврея, принявшего христианство, но тайно продолжающего следовать религиозным традициям иудаизма) упомянули такой: "если женщины не посещают церквей в течение 40 дней после родов".

Великий сириец – преп. Ефрем Сирийский так поясняет евангельский эпизод с "кровоточивой женой":

"Хвала Тебе, Сын сокровенного Существа, ибо чрез тайные скорби и язвы женщины, страдавшей кровотечением, было возведено Твое врачевание и на женщине видимой было открыто людям Твое невидимое Божество... Кто приходил к Нему, как к человеку, тот и ощутил в Нем прикосновение человеческого естества; а кто приходил к Нему, как к Богу, тот обрел в Нем сокровище врачевания скорбей своих... Сила, исшедшая от Него, была послана и коснулась оскверненного чрева, так однако, что сама не подверглась осквернению. Точно также и Его Божество не было осквернено обитанием в освященном чреве, поелику дева и по закону и кроме закона более свята, чем та женщина, которая излишеством своей крови вызывала отвращение... Враги Его хотели положить Его себе камнем преткновения, говоря: не знает закона, так как женщина, нечистая по закону, прикоснулась к Нему, и Он не отверг ее... Сила Божества очищает, не делаясь сама нечистой... Нет нечистого, кроме того, что порочит жизнь свободы. И если бы исцеленная женщина молча удалилась от Него, то Господь лишил бы ее венца геройского мужества; ибо вера, которая в этой сокровенной войне храбро боролась, должна была явно стать увенчанной. Посему голову ее украсил мысленным венцом, говоря: "иди в мире"; ибо мир есть венец ее победы. Но чтобы сделать ясным, где находится источник этого венца, добавил: "вера твоя спасла тебя". Как женщина более других хотела почтить Его, – прежде всего тем, что подошла сзади, затем, что коснулась края одежды Его; так, надлежало так же, чтобы и эта женщина была почтена преимущественно перед прочими. "Знаю, что некто прикоснулся ко Мне". Почему насильно не хотел указать народу на ту, которая прикоснулась к Нему? Потому, что хотел научить дерзновенности веры. Пусть научится вера похищать тайно и славиться своим хищением, поелику Господь явно научил верных хищению при помощи веры. Веру, которая похитила похвалою одобрил, дабы прославлялась своим хищением. Вера совершила хищение, и была возвеличена, хитростью захватила, и была похвалена, дабы открылось, что недостойная вера сделалась бедной, так как не похищала, и стыдом покрывалась, поелику не брала насильно. Дивно слышать! В то время, как всякое хищение служит позором для хищника, хищение веры делает хищников достойными похвалы в глазах всех. "Кто прикоснулся ко мне?" Господь сокровища искал похитителя Своего сокровища, дабы

обличить и постыдить тех, кои не хотели похищать Его сокровищ, предложенных и оставленных для всех. Слабые верою наказаны были бедностью, сильные же в вере, дерзновенно требуя, пошли и поспешили тайно похитить... Если к нечистоте, проистекающей из закона, присоединяется свободная вера, то она (нечистота), конечно отделяет и оскверняет, но вера освящает и соединяет, а воля совокупляет и изглаждает. Хотя закон повелевает осквернившемуся отделяться, однако Илия по вере получил освящение, не как враг закона, а как приверженец закона. Не осмеливайся думать, что Илия отвергал закон, который повелевал пользоваться чистою пищею (Исх.11,1—24; Вт.14,4—21); ибо закон научил Илию, что пища не может сделать нечистым. Илия не был противником закона, и закон не оказался противоборствующим своему Законодателю. Илия знал немощность закона (ср. Рим.8,3), и потому не поступал, как немощный по закону. Закон знал волю Законодателя, и потому, согласно Его воле, разрешил и связал. Ибо хотя Илия принимал пищу от нечистаго ворона (3 Царств. 17,2—6), однако твердо сохранил все то, что принял из уст Божиих".

А вот переписка по этой теме между римским папой св. Григорием Великим и архиепископом англов Августином (V век):

"Вопрос Августина: Может ли беременная женщина быть крещена, и, когда у нее родится ребенок, через сколько времени она сможет войти в церковь? И спустя сколько дней может дитя принять благодать святого крещения, дабы предупредить его возможную смерть? И через какое время ее муж сможет вступать с ней в сношение, и можно ли ей входить в церковь или принимать святое причастие во время месячных? И может ли мужчина, имевший сношение с женой, войти в церковь или принять таинство святого причастия до того, как омоется? Все эти вещи необходимо знать непросвещенному народу англов.

Отвечает Григорий: Брат мой, я не сомневался, что ты задашь мне эти вопросы, и уже приготовил на них ответ. Не сомневаюсь, что ты просто желаешь, чтобы этот ответ подтвердил собственные твои мысли и предчувствия. В самом деле, почему беременная женщина не может быть крещена, раз беременность ее не грешна в глазах Всемогущего Бога? Ведь когда праотцы наши согрешили в раю, они лишились бессмертия, дарованного им Богом, но Господь не пожелал за этот грех истребить все племя людское. Лишив мужчину бессмертия за его проступок, Он оставил ему мужскую силу для продолжения рода. Так почему же то, что было даровано человеку самим Богом, должно препятствовать ему принять благодать святого крещения? Было бы крайне неразумно ставить это таинство, изглаживающее всякую вину, в зависимость от подобной причины.

Через сколько дней может женщина войти в церковь после того, как родит? Из Ветхого Завета тебе известно, что ей следует воздерживаться от этого в течение тридцати трех дней, если у нее родился мальчик, и шестидесяти шести дней, если родилась девочка (Левит 12:4—5). Однако это следует понимать иначе. Ведь если бы она вошла в церковь хотя бы через час после родов возблагодарить Господа, она не совершила бы греха; ведь греховны удовольствия плоти, но не ее муки. Сношение происходит в удовольствии, а роды совершаются в муках, потому и сказано было первой из матерей: "В болезни будешь рожать". Если же мы запретим родившей женщине входить в церковь, то сочтем роды ее наказанием за грех.

Ничто также не должно удерживать тебя от крещения родившей женщины или ее ребенка, если им угрожает смерть, хотя бы это было в самый час ее родов и его рождения. Ибо если милость святого таинства равно дается всем живым и здоровым, то тем более нужно без промедления даровать ее тем, кому угрожает смерть, из боязни, что, выжидая более удобного времени для приуготовления к таинству Воскресения, мы можем вовсе не дать их душе воскреснуть.

Не следует запрещать женщине во время месячных входить в церковь, ибо нельзя ставить ей в вину то, что дано от природы, и от чего она страдает помимо своей воли. Ведь мы знаем, что женщина,

страдающая кровотечением, подошла сзади к Господу и прикоснулась в краю одежды Его, и немедленно недуг оставил ее (Мф. 9;20). Почему же, если она с кровотечением могла коснуться одежды Господа и получить исцеление, женщина во время месячных не может войти в церковь Господню?... Раз женщина, коснувшаяся в своей недужности одежды Господней, была права в своем дерзновении, почему то, что было позволено одной, не позволено и всем женщинам, страдающим от слабости своей природы?

Нельзя в такое время и запрещать женщине принимать таинство святого причастия. Если она не осмелится принять его из великого почтения, это похвально; но, приняв его, она не совершит греха... И месячные у женщин не грешны, ибо происходят от их естества... Предоставьте женщин собственному уразумению, и если они во время месячных не осмелятся подходить к таинству плоти и крови Господних, следует похвалить их за благочестие. Если же они, привыкнув к благочестивой жизни, захотят принять это таинство, не следует, как мы уже сказали, им в этом препятствовать. Если в Ветхом Завете рассматриваются обстоятельства внешние, то в Новом Завете главное внимание уделяется не тому, что вовне, а тому, что внутри, и наказание налагается с большей осторожностью... Раз никакая еда не испортит того, чья душа не подвержена порче, почему должно считаться нечистым то, что у чистой душой женщины исходит от ее естества?... Мужчина, омывшийся после сношения со своей женой, может прийти в церковь и принять таинство святого причастия".

Вот прикосновение к этой теме св. Афанасия Великого (он рассуждает прежде всего по поводу мужской нечистоты, но уже в текстах Ветхого Завета эти два состояния – невольное истечение мужского семени и невольное же женское кровотечение – уравниваются в своих ритуально-канонических последствиях):

"Все творения Божии добры и чисты, потому что Слово Божие не сотворило ничего нечистого. Христово бо благоухание есмы в спасаемых, по апостолу (2 Кор. 2,15). Поелику же различны и многообразны суть стрелы диавола, и людей простодушных приводит он в смущение, отвлекает братьев от обыкновенного упражнения, всевая в них помышления нечистоты и осквернения: то, по благодати Спасителя нашего мысль простейших да утвердим. "Для чистых все чисто (Тит. 1,15); нечистых же и совесть осквернится и все. Но дивлюсь ухищрениям диавола: сам он – мерзость и пагуба, а внушает, по-видимому, помыслы о чистоте. Чтобы отвлечь подвижников от спасительного занятия, начинает он жужжать им в уши о чем-нибудь таком, что никакой не приносит пользы для жизни, а только приводит к пустым вопросам и суесловию. Скажи мне, что греха или нечистого в каком-нибудь естественном извержении? Захочет ли кто ставить в вину выходящие из ноздрей мокроты, или изо рта слюны? А можешь указать еще и на важнейше сего, на извержения чрева, которые живому существу необходимы для поддержания жизни. Притом, еще веруем, что человек есть дело рук Божиих, то как могло от Силы чистой могло ли произойти какое оскверненное дело? И если род Божий есть мы (Деян. 17,28), то ничего не имеем в себе нечистого; тогда же только оскверняем, когда совершаем грех. А когда не по нашей воле бывает какое-либо естественное извержение, тогда по естественной необходимости и это терпим вместе с прочими нуждами... Может быть и врачи в защищение сего скажут, что животному даны некие необходимые исходы для отложения излишества влаги, питаемых в каждом у нас члене, каковы суть излишества главы волосы, и влажности из главы отделяющиеся и исходящие из чрева, также и оный избыток в семенных сосудах. Итак, боголюбезнейший старче, какой здесь грех пред Богом, когда Сам создавший животное Господь восхотел и сотворил, чтобы сии члены имели таковые исходы?" (Правило 1 св. Афанасия Великого. Из послания к Амуну монаху).

Сербский Патриарх Павел из изучения церковных правил, касающихся этой тематики, сделал вывод, что "месячное очищение женщины не делает ее ритуально, молитвенно нечистой. Эта нечистота только физическая, телесная, равно как и выделения из других органов. Кроме того,

поскольку современные гигиенические средства могут эффективно воспрепятствовать тому, чтобы случайным истечением крови сделать храм нечистым, равно как могут и нейтрализовать запах, происходящий от истечения крови, мы считаем, что и с этой стороны нет сомнения, что женщина во время месячного очищения, с необходимой осторожностью и предприняв гигиенические меры, может приходить в церковь, целовать иконы, принимать антидор и освященную воду, равно как и участвовать в пении. Причаститься в этом состоянии, или, некрещенная – креститься, она бы не могла. Но в смертельной болезни может и причаститься, и креститься".

Так что вслед за Патриархом Павлом и я говорю, что новые условия нашего быта позволяют не уделять слишком много внимания этому вопросу. Таковы писанные правила нашей Церкви. Что же касается неписаных приходских традиций – то тут уж каждый прихожанин должен, наверно, согласовываться с благочестивыми правилами, принятыми в его приходе и с советами своего собственного духовного наставника. Просто надо реже эти частные традиции и советы выдавать за общецерковную позицию.

– *А косметика? Ведь всем известно, что современную женщину без косметики представить невозможно, а Церковь косметику, мягко говоря, недолюбливает!*

– Ну причем тут отношение к косметике и отношение к женщине? С тем же успехом можно сказать, что Церковь унижает мужчин, потому что осуждает алкоголизм!

Но все же давайте разбираться.

Во-первых, в Православии настороженное отношение вообще ко всему, что искусственно (то есть сверхприродно, но не благодатно). Даже электрический свет вместо естественного солнечно-свечного, парафиновые свечи вместо восковых, вазелиновое масло в лампадах вместо оливкового, концертное пение неверующих наемников вместо пения верующих прихожан – все это своего рода "косметика", которая натирает нам душу... Церковным людям очень не нравятся даже усилители в храмах, усиливающие голос священника и звучание хора. Нетерпимы мертвые, искусственные цветы. Не должна звучать в храме магнитофонная запись церковного пения: пусть лучше звучит дребезжащий голос живой старушки, чем лазерная копия какого-нибудь диска патриаршего хора. Все должно быть живым.

Поэтому и косметика церковными людьми воспринимается как некая искусственная маска, штукатурка, налагаемая на лицо.

Во-вторых, храм – не место для лицедейства и лицемерия. Если человек пришел в храм – то к чему пудра и помада? Перед Богом надо стоять "голеньким".

В-третьих, женская косметика во все века была боевым раскрасом женщин, выходящих на тропу охоты на самцов. Но открывать в храме охотничий сезон на мужчин – это как-то не хорошо. К храму лучше отнестись как к "заказнику". Это место, где человек может быть просто человеком, а не сексуально зависимым существом. Храм дает свободу от сексуального гнета, от необходимости постоянно с кем-то заигрывать.

Ну вот, вынес я приговор столь же суровый, сколь и справедливый... А теперь начну его смягчать.

Снова. Во-первых, косметика Евангелием... предписывается: "А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое" (Мф 6,17). Считалось, что красивые волосы – это волосы блестящие, и для этого их смазывали маслом или жиром. Но в устах Христа это не косметический совет. Это совет духовный. Наша вера и так слишком шокирующе отлична от ожиданий мира сего. Поэтому не стоит по мелочам вступать с ним в конфликт. Не стоит слишком уж старательно подчеркивать нашу

инаковость: ходить в черных одеждах, застегивать верхнюю пуговицу рубашки, с выражением постоянного благочестивого ужаса короткими межхрамовыми перебежками передвигаться по улицам городов...

Значит: если в твоём окружении принято умеренное пользование косметикой, если оно входит в правила приличия (нормы) в той среде, где живет и работает христианин, – то не стоит нарочито из нее выламываться.

Может ли быть святой женщина, которая постоянно использует косметику? Да! Пример – св. страстотерпица императрица Александра Федоровна. Но для нее косметика была не выбором, который она в своей эмансипации сделала вопреки настояниям духовника, а следованием семейной и социальной традиции. Это была форма послушания, а не бунта. Императрица – лицо России. И это было лицо, обращенное к Европе. Европейцы не прочь были позубоскалить на тему русской "татарщины". Что ж, тем более первая семья России должна была даже в мелочах показывать, что европейские стандарты культуры и даже моды России не чужды, и разговаривать с нами надо как с равными, а не как с близлежащей колонией...

Бог взирает на сердце, а не на пудру. Так что важен мотив "окосмечивания". Да, Церковь отрицательно относится к таким изменениям внешности, которые призваны сделать человека более сексуально привлекательным. Но представьте себе обычную школьную училку. Она вытаскивает себя из постели на полчаса раньше и почти не приходя в сознание, "на автомате", перед зеркалом, в которое в такую рань глаза еще не хотят смотреть, "работает над образом". Неужели она это делает ради своего удовольствия или ради флирта? В школе-то у нее только один мужик – да и тот военрук-пенсионер... Ясное дело, не за ним она идет ухаживать и не его идет поражать своим внешним видом. Просто в ее среде так принято, и она не хочет выделяться.

Если мотив такой, то нет греха в ее нищей косметике. Она просто исполняет часть своего профессионального долга – ей нужно "быть в форме".

Что же касается запахов... В древней житийной литературе есть выражение о подвижниках: "уста их дышали постом". От людей высокой духовной жизни, даже если они давно были лишены возможности менять одежду и посещать баню, не исходит неприятных запахов. Так что можно надеяться на то, что если мы станем подражать им, нам тоже не понадобятся ни шампуни, ни зубные пасты. Но если мы еще не в той мере духовного возрастания – то лучше не отпугивать от себя людей.

В итоге у меня три совета на тему об одежде и косметике.

Первый обращен к женщине, которая просто проходит мимо храма. В ее утренних замыслах посещения храма не было. Но вот проходила мимо и в сердце шевельнулось желание зайти. Одежда ее "нецерковная"... Что делать? – Зайти. Если женщина знает, что у нее такая одежда, что может вызвать нарекания прихожанок, и тем не менее заходит на минутку в храм ради молитвы о своих детях – то это своего рода исповедничество и юродство: готовность принять неприятности и оскорбления ради того, чтобы помолиться.

Второй совет к женщине, которая специально идет на службу. Ей я советую одеться "по-церковному". Нет, дело не в том, что если на вас будет юбка не того фасона, то Бог вашу молитву не услышит. Просто у св. Иоанна Златост есть удивительное выражение: "Таинство нашего ближнего". Таинство нашего спасения зависит от того, какой мы оставляли след в жизни тех людей, с которыми соприкасались. Ранили их или исцеляли.

Открою тайну: мы, церковные люди, больны. Больны мы своей не-православностью: молитвенное славословие не всегда течет само радостно и легко, часто к нему приходится понуждать себя. А в этом случае – "и выхода другого нет: если в душе не лежит Евангелие, то в эту пустоту надо

положить Типикон (устав богослужения), тем более, что эта книга гораздо больше. И Типикон нужен Церкви. Дело не в нем, а в потере чувства духовной меры: относительности и вечности".

Несколько часов держать свой ум в состоянии постоянной молитвенной сосредоточенности – очень трудно. "Мои мысли – мои скакуны". Только расслабился – и они ускакали прочь из храма, надо бежать за ними и возвращать. Конечно, человек отвлекается. Конечно, осуждает себя за эти отвлечения. И, конечно, ищет возможности оправдать хотя бы некоторые из них.

И так – на всех уровнях. Стоит бабушка, сама себя назначившая старшей дежурной по третьему подсвечнику справа, и всю службу играет в бесконечный пасьянс со свечками. Понимаете, она нашла дело, которым она сублимирует свою немолитвенность. В алтаре алтарники устраивают какую-нибудь бесконечную чистку кадила, а священники ведут умно-неотложный богословский разговор. На клиросе дьякон заводит профессиональный семинар с регентом о церковной музыке.

"Отмазки" можно любые найти, но все это будут попытки подменить дело тем, что святой Феофан Затворник называл "приделком". Дело одно, а приделков много.

И тут нам предоставляется такой удачный повод заняться чем-то другим помимо молитвы.

А раз так – то зачем же заирать больных? Зачем давать повод ищущим повода? Зачем помогать впадать во грех?

Так что, идя в храм, лучше одеться так, чтобы твоя одежда не давала повода отвлекать от молитвы ни тебя самого, ни других людей.

Третий мой совет – к самим прихожанам. Снова представим первую ситуацию: женщина случайно проходила мимо храма и у нее появилось желание зайти. Но тут уже другая мысль остерегла ее: "Ты не так одета! Тебе туда нельзя!". Вопрос: какая из этих мыслей – от Бога, а какая – от лукавого? Кто позвал эту женщину в храм, а кто – отпугнул? Убежден, что мысль о посещении храма была от Господа, а другая, пугливая мыслишка – пришла "слева". Так зачем же нам—то становиться союзниками этого "левого"?

И еще нам очень важно помнить золотую формулу христианской этики: не я терплю – меня терпят. Все мы в Церкви только еле терпимы. Никто из нас не хозяин в храме. Домовладыка тут – Господь. Он позвал нас к Себе. Вспомним притчу о званых на царский пир (Мф. 22). Почетные гости не пришли. Царь тогда приказал позвать бомжей. Вот мы и есть эти бомжи.

Подобрали меня на Курском вокзале, обмыли, приодели, привели в царские палаты. Сижу я и млею: "Скажи кому из наших, где я сегодня оказался – не поверят! Подумать только: вот я – а вот царь... вот царь – а вот он я!". И вдруг нить этих моих сладких рефлексий прерывается. Входит новый гость. Так имею ли я право сказать на таком пиру при виде очередного гостя: "Да хтой-то там приперся! Государь, да ты глянь! Тут же только порядочные люди: ты да я, да мы с тобой! Это же Гришка с Павелецкого вокзала! Да он мне вчера бычок не оставил! И вообще он павелецкий, их в нашу приличную компанию брать нельзя, тут все только с Курского!".

Так что не надо в Церкви хозяйничать и изгонять из нее тех, кого позвал сам Владыка.

– Можете ли Вы обосновать обязательное ношение длинных юбок и платков православными женщинами?

– В Посланиях апостола Павла (1 Кор. 11,10) сказано, что у жены должна быть покрыта голова как знак власти мужа над нею. Что за этим стоит? В каждой культуре есть свой язык жестов и символов. Даже жесты приветствия разные. Церковные люди кланяются или целуются, у светских людей больше принято руки пожимать, в Шумере было принято при приветствии потирать нос. Так

вот в культуре Ближнего Востока во времена апостолов плат на голове женщины был знаком ее замужнего статуса: не девица носила платок, а замужняя женщина (поэтому, кстати, неверно требовать ношения платка от девочек).

В языческом Риме если матрона (замужняя женщина) в публичном месте обнажала голову – это считалось законным основанием для развода с ней (см. Валерий Максим 6,3,10: история о том, как первый развод в истории Рима имел своей причиной бездетность жены, второй же случай – развод Сульпиция Галла из—за упомянутого события). Аналогично считали и иудеи. У них также обнажение головы считалось признаком девичества – и потому карфагенские церковные девы третьего века считали нужным ходить без платка (за что их обличал Тертуллиан).

Но в Греции этот обычай не был всеобщим, отчего преп. Ефрем Сирийский считает, что апостол желает ближневосточный обычай как новинку навязать западным народам: "Речь эту он ведет о женщинах Рима, Коринфа и других городов, в которых они входили в церковь с открытой головой, следуя древнему обычаю. Апостол хочет ввести обычай носить покрывала на голове женщинам, которые с давних времен ходили без покрывала".

Сегодня ни в церковном мире, ни в народной культуре платок уже никак не указывает на семейный и социальный статус.

Но требовать исполнения обряда, смысл которого уже не понятен его участникам, значит фарисейничать. Хуже того: порой воцерковленная жена повсюду ходит в платке вопреки прямым запретам своего не столь церковного мужа. И это уже трагикомедия: знак, который должен выражать послушание мужу, носится именно вопреки его вкусу и воле...

Так получается своего рода глоссолалия: слово или действие, не имеющее значения для тех, кто стоит рядом с нами. Апостол же Павел в своих наставлениях на тему женского платка сказал – "Рассудите сами" (1 Кор. 1.13). Св. Златоуст рассуждает – "мужу и жене дано много различных знаков, одному – власти, другому – подчиненности, между прочим и тот, чтобы жена покрывалась".

Если же мы "рассудили" и поняли, говоря языком святых отцов, "в каком разуме" сказал это апостол, то следующий вопрос – вопрос о том, в какой форме этот понятный для нас смысл лучше донести до современного человека. В сегодняшней культуре тот же самый смысл несет другой внешний символ. И если бы апостол Павел сегодня писал свои Послания, то на языке современной культуры он написал бы: жены, носите обручальные кольца, даже когда едете в Сочи.

Златоуст также полагает, что начальник и подчиненный должны обязательно внешне различаться – как в армии. Опыт XX века показал, что социальная иерархия и организация сохраняются, даже когда люди не носят «класных мундиров» и зовут друг друга «товарищ».

Да, плат мужней жены – знак ее послушания. Это унижительно? Но если есть любовь – то для нее радостно, а не унижительно послужить любимому, исполнить его просьбу.

Впрочем, у апостола Павла при обосновании платка есть очень странный аргумент: он говорит, что женщина должна носить платок ради ангелов. Может быть, это отголосок раввинистического предания, согласно которому ангелы, чье падение упоминается в шестой главе книги Бытия, прельстились именно видом длинных женских волос... В иудейской литературе было еще и мнение, что пышные прически привлекают демонов и те запутываются в их волосах.

В III веке Климент Александрийский, а позднее блаж. Феофилакт Болгарский под Ангелами понимали "праведников Церкви" – чтобы те, видя женскую непокрытость, не впадали в блудные помыслы...

С точки зрения догматического богословия понятно, почему эти толковники под словом *ангелы*

предпочли понимать людей: свобода ангелов в православном понимании как бы одноразового пользования. Ангел только раз может сделать свой выбор, и этот выбор был сделан ими еще до грехопадения человека. Поэтому беспокоиться о безопасности добрых ангелов излишне: они точно не падут. Злые же ангелы уже пали.

Но идет ли речь об ангелах или о людях, мне все равно трудно понять, почему святых может соблазнять вид именно женской макушки. Но разве именно вид женских волос вызывает такую реакцию? Оттого я полагаю, что в апостольском совете речь идет о покрывале, которое прикрывает собой не только волосы на голове, но и все тело. Да, в апостольском тексте речь идет совсем не о платочке или шляпке. Речь идет о чадре. Там все время употребляется слово "покрывается" – katakaliptete – которое имеет оттенок закутываться. "Не сказал просто: да накрывается, но покрывается. То есть должна тщательно закрываться со всех сторон". И в Византии женщины носили именно чадру. У женщины, покинувшей стены своего дома, не должно быть открытых участков тела, которые могли бы провоцировать в мужчинах мысль о «доступности» этой женщины. Как это ни странно, женщина в чадре социально защищена – она всем своим видом показывает, что у нее есть защитник, что она не ищет «приключений». Так что чадра – это одна из мер защиты от сексуальной агрессии. Так разговор о платках вполне естественно переходит в разговор о длинных юбках. Женщина в безрукавке, но в платке – все равно одета небезопасно.

А еще, когда блаж. Феофилакт объясняет, почему мужчина не должен покрывать свою голову или носить длинные волосы, он говорит удивительную вещь – "Тот, кто от Бога создан свободным и самовластным, но сам унижает себя как подчиненного, постыжает Христа, который есть глава его". Удивительные слова. Вот только находятся они, увы, в вопиющем противоречии с нашими церковно-государственными привычками: пресмыкательство перед властями, поставление себя в заведомо унижительную позу перед вышестоящим – это неотъемлемая и неизживаемая черта византизма. Слова блаж. Феофилакта великолепно вписались бы в культуру западноевропейского рыцарства: но в восточном христианстве «честь», ее защита и хранение никогда не числились в перечне добродетелей. Во всяком случае никогда на исповеди не задавались людям вопросы: «Не лебезил ли перед начальством? Не льстил ли ему? Не становился ли на колени перед каким-нибудь властным лицом?». Это грехом не считалось и не считается. У нас совет на все времена: «Поцалуй у злодея ручку». В одной из украинских семинарий был составлен «Катехизис», в котором меня поразило изъяснение слова «лицемерие»: «Лицемер наружные дела благочестия употребляет для приобретения уважения народа». То, что гораздо чаще лицемерят для приобретения уважения начальства (буквальное значение греч. слова ipokrisis, переведенного как лицемер – под-судный) осталось за скобками...

И еще, конечно, нельзя не заметить, что из строго симметричного текста ап. Павла (в нем запреты даются как женщинам, так и мужчинам), Православие давно уже сделало исключение для мужчин. Мужчинам разрешено уже носить женские длинные волосы и молиться с покрытой головой (монахи и священнослужители). Старцы, когда "пророчествуют", также не снимают с себя клобуки, хотя вроде бы это и нарушение тех же апостольских слов ("Муж молитву деяй или пророчествуяй покрытою главою, срамлет главу свою"). Зная об этом и будучи сам обладателем довольно длинной косы, я как-то не решаюсь строго требовать от женщин буквального исполнения того совета ап. Павла, который сам нарушаю...

В богословской же традиции есть пример символического толкования этих слов апостола:

"Муж есть деятельный ум, имеющий главою своею слово веры; взирая на него, словно на Христа, ум созерцает свою жизнь, возведя ее посредством духовного делания из благодатных даров заповедей. И при этом он не срамит главы своей, то есть веры, каким-либо из внешних и материальных покровов, поскольку ничего из вещей временных и подвластных расторгению не полагает превыше веры. "Женой" же этого ума мы называем сам навык к духовному деланию, обросший и прикрытый, словно

длинными волосами, многими и различными подвижническими помыслами и нравами и, даже более того, имеющий сам ум, как собственную главу, покрытым густотой и благоприличием этих помыслов и нравов. Стало быть, всякий муж, или деятельный, естественный и богословский ум, молящийся или пророчествующий, то есть научаемый и научающий, пусть имеет непокрытой голову, то есть Христа: деятельный – не предпочитая ничего вере или добродетели; естественный – не ставя ничего выше первого Слова; богословский – не формируя Того, Кто превыше умозрения и ведения, по образу сущих, доступных умозрению. А всякая жена, то есть навывк деятельного ума, чувство ума естественного или мудрая мысль ума богословского, пусть покрывает главу: деятельный навывк – нося на себе разумное различие созидающего и несозидающего; чувство – нося на себе познающую силу разума, направленную на зримые вещи; мысль – нося на себе совершенно недоказуемое и превышающее мышление ведение. Итак, всякая жена, естественно, должна иметь на главе власть разума, я подразумеваю разумное начальствование. И сие должно быть особенно ради Ангелов, наблюдающих за нашими явными и скрытыми движениями души и записывающими всякую нашу мысль и всякий поступок для восхваления или обличения нас в страшный день Суда; и ради размышлений по совести относительно совершенного нами, под которыми образно понимаются те же самые Ангелы, которые осуждают или оправдывают нас и ныне, и будут делать это позднее, в Судный день" (Преп. Максим Исповедник. Вопросы к Фалассию, 25).

– Не кажется ли вам, что Русская Православная Церковь требует от паствы почти монашеского поведения и этикета в храме. Я был с семьей в Черногории в Цетиньском монастыре, где хранятся мощи Иоанна Крестителя. Стояла жара, и мы все были в шортах. Нас с удовольствием впустили к святыне, предоставив при этом длинные балдахины.

– Это не выход. У людей, особенно у женщин, предложение натянуть на себя чужую месяцами не стираную одежду, вряд ли вызовет восторг. Честнее будет или прямо сказать, что, простите, мы мужчины, и если мы видим девушку в мини-юбке, мы искушаемся; или открыть свои двери для всех и сказать, что это миссионерский монастырь, мы никого не выгоняем и готовы на свой риск ради пользы других людей – даже если они "все в слезах и в губной помаде".

– К вопросу о безгливости. Причащение таинств Христовых у нас происходит одной ложкой. Почему я должен отвлекаться на такие мысли как: здоровый или больной человек причащается передо мной?

– Это нехорошо, это невоспитанные мысли.

– Но они спровоцированы.

– Они спровоцированы тем же, кто спровоцировал Иуду. Двенадцать апостолов не из ложечки причащались, а вообще из одной и той же чаши пили. Представьте, что вы 13-й апостол, вошли на Тайную вечерю и говорите: "Ой, тут вот эти мужики грязные, провинциалы-галилеяне. Давно ли они мылись? Не болеют ли они чем-нибудь? Не буду я после них губами общей чаши касаться!". Литургия ведь и есть Тайная вечеря.

Ладно, не хотите по-богословски, скажу по-медицински. Я дьякон. После того, как все прихожане причастились, то, что осталось в чаше, должен выпить я. Потом должен вымыть чашу и даже эту воду я не могу вылить – опять должен выпить ее. С точки зрения гигиены вся зараза, которая есть в моем приходе, а значит, вся зараза, которая есть в Москве, – моя. Могу вас уверить, что за 15 лет моего служения дьяконом я ни разу не болел инфекционными болезнями. А когда я был просто студентом в Университете и в семинарии, то каждую зиму с какой-нибудь гадостью – ОРЗ или грипп – дней десять валялся. В общем – во что веришь, то и получаешь.

– Ну, хорошо. И все же где женщина – там любовь. Поговорим о ней. Почему Церковь смотрит на брак как на Таинство? В чем его смысл? Почему любовь – искренняя, горячая, чистая – все же будет считаться грехом, если она не освящена церковным ритуалом?

– Таинством является любая семья. Более того, в каком-то смысле половое общение как таковое является таинством (таинством не в церковном смысле благодатного благословения, а в смысле загадочности, непостижимости): здесь двое сливаются в одну плоть, здесь происходит преодоление самозамкнутости и чудо зачатия, рождения новой жизни.

Однако, у слова "таинство" есть и иное, собственно церковное значение: таинство как особое действие Бога через Церковь в мире. Это действие не ограничивается храмом и храмовым обрядом. Благодать Божия содействует укреплению семьи и в те годы, которые следуют за минутами церковного венчания. Поэтому таинством является не только то, что происходит во время венчания, но вся жизнь этой семьи есть таинство брака.

Что касается жизни невенчаных супругов, то, если они верны друг другу, Церковь будет укорять их только в том случае, если они осознают себя христианами, но все же так и не пришли к церковному амвону. Для христианина странно предпринимать дело, если он не испросил на него благословения и Божьей помощи. А тем более для такого важного, быть может самого важного дела, которое у него есть на земле – для любви и созидания новой жизни. Поэтому неблагословенное, немолитвенное сожителство христиан нам представляется просто странным.

Если же это люди неверующие (или нецерковным является один из супругов), но они каким-то образом декларировали свои брачные отношения перед людьми, перед государством, то Церковь не осуждает таких людей. Церковь признает реальность всех браков, которые заключаются за ее пределами: Церковь признает и браки светские, и браки, которые заключены были в других религиях (даже вне христианства).

В V веке при крещении англоv встал вопрос – признавать ли те их браки, которые были заключены между близкими родственниками. Ответ св. Григория Великого, папы Римского, был таков: следует предупреждать их о необходимости расторгнуть такие браки, но до той поры, пока они это не сделали, все равно не надо отлучать их от причастия. "Само по себе это не мешает им сподобиться святых плоти и крови Господних, поскольку они не будут наказаны за грехи, совершенные ими по неведению, до принятия крещения".

Когда в XVIII веке началась проповедь русских миссионеров среди калмыков (бывших тогда наполовину шаманистами, наполовину буддистами), крещение часто принимали целыми деревнями. Перед миссионерами встал вопрос: венчать или нет уже существующие семейные пары после их крещения? Они обратились за разъяснением в Синод. Ответ Синода был: не надо. Они уже муж и жена и перед Богом, и перед людьми.

В XIX веке св. Иннокентий Московский наставлял священников, миссионерствовавших у сибирских народов: "Никакие брачные союзы и договоры, заключенные до крещения, не считать препятствием к принятию Крещения, и никаких заключенных до Крещения браков, выключая самых кровных, не расторгать и в разбирательство не входить".

К сожалению некоторые священники, в которых их ревность превосходит их образование, говорят своим прихожанкам: "Если ты с мужем не венчана, то значит ты живешь в полном блуде! Пока не приведешь мужа к венчанию, я тебя причащать не буду".

Но подумайте сами – что выйдет, если жена, исполняя повеление такого священника, будет постоянно давить на своего неверующего супруга: "Идем в храм, давай-давай венчаться!"? Муж-то человек искренне неверующий. И получается, что Церковь, навязывая ему венчание, понуждает его

лжесвидетельствовать. Неужели же это верный путь ко Христу? И неужели люди станут ближе ко Христу, если придут на венчание и притворятся верующими? Неверие супруга – не повод для разрушения брака.

Такие "старцы" мнят себя ревнителями традиций благочестия, но именно традиций они и не знают. Не знают они слов апостола Павла: "Неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим" (1 Кор. 7, 14).

Не знают они и канонических правил. На только что приведенные апостольские слова ссылались отцы Трулльского собора, признавшие действительным союз между лицами, которые, "будучи еще в неверии и не быв причтены к стаду православных, сочетались между собою законным браком", если впоследствии один из супругов обратился к вере (правило 72).

Не знают они ни старых постановлений Синода, ни новейших. А ведь уже 28 декабря 1998 года Священный Синод Русской Православной Церкви с сожалением отметил, что "некоторые духовники объявляют незаконным гражданский брак или требуют расторжения брака между супругами, прожившими много лет вместе, но в силу тех или иных обстоятельств не совершившими венчание в храме... Некоторые пастыри-духовники не допускают к причастию лиц, живущих в "невенчанном" браке, отождествляя таковой брак с блудом". В принятом Синодом определении указано: "Настаивая на необходимости церковного брака, напомнить пастырям о том, что Православная Церковь с уважением относится к гражданскому браку". Это определение Священного Синода также говорит об уважении Церкви "к такому браку, в котором лишь одна из сторон принадлежит к православной вере".

Не знают они и принятой Собором 2000 года "Социальной концепции Русской Православной Церкви", в которой сказано: "Освятившая супружеские союзы молитвой и благословением, Церковь тем не менее признавала действительность брака, заключенного в гражданском порядке, в тех случаях, когда церковный брак был невозможен, и не подвергала супругов каноническим прещениям. Такой же практики придерживается в настоящее время Русская Православная Церковь... Лишь с 893 года, согласно 89-й новелле императора Льва VI, свободным лицам было вменено в обязанность заключать брак по церковному обряду, а в 1095 году император Алексей Комнин распространил это правило и на рабов... В соответствии с древними каноническими предписаниями, Церковь и сегодня не освящает венчанием браки, заключенные между православными и нехристианами, одновременно признавая таковые в качестве законных и не считая пребывающих в них находящимися в блудном сожителстве. Исходя из соображений пастырской икономии, Русская Православная Церковь как в прошлом, так и сегодня находит возможным совершение браков православных христиан с католиками, членами Древних Восточных Церквей и протестантами, исповедующими веру в Троицу Бога, при условии благословения брака в Православной Церкви и воспитания детей в православной вере. Указом Святейшего Синода от 23 июня 1721 года было разрешено на вышеуказанных условиях совершение браков находящихся в Сибири шведских пленников с православными невестами. 18 августа того же года данное решение Синода получило подробное библейское и богословское обоснование в особом Синодальном Послании. На это послание Святейший Синод ссылался и впоследствии при разрешении вопросов о смешанных браках в губерниях, присоединенных от Польши, а также в Финляндии (указы Святейшего Синода от 1803 и 1811 годов). В этих областях, впрочем, дозволялось более свободное определение конфессиональной принадлежности детей (временно такая практика иногда распространялась и на прибалтийские губернии). Наконец, правила о смешанных браках для всей Российской Империи были окончательно закреплены в Уставе духовных консисторий (1883). Примером смешанных браков являлись многие династические бракосочетания, при совершении которых переход неправославной стороны в Православие не был обязательным (за исключением брака наследника Российского престола). Так, преподобномученица великая княгиня Елисавета вступила в брак с великим князем Сергием Александровичем, оставаясь членом Евангелическо-Лютеранской

Церкви, и лишь позднее, по собственному волеизъявлению, приняла Православие".

Итак, Церковь не благословляет своим членам вступать в брак с людьми иных религиозных традиций, но если такой брак был заключен ранее, до вхождения одного из супругов в Православие, то этот брак церковного человека является вполне законным в глазах Церкви.

С другой стороны, в принципе Церковь может повенчать брак, который не зарегистрирован у государства. Если священник хорошо знает своих прихожан, то он может обвенчать их прежде государственной регистрации. Более того, во многих странах государство само признает такой брак, и священнослужитель имеет юридические права освидетельствовать брачный союз. Но в России церковный брак, увы, лишен гражданской юридической силы, поэтому венчание совершается, как правило, над супругами, зарегистрировавшими предварительно свои отношения в загсе.

Впрочем, Церковь не признает то, что сегодня (а не в XIX веке) называется "гражданским браком". Сожительство же без государственной регистрации и без церковного венчания – это не взаимное служение, а взаимное использование. Отказом от регистрации и венчания люди говорят, что они не хотят ничем жертвовать, не хотят ничего всерьез друг другу обещать.

– Странно: с одной стороны, Церковь за семью, но, с другой стороны, тот же апостол Павел призывает “не искать жены”, лучше “оставаться так”, т.е. не жениться и не выходить замуж.

– Для понимания этих слов надо отвлечься от бытового восприятия обстоятельств своей жизни. Здесь фундаментальный нравственный вопрос. По-настоящему нравственное сознание знает, что в мире ценностей есть иерархия. Мир этики не сводится к осознанию конфликта между добром и злом. В мире, который насквозь нравственно выверен, происходит постоянное сопоставление доброго и более доброго, высокого и еще более высокого.

Давайте немного отвлечемся от женской темы и вспомним слова Христа: "Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня" (Мф. 10, 37—38). Эти слова вызывают сегодня море возмущения: “Ваш Христос и ваше Евангелие проповедуют разрушение семьи и ненависть!...”

Но остановите на секунду эмоции. Никакой текст нельзя понимать вне контекста. Скажите: Библия в ее целостности – это книга, благословляющая семью и почитание родителей, или же книга, проповедующая разрушение семейных уз? Очевидно, что Библия – это очень семейная книга, в ней царит подлинный культ брака. Люди, у которых не было детей, считались несчастными и даже проклятыми... И вообще при чтении Библии поражает, что при всем многообразии греховных ситуаций, описанных в ней, при всей ее честности (а в ней описываются грехи и слабости даже святых пророков) – в ней нет ни одной "семейной сцены". Ни одна из страниц библейской истории не повествует о побиении жены мужем.

Значит, если мы не хотим один библейский стих противопоставлять всему Писанию, мы должны найти более серьезное его истолкование.

И теперь вспомните один всем знакомый эпизод. В фильме "Семнадцать мгновений весны" русская “пианистка” Кэт оказывается перед выбором – или она должна пожертвовать своим новорожденным сынишкой, которого нацистский мерзавец морозит на подоконнике, или же предать Штирлица. В сердце Кэт сталкиваются друг с другом два долга: долг материнский и долг офицерский (она ведь офицер Советской Армии). Она понимает, что жизнь не только Штирлица, но и тысяч солдат сейчас зависит от нее. Какую из своих обязанностей она предпочтет исполнить?...

До конца эта сцена в фильме не разворачивается, но дается понять, что Кэт скорее предпочтет пожертвовать сыном (природным родством), но исполнит свой гражданский долг. Фильм был снят в советскую эпоху, однако, с огромной симпатией и пониманием смотрится и до сих пор. И ни тогда, ни сегодня я не встречал возмущения на тему: "А вы понимаете, что проповедует этот фильм? – Ради победы сталинизма он призывает жертвовать детьми! Это же пережиток тоталитарного сознания, это отрицание всякого гуманизма!...".

Не было и нет таких возмущений. Что это означает? – Что по сути у нашего народа (и церковной, и нецерковной его части) есть согласие в восприятии этой сцены. Фильм сделан настолько корректно, тактично, по-человечески убедительно, что все согласилось: "Да. Вот так, наверное, и надо было бы вести себя в этой ситуации".

Ну, а теперь у меня вопрос: Если для Кэт нравственно допустимо пожертвовать ребенком ради Штирлица, почему в случае выбора судьбы нельзя пожертвовать семейным покоем ради Христа?

Представим, что с некоторой семьей произошла какая-то религиозная неудача: инерция семейной традиции не допускает обращаться ко Христу.

Юноша расслышал зов Христа, устремился к своему рискованному будущему, а родители пеленают его порыв, требуют быть "как все".

Что делать? Человек должен решить, кто он прежде всего: "Я – сын своих родителей, я – их отголосок, их плод, или я нечто самостоятельное?". Требование природного родства, природной идентичности вступает в противоречие с самопознанием человека, с попыткой отыскать свой путь. И вот, если отец начинает кричать: "Как ты посмел, мерзавец, пойти в семинарию, когда твой дедушка в армии Буденного воевал, а я член КПСС с 50-го года!" – вот в таких случаях надо сказать: "Пап, я тебя очень люблю. Но чтобы между нами все было хорошо, не убивай, пожалуйста, ту веру, ту любовь, которая родилась сейчас во мне. Любовь ко Христу. А после этого, когда ты отпустишь мое сердце, мы с тобой найдем общий язык".

В таких случаях человек должен решить, что в нем важнее: его собственное имя или его отчество. Это выбор между прошлым и будущим, между происхождением и призванием.

Христианский мыслитель III века, свидетель еще традиционно-языческого уклада жизни, Климент Александрийский поясняет смысл слов Христа о ненависти к родителям: "Словом мать, которую приходится оставлять ради Христа, обозначено аллегорически отечество и родная страна. Под словом же отец Писание разумеет порядки частной жизни, над которыми праведник с благодарением и великодушием должен возвышаться, чтобы стать угодным Богу" (Строматы, IV,4). "Господь вовсе не повелевает проникнуться ненавистью к своему собственному семейству. Господь хочет сказать нам своими словами только это: Не увлекайтесь неразумными пожеланиями и избегайте следовать обычаям общественным, ибо семейство состоит из родных, а города из семейств" (Строматы III,15).

Речь идет о том, чтобы быть готовым отказаться от следования общественным предрассудкам (естественно, даже в том случае, если эти предрассудки побуждают родителей воспитывать сына в духе противления Евангелию – а потому "Убежим от обычая: он душит человека" (Климент Александрийский. Увещание к язычникам. 118,1). "Вы состарились в суеверии, молодыми придете к истинному богочитанию" (Там же, 108,3). "Есть также люди, которые говорят: мы соблюдаем все то, что оставили нам отцы наши. Разве те, кому отцы их оставили нищету, не стремятся разбогатеть? А те, кого родители не воспитывали, хотят получить воспитание и выучиться тому, чего не знали отцы их. И почему это дети слепых видят, а дети хромых ходят прямо? Ибо нехорошо человеку следовать за своими предками, жившими дурно. Поэтому исследуй, хорошо ли жил твой отец, а если отец твой

жил плохо, ты живи хорошо. И оплачь отца своего, что он жил плохо, если плач твой может помочь ему" (Слово Мелитона Философа пред Антонином Кесарем).

Так что евангельские слова прежде всего психологически достоверны. Так в человеке воспитывается осознанная иерархия ценностей: "Все мне позволено, но не все полезно". Или: "Так – это хорошо, но вот так – лучше"...

И слова апостола Павла – о том же. Он благословляет брак, но как бы говорит: "Для тех горячих сердец, которые ищут чего-то большего, ищут всецелого служения духовному возрастанию, всецелого служения людям и Христу, для них я благословляю безбрачие. Но это не для всех: могущий вместити да вместит". Повторяю, здесь не выбор между "злом" – браком, и "добром" – безбрачием, а просто указание на горизонты роста. Слова апостола непонятны, если не вспомнить притчу Христа о талантах. Для тех, кому много дано – особые советы.

– Значит, все-таки монашество оценивается выше семьи? И ни к чему тогда все эти разговоры о культуре семьи, о Таинстве?

– В "Настольной книге священнослужителя" – есть такой семитомник, пособие для пастырей – глава о монашестве начинается словами: "Тем, кто на пути веры, нравственного совершенства и любви почувствует себя немощным преодолевать препятствия похоти плоти, похоти очес и гордости житейской, Церковь предлагает особые средства к победе над страстями. Эти средства состоят в принятии и исполнении обетов, которые в Евангелии предлагаются не как заповеди, но как советы"... Вот и судите сами о том, что считается с церковной точки зрения большим подвигом!

Я знаю монахов, которые пошли путем монашества, потому что они почувствовали такой религиозный порыв, что решили не размениваться больше ни на что другое; они взяли тот крест, который им представлялся как самый тяжелый (так Достоевский объясняет уход Алеши Карамазова в монастырь: "Сказано: "Раздай все и иди за Мной"... И Алеша подумал: "Не могу я вместо "всего" отдать лишь пять копеек, а вместо "иди за Мной" ходить лишь к обедне").

В то же время я знаю монашествующих, которые избрали такой путь по основаниям, как будто противоположным. Например, один мой одноклассник в семинарии. Когда он подал прошение о постриге в монахи, я его спросил: "Почему ты так решил?". Он ответил: "Просто я знаю себя. Я слабый человек. Я не потяну одновременно служить и семье, и Церкви. А я действительно хочу служить Церкви. Поэтому для меня это более легкий путь. Я его выбираю, так как мне хотелось бы успеть сделать самое главное в жизни".

Есть люди, для которых путь брака был бы тяжелее, чем путь монашества. А есть люди иного устройства души. Мученическая символика есть и в чинопоследовании венчания, и в монашеской жизни...

Семейная жизнь – это не только медовый месяц. Было бы величайшим обманом думать, что чувство первой влюбленности сохранится на всю жизнь. На смену ему должны придти какие-то иные, намного более глубокие отношения, нежели романтические чувства первых дней.

Церковь прекрасно понимает, что хорошее дело браком не назовут. Каждый брак – это космическая катастрофа. Под этим термином в астрономии подразумевается столкновение двух звездных систем. Представьте, жило-было себе солнышко по имени Ванечка. Вокруг этого солнышка кружили планеты: папа, мама. По более далеким орбитам – дедушки и бабушки. Кометы иногда в гости залетали – дяди и тети... А в соседнем подъезде росло другое солнышко по имени Танечка. Со своей планетной системой. И вдруг они встретились... Каждое из этих солнышек привыкло быть центром своей системы, вокруг которого все вертится. А тут уж извини-подвинься. И вскоре там еще новое солнышко засияет, и все – ты сам уже только планетка... Трудно принять в свою жизнь другого

человека. Трудно удвоить свои нервные окончания и боль и радость другого воспринимать как свои.

Люди, у которых долгая история контактов со стоматологами, знают, что у тех есть такая забава: наши зубы под ихние коронки обтачивать. Причем для заточки берутся зубы здоровые и живые. Больно, однако... А что такое жена? – Это же коронка на всю мою жизнь! Это можно, это нельзя, об этом забудь, это не ешь, этих в дом не пускай!

Путь брака тяжел по самой своей сути, потому что создать семью – это значит пустить другого человека в самую сердцевину своей жизни, жить уже не только ради себя, потерять какую-то автономию. В этом смысле любая серьезная любовь, тем более брак, сродни самоубийству: человек перестает жить для себя и в себе и начинает жить для другого. Это очень тяжело и очень болезненно. И здесь Церковь честна – поэтому она и говорит о том, что семейный путь по-своему мученический. И при венчании на головы молодых возлагаются именно мученические венцы. То, что венцы именно мученические, ясно из тех слов, которые поются при этом: "Святити мученицы, иже добре страдавше и венчавшеся, молитесь ко Господу спастися душам нашим".

И поэтому Церковь, восхищаясь теми людьми, которые вступают в брак, поет: "Аллилуиа!"

– Христианство сегодня обвиняется в ханжестве, отсталости, нежелании идти в ногу со временем. Так чем же руководствуется Церковь в этих "сексуальных" вопросах?

– По правде говоря, это та тема, о которой я хотел бы в самую последнюю очередь говорить с молодежью. Я считаю подобный разговор с неверующими чем-то в принципе глубоко бесполезным и даже вредным. Все, что в Православии говорится на эту тему, сказано для тех, кто уже идет по пути Православия. Православие не просто набор положенных формул. Это именно путь.

Бывают такие архитектурные композиции, которые рассчитаны на восприятие движущимся человеком. Есть такие рекламные щиты, которые, когда стоишь рядом с ними, кажутся совершенно уродливыми, но если проезжаешь мимо них на машине, то эта конструкция как будто поворачивается следом за тобой. Возникает впечатление ее движения.

Что-то подобное и с Православием. Пока человек стоит на месте, ему не понятно, "зачем все это". И только когда человек начинает двигаться, рождается понимание. А пока человек стоит на месте, пока с его машины свинчены колеса – то что же ему рассказывать о том, как и что может затормозить едущих...

За устоявшимися и неподвижно вековыми глыбами церковных преданий почти незаметно то обстоятельство, что свой смысл они открывают лишь тому, кто сам приходит в движение.

Православные в сегодняшнем мире похожи на альпинистов в летнем городе. Представьте жара, в льняных тапочках и то жарко и вдруг идут люди с заготовленными теплыми шапками и куртками, с теплыми сапогами, на которых вдобавок набиты шипы. Зачем ледорубы в городе? Зачем шипы на асфальте? "Так презрен, по мыслям сидящего в покое, факел, приготовленный для спотыкающихся ногами" (Иов. 12, 5).

Но если хоть что-то из снаряжения альпинистов останется в долине то там, наверху, цена беспечно отброшенного может оказаться непомерно высока. Так и в Православии все рассчитано на движение, на трудное восхождение. Там, на духовных высотах, станет понятно, зачем пост и зачем церковно-славянский язык, зачем столь долгие Богослужения и почему в храмах не ставят скамеек, о чем говорит почитание святых и что дает человеку икона, а чем драгоценно целомудрие... К стоящим в долине бесполезно обращать речь о технике безопасности в горах.

Представьте, что меня командировали вести уроки музыки в школу. Прихожу я к детишкам и говорю: "Дети, сначала мы с вами изучим историю музыки. И знаете ли, история музыки – она очень

трагична. Потому что в музыке бывали удивительные достижения, и тогда создавались симфонии, благие созвучия. А бывали неудачи – и рождались какофонии. Так вот, знайте, дети, что когда-то давно, в глубокой древности возникла страшная какофония; она звучит “дзинь-блим-бум”. Дети, запомните эти звуки и никогда их не издавайте! А на следующем уроке, через неделю, мы снова встретимся и изучим историю появления другой страшной и древней ереси. Речь пойдет о какофонии “дзям-блям-блям”. Да, и вот так потихонечку мы с вами изучим историю всех ересей, а перед каникулами коснемся самой страшной ереси, недавно возникшей какофонии “дзим-блям-барамс”. Ну а после каникул, уж так и быть, я дам вам Моцарта послушать”.

Что вы тогда скажете о моем педагогическом таланте? Ниже пола, что называется. К сожалению, именно по этому принципу очень часто строится наше общение с молодежными аудиториями: мы приходим к ним только для того, чтобы сказать, чего им нельзя. Высыпать на них мешок запретов и вагон императивов... Вот и создается ощущение, что мы что-то у людей отбираем, не успев им ничего дать. В итоге, как одна актриса недавно заявила в интервью: "Вы знаете, мне так тяжело жить: в этой жизни все, что приятно, или грешно, или портит фигуру".

Если мы сами в нашей проповеди превратили Православие в одно большое "низзя" – то что ж мы удивляемся тому, что оказались бесконечно далеки от молодежи, тому, что молодежь идет в секты.

Знаете, была такая замечательная буддистская притча. Некий царь подходит к человеку и говорит: "Я готов подарить тебе все, о чем ты только можешь мечтать: вечную молодость, вечную жизнь, царство, любовь, женщин, богатство – все я тебе дам. Чтобы получить эти бесценные дары, тебе нужно приложить лишь совсем небольшое усилие: я тебе дам вот эту чашу с водой, и эту чашу тебе нужно будет пронести из одного села в другое по этой дороге. Правда, есть несколько дополнительных условий. Первое – за твоей спиной будет идти воин с обнаженным мечом. Второе – если хоть капля воды упадет на землю, воин сразу сносит тебе голову с плеч. Третье – чаша будет полна до краев. И последнее условие – твой путь будет проходить через деревню, в которой в это время будут играть свадьбу". И вот через эту пьяную танцующую деревню, в которой все стараются вовлечь тебя в общий хоровод, надо суметь пронести чашу, не расплескав ее.

Что в этой притче буддистского, нехристианского – понятно: это образ палача, который сразу готов снести голову с плеч, как карма, не знающая снисхождения и милосердия. А что здесь близко с христианством – это идея того, что в начале тебе нечто дается: чаша твоего сердца сначала наполняется даром, а потом уж ты постарайся ее не расплескать.

Если обычные языческие религии говорят: "Ты делай то-то и то-то, а потом в награду получишь вот это"; то в Евангелии это отношение труда и дара переворачивается: сначала достигает тебя Царство Божие, а затем уж потрудись, чтобы не растерять Его. Святые Отцы называли это "обручение будущих благ" или "залаток", "залог будущих благ".

В этом и кроется главная трудность религиозной проповеди в отличие от обычного обучения. Это ее принципиальная нетехнологичность. Я могу что-то говорить, доказывать, аргументировать, но свой опыт или опыт того святого отца, которого я цитирую, я не могу вложить в сердце своего собеседника. Это обычная непредсказуемость чуда: свершится оно или не свершится?

И в этом уже следующий парадокс Православия – то, что все формы нашей религиозной жизни, начиная от богослужебной и кончая канонической, догматической – они создавались людьми, у которых этот опыт был. А мы пробуем эти формы и эти одежды перенести на людей, у которых этого опыта нет. Так как же эти формы могут стать понятными? Мы даем истину как бы навыrost.

Но как часто мы беседуем с человеком, предполагая, что мы ему понятны, и, значит, раз мы что-то сказали – то он просто обязан с нами согласиться. И вот тут мы можем сесть в лужу.

Представьте себе, я захожу в класс к девочкам. Девочки – подростки, им лет уже 12—13. Я к ним захожу и объявляю: "Дети, вы уже большие, давайте сегодня говорить про это. Так, мальчики выйдите из класса, сегодня я только с девочками про это беседую". Оставшись в ополовиненном классе, я начинаю: "Значит, девочки, вы уже знаете, что бывает такое общение мужчины и женщины, что в женщине появляется новая жизнь, она становится беременной". После этого я 15 минут рассказываю девочкам о том, что они будут испытывать во время беременности: тошноту, аллергию и так далее. Затем 15 минут рассказываю о том, что они будут испытывать во время родов. Еще 5 минут, – про прелести кормления грудью: маститы, молочница и так далее. Наконец, поясню на примерах, как будет строиться их режим дня после рождения малыша, расскажу, что пеленки и стирки, кормления и массаж заменят видик и сплетни с подружками...

45 минут прошло, звонок, мальчики возвращаются в класс. Чего я добился? Какими глазами девочки на мальчиков посмотрят? Скажут: "Ну, мужики, мы не знали, что вы – такие сволочи! Всё! Ближе к нам не приближайтесь!". Понимаете, что произошло? Эти девочки еще не знают, что такое любовь, ни супружеская, ни тем паче – материнская. А я им уже рассказал о том, с какими шипами это может быть связано дальше. Людям, которые еще не имели опыта любви, я рассказал о ее многообразии так, что у них напрочь исчезло желание когда бы то ни было входить в этот мир. А ведь потом, когда они созреют до брака, знание о грядущих скорбях не сможет остановить их. Та любовь, что поселится в них, упрямо скажет: Да, пусть будет боль – если это боль произрастет от меня...

Вот в чем трагедия христианского пастырства: мы говорим о тех ограничениях, которые должна соблюдать душа, которая уже беременна во "внутреннем человеке". Христианин ощущает себя беременным. Он ощущает в себе биение Иной Жизни. Преп. Симеон говорит об этом чуде: "Содержащий все поселяется внутри человека, и человек становится как бы беременной женщиной". Или: "Человек сознательно носит в себе Бога. И, сжимая снаружи руки вокруг себя, этот человек ходит посреди нас, не знаемый всеми, кто его окружает... Мы, когда веруем от всей души и каемся, начинаем в сердцах своих Бога Слово, как Лева. Он, имея в себе Христа младенца, будет считаться Его матерью, как Он, неложный, обещал: "Мать Моя и братья и друзья, вот они!"

А мы нередко лишь имитируем беременность. Не нося внутри Христа, делаем вид, что духовный плод в нас уже есть. И более того – от других требуем такого же поведения. Раз положено беременной сторониться от таких-то яств, то и мы тоже будем всех считать таковыми и потому будем всем запрещать этот вид пищи... А в итоге среди тех, кого мы сочли беременными, кому мы предписали жить по правилам беременности, но которые никогда и не ощущали в себе Иной Жизни, рано или поздно рождается протест: "Да отстаньте вы от нас с вашими условностями и ограничениями!"

Так очень часто бывает в наших проповедях о христианской жизни. Потому что все правила аскетики, все правила нашего церковного устава – правила жизни беременного человека, беременной души, в которой уже, по слову апостола Павла "не я живу, но живет во мне Христос". И существуют эти правила для того, чтобы выкидыш не произошел. Если в человеке есть это ощущение, что в его сердце зародилась новая искорка, появилась новая жизнь – тогда ему все понятно.

Ему понятно, почему, например, не надо хохотать... Рациональных аргументов, способных объяснить, почему переедание жванецкими дурно, ведь не найдется. Но можно обратить глаза зрачками внутрь и предложить прислушаться к самоощущению души: подожди, ты вот отхохотал, а душа-то тусклее стала, опустошеннее. Но ведь для этого надо, чтобы было с чем сравнивать!

У человека должно появиться ощущение своей собственной души. Без этого ощущения души Православие останется непонятым.

Иначе – нарушается основной закон педагогики: не отнимай прежде, чем дать. И вот мы слишком часто не успеваем людям "дать" Христа, чтобы человек понял радость жизни во Христе, а уже пробуем

что-то из его жизни вырвать. И человек протестует: "Во имя чего вы меня живого приносите в жертву вашим мертвым правилам?".

Представьте, что православный миссионер пересекает границы Китая. И Китайский пограничник его спрашивает – какова цель его путешествия. Миссионер честно говорит о себе как о миссионере, проповеднике Евангелия. "А в чем суть этой вашей веры, – настаивает пограничник, – что именно ты желаешь возвестить моему народу?".

А в ответ услышит: я хочу возвестить китайцам, что по Апостольским нашим правилам "Взявший в супружество вдову, или отверженную от супружества, или блудницу, или рабыню, или актрису, ни епископом, ни пресвитером, ни диакон, ни никем в списке священного чина... Имевший в супружестве двух сестер, или племянницу, не может быть в клире... Кто из клира даст себя порукою за кого-либо, да будет извержен".

Глупо с этого начинать проповедь Христа язычникам? Ну столь же неумно и к современным светским детям идти, нагружаясь запретами.

Слишком часто мы предлагаем у людей что-то отнять, не пояснив, что мы им принесли, не объяснив, чем живет христианство (а оно же ведь не запретами живет!).

То же самое могу пояснить другой притчей. Представим, что у меня урок не с девочками, а с мальчиками. Представьте, что я ношу не рясу, а какой-нибудь серенький китель с погонами. В общем, я – гаишник. Прихожу я к детям в школу и говорю: "Знаете, ребята, вы ни в коем случае не нарушайте правила дорожного движения. Обязательно их выучите: когда и как совершать обгон, как перестраиваться из ряда в ряд и прочее. Все это жизненно важно."

Я требую от них наизусть знать весь дорожный кодекс, а назавтра грожу им экзаменом. Будут ли мои ученики стремиться к исполнению правил, изложенных им в столь навязчивой форме? Естественно, школьники не придадут никакого серьезного значения моим речам. Ведь пока у человека нет своей машины, пока он сам не умеет водить, то рассказывать ему, как вести себя в такой-то дорожной ситуации – занятие довольно-таки бесполезное, а изучение правил им воспринимается как чистейшая зубриловка, как сообщение принципиально бесполезной информации. Ведь не имеющий машины человек просто не знает, к чему эту информацию применить.

Вот я – человек безпошадный, и потому мне глубоко все равно, кто кому должен дорогу уступать: шестисотый мерседес «Икарусу», или наоборот. Зачем мне это все? Я одно правило знаю: если я дорогу перехожу, все должны подождать! Батюшка идет, подождите, куда торопитесь?!

Другое дело, если однажды у меня "жигуленок" свой появится. Вот тогда я пойму, что, оказывается, правила дорожного движения написаны не только для того, чтобы гаишники взятки брали. Тогда (но не раньше) я пойму, что на самом деле каждое из этих правил написано кровью и болью человеческой. Но чтобы понять их смысл – надо жить в движении. Вот также и правила церковной жизни. Они рассчитаны на тех, кто движется, кто осознал цель своего движения и теперь старается не повредить свое средство передвижения.

Подобно правилам дорожного движения есть и правила религиозной безопасности. И эти правила тоже написаны кровью, написаны судьбами людей. Потому что слишком много было катастроф – много было и удач, но много и катастроф. Вот поэтому эти правила лучше соблюдать, если вы не хотите потерять что-то гораздо более важное, чем минутная эйфория "свободной любви".

Итак, в мире, в котором люди еще не знают о Христе, не знают, зачем надо стремиться жить во Христе, важно верно выбирать темы для бесед. К интонации назидательно-обличающей стоит обращаться лишь в последнюю очередь.

Как-то в Италии гостил я в одном монастыре. Возглавлял его человек, который был католическим священником, потом перешел в Православие. Этот удивительный человек содержит монастырь на зарплату, которую сам получает в качестве преподавателя философии в местной городской школе. И вот однажды я спрашиваю его послушника: "Я не понимаю, почему в монастыре молодежи нет? Ведь батюшка преподает в школе философию. Сам он человек талантливый. Преподает хорошо. И ребята тоже замечательные. Я там несколько уроков провел, и видел, что у ребят была очень хорошая реакция. Почему же их не видно в монастыре? У меня такое ощущение, что, если бы я с этими ребятами хотя бы месяц поговорил, так они бы у меня строем сюда в монастырь на службы ходили". И слышу в ответ от этого русского послушника: "Понимаете, отец Андрей, дело в том, что у него все-таки католическое воспитание. То есть – с некоторыми целибатскими комплексами. И поэтому, проведя прекрасный урок с детьми, под конец он обязательно скажет: "Да, дети, и главное – запомните, чтобы на дискотеку – ни шагу!" Дети, конечно, реагируют на эту последнюю фразу, и у них остается в памяти, что Церковь – это те, кто у них все время что-либо вырывает из рук".

Библейский змей использовал уловку, которая стала классикой атеистической пропаганды: он свел религию к системе запретов: "Бог запретил вам". Редуцирование христианства к системе запретов и поныне остается главным аргументом московских комсомольцев: "Ребята! Попы хотят запретить вам радости жизни, они хотят запретить веселиться, жить, танцевать, колотья, аборт делать! Долой ортодоксию!"

Но христианство – не система запретов. Это позитив. Место аскетических запретов в христианской жизни можно сравнить с той ролью, которую играют в рождении ребенка правила безопасности, которым должна следовать беременная женщина. Да, у женщины, что носит под своим сердцем ребеночка, есть ограничения: она не должна в это время употреблять алкоголь, и будет лучше, если она не будет курить и не станет поднимать тяжести. Но если некая девушка решит, что эти правила есть сам путь к рождению ребенка, то ее ждет разочарование. Если она не будет ни пить, ни курить, ни поднимать тяжести – это не значит, что в силу этого воздержания она через девять месяцев такой аскезы родит ребенка. Само по себе воздержание от водки ребенка ей не даст. Нужен супруг. Также воздержание от грехов само по себе не даст человеку Христа. Для этого нужно нечто совершенно иное: Сам Христос.

Запреты вторичны и служебны по отношению к самому главному – рождению Христа в душе. Змей же редуцирует отношения человека и Бога к системе запретов.

Мир души нетехнологичен. И поэтому прежде, чем вторгаться туда с инструкцией, попробуем для начала познакомить детей с ними самими: "я не есть одно это тело; во мне живет это странное существо по имени душа, – это то, что болит, когда все тело здорово". У этого незнакомца есть свои потребности и есть свои болячки. И вот для того, чтобы накормить вашу новооткрытую душу и чтобы защитить ее от ее болезней, вот для этого к вам и приходит Церковь. Знаете, Башлачев об этом писал так: "Отпусти мне грехи! Я не помню молитв. Если хочешь – стихами грехи замолю. Но объясни – я люблю оттого, что болит, Или это болит оттого, что люблю?"

– То есть запретами ничего не добьешься, и ретроградство не лучший способ воспитания?

– Ну нет, я совершенный ретроград, сторонник многих запретов и отнюдь не либерал. Запрет – это условие роста. Когда дереву ставят запреты, обрезая веточки, ему не дают распознаться вширь, и тогда дерево взмывает к небесам. Также и с человеком. Другое дело, что запреты должны быть обоснованы, понятны тому, к кому они обращены. Я против того, чтобы детям что-то запрещать, не поясняя, в чем угроза.

– Давайте, в таком случае, поговорим о нетехнологических тайнах души...

– Давайте. Открытие в себе своей души – это важнейшее и неожиданнейшее открытие в мире торжествующего дарвинизма. Вот сказка Григория Остера об этом:

"Один шестиклассник шел из школы мимо помойки и нашел там толстую старинную книгу про то, как надо вызывать демонов на дом. Родители шестиклассника еще не вернулись с работы, и мальчик подумал, что, пока дома никого нет, надо вызвать на минуточку какого—нибудь демона, а то мама с папой придут и не разрешат. Сначала шестиклассник хотел вызвать демона огня, но оказалось, что для этого надо поджечь на полу шестнадцатиконечную звезду, сложенную из шестисот шестидесяти шести спичек. Спичек у мальчика не хватило, и он стал перелистывать страницы книги, чтобы узнать, как вызывать каких-нибудь других демонов. К сожалению, все способы были очень трудные: надо было иметь под рукой всяких сушеных змей и вареных жаб. Кроме того, нужны были скелеты черных кошек, черепа белых крокодилов и разные настои ядовитых трав. Ничего этого у мальчика не было. Только учебники и тетради. К счастью, на последней странице мальчик нашел один не очень трудный способ. Надо было положить на пол стопочкой шесть никем еще не читанных учебников для шестого класса, на них шесть чистых тетрадей, а сверху шесть не-заточенных карандашей. И когда из шести учебников, шести тетрадей и шести карандашей сложится магическое число 666, воскликнуть: «Откройся, бездна, книг полна! Ученья демон, встань со дна!»

Шестиклассник, не долго думая, так и сделал. И мгновенно в полу его квартиры открылась мрачная дыра. Но не к нижним соседям, а в потусторонний мир знаний. И из этого кошмарного мира по пояс высунулось чудовищное существо. Демон учебы. Глаза его пылали жаждой знаний, а когтистые пальцы тянулись к шестикласснику.

– А! – раздался хриплый голос чудовища. – Так это ты меня вызвал?! Ну что ж, хорошо! Я сделаю тебя лучшим учеником в твоей школе, а ты за это отдашь мне свою душу. Согласен?

В тот же миг раздался железный скрежет, и двери квартиры стали медленно открываться. Скрежетал ключ в замке, потому что пришли родители с работы. Шестиклассник побледнел. Он испугался, что папа с мамой увидят, чем он тут занимается, замахал на демона руками и зашептал: — Берите! Берите все, что хотите, только исчезайте скорей.

И демон учебы исчез. Провалился в пол. Бездна знаний тут же закрылась, и родители ничего не заметили. А буквально на следующий день их сын стал круглым отличником. И до самого окончания школы учился на одни пятерки. НЕ ТО ЧТО тройки, у него даже ни одной четверки и до самого последнего класса никогда не было. За это на выпускном вечере ему вручили золотую медаль. Сын принес свое золото домой папе с мамой, положил перед ними на стол и упал бездыханный. Он лежал на полу как живой, но не дышал.

Вызвали "скорую помощь", но доктор сказал родителям, что их сын уже не сможет жить, потому что в его теле больше нет души, а жить без души невозможно".

Без души не только жить невозможно, но без нее невозможно ничего понять в христианстве. Одна из самых загадочных фраз в Евангелии: “Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую”. Конечно, требовать этого от человека сразу совершенно невозможно. На такое поведение человек способен, когда он уже живет во Христе. Нет, лучше сказать – если человек ощущает, что Христос уже живет в нем... Тогда он понимает, что если начнет мстить, то что-то важное при этом потеряет.

Но страх потерять возможен только в том случае, если у человека уже есть ощущение того, что он что-то приобрел.

Не ощутив вкус слов “Царствие Божие внутрь вас есть”, никто никогда не стал бы монахом, никто не пошел бы в священнослужители, никто не остался бы на всю жизнь христианином. До аскетического труда, до личного подвига человеку, который чистым взором смотрит на Церковь, дается пережить радость прикосновения ко Христу. Иисус перестает быть персонажем “Истории древнего мира”, Он входит в мою жизнь.

И вот, когда человек ощущает, что ему что-то дано, а значит есть, что терять, тогда рождается естественная осторожность, как естественная осторожность рождается у беременной женщины.

Пока у человека нет реального чувства любви, все то, что любовь сопровождает, кажется ему ненужным и даже болезненным. А вот когда женщина чувствует, что в ней началась новая жизнь, она естественным образом, сама по себе начинает вырабатывать некие правила безопасности. Потому что она уже ощущает, ради чего нужно это делать. Она понимает, что если сейчас она эти правила не будет соблюдать, потом ей и другому существу придется страдать всю жизнь.

Вот таким же образом должен ощущать себя христианин: "Уже не я живу, но живет во мне Христос". Когда человек чувствует, что у него в сердце зашевелилась какая-то другая жизнь, а не только его, вот тогда человек уже начинает понимать, что можно эту новую жизнь потерять и начинает думать над тем, как же избежать этой утраты.

Что может быть этим более важным? Каждый знает, что радость бывает разная: бывает радость внешняя, бывает внутренняя, бывает радость телесная, уходящая, а бывает радость гораздо более глубокая...

Сравните два ощущения: ощущение плотского удовольствия и ощущение того, что бывало в вашей душе, когда вы в своем сердце простили человека, когда смогли примириться с тем, с кем долгое время были в ссоре. Все, я уверен, переживали это ощущение сердечной радости: от обретения человека, который, казалось, был уже потерян, радость от обретения друга, радость понимания. Или просто радость от того, что удалось сделать что-то по совести, хотя это и было трудно. По сути все религиозные традиции (а не только христианские) здесь напоминают о том, что человек всегда находится в некой ситуации выбора: либо ты копишь в своей жизни радости одного плана, либо радости другого плана. Но при этом все-таки помни, что ты – человек, и те радости, которые можно считать радостями жизни по совести, радости души – они отличают человека от животных.

Если эта память есть, тогда естественно рождается все остальное. Но это ощущение нельзя спровоцировать, его нельзя передать никакой педагогикой или методикой. Оно от Бога зависит. Конечно, нужно желание человека это ощущение приобрести. А мы умеем транслировать внешние формы благочестия и не умеем передавать самое главное. Как научить человека, чтобы ему хотелось молиться после того, как он сказал "аминь"?

Когда ко мне подходят мальчишки и говорят, что собираются в семинарию поступить, то один из моих контрольных вопросов звучит так: "Скажи, у тебя бывало такое, что ты выходишь из храма и жалеешь, что Всенощное бдение окончилось? Три часа стоял в храме, ноги устали, спина гудит, а ты выходишь из храма и тебе жалко, что служба кончилась. Вот если у тебя такого ощущения не было никогда, то ты священником не сможешь стать".

– Но ведь можно совмещать и ту, и другую радость: и радость сексуальную, и радость прощения.

– Конечно, можно. Но о радости прощения я напомнил лишь потому, что мы говорим о людях, еще не имеющих религиозного опыта. И поэтому важно было в их, светском, опыте, указать нечто, что является подобием опыта духовного. Так что это не более, чем подобие. И если радость душевная совместима с радостью случайного секса, то радость духовная (а она – самая сильная и самая человеческая) – нет.

– Так что же, несовместимо собирание радостей земных и небесных?

– Пожалуй, если говорить именно о собирании, сознательном и постоянном стремлении, то – да. Хотя мне самому, может быть, и хотелось бы, чтоб реальность в этом отношении была бы другой. Мне хотелось бы, чтобы можно было пребывать на горе Фавор, в окружении несказанно-радостного Божественного света и с полнотой радости в сердце – и при этом быть окруженным, например, целым гаремом... Чтобы земное и небесное легко и без потерь совмещались друг с другом.

Но скудный опыт мой, огромнейший опыт Православия и весьма разноречивый и разнокачественный духовный опыт других религий согласны в одном: собирание духовных радостей немислимо без аскезы. Если вы хотите достичь чего-то высшего, то вам придется в чем-то себя ограничивать.

Конечно, посещение горним светом возможно и в состоянии брачном, и в состоянии даже не вполне чистой внебрачной жизни. Зарницы блещут порой в самых неожиданных временах и пространствах. Но постоянное пребывание в этом свете – оно требует умения говорить "нет" даже самому себе, даже самым как будто бы законным стремлениям своего естества...

Поэтому для тех, кто хочет "быть совершен" – для тех путь ясен: раздай имение свое... иди за Мной... не смотри с вожделением... Путь святости – это путь аскезы. Хотя в Православии человек имеет право не быть идеальным. Монашество – путь дивный (хотя и очень опасный). Но кроме монастырского, есть еще и домашнее Православие. И даже у Марины Цветаевой (а кто может указать большего ненавистника мещанского быта, уюта и условностей!) однажды вырываются такие строчки: "Ибо нужно ведь хоть кому-нибудь крыши с аистовым гнездом. Счастья – в доме, любви – без вымыслов, без вытягивания жил...". Радость земная и радость небесная могут соседствовать. Или как это говорится в "Братстве Кольца" Толкиена – "Хорошо знать, что где-то кто-то уверенно стоит на собственной земле, даже если этот кто-то – не я".

Вопрос в том – что именно человек "собирает". Чем больше заставлена комната – тем пыльнее и мутнее окошко...

Церковь выступает против того, что сегодня называется свободной любовью, не потому, что мы хотим всем навязать нашу дисциплину, наши правила жизни, и не потому, что мы хотим уменьшить количество радости. Совсем наоборот – мы хотим, чтобы человек обрел подлинную радость – радость любви. Христос говорит: "Радость ваша да будет совершенна". Мы просто хотим, чтобы это была совершенная радость, человеческая радость, радость выше-чем-животная...

– Как вы считаете, почему молодые люди в наше время уходят в монастырь?

– Это совершенно естественно. Юность – это пора, когда нужно дерзать. Когда человек, если он настоящий человек, ищет смысл для своей жизни, оправдание своей жизни. А оправдать ее, придать ей смысл может только то, что может придать смысл даже смерти. То есть то, чему не страшно свою жизнь пожертвовать. И поэтому идея монашества – это вечная идея.

Чтобы уйти в монастырь, нужна серьезная решимость. Современный мир страдает от собственной нерешительности и поэтому способен лишь со стороны любоваться людьми, умеющими принимать решения: экстремальщиками и экстремистами. А стать монахом – очевидный риск. И чем более жестко закрыты ворота монастыря, тем больше это оплеуха обществу. В православной традиции монашество переживается не как бегство и уход от проблем. Это сродни "иду на вы" Святослава. Человека, идущего в монастырь за убежищем, не примут. В монастырь нельзя идти, отталкиваясь, должно быть позитивное притяжение.

– *А в чем эта идея монашества состоит?*

– Наверно, ответ на этот вопрос естественно начать с Неба, с Бога... Но я все же поведу речь от земли. От сапог. Вот мы привыкли, что пресловутые смазные сапоги – это символ профессионального православного патриота. И монахи всегда в них ходят.

Кажется, что это тяжкая дань традиции: тяжело, неудобно! А оказывается (по свидетельству самих монахов), эта обувь с высоким жестким голенищем принимает на себя часть веса и тем самым спасает от варикозного расширения вен и от тьмы других болезней. Так что первую половину жизни ты носишь сапоги, вторую – они носят тебя. И так во всех иных монашеских ограничениях.

Монашество – это ведь... это как плотина. Как вода сначала сдерживается плотиной, копится за ней, но затем и переклестывает через нее на более высоком уровне, так и человек поднимается над ограничениями, которые он себе ставит. Можно уйти вниз и начать эту плотину подмывать, а можно через нее перелиться – и тогда тебе доступно все. Принцип церковной жизни прост: стань святым – и делай что хочешь. Ограничения же просто указывают направление для роста: вверх. Без ограничений... это, понимаете, как если бы вы стали опираться на мягкий костыль. Костыль должен быть твердым – и так же тверды должны быть границы, вами себе поставленные. Ведь это ваш добровольный выбор, в конце концов: выбор направления роста. Печальнейшая из альтернатив – это никуда-не-направленное разбухание.

– *Отец Андрей, в школьных и студенческих сочинениях на тему “Нравственна ли свободная любовь?” сразу бросается в глаза, что нравственность воспринимается исключительно как система запретов, причем такая, которую каждый для себя определяет сам. Тогда как любовь настолько сильнее всяких табу, что просто сметает все рамки – и правильно делает...*

– Православие понимает все совершенно иначе. Нравственность в христианском представлении во многом связана с идеей обновления совести – от сожженной совести к обновленной, преображенной совести, которая может подсказывать, в чем на самом деле смысл – смысл твоего поступка, смысл этого дня, смысл твоей жизни.

Только для людей с больной совестью совесть есть нечто осуждающее. Тогда совесть не столько подсказывает, что нужно делать, сколько говорит: “Знаешь, так делать все-таки нельзя”. Но это как раз есть признак атрофии нравственного чувства.

А Если в человеке жива нравственная интуиция и есть у него пережитой и осознанный не то, что "смысл жизни", а скорее, смысл на всю жизнь... Иными словами – это такой смысл, к которому можно было бы обращаться каждый день, а не только раз в год. Вот тогда нравственность носит положительный характер, а не отрицательный. Тогда человек дорастает до того состояния, о котором в Евангелии Христос говорит: “Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая”. Тогда добро и свет настолько естественно струятся из человека, что ему даже не надо как-то особо задумываться над тем, как поступить – так или иначе. Как о таких случаях точно сказал Высоцкий – “Мой путь один, всего один, ребята. Мне выбора, по счастью, не дано!” (а у другого советского барда было сказано: “Лучше быть нужным, чем свободным”).

Если у человека такое состояние души, тогда следование нравственным предписаниям оказывается не ограничением, но творчеством. Тогда этическая жизнь человека перестает быть слаломом между запретными столбами и становится тихим излучением сердечного света.

Вот здесь мне кажется главная разница между православным опытом нравственного богословия и светской этикой. Светская этика представляет собой набор именно запретов: “Того не делай, этого

не делай”, а почему – на светском уровне всегда очень тяжело объяснить. (Почему? – Ну, нельзя и все!) Православный же может пояснить, что человек может потерять, а что он может приобрести. Смысл этого различия кроется в том, что в Православии есть установка на внутренний, личный опыт человека, а не на некую социальную санкцию. Ориентация не на то, что там общество скажет (учителя, родители, газеты), а на то, что где-то в твоём сердце появится свой внутренний свет, своя духовная радость.

– Отец Андрей, расскажите, пожалуйста, о самом страшном грехе – об убийстве любви.

– Православная Церковь не очень охотно употребляет слово “любовь”, чтобы оно не затиралось. Бывает тошно читать западных проповедников, которые пользуются словом “любовь” слишком часто. Православная традиция более целомудренна. Скажем, в классической монашеской книге "Лестница" преподобного Иоанна Лествичника перечислено тридцать степеней восхождения в Царство Божие. Последняя из них называется "любовь". Начинается она с фразы: "Тот, кто дерзает говорить о любви, дерзает говорить о Боге".

Убийство любви прежде всего происходит через гордыню и осуждение. Чтобы избежать превознесения, нужно просто почаще смотреть вверх. Вот старая история (из Древнего Патерика): приходит к старцу человек и спрашивает: "Что означает быть смиренным? – Старец говорит: Скажи, пожалуйста, у себя в деревне кем ты себя считаешь? – Я – первый человек, самый богатый, знатный, уважаемый. – А если ты поедешь в уездный центр, ты кем там будешь? – Там я буду одним из самых уважаемых горожан. – А если ты поедешь в губернский центр, кем ты там будешь? – Тоже одним из уважаемых горожан. – А если поедешь в столицу? – Наверное, я буду себя ощущать плебеєм. – А если зайдешь в царский дворец? – Там я буду ощущать себя ничтожнейшим из слуг. – Так как же ты должен ощущать себя перед лицом Бога, Царя царей? А перед Его лицом мы ходим всегда".

Так что если ты смотришь вверх, помнишь о Боге, ты уже не будешь превозноситься. **Перед Богом ты и тот, кого ты ставишь ниже себя, равны.** А по замыслу Божьему, может быть, той душе еще больше предназначено, чем тебе.

– Почему такая, казалось бы, вполне нравственная и полезная программа, как программа полового воспитания школьников, со стороны Церкви вызывает довольно резкое неприятие?

– Во-первых, уже из американского опыта видно, что такие программы не делают общество даже физически более здоровым: статистика показывает, что со времени введения подобных программ в американских школах число венерических заболеваний там не уменьшилось, а возросло. Возросло также число изнасилований и подростковых абортів. Американцы это заметили и отреагировали. И вот – именно в то время, когда в России пробуют ввести “половое воспитание”, конгресс США голосует за выделение миллионов долларов на проведение в американских школах программы воспитания в духе целомудрия.

Что же касается введения программы полового воспитания в наших, российских школах, то мне кажется, что это еще один шаг на пути к расчеловечиванию. Потому что человек не может быть человеком, если у него нет какой-то тайны. И конечно же, одна из главных тайн подростков, их маленький секрет, который они прячут от взрослых, это то, что они уже взрослые. Они уже не дети, они уже “все знают”. И для мира подростков как раз характерна стеснительность в этих вопросах.

В публичной бане без штанов будут ходить или маленькие дети, или взрослые мужики. Подросток же ни за что с себя плавки в бане не снимет. И вот эти сеансы массового раздевания – пусть даже на уровне слов, картинок – это разрушение естественной потребности человека в тайне. Ведь все-таки не случайно сексуальная сфера в самых разных традициях, совершенно далеких от пуританства, весьма далеких от христианства, всегда была окружена системой разнообразных табу. Именно эта

область почему-то всегда воспринималась как имеющая прямое, непосредственное отношение к религии. А где религия – там мистика, там тайна.

Посвящение во взрослые всегда было таинством, а не просто раскрытием давно всем известных сексуальных секретов. В упомянутых же программах с самого начала предлагается заведомо профанный, бесчеловечный язык – язык чистейшей механики, физиологии... Вместо тайны любви речь идет о секретах секса.

Сегодня в России более чем достаточно источников для желающих подростков узнать все, что их на эту тему интересует. Более чем достаточно всевозможных книг, журналов, видеопродукции. Поэтому совсем не обязательно вводить все это в школе. Кроме того, у массовой школы есть такой талант – убивать все, чего она касается. Будь то Пушкин, будь то закон Божий. Если хотите, чтобы было воспитано поколение атеистов – введите обязательный Закон Божий. Хотите воспитать поколение импотентов – введите школьное половое воспитание.

И, знаете, при виде обилия рапсовских агиток с рекламным слоганом «Твой друг – презерватив», приходит на ум народная мудрость: скажи мне, кто твой друг, и я скажу – кто ты...

– Но ведь смысл данной программы, как я понимаю, в том – что “раз все это естественно” – значит, все это необходимо знать...

– Я просил бы помнить, что слова "естественный", "естество" имеют два совершенно разных смысла, в зависимости от того, употребляются ли они в богословском контексте или в светском. В богословской речи естественным называется то, что происходит по Божественному естеству человеческому.

Одним словом, естественно то, что делает Христос (о том, каким был Адам до грехопадения мы знаем слишком мало). Только во Христе мы видим восстановленное человеческое естество. Это и есть христианская норма. А в светском языке естественно – это то, что массово и обыденно. Поэтому для Православия естественна святость, для массового лексикона сегодняшнего дня естественен, в общем-то, порок. На языке Православия естественно то, что мы называем идеальным, то что редко. Ну, а поскольку светский язык всегда имеет ввиду естество “оживотившееся”, естество человека падшего, то естественными объявляются падшие, массовые состояния, а массовость всегда склонна извинять себя.

– Что же в итоге получается, что в мире все так мрачно: и грех с пороком естественны, и о нравственности не имеем верного представления? В принципе не представляем, что имеется в виду под нравственностью в Православии?

– Нет, я считаю, что представляем себе. Потому что нет на свете такого человека, даже очень юного человека, у которого не было бы опыта жизни в добре. Может быть, всего несколько минуток в его жизни – но они все же были... А ведь быть верующим – это означает быть верным самым светлым минутам своей жизни.

Наша жизнь полосата независимо от того, год тигра на дворе или какой-нибудь другой год. Да, бывают у нас периоды какого-то оскотинения. Но даже в эти минуты, которые на языке Православия называются окамененным нечувствием, в эти минуты все равно надо хранить верность лучшему, которое уже было и которое ты желаешь вернуть в свой обиход. Действовать так, как ты поступил бы в ту высшую минуту, в том состоянии, когда ты был духовно одержим добром и светом, когда ты был достигнут радостью – это и означает быть верующим.

– Почему Православная Церковь осуждает секс, как способ получения удовольствия? Ведь научно доказано, что подавление сексуальности делает человека злым и агрессивным.

– Честно говоря, я в этом сильно сомневаюсь. Я не могу сказать, что современные подростковые компании, в которых, как раз, секс не столько подавлен, сколько сам подавляет, менее агрессивны, чем приверженцы более сдержанной линии поведения.

Вопрос о сексе – это вопрос о свободе человека: или твои гормоны управляют тобою, ударяют тебе в голову и тогда ты думаешь уже не головой, а какими-то иными своими органами. Или ты – человек. И как человек, не просто повинешься инстинктам, и твой поиск – не "с кем спариться". Человек должен любить не тело другого человека, а самого человека, целостного, тело и душу. И он должен нести ответственность за результаты своих действий. А самое главное – христианство дорожит любовью. Но когда сегодня юноша говорит девушке "я тебя люблю", то в 90 случаев из 100, в переводе на русский язык, этот Ромео просто хотел сказать своей Джульетте: "слышь, я тащусь от тех ощущений, которые я испытываю в твоём присутствии". В современной молодежной культуре "я тебя люблю" означает "я тобой пользуюсь". То есть мне нравятся мои ощущения, я от них балдею, а ты для меня – просто стимулятор этих ощущений. И это не любовь, а всего лишь одна из форм эксплуатации человека человеком.

– Феофан Затворник говорил, что «Любовь, проповедуемая миром сим – болезнь. И опасна она тем, что больному хочется болеть до безумия». Наша повседневная жизнь подтверждает – диагноз прежний, и с каждым днем болезнь прогрессирует.

– Для того чтобы понять эти слова надо вспомнить церковное значение слова "страсть". Страсть в церковном смысле – это не сильное чувство, не влюбленность, не страдание. Страсть – это то, что в грамматике передается с помощью страдательного залога. То есть то, что вторгается в мою жизнь, а не то, что я делаю. Действительно, любовь в этом смысле – это страсть, как то, что владеет мною. И человек влюбленный действует не замечая, что иногда чем-то странным управляем, а не сам собою руководит. Видимо, об этом измерении чувства влюбленности, о том, что там появляется элемент несвободы и неосознанности, подобное состоянию медиумичности, пассивности, и сказал свт. Феофан как о болезни.

– Может ли гомосексуалист стать православным священником?

– Боже, ну, как отвечать на такой вопрос? Даже если бы вы спросили меня – "а может ли гетеросексуалист стать священником" – и то ответить было бы трудно. Настолько эти лексиконы из разных миров...

Поэтому, кстати, и нельзя ответить простым "нет". Да, церковные каноны однозначно определяют гомосексуализм как деяние, несовместимое со священным саном. Но в том-то и неясность, что каноны (нормы права, законы) говорят именно о деяниях. На языке церковного права гомосексуалист – это человек, совершивший определенное деяние. На языке же современной психологии гомосексуалист – это человек с гомосексуальным влечением. Значит, сегодня это слово понимается более широко.

Отсюда и неясность: поскольку каноны говорят о действиях, а не о помыслах, то можно ли безусловно распространять определения церковных каноников на людей, еще не совершивших гомосексуальных поступков и зарекшихся от их совершения? Может ли канон, право наказывать за помысл, регулировать чувства?

Не во всех своих мыслях человек свободен. Что-то в него всевается "лукавым". Что-то определяется психическими травмами и впечатлениями детства (как раннего, так и подросткового). Если человек, заметив в себе гомосексуальное стремление, пугается его, оценивает его негативно, кается в нем и не допускает себя до соответствующих деяний – то с точки зрения христианства это прежде всего аскет. Он победил свой помысл, хотя до конца еще и не искоренил его (а какой вообще

греховный помысл можно до конца искоренить?). За что же его наказывать?

А ведь такая борьба бывает и у святых. Даже искренний, даже святой христианин может быть стужаем этим искушением: "Вопрос: Помысл говорит мне, чтобы я беседовал с братом, к которому чувствую влечение, когда его вижу... Ответ: Брат! И я в юности моей многократно и сильно бывал искушаем бесом блуда и трудился, подвизаясь против таких помыслов, противореча им и не соглашаясь с ними... Брань сию упраздняет непрестанная молитва с плачем... Да не расслабят тебя бесы, чтобы обращать внимание на брата, которым увлекаешься, или беседовать с ним, но если тебе и случится нечаянно с ним сойтись против твоего желания, удержи взор твой со страхом и благопристойностью, и не слушай внимательно его голоса... Скажи помыслу твоему: вспомни страшный Суд Божий и стыд, который постигнет тогда" (Вопросы преп. Аввы Дорофея и ответы старца Варсонуфия Великого, 7).

Как видим, блудный помысл такого типа сам по себе, раскаянный и не воплощавшийся в блудных действиях, в этом случае не стал канонической преградой для поставления в игумены. Тем более, что человек не всегда всецело и единственно ответственен за свои мысли: худшие помыслы могут в него всеваться врагом рода человеческого.

Вот обычный мужчина. У него есть обычное мужское чувство влечения к женщине. Но это не значит, что он должен на всех набрасываться. А если он в добрачном состоянии (семинарист) или монах, то он обязан вести целомудренный образ жизни. Если у тебя, по каким-то причинам (физиологическим, психологическим или иным – не хочу вдаваться в дискуссию о причинах гомосексуализма) сформировалось влечение к особям собственного пола – это не означает, что ты должен капитулировать перед этим влечением.

Борись. И если победишь, если сможешь контролировать это свое влечение, то сможешь стать священником. Только в том случае, если под "гомосексуализмом" понимать влечение к людям своего пола, а не только сексуальную практику, можно сказать, что человек, у которого это влечение есть, но он не доводит свой гомосексуализм до практики, может стать священником.

И еще один поворот судьбы возможен в связи с этой печальной тематикой. – А что, если человек уже стал монахом, священником, и лишь затем обратил внимание на реальную структуру своих сексуальных впечатлений и осознал себя в психологическом смысле гомосексуалистом? Узнав в себе этот "зов" и с ужасом признав его реальность, он приходит на исповедь к духовнику и говорит, что вот такая мысль вторглась в его душу. Должен ли духовник требовать от такого человека отказа от священного сана? Мне кажется, что нет.

Церковные же каноны со времен ап. Павла как раз не делают различия между блудными грехами "естественными" и "противоестественными". И о блудниках сказано то же, что о мужеложниках: "Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют". (1 Кор. 6, 9—10).

Каноны Отцов также приравнивают один грех к другому. "Любодеяния посвященных Богу... Мужеложники и скотоложники, и убийцы, и отравители, и прелюбодеи, и идолопоклонники – того же осуждения достойны. Поэтому правило, какое имеешь о прочих, соблюдай и о сих... Явившему неистовство в мужеложестве время для покаяния да расположится сообразно времени незаконновавшего прелюбодеянием" (Правила Василия Великого 6, 7, 62; аналогично 4—е Правило св. Григория Нисского).

Св. Иоанн Постник снижает епитимьи (почему – он говорит в своем 3-м правиле) за блудные грехи с 15 до 3 трех лет – причем опять же не отличая прелюбодеяния от мужеложства (Пр. 20 и 29).

(Епитимья – это время или отлучения от Причастия или же особых духовных упражнений: посты, поклоны...).

У того же канониста мы встречаем ограничение действий канонов: "Действие на сердце нечистых помыслов, если грех еще не содеян, не подвергается епитимии... Сочувствие сердца с помыслами очищается двенадцатью поклонами... Борьба со страстями бывает достойна или награды или наказания" (Правила 4,5 и 6).

Сама сексуальность человека таит в себе риск падения. Духовник знает это. Знают это и каноны. Поэтому помыслы не наказываются (хотя к борьбе с ними человек, конечно, призывается).

Вот послушник пришел на исповедь перед своим монашеским постригом. Завтра вечером он даст обет девства. Есть в нем помыслы, которые, если они воплотятся в реальные дела, окажутся несовместимыми ни с наследованием Царства Божия, ни с монашеством, ни со священством? – Конечно, есть. Но именно для того, чтобы не оказаться плененным ими, он и прибегает к помощи старца, и объявляет им войну.

Можно ли быть уверенным, что он всегда останется столь же чистым, как в минуту этой своей исповеди и в день пострига? – Нет: такой уверенности ни у игумена, ни у духовника, ни у епископа, давшего благословение на этот постриг, быть не может.

Так что любой постриг или хиротония – это риск. Но ведь есть и надежда, что "Богу содействующу" юноша пройдет начатый им путь без самых страшных падений. И в этой надежде его постригают и рукополагают.

И право на эту надежду имеет любой человек, желающий освободиться от тирании помыслов и стать господином своего сердца.

– Что делать девушке, если юноша признался ей в любви, видит ее как будущую жену, а она относится к нему как к брату?

– Так, может быть, самая прочная семья и получится. Сегодня считается, что лишь обоюдная страстная влюбленность должна соединять семью. Не знаю: хорошо это или плохо. Но традиционная православная семья никакой влюбленности как условия своего создания и существования не подразумевала. Конечно, мне не верится, что наши благочестивые предки в период брачного поиска были озадачены идеей своего спасения: "а женюсь-ка я ради спасения души на Марфутке!". Но и сумасшедшая голливудская влюбленность вряд ли была нормой. В большинстве случаев основой брака был здравый расчет (прежде всего родителей).

...Сейчас идут дискуссии о том, как относиться ко дню святого Валентина. Я как-то высказал идею о том, что если что-то плохо лежит, то это надо брать. Надо просто воцерковлять, приватизировать этот праздник, говорить: это наш праздник, наш святой, а потому давайте все в этот день молиться святому Валентину об умножении любви... В ответ же один батюшка мне так мудро отвечает: "Отец Андрей! Вы путаете понятия: любовь – это одно, а влюбленность – другое. Святой Валентин – покровитель влюблённых". Ну, полагаю, что если я эти состояния путаю, то скорее всего вместе со всей молодежью (а, значит уж с нею-то мы в таком случае говорим на одном языке). Вторых, Проповедь священника в этот день к пришедшим в храм "влюбленным" могла бы говорить как раз о любви...

Но с точки зрения аскетики, древней церковной книжности, и в самом деле трудно было бы сказать хоть что—то доброе о влюбленности. У Отцов (вспомните среди них хоть одного семейного и многодетного священника и при этом не мученика!) вообще трудно найти советы о семейной жизни, а уж тем более о времени брачного ухаживания. Отцы Церкви о влюбленности молчали, а пары тем не

менее составлялись. И получали благословение Церкви.

В церковной среде как только заговоришь о покровителе влюбленных, сразу слышишь: "А у нас есть Петр и Феврония". Я сам когда—то имел неосторожность эту идею выдвинуть, пока не прочитал всерьез их житие. Да какая же там влюбленность?! Они вместе спасаются, акафисты читают. Об их супружеской любви друг ко другу в Житии просто нет НИ СЛОВА! Они "любили чистоту и целомудрие". Подчеркнутое житийное напоминание о том, что и в браке они жили целомудренно, отсутствие каких бы то ни было упоминаний об их детях склоняет к мысли, что брак их был "белым"... Есть еще фольклорная повесть о Петре и Февронии – там побольше влюбленности, но все равно мало. Да и праздник их всегда приходится на Петров пост – 8 июля.

Конечно, влюблялись православные люди и во II веке, и в X—м, и в XVI—м. Но это оставалось где-то за гранью церковного учения и контроля. И поэтому я не могу предложить вам готовую цитату: "Св. Иоанн Златоуст о влюбленности сказал, что влюбленный юноша должен признаваться девушке в своих чувствах вот так, а девушка, согласно Типикону, должна ему отвечать следующее". Нет такого в Типиконе.

В контексте Вашего вопроса это означает прежде всего, что отношение девушки к любящему ее юноше как к брату не является каноническим препятствием к их браку.

ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

Вот уже десять лет, как в середине февраля в церковной периодике и в приходских проповедях появляется особая тема: тема предостережения от празднования "дня святого Валентина". Не наш, мол, праздник...

Странно: сам праздник назван не "днем стахановца" и не "днем леса". Он носит церковное название и напоминает о христианском святом – а Церковь призывает его не праздновать...

Разберемся сначала с формальным поводом к празднику. Тем поводом, который и отражен в его названии.

Был ли такой святой на самом деле?

Да, св. Валентин жил в итальянском городе Терни в III веке и был казнен 14 февраля 270 г.

"Наш" он святой или католический?

Наш. Все святые, совершившие свой подвиг в Западной Европе до 1054 года, то есть до даты разрыва Православия и Католичества, – это наши, православные святые.

Но может, хоть и жил он в православные времена, но только католики осознали его святость и святым он является лишь по католическим, но никак не православным критериям?

Нет, Валентин в лике святых был прославлен задолго до разрыва Запада и Востока. Обычно говорят, что эту канонизацию совершил римский папа Геласий в 494 г.

Возможно, что Валентин, воспоминаемый 14 февраля, уже известен нашему календарю – как священномученик Валентин Интерамский (или Италийский); память его совершается 12 августа по новому стилю (30 июля по старому).

Но вполне может статься, что это другой человек, о котором мы до сих пор ничего не знали.

Ничего странного в этом нет: даже в почитании самого знаменитого святого – Николы

Чудотворца – произошла "накладка". В тексте его жития соединены эпизоды из жизни двух несомненно разных людей, один из которых жил на рубеже III—IV веков, а другой – в середине VI столетия. Первый страдал при языческом императоре Диоклетиане и уже в весьма зрелом возрасте присутствовал на Первом Вселенском Соборе в 325 году. Но он не мог посещать собор Софии в Константинополе (построенном в VI веке) – хотя автор жития и понуждает своего героя к такому благочестивому поступку.

Недостоверен и житийный рассказ о путешествии св. Николая Мирликийского в Святую Землю. Блаженный Симеон Метафраст в X веке так описывает его паломничество в Палестину: "святой направляется к гробу Господню и к честной Голгофе, где нас ради вкопан спасительный крест. Ночью подходит к святому крестному дереву, и сами собой перед ним распахиваются священные врата".

Но уже в XIX веке выдающийся русский исследователь ближневосточных церковных древностей архимандрит Антонин (Капустин) писал: "Кто читал со вниманием житие святителя Николая, положенное в нашей Четьи—Минее, от того не может укрыться одна, встречающаяся в нем, историческая несообразность, Говорится там, что великий угодник Божий, бывши еще пресвитером, отправлялся в Палестину на поклонение св. местам, восходил на Голгофу, и вошел раз в св. церковь (конечно, Воскресения) вратами, которые отверзлись ему самому. Затем, по возвращении домой в Ликийю, он возводится на архиепископский престол города Миры, и уже после всего этого делается исповедником веры Христовой при царях Диоклетиане и Максимиане. Но святые места Иерусалима приведены во всеобщую известность при императоре Константине и Церковь Воскресенья освящена только 13 сентября 335 года, т. е. 30 лет спустя после Диоклетианова и Максимианова правления".

Поскольку путешествие святителя в Палестину всегда датировалось примерно 300 г, т.е. временем, когда Крест еще не был найден святой царицей Еленой, а храм Воскресения Господня не был построен, хронология жития архиепископа Николая вступала в явное противоречие с церковной историей.

Ситуация прояснилась после открытия древних текстов житий святителя Николая Пинарского, ставшего архиепископом ликийского города Пинара при императоре Юстиниане I и скончавшегося 10 декабря 564 года. В них подробнейшим образом описываются два его путешествия в Святую Землю. Оказалось, что паломничество св. Николая Пинарского в Палестину было целиком перенесено в жития святителя Николая Мирликийского.

"Смешение житий двух святителей Николаев и привело к указанной исторической несообразности... Дополнение жития святителя Николая Мирликийского эпизодами из жизни Николая Пинарского было предпринято в первой половине X века некоторыми анонимными авторами ("Смешанное житие", "Ликийско—александрийское житие" и др.). Версия блаженного Симеона Метафраста основывается на каноническом житии святителя Николая, составленного в VIII—IX вв. архимандритом Михаилом, в которое добавлены фрагменты из жития Николая Пинарского (историк А. Ю. Виноградов обнаружил пример такого соединения до Метафраста в Cod. Mosq. GIM gr. 378, XI в., лл. 36—54). Высокие литературные достоинства Метафрастова жития святого Николая сделали его версией самой популярной и авторитетной, тем самым на тысячелетие невольно "узаконив" ошибочное смешение житий двух Николаев".

Как показали исследования архимандрита Антонина (Капустина), проведенные им в 1869—1873 гг., и имена родителей – Феофан (Епифаний) и Нонна, а также дяди Николая, – заимствованы из жития святителя Николая Пинарского.

Древнейшие тексты жития святителя Николая Пинарского, восходят к VI веку. Первый из них обнаружен в Ватиканской библиотеке еще в XVII в. кардиналом Фалькони. Деяния и чудеса Николая Пинарского оказались другими, нежели в житии Николая Мирликийского. Однако в жизнеописании

Николая Пинарского сообщалось о его родителях с именами Епифаний и Нонна, дяде, епископе Пинарском Николае, построившем Сионский монастырь. Оттуда родом оказался и эпизод о трехчасовом стоянии младенца Николая в крещальной купели.

Указанные совпадения привели Фалькони к неправильным выводам. Кардинал решил, что был только один святитель – Николай Мирликийский в VI в. при императоре Юстиниане. Только спустя двести лет архимандрит Антонин (Капустин) установил истинность существования двух Николаев, святителей ликийских. Он писал: "Можно дивиться, каким образом два лица, оба знаменитые, слились в представлении народном, а затем и в памяти церковной, в один досточтимый и свято—ублажаемый образ, но отрицать факта нельзя... Итак два было святителя Николая ликийских".

И в случае с почитанием св. Валентина может быть, что память более известного подвижника вобрала в себя память о других соименных ему святых.

Почитание святых ведь бывает разным – оно бывает вселенским, а бывает местным. Мы же не знаем всех святых, которые почитаются в том или другом монастыре Грузии...

Кроме того, если и в самом деле именно папа Геласий назначил память св. Валентина на 14 февраля, то это его деяние пришлось на пору разрыва в отношениях Римской Церкви и Церкви Константинопольской (с 484 по 519 годы). Это были годы так называемой "акакианской схизмы". Правда в этом расколе была на стороне Рима, что в конце концов признал и Константинополь. Так что решения, принимаемые в ту пору в Риме, просто не доходили до христианского Востока. Но от этого они не переставали быть решениями православными.

В последние десятилетия в богослужебный календарь Русской Православной Церкви перешло немало памятней святых, которые жили в западном мире в первом христианском тысячелетии. Еще недавно ничего не знали наши календари о св. Турвоне Лангонийском – а сейчас его имя там стоит.

Вот книги, рассказывающие нам о православных святых Запада: *Прот. Александр Шабанов* . Святой Патрик, епископ и просветитель Ирландии (Тверь, 2000); *Прот. Александр Шабанов* . Святой Брендан Мореплавателю (Тверь, 2001); *Прот. Александр Шабанов* . «Голубь Церкви». Святой Коламба Айонский, просветитель Шотландии. Тверь, 2004; *Марк Омельницкий* . Жития трех английских святых (Освальда, Эдмунда, Свизина) (М., 1997); *Марк Омельницкий* . Образ святого в англо—саксонской литературной и агиографической традиции. На материале «Жития святого Гутлака» (М., 1997); *Владимир Мосс* . Крушение Православия в Англии (Тверь, 1999).

Наконец, на интернет-сайте телеканала ТВС можно увидеть фотографию Патриарха Алексия II, целующего ковчег с мощами св. Валентина.

Вот официальная информация:

"В ходе встречи, прошедшей 15 января 2003 года в рабочей резиденции Патриарха в Чистом переулке, состоялась передача в дар Русской Православной Церкви частицы мощей святителя Валентина Интерамского. В церемонии приняли участие епископ Терни монсиньор Винченцо Палья, генеральный викарий епархии монсиньор Антонио Маньеро, вице-мэр города Терни Эрос Брега, президент провинции Терни Бруно Семпрони, другие члены итальянской делегации. Идею передачи Русской Православной Церкви частицы мощей небесного покровителя города Терни святителя Валентина, мученически скончавшегося в III веке, высказал епископ Винченцо Палья после завершения состоявшейся в июле 2001 года встречи Предстоятеля Русской Православной Церкви с руководством католической миротворческой благотворительной организации "Община святого Эгидия", духовником которой является монсиньор В. Палья. Монсиньор Винченцо Палья назвал символичным тот факт, что передача частицы мощей святителя Валентина происходит в день празднования памяти преподобного Серафима Саровского, 100—летнюю годовщину канонизации которого Русская Православная Церковь будет праздновать в этом году. Поблагодарив епископа Винченцо Палья за этот дар, Святейший Патриарх

Московский и всея Руси Алексий II сообщил, что ковчег с частицей мощей святителя Валентина будет пребывать в Храме Христа Спасителя, где каждый верующий сможет помолиться перед этой святыней древней неразделенной христианской Церкви. "XX век стал веком тяжелых испытаний для Русской Православной Церкви, – сказал Святейший Патриарх. – Мы с упованием обращаем свои молитвы к мученикам первых веков христианства, которые свидетельствовали языческому миру о Спасителе, оставаясь верными Ему "даже до смерти". История Церкви продолжается. Уже в наше время к сонму угодников Божиих присоединились многие тысячи новомучеников и исповедников российских. Как и столетия назад, кровь мучеников полагает и утверждает Церковь Христову"». «Патриарх Алексий, принимая дар, отметил, что "с большим волнением принимает частицу мощей священномученика Валентина – святого Неразделенной Церкви"». «Я воспринимаю этот акт передачи частицы мощей священномученика Валентина как акт духовный, акт, который поможет россиянам, православным верующим в России молиться, не только вспоминая память священномученика Валентина, но молиться перед частицей его святых мощей».

Память одного и того же святого может совершаться в разные дни в разных частях Церкви. Так что вполне может быть, что того самого св. Валентина, которого в Италии празднуют 14 февраля, у нас сугубо чтут через полгода – 12 августа. Может быть и так, что память одного и того же святого совершается несколько раз в году (вспомним летнего и зимнего Николу). Наконец, Церковь вправе просто переносить память святого с одного дня на другой.

Может ли Православная Церковь принимать праздник, рожденный не в ней? И на этот вопрос наша история уже дала положительный ответ.

В нецерковной истории советской России родился День Победы – 9 Мая. Но определением Архиерейского Собора Русской Церкви в 1994 году установлено совершать в День Победы особое ежегодное поминовение усопших воинов и всех страдальчески погибших в годы войны.

И уже совершенно поразительно то, что в Русской Православной Церкви празднуется "вешний Никола" – праздник, который знаком только итальянским католикам, но которого нет у православных греков.

Праздник установлен в честь "переноса мощей св. Николая из города Миры Ликийские в город Бари".

То, что для жителей Бари это был праздник – несомненно. Но праздновали ли это событие жители родного города св. Николая – Мир Ликийских? Добровольно ли они расстались со своей святыней? И куда мощи были перенесены не в смысле географическом, а в смысле конфессиональном?

Миры – это город на территории нынешней Турции. Бари – город итальянский. Православен ли был в те годы этот град?

Житийные тексты предпочитали не видеть этой проблемы: "И был убо в дни сия презвитер благоверен христоролюбив же и праведен в граде Баре немецкия области. Сему святыи Никола яви ся глаголя: иди рци людям сим и всему собору церковному яко да шедше возмут мя от мирскаго града... И в третье лето пренесения его от Мир, послаша к римскому папе Герману яко да будет с епископы своими и со всем крылосом церковным". Украинские антилатинские полемисты XVII века проблему уже видели, но разрешали ее просто: «Ижь Никола святыи зезволил перенесену быти телу своему на заход не до костела Латино-Римского вызнавцов, але до вызнавцов веры церкве всходной. Калабрия на тот час вся в послушенстве як цесара восходного, так патриархи Константинопольского была».

Затем и другие православные историки справедливо обращали внимание на то, что в Южной Италии тогда, в конце XI века, было еще по меньшей мере не меньше греков, чем латинян и отсюда делали вывод, что даже будучи перенесенными в Италию, мощи св. Николая остались у православных.

Увы, сопоставление дат не позволяет принять эту успокоительную схему. В Бари мощи пребывают 9 мая 1087 году. Разрыв отношений между Римом и Константинополем произошел ранее – в 1054 году. В 1070 году норманны (союзники папы и враги греко—русского войска) захватывают Бари, и сразу же епископ Бари Андрей (чье управление епархией приходится на 1062—1078 годы) переходит от константинопольского патриарха под римского папу. Преемника Андрея по барийской кафедре – Урсона (1078—1089) – рукополагал уже непосредственно папа Григорий VII.

Богослужение на юге Италии еще долго сохранялось привычно—греческим, но в смысле канонической зависимости и догматического единомыслия этот регион, как видим, был связан с Римом уже за 17 лет до переноса туда мощей св. Николая...

Праздник переноса мощей впервые римский папа Урбан назначает на 1090 год. Это папское решение имело место 1 октября 1089 года (папа был в Бари по приглашению норманских герцогов для рукоположения нового барийского епископа – Илии – и для освящения новопостроенного храма св. Николая). На Руси же этот праздник появляется в 1092 году.

Итак, праздник несомненно учрежден католической церковью и по поводу, радостному именно для нее.

Добровольно ли расстались православные со своей святыней? По воспоминаниям участников переноса, сохранившимся в итальянских летописях, православные монахи отказались отдать мощи св. Николая и отказались принять за них выкуп. Тогда они просто были связаны: на 4 монахов напали 47 барийцев. Когда горожане узнали о краже, они с оружием в руках бросились в погоню за захватчиками. К их горю, корабли барийцев успели отплыть (интересно, что православная житийная версия старается об этом насилии забыть: монахи, мол, сами провожали мощи до барского корабля)...

Средневековая история знает немало случаев вооруженного захвата святынь. Понятно, что греки хранят нерадостную память об этом событии. Но Русь приняла праздник, веселивший сердца итальянских католиков...

Почему и как приняла – вопрос другой. Нас же эта история интересовала только в связи с поиском ответа на вопрос о том, может ли православная Церковь заимствовать праздник, установленный католиками. Оказывается – может. Церковь дерзала вбирать в себя даже те нововведения, которые зародились в еретических сообществах: еще один такой пример – использование крещального Символа веры за Литургией: впервые пение Символа на литургии ввел в 485 году монофизитский антиохийский патриарх Петр Гнафей.

Наконец, чтобы выяснить – может ли быть иным, неполемичным отношение Русской Церкви к "дню святого Валентина", надо поставить и вопрос о том, может ли Церковь взять не католический и не светский, а языческий праздник и реформировать его, отбросив языческую грязь и наполнив некую привычную дату своим содержанием?

И на этот вопрос церковная история дает положительный ответ. Именно такова история нашего праздника Рождества Христова.

Древнейшая христианская Церковь слишком остро переживала тайну Пасхи, чтобы обращать внимание еще и на рождество. Пасха – это переход (таково буквальное значение этого еврейского слова). Христиане воспринимали мученическую смерть как пасху, как исход. Оттого дни памяти мучеников – это дни их рождения в вечность, то есть дни земной смерти. А потому дни земного рождения не отмечались. До четвертого столетия Церковь не отмечала даже день рождения Христа.

Первыми шаг к рождественскому празднику сделали в начале третьего столетия еретики – гностики-василидиане. Они стали отмечать день Крещения Господня 15 числа месяца Туби (6 января).

В этот день они освящали Нил. Христиане вынуждены были придать этому празднику свой смысл, и отголосок той полемики до сих пор слышен в наших службах Богоявления: «Естества нашего роды свободил еси, девственную освятил еси утробу рождеством Твоим» – это песнопение, кроме событийного наполнения, несет в себе опровержение учения гностиков о деторождении как об акте вмешательства злой силы. «Вся тварь воспевае Тя явьшегося» – это утверждение Христа как Творца помимо собственно славословия предупреждает против учения гностиков о том, что Бог—Творец Ветхого Завета является врагом доброго Бога—Спасителя Нового Завета. «Ты бо еси Бог наш на земли явился еси и с человеки пожил еси» – противопоставлено учению о том, что Христос лишь казался человеком, но не стал им на самом деле. «Ты и Иорданские струи освятил еси, с небесе ниспославый Святаго Твоего Духа» – против учения, согласно которому Иисус стал Сыном Божиим только тогда, когда Он вошел в Иордан. «И главы тамо гнездящихся сокрушил еси змиев» – против гностического представления, согласно которому Христос получил дар ведения в Иордане от змея, который обольстил в раю Еву.

В правление римского папы Юлия (337—352 гг.) впервые празднуется Рождество – 25 декабря. На Восток этот праздник приходит через четверть века (при св. Григории Богослове – в 379 году). В Антиохии св. Иоанн Златоуст в 386 (или 388) году говорит, что традиция празднования Рождества в этот день не насчитывает еще и десяти лет... Было и сопротивление этой календарной реформе: св. Филастрий Бриксийский как ересь осуждает обычай праздновать Богоявление в другой день, нежели Рождество Христово (Против ересей, 140).

Почему была избрана именно эта дата? В Риме (откуда она и пришла) к этому времени заканчивалось празднование Сатурналий (17—23 декабря). Завершались они гладиаторскими боями (форма завуалированных человеческих жертвоприношений). За этим следовал праздник "непобедимого солнца" – он был приурочен ко дню зимнего солнцеворота. Именно культ Солнца в середине IV столетия активно насаждался императором Юлианом Отступником. Культ Солнца стоял и в центре митраизма – религии, которая была серьезным конкурентом христианства.

День зимнего солнцеворота – это день ожидаемый. День, который нельзя не заметить человеку, который живет от земли. Это грань, сочленение. Религиозное чувство всегда ощущает такие переломные моменты как потенциально опасные. Это опасность прорыва в наш мир сил хаоса (помните о Древнем Ужасе, который пробудили толкиновские гномы, перейдя границу в пещерах Мории?). Это чувство опасности вызывает о необходимости освящения пограничных минут. Поэтому основные ритуалы в самых разных религиях совершаются на границе света и тьмы (утренние или вечерние молитвы и жертвоприношения), на границе времен года, на границе человеческих возрастов.

Так что человек просто *должен* совершать космо-укрепляющие ритуалы на границе времен. В самых разных религиях мира есть вера в то, что мир (упорядоченный космос) стоит до той поры, пока приносятся правильные жертвы. Жрецы, соответственно, и есть те атланты, которые позволяют «и жить еще надежде до той поры, пока атланты небо держат на каменных руках». Поистине – «их тяжкая работа главней иных работ: из них ослабнет кто-то – и небо упадет».

Церковь не стала спорить с убеждением в том, что именно человек и есть та живая нитка, на которую нанизаны и которую скреплены створы вселенной. Церковь не стала спорить с этой человеческой потребностью: через молитву соединять перепады времен. Она просто исправила образ этих молитв. Вместо бога солнца – Митры – она предложила в этот переломный день, день возрождающегося света, молиться "солнцу правды" – Христу.

Позже и в другой культуре другой солярный культ – славянская языческая масленица (блин это символ солнечного круга) – был переосмыслен как часть подготовки к Пасхе, как вхождение в Великий Пост.

Смысл этой педагогики понятен: надо ослабить бытовое общение новообращенного христианина с его еще языческими соплеменниками и соседями. Желательно – через разрыв праздничного общения. "Установить христианский праздник в день праздника языческого значило созвать христиан в церковь и поставить их под влияние таких воспоминаний, что для многих становилось потом психологически невозможно участвовать в языческих праздниках. Кто утром слышал о том, что среди шумного пира повелено было усекнуть голову большего из рожденных женами, у того язычески новогоднее настроение было уже на весь день испорчено".

Итак, даже языческие праздники Церковь смогла подбирать и переосмыслять (а языческие храмы – переосвящать).

Да и сам "день св. Валентина" был установлен для того, чтобы "перебить" языческие привычки. В эти дни в Риме праздновались так называемые "луперкалии" (от lupus – волк). В святилище, устроенном в пещере на склоне Палатинского холма и называемом Луперкал, совершалось жертвоприношение: жрецы—"луперки" закалывали козу (животное, самое приятное на вкус для волка) и собаку (животное, наиболее ненавидимое волком). Затем к алтарю подходили двое обнаженных юношей (они тоже назывались луперки), и каждый из двух жрецов, совершивших жертвоприношение, прикладывал окровавленный нож ко лбу одного из луперков, а потом вытирал его белой шерстью козы. Потом закланных животных свеживали и из их шкур нарезали узкие ремни, называемые "фебруа". Оба луперка подпоясывались таким ремнем, зажимали в руках связки остальных ремней, выбегали нагими из пещеры и начинали ритуальный бег вокруг Палатинского холма, стегая ремнями всех попадавшихся на их пути. От этих ударов не только никто не уклонялся, но наоборот – женщины и девушки с веселым смехом подставляли луперкам спину, плечи и грудь: считалось, что это дает удачу в любви, делает счастливым брак и гарантирует обильное потомство.

Между прочим, от названия священных ремней луперков – "фебруа" – произошло и название месяца, в середине которого происходило празднество (и в середине которого будет отмечаться Валентинов день): "фебруарий" – февраль.

Уже во времена Цезаря никто не мог толком объяснить, что такое луперкалии и связанные с ними обряды. Поэтому, как всегда в таких случаях, все удовлетворялись легендой. Рассказывали, что праздник луперкалий учредили основатели Рима Ромул и Рем – в честь вскормившей их молоком в пещере волчицы, и что они же были первыми луперками. Возможно, что этот культ восходит к почитанию Фавна – бога—покровителя стад. Одним из прозвищ Фавна было "Луперк", что буквально означало "охраняющий от волков", и сам бог часто изображался в виде волка. Жертвоприношения Луперку и праздник в его честь происходили в середине февраля, когда начиналось спаривание скота, и бога молили о том, чтобы он благословил размножение стад и охранил их от волков.

Как видим, у февральского праздника в Риме древние корни. В любых его вариантах рядом шли любовь и страх, смерть и боль. Неудивительно, что в конце концов и память о христианском мученике оказались пронизана всеми этими сюжетами.

Действительно ли именно папа Геласий назначил праздник св. Валентина на 14 февраля – неясно. Несомненно, что именно этот папа положил конец празднованию Луперкалий в Риме. Также этот папа памятен тем, что издал декрет, ограничивающий хождение апокрифов и строго определяющий рамки библейского канона. И все же я боюсь, что нет документов, которые позволяли бы утверждать, что "в 496 году папским указом Луперкалии преобразованы в День всех влюбленных, а Валентина, отдавшего за любовь свою жизнь, причислили к лику святых".

Более определенно можно сказать о том, венчал ли св. Валентин влюбленных. Это уж точно не более чем легенда. Легенда потому, что строится на несомненном анахронизме: во времена св. Валентина (в III веке) просто еще не существовало особого обряда церковного венчания брака.

«Изначально домашний свадебный обряд христианизируется с начала IV века как на Востоке, так и на Западе прежде всего через присутствие на нем епископа или пресвитера». Само присутствие священника считалось формой признания законности брака со стороны Церкви. В IV веке мы видим, что священник читал благословляющие молитвы в доме у родителей невесты или на брачном пиру.

Вообще "древней церковью брак рассматривался как таинство независимо от того, сопутствовал ли ему церковный обряд... В древней Руси венчание было формой заключения брака у верхнего слоя народа и медленно проникло в низы (в конце XVII века)".

Но в III веке никакого специального церковного таинства венчания не существовало. И уж тем более ничего не могло значить в глазах языческого императора совершение брака священником презираемой им и гонимой секты.

Но в религии есть закон: то, во что люди верят, это становится реальностью. Может быть, апостол Андрей не ходил по берегам Днепра и не доходил до Валаама. Но на Руси всегда верили, что это именно так – и, значит, апостол Андрей действительно породнился с нашей землей. Наши молитвы к нему и его молитвы о нас создали между нами связь более прочную, нежели чисто "историческая".

Есть и закон логики: "из лжи следует все что угодно". Имеется в виду, что из неправильной посылки можно получить даже верный вывод. Если люди считают, что св. Валентин был казнен потому, что покровительствовал влюбленным и, если эти люди, исходя из этой веры, молятся Валентину о своих любимых – то даже если это их представление исторически недостоверно, все равно св. Валентин и в самом деле молится о них.

Интересно, что когда "не-нашему" "Валентинову дню" пробуют противопоставить какой-либо православный праздник, который можно было бы представить как "праздник святых – покровителей влюбленных", то обычно предлагают вспомнить о святых Петре и Февронии Муромских. Но если читать их официальное церковное житие – то за общими словами ("будучи оба святыми и праведными людьми, любили чистоту и целомудрие и всегда были милостивыми, справедливыми и кроткими.... оба приняли монашество и скончались в один день") никак не проступает история их любви.

Но есть дивный памятник древнерусской литературы "Повесть о Петре и Февронии" (начало XVI века). Вот она как раз наделяет своих персонажей прекрасными и понятными человеческими чертами... Но эта повесть осталась в разряде апокрифов и в круг церковного чтения не была включена.

В итоге ситуация получилась очень даже похожей на историю культа св. Валентина на Западе: и там и там в основе культа лежит память о реальных людях, почитаемый Церковью как святые. И там и там эта память была расцвечена в фольклорные тона, и там и там народные предания подчеркнули в этих святых их человеческую влюбленность. Но эта фольклорная преувеличенность не помешала собственно церковной памяти о Петре и Февронии как о святых, любивших друг друга.

Вот и вера современных людей в св. Валентина как покровителя влюбленных есть несомненный факт, независимый ни от каких источниковедческих штудий.

Переубеждает ли Церковь людей, верящих в то, что от зубной боли надо молиться именно святому Антипе, а от головной боли – святому Иоанну Крестителю? Нет, хотя это не более предрассудок. Так отчего же Церковь должна разрушать убеждение людей, которые хотят молиться нашему святому о чем-то гораздо более важном, нежели зубная или головная боль?

Итак, с формальной точки зрения празднование святого Валентина именно 14 февраля вполне может быть воспринято Русской Православной Церковью.

Вопрос в том – нужна ли подобная рецепция.

14 февраля – это "день влюбленных". Разве это плохо с точки зрения Православия? Разве наша Церковь состоит только из монахов? Разве только монашеский путь считается у нас спасительным и дозволенным? Разве влюбленность не должна сопровождаться молитвой?

Понимаю, что большинство из тех, кто празднует "день святого Валентина" именно молиться-то Валентину и не помышляют... Но вот тут-то и уместно было бы слово Церкви: как же так, в день-то Валентина и не поставить свечку Валентину, не помолиться ему?!! Поскольку традиция эта в России еще только-только новорожденна, она изменчива и пластична. И Церковь могла бы оказать влияние на ее формирование не брюзжанием, а чем—то иным.

В идеале (миссионерском идеале) можно было бы сказать: настоящие "валентинки" – это те, что приобретены и освящены в храме. А начать хотя бы с того, чтобы 14 февраля служить молебны св. мученику Валентину об умножении любви. Для этого не нужно даже ждать разрешения Синода: мы же в любой день можем служить молебен св. Николаю или Георгию – а не только в дни их календарной памяти.

На этих молебнах можно было бы пояснять молодым людям, что любовь самого Валентина была прежде всего – ко Христу. Что любовь и похоть – не одно и то же. Что "любить" и "использовать" – это антонимы.

А взрослых прихожан в этой проповеди можно было бы призвать к молитве о сохранении наших детей в чистоте и о даровании им опыта подлинной любви. И тем, и другим можно было бы напомнить, что в трудных житейских ситуациях, когда не знаешь, как строить отношения с человеком, можно молиться мученику Трифону (его память как раз приходится на 14 февраля). И если вы не умолите св. Валентина даровать вам крепкую и настоящую любовь, то со временем придется вам молиться именно Трифону – избавителю от недуга пьянства...

А в конце сказать: если вы, ребята, действительно дороги друг другу, приходите еще завтра. Завтра, 15-го февраля – день Встречи, Сретения. Помолитесь вместе друг о друге. Ведь молитва – это максимальное напряжение доброй воли человека, желающего добра другому человеку. Если ваши глаза и глаза любимого вами человека будут направлены на одну и ту же икону, еще одна ниточка соединит вас друг с другом. Как говорил древний подвижник авва Дорофей, люди подобны точкам на окружности, центром которой является Бог. Если люди будут просто двигаться по окружности, то, приближаясь к одному соседу, они будут отдаляться от других. Но если они вместе двинутся к центру – то сократится и расстояние между ними.

Этот праздник может быть светлым. Хотя бы для некоторых людей, некоторых пар. Для кого-то он останется поводом к смакованию очередной порции грязи. Но соотношение тех и других зависит и от нашего миссионерского усилия. В конце концов и на православную Пасху кто-то упивается до свинского состояния. Что же нам – отказаться от нашей Пасхи? А на Крещение кто-то гадает и колдует. Следует ли из этого, что и мы замараемся, если будем *по-нашему* праздновать Крещение? Кто-то ждет Рождества только ради скидок на рождественских распродажах. Но мы ждем Христа.

Не надо излишнего смиренничанья, не надо поспешных капитуляций, не надо оставлять наши святыни, если к ним прикоснулась чья—то нечистая рука. Не оставлять надо наши праздники в руках язычников и лавочников, а бороться за сохранение (или возвращение) их христианского смысла.

Можно наполнить Валентинов день более христианским содержанием, несколько сменив акценты, но оставив пафос. Сейчас это праздник свободной любви, а можно сделать его Днем семьи. Действительно, у нас есть разорванные половинки – Женский день, День защитника Отечества, а праздника всей семьи нет. Это особенно важно в свете наших демографических проблем.

С другой стороны, устанавливая в день Валентина праздник семьи, мы даем молодежи

правильный ориентир: цель взаимных отношений – семья, а не кайф. То есть акценты из легкого безответственного флирта смещаются в область светлой и вечной любви.

Разумеется, это должна быть не просто церковная самодеятельность, а общегосударственная программа, поддержанная Церковью. И государство, и бизнес, и общество, и, конечно, Церковь – все в этом заинтересованы.

От нас требуется ведь немного. Просто сказать, что в день святого Валентина храмы ждут тех, кто любит и желает быть любимым. Улыбнуться пришедшим. И помолиться вместе с ними.

От нас требуется всего лишь добрый взгляд. Ни денег, ни реформ, ничего такого эта миссионерская программа не требует. Достаточно просто объявления на церковных дверях: "14 февраля. Молебен св. Трифону и св. Валентину Интерамскому". Молодые прихожане уже сами разнесут эту весть по окрестным школам и университетам. И еще хорошо бы батюшке подежурить этот день в храме – в ожидании "валентиновцев", чтобы с ними поговорить и, быть может, снова помолиться...

Ничем не обижая и не смущая своих традиционных прихожан, нисколько не меняя их уклад жизни и веры, через этот день можно привести в Церковь несколько молодых людей.

Даже если таких новичков "валентинова призыва" окажется всего пять человек – неужели этого мало?

ГРЯЗНАЯ ТЕМА

Есть такие темы, которые у христиан "не должны даже именоваться" (Ефес. 5,3).

Но как и в области вероучения "Злоба еретиков вынуждает нас совершать вещи недозволенные, выходить на вершины недостижимые, говорить о предметах неизреченных, предпринимать исследования запрещенные; заблуждения других вынуждают нас самих становиться на опасный путь изъяснения человеческим языком тех тайн, которые следовало бы с благоговейной верой сохранять в глубине наших душ" (св. Иларий Пиктавийский. О Святой Троице. 2, 2) – так и в области нравственной порой возникает нужда войти в исследования запретного. Но это уже вторжение не в область запредельной чистоты (как это происходит при осмыслении догматического богословия), но запредельной низости...

В московских демократических газетах стало модно обвинять церковнослужителей в содомском грехе. Одна журналистка, с поистине спиритической чуткостью откликаясь на призыв "духа времени", даже издала "художественную" повесть о распущенности "целибатов" и монахов.

В день, когда вышла очередная из "комсомольских" статей на "грязную тему", в метро – реагируя на мой подрясник – хозяйка газетного ларька окликнула меня: "А тут снова про вас пишут!".

В общем, в отношениях между Церковью и "обществом" повеяло ощутимым холодком. В роли холодильника, как всегда, выступила пресса. Естественное отвращение к содомскому греху, который был приписан некоторым архиереям, было использовано для того, чтобы сформировать в людях столь же безразличное отношение ко всей Церкви вообще. И вот ради того, чтобы этот ледок растопить, все же стоит переступить апостольское предостережение, и поговорить на "грязную тему".

Я не могу ничего сказать о тех конкретных людях, которые были обвинены газетами. Но в целом с горечью могу признать: да, и в церковной среде, как и в любой другой, встречаются люди, искушаемые этой страстью. В этой констатации нет ничего необычного: люди всюду есть люди. А церковные люди даже еще более искушаемы духами злобы и нечистоты, чем люди светские, люди, и

так не ищущие Христа...

Но если уж пошли пересуды на эту печальную тему, то стоит вспомнить о том, что разные культуры и разные религиозные традиции по—разному реагируют на эти позывы. Православные люди призываются бороться с подобными помыслами. И даже тот, кто не устоял в этой борьбе – видит в своей страсти грех, падение, повод для целожизненного покаяния (кстати, даже те архиереи, о которых шла речь в "комсомольских" статьях, в последующих интервью ясно свидетельствовали о том, что содомский грех они считают грехом и ничем иным).

Но в начале нового тысячелетия, когда обострились дискуссии о том, что нового принесло христианство в мир, стоит вспомнить и о том, что именно по вопросу о гомосексуализме позиция христианства отличается от многих иных "традиций".

Вот та традиция, которая вызывает сегодня столько восхищения – причем именно у подростков. Традиция японского рыцарства – самурайства...

"Ихара Сайкаку написал известные строки: "Подросток без старшего любовника – все равно что женщина без мужа". Молодой человек должен проверять, теряет ли старшего в течение, по крайней мере, пяти лет. Если за это время он ни разу не усомнился в его хороших намерениях, тогда он может ответить ему взаимностью. С непостоянным человеком невозможно установить хорошие отношения, потому что он скоро изменит своему любовнику. Если такие люди посвящают друг другу свои жизни, они пользуются взаимным доверием. Но если один человек непостоянен, другой должен заявить, что не может поддерживать отношения, и после этого решительно порвать с ним. Если первый спросит, почему, второй должен ответить, что не скажет ему ни за что на свете. Если тот не унимается, нужно рассердиться; если он настаивает, нужно зарубить его на месте. Кроме того, старший должен точно также проверять подлинные намерения младшего. Если младший остается верным в течение пяти или шести лет, можно считать, что он оправдывает доверие... Мужеложство в нашей провинции ввел Хосино Рётэцу, и хотя у него было много учеников, он наставлял каждого из них лично. Эдаёси Сабуродзаэмон был человеком, который понял смысл мужеложства. Однажды, когда Сабуродзаэмон сопровождал своего учителя в Эдо, Рётэцу спросил его: – Как ты понимаешь мужеложство? – Это нечто одновременно приятное и неприятное, – ответил Сабуродзаэмон. Рётэцу был доволен его ответом и сказал: – Ты можешь сказать это, потому что иногда тебе приходилось сильно страдать. Через несколько лет кто-то попросил Сабуродзаэмона объяснить ему смысл этих слов. Тот ответил: "Отдавать свою жизнь во имя другого человека – вот основной принцип мужеложства. Если он не соблюдается, это позорное занятие. Если же он соблюдается, у тебя не осталось того, чем бы ты не мог пожертвовать во имя своего господина. Поэтому говорят, что мужеложство – это нечто одновременно приятное и неприятное".

Есть свидетельство о том, что именно ученые тибетские монахи практиковали мужеложство: в XVI веке поэт Дугпа Кунлег говорит о монастырских порядках: "На факультете логики каждый монах имеет мальчика в качестве друга для утешения".

Но – это Восток действительно дальний; тот Восток, до которого христианство дошло совсем недавно (а православное христианство – только со свт. Николаем Японским в XIX веке). Мы же теперь вспомним тот мир, на смену которому и для исцеления которого пришло Евангелие. Мир Античности.

Уже много столетий – начиная с эпохи Возрождения – в европейских школах преподают цензурированно-приукрашенное представление об античности. Эллада – это беломраморные храмы, дружба людей и богов, близость с природой, поэтическая естественность... И так все это контрастирует с чернорясным монашеством, темным средневековьем, пришедшим на смену античной простоте и человечности... Просто даже непонятно становится – как могла античность переродиться в средневековье...

Это недоумение рождается оттого, что даже хорошо образованные люди свои познания об античной мифологии ограничивают книжкой Куна, адаптирующей греческие мифы для детей. И, конечно, из книжки Куна нельзя понять – почему христианство объявило войну этим милым и прекрасным сказкам. Из них ведь не узнаешь, что Артемида Эфесская была украшена 14-ю грудями (копия лидийской Артимус).

А многие ли знают, что великий Геракл покончил жизнь самоубийством (Софокл. Трахинянки, 1260 слл.) – с предостережением детям: "вы великую зрите жестокость богов"?

Мы же вспомним без цензурных купюр только два, известнейших и прекраснейших греческих мифа. Есть слово, дорогое каждому новорусскому сердцу – Кипр. На Кипре каждому туристу показывают "пляж любви", на который из пены морской некогда вышла прекрасная Афродита. А в школах при знакомстве с этим мифом показывают репродукции "Рождение Венеры" Боттичелли, Рубенса, Тициана...

И только об одном умалчивают и гиды, и учителя: они не берутся объяснить причину той первой экологической катастрофы. Откуда взялась та самая пена в первозданном море? Рассказ об этом придется начать с бунта Кроноса против Урана. Стычка кончилась оскотлением первичного бога, а затем – "Член же отца детородный, отсеченный острым железом, по морю долго носился, и белая пена взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене в той зародилась. Сначала подплыла она к Киферам священным, после же этого к Кипру пристала, омытому морем. На берег вышла богиня прекрасная... Ее Афродитой, "пенорожденной", еще "Кифереей" прекрасновенчанной боги и люди зовут, потому что родилась из пены" (Гесиод. Теогония. 188—197).

Второй полужнакомый всем миф описывает рождение Афины из головы Зевса. Обилие аллегорий и в этом случае заслоняет естественный вопрос: а как именно Афина оказалась в Зевсе. Ответ и на этот раз не самый симпатичный. У Зевса в ту пору была супруга по имени Метида. Она обладала свойством полиморфизма и любила перевоплощаться во что хотела. Зевс, решив избавиться от нее, уговорил ее сделаться маленькой... Понятно, какой сюжет воспроизводит сказка "Кот в сапогах"? – Да, едва только Метида стала маленькой, Зевс ее проглотил. Таким образом премудрость (Афина) оказалась внутри Зевса, ибо Метида была в то время беременна Афиной (см. Гесиод. Теогония, 886—890).

В целом же античность пошла очень странным путем. Казалось бы, та культура, которая провозглашает своим идеалом мужество и естественность, умеренность и гармонию, могла бы миновать именно этот риф. А она именно на нем очень прочно, – на века – засела. Речь идет о гомосексуализме.

Платон ставит любовь между мужчинами значительно выше, чем любовь к женщине. Поведав миф об андрогинах, рассеченных на половинки, Платон повествует: "...чтобы при совокуплении мужчины с женщиной рождались дети и продолжался род, а когда мужчина сойдется с мужчиной – достигалось все же удовлетворение от соития, после чего они могли бы передохнуть, взяться за дела и позаботиться о других своих нуждах... Мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому: уже в детстве они любят мужчин, и им нравится лежать и обниматься с мужчинами. Это самые лучшие из мальчиков и юношей..." (Платон. Пир. 191с—192а).

Так "Вместе с божественной философией расцвела и любовь к мальчикам" (Лукиан. Две любви, 35).

Эпикур пишет "к Пифоклу, цветущему мальчику: Что ж, буду сидеть и ждать прихода твоего, желанного и богоравного!" (Диоген Лаэртский. 10,5). "Тимократ, учившийся у Эпикура, говорит, будто сам он еле-еле сумел уклониться от ночной эпикуровой философии и от посвящения во все его таинства" (там же, б).

Сексуальные услуги юноши рассматривались как нормальная форма оплаты услуг учителя.

обучающего подростка какой-либо профессии. Когда Алкивиад пожелал стать учеником Сократа, "я решил сделать все, чего Сократ ни потребует. Полагая, что он зарится на цветущую мою красоту, я счел ее счастливым даром и великой своей удачей: ведь благодаря ей я мог бы, уступив Сократу, услышать от него все, что он знает. С такими мыслями я однажды и отпустил провожатого, без которого я до той поры не встречался с Сократом, и остался с ним с глазу на глаз... и я ждал, что вот-вот он заговорит со мной так, как говорят без свидетелей влюбленные, и радовался заранее. Но ничего подобного не случилось. Я решил пойти на него приступом... Я лег под его потертый плащ и обеими руками обняв этого человека, пролежал так всю ночь. Так вот, несмотря на все мои усилия, он одержал верх, пренебрег цветущей моей красотой... Я был беспомощен и растерян" (Платон. Пир. 217a—219e).

Как видим, целомудрие Сократа было предметом удивления. Диоген Киник не разделяет общее увлечение мальчиками – и это становится одной из черт его юродства (Диоген Лаэртский. О жизни знаменитых философов, 6,53—54; 6,59).

Впрочем, Сократ никогда не осуждал гомосексуализм, никогда не призывал обратиться к женщинам – он лишь призывал любить не только тела мальчиков, но и их души, и душевную близость ставить выше телесной (Ксенофонт. Пир. 8). Тот же Ксенофонт предлагал комплектовать фаланги любовниками – ибо тогда солдаты будут отчаяннее биться, спасая своих возлюбленных (Киропедия. 7,1,30). Так же считает Платон (Пир 179ab). Для Платона любовь к юношам несравненно выше любви к женщинам (Пир 181).

Описание идеальной любви у Платона дано в "Федре" (255—256). Тот, кто хотя бы однажды прочитает его, навсегда уже воздержится от возвышенного употребления словосочетания "платоническая любовь"...

Так греки подражали своим богам. На Олимпе всегда хватало мужеложников: любовником Зевса был мальчик Ганимед; любовником Геракла – Гилас; Посейдона – Пелоп. По слову Овидия не кто иной как Орфей «стал он виной, что за ним и народы фракийские тоже, перенеся на юнцов незрелых любовное чувство, первины цветов обрывают» (Метаморфозы 10,83—84).

Гигин в "Астрономических рассказах" (2,5) повествует о том, как Дионис хотел спуститься в царство Аида, чтобы вывести оттуда свою мать Семелу. Человек по имени Просимн показал путь, попросив, однако, у прекрасного мальчика вознаграждение. Дионис, желая увидеть мать, поклялся, что исполнит по возвращении то, что от него хотят. "Плата же, будучи постыдной, устраивает Диониса. Любовным было вознаграждение, платой был сам Дионис... Возвратившись назад, не застаёт Просимна (ведь тот умер). Исполняя "священный" долг перед любовником, спешит к могиле и предается там противоестественной страсти: срезав кое—как ветвь смоковницы, придает ей форму мужского члена и садится на нее, исполняя обязательство перед усопшим. Как мистическое воспоминание о сей страсти по городам воздвигаются фаллосы Дионису" (Климент Александрийский. Увещание к язычникам. 34,3—5). "Мне кажется, что следует объяснить происхождение слова "мистерия" от musos – позора, выпавшего на долю Диониса" (Климент Александрийский. Увещание к язычникам. 13,1).

А уж как представлен Дионис на страницах позднеантичной поэмы "Деяния Диониса" – цитатами передать нельзя. Можно только общее впечатление: «Это культ особого рода сексуальности, построенный на постоянном взаимопереходе мужского и женского, причем, именно взаимопереходе, а не андрогинности (при которой различие полов как таковых все равно бы сохранялось). Постоянная смесь мужественности и женоподобности в образе Диониса – основополагающая его особенность и в поэме, и в том позднеантичном культе Диониса, который вдохновлял ее автора. Биография Диониса, как она описывается в поэме, равно как и многочисленные сцены, в которых участвуют другие герои, представляют собой нечто из ряда вон выходящее даже для греко-римской литературы.

Структурообразующие мотивы поэмы почти без исключения принадлежат к области девиантного сексуального поведения (даже если не относить к этой области вполне нормативный для античного мира гомосексуализм). Сколько-нибудь подробный анализ содержания поэмы необходимо вести, вследствие этого, средствами сексопатологии и психиатрии, и мы упомянем лишь основные выводы такого анализа. Поэма погружена в мир инфантильных сексуальных фантазий, соответствующих, за малым исключением, прегенитальной стадии, когда различие мужского и женского не играет роли. По содержанию эти фантазии носят ярко выраженный садо-мазохистский характер. Отметим, что здесь налицо мотивы изменения естества и употребления для этого силы».

Аполлон же был влюблен в мальчика Гиацинта (Аполлдор. Мифологическая библиотека 1,3,3). Но в Гиацинта влюбился и другой бог – бог ветра Зефир. Не встретив взаимности, он решил отомстить Аполлону и Гиацинту. Однажды, когда Аполлон ("златокудрый Феб") играл с Гиацинтом и учил его метать диск, Зефир подул, отклонил летящий диск, и тот разможил голову мальчику, из могилы которого и выросли цветы гиацинты (Овидий. Метаморфозы 10,175—195)...

О том, как греческие философы (Солон, Диоген, Зенон) возжелели к своим мальчикам Апулей подробно говорит в своей апологии (Апология или О магии, 9 и 10).

Так что греческие гомосексуалисты просто подражали своим богам и героям и философам, начитавшись коих они рекомендовали: «жениться следует всем, а любить мальчиков пусть будет позволено только мудрецам» (Лукиан. Две любви, 51)...

И если правда, что греческие философы свою мудрость изначально привезли из Египта, то, возможно, что вместе с мудростью они заимствовали и мужеложство.

И вдруг над этим миром раздалось слова ап. Павла: "Не обманывайтесь: мужеложники Царства Божия не наследуют. И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего" (1 Кор. 6,9—11).

Мужская любовь была возвращена женщинам и освящена церковным таинством... Христианство вернуло мужчин женщинам, может быть, в благодарность за то, что во время Евангельских событий ни одна женщина не причинила ничего дурного Христу – ни словом, ни поступком.

Но сегодня этот дар христианства людям оспаривается и осмеивается. Сегодня снова престижно и модно принадлежать к "розово-голубой тусовке".

Ограничусь лишь двумя газетными новостями:

"Шведский суд приговорил 30 июня пастора-пятидесятника Оке Грина к месяцу тюремного заключения за негативные высказывания о гомосексуалистах во время проповеди. Выступая перед прихожанами в своей церкви в городе Боргхольме, пастор Грин назвал гомосексуализм "ненормальным явлением, ужасной раковой опухолью на теле общества", а геев и лесбиянок – "извращенцами, которых дьявол использует как свое оружие в войне против Бога". Пастор Грин – первый гражданин Швеции, осужденный в этой стране по закону об оскорблениях, который ранее применялся лишь к лицам, пропагандирующим расовую ненависть. Во время суда государственный обвинитель Челль Ингвессон проиграл аудиозапись проповеди Грина и спросил подсудимого, считает ли тот гомосексуализм болезнью, на что пастор ответил утвердительно. Пастор пояснил, что своим выступлением не ставил цели нанести кому-либо оскорбление, а лишь передал библейский взгляд на гомосексуализм" (2 июля 2004 г.).

"Министр юстиции Франции Элизабет Гигу радовалась как ребенок. Вскочила с места, смеялась, хлопала в ладоши. Вместе со всеми депутатами левых фракций Национального

собрания. В самом деле левым было от чего веселиться. Им все-таки удалось проташить закон, разрешающий во Франции браки между гомосексуалистами. Закон этот называется "Пакт гражданской солидарности" или PACS. Те, кто подписал такое соглашение, отныне по закону находятся во взаимоотношениях, соответствующих брачным. Они могут передавать друг другу имущество – как супруги. Платить меньше налогов – как женатые люди, жить под одной крышей. Вести хозяйство. Получать друг за друга пенсию. Те, кто вступил в PACS, уже через год могут подавать заявление о натурализации во Франции (обычный брак такого права не дает). Отныне тысячи мужчин и женщин – иностранцы-гомосексуалисты, живущие с французами или француженками – смогут претендовать на французское гражданство. Чтобы принять подобный закон, левым понадобился год. И 120 часов заседания парламента. Правые бешено сопротивлялись принятию PACS. И все-таки 13 октября закон был принят Национальным собранием. Большинством в 315 голосов социалистов, коммунистов и "зеленых" против 245 правых депутатов. Левые, в особенности социалисты, выполняли предвыборные обещания, данные еще в 1997 году. Поддержка избирателей— гомосексуалистов была хотя и не решающим, но существенным фактором, склонившим чашу весов в пользу левой коалиции на тех выборах. Еще весомее оказалась помощь левым со стороны соответствующего лобби в кругах предпринимателей и интеллектуалов. Что ж, сторонники идей Карла Маркса и Владимира Ленина не изменили своему амплуа. Они уже не раз доказывали, что нет такого закона, который они не были бы готовы принять, чтобы подольше удержаться у кормила власти... Не случайно первой против закона выступила французская католическая церковь. "После этого голосования, – говорится в обращении епископов Франции, – все более насущным становится вопрос, желаем ли мы сохранения в будущем института брака. Желаем ли мы готовить юношество к созданию настоящих семей? Желаем ли мы обеспечить этим семьям возможность выжить, выполнить свою миссию по воспитанию человека – свою незаменимую роль?". Ответа от политиков священники пока не получили".

Мы тоже ответа ждать не будем. Просто отдадим себе отчет в том, какое именно "христианское наследие" объявляет отжившим и устаревшим "новый мировой порядок", громко декларирующий свои притязания на приватизацию третьего тысячелетия. В школах Сан-Франциско первоклашки уже пишут диктанты, в которых вместо традиционного зачина "Жили-были дед да баба", поставлена новая модель "семейных" отношений: "Жили-были Джон с Джекком..."

Вас уже тошнит? Значит, в Вас еще жива христианская культура. Значит, Вы родом из христианского Средневековья. Значит, в "новом мировом порядке" XXI века у Вас будут проблемы.

ЦЕРКОВЬ: "МИР ИСКУШЕНИЙ"

Эта глава носит неправильное название. Если говорить богословски корректно, то искушение – это или действие дьявола, ставшее препятствием для христианина на его пути к Богу, или собственное греховное влечение человека. В этом смысле Церковь, конечно, не столько мир искушений, сколько средство преодоления этих искушений. Но в современном церковном лексиконе это слово как-то ощутило поменяло свой смысл. Оторвалась у семинариста пуговица на кителе – и он в сердцах говорит: "Искушение!". Послали этого юного богослова после обеда на уборку снега – "Вот искушение-то!". Нет, он не собирался идти читать псалтырь в этот час. Он собирался поспать перед вечерними занятиями. Начальство решило иначе – и оказалось, что это "искушение". Искушение стало церковным эквивалентом слова "проблема". По своему точному смыслу искушение есть препятствие при осуществлении Замысла Божия. В нашем сегодняшнем лексиконе искушение есть препятствие при осуществлении наших человеческих и зачастую даже вполне бытовых планов. Пожалуй, это слово даже стало словечком-паразитом, употребляемым слишком часто и потому вовсе не к стати.

Снисходя к этому новому словоупотреблению я и назвал этот раздел так, как назвал. Не все то, что в церковной жизни и в мысли представляется затруднением и проблемой, является искушением в традиционном смысле слова. Не всюду, где возникают трудности, слышен запах серы. Люди прекрасно умеют создавать себе трудности самостоятельно. Да и по мысли многих церковных мыслителей (например, Оригена, св. Василия Великого, св. Григория Нисского) Бог не все даже в Библии изложил просто и непротиворечиво – затем, чтобы приучить человеческий разум к самостоятельной работе.

– Что Вас печалит сегодня в Церкви?

– Печаль у христиан всегда одна: граница между миром и Церковью (в том числе и во мне самом) проходит не так резко, как нам хотелось бы. И поэтому те болячки, которые возмущают нас даже в неверующих людях, мы, тем не менее, проносим сами в себе в Церковь. Каждый из нас контрабандист, который проносит в Церковь массу светских предрассудков.

Ну, например, мы возмущаемся невежеством наших с вами современников в вопросах религии. И в самом деле – трудно сохранить спокойствие при виде повальной моды на оккультизм, гороскопы и тому подобное. Но, с другой стороны, разве у людей церковных иное, менее равнодушное отношение к религиозному просвещению? Болезнь одна и та же. И в миру, и в Церкви люди ищут легких решений, магических, технических. Кажется, что можно просто что-то скушать, и все станет хорошо. Однажды Мережковский очень точно сказал, что невежество подобно сальному пятну на газетной бумаге: оно очень быстро впитывается в бумагу, распространяется по ней и становится трудно выводимым.

– Нормальное церковное мировоззрение – это два цвета?

– Два цвета понадобятся вам только на суде человеческом, когда вас приведут к суду, требуя отречься от Христа. Вот тогда ваш ответ будет: да-да, нет-нет, а все остальное было бы от лукавого. А в реальной жизни оттенков очень много. Ну как в двух цветах объяснить отношение апостола Павла к идоложертвенному – можно есть или нельзя? Как—то в Ноябрьске я пробовал пояснить позицию апостола, а один молодой человек все вскакивал и кричал (уж не знаю – харизмат, протестант или так просто болящий): "Что вы все так усложняете? Можно сказать – "да-да", "нет-нет"?". Сказать—то можно. Но это уже будет авторским "простецким богословием", а не Павловым.

Жизнь не сводится к простоте. Прост ли ответ на вопрос о конце Ветхого Завета? Когда прекратился ток благодати через еврейский храм? Когда синагоги стали, скорее, сборищем сатанинским, нежели собранием благоверных людей? С точки зрения богословия – с момента распятия Христа: пала завеса в Иерусалимском храме. Но церковная история усложняет эту схему: апостолы и по Воскресении Христа ходили в Иерусалимский храм, приносили жертву по закону. И хотя закон уже умер во Христе, апостолы исполняли закон. Как это согласовать? Это не сводится к какой—то простенькой формуле. Так что богословских вопросов очень много. И они сложны. Людям же зачастую хочется легких простых решений. Но самая простая вещь на свете – это вообще атеизм: "Бога нет, Христа не надо, мы на кочке проживем!". Вот уж предельная простота.

– Я полагал, что в Церкви существует единое мнение по всем вопросам.

– Формулировки догматов принимаются всеми церковными людьми. А вот уже оттенки их истолкования разнятся (например, даже святые отцы по-разному понимали термин "ипостась"). Еще больше различий будет в понимании того, какие именно следствия и как следуют из общепринятых догматов. Наконец, есть огромное количество вопросов, на которые мы смотрим из догматов. Понимаете, когда мы, церковные люди, смотрим НА догматы, мы едины. Но вот нам нужно повернуться и смотреть друг на друга и на нецерковный мир, нужно уяснить для себя вопросы, не изъясненные Вселенскими Соборами. Смотреть с позиций вероучительного церковного предания, то

есть – ОТ догматов. Но смотреть на разное и довольно—таки разными глазами. Вот тут, и начинается пространство проблем и дискуссий. Тут в силе слова апостола Павла – "надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные" (1 Кор. 11,19). Тут являют себя церковные умницы и церковные же дураки.

Однажды я видел донос на себя, который гласил: "До чего дошел диакон Кураев. Когда его спросили, как научиться молиться, он сказал – выучите молитву "Отче наш" и молитесь ею. Как он смеет так советовать, если святые отцы говорят, что молиться надо только Иисусовой молитвой, а "Отче наш" злоупотреблять нельзя". Естественно, святые в этом доносе были безымянные.

– Это происходит от недостатка образования?

– Конечно. Тот, кто недостаточно начитан в Отцах, в богословской литературе, склонен первое же попавшееся ему суждение принимать за учение Церкви. Так люди сами создают странное Православие и затем не желают с этим своим рукотворным идолом расставаться.

Кроме того, во всех конфессиях есть такая болезнь – парохиализм. От греческого слова "парикия" (приход), по румынски звучащим как "парохия". В общем – "приходизм". Когда человек считает, что привычки его прихода – это и есть вся церковь. Ему бывает очень неприятно узнавать, что Православие может быть разным. Что все гораздо сложнее.

Лишь со стороны кажется, будто Церковь – это сплошная казарма. Либеральная пресса так и пишет: "Вместо коммунистов пришли попы". И, соответственно, люди боятся попасть во "вторую КПСС". Поэтому миссионерски важно показать, что пространство Церкви – это пространство мысли, пространство дискуссии, что мы признаем за человеком право на ошибку. Если человек ошибся, то за этим не последуют оргвыводы, запреты, анафема. Есть, конечно, вещи, в которых мы безусловно должны быть едины, а есть пространство разнообразия.

Как-то я встретился с одним юношей-старообрядцем, который сам еще не до конца осознал свое "староверие", присматривался. И вот он решил малость на меня "наехать". Я же ему говорю: "Ты действительно хочешь, чтобы церковная жизнь строилась по заветам древних святых отцов?" "Да, конечно, поэтому-то я – старовер". "Но посмотри на вот эту заповедь одного из тех двенадцати святых отцов, которых Вселенские соборы называют нормой Православия, а именно блаженного Августина: «В главном – единство, во второстепенном – разнообразие, и во всем – любовь». Теперь скажи мне, в чем староверы разрешают разнообразие?"

Он задумался и сказал: "Я подумаю, потом приду". Но так больше и не пришел...

Я не претендую на то, чтобы всегда быть голосом Церкви и выражать официальную позицию. Часто я просто говорю о своем понимании некоторых проблем. Еще раз повторяю – когда речь идет о проблемах, не имеющих соборно-догматического оформления (ибо согласие с догматами Вселенских Соборов есть минимально необходимое условие членства в Церкви).

Церковная речь не сводится только к перебиранию и цитированию догматов. Есть огромное количество вопросов из жизни, а не из Библии. И вот эти не-догматические вопросы разные священники и богословы решают по-разному.

Это то, что пугает многих в Православии, и то, из-за чего я в него влюбился. Действительно, очень сложно жить в таком состоянии свободы. Католикам хорошо: у них есть папа: Roma Iocuta – causa finita (Рим сказал – дело закончено)". Баптистам тоже легче: у них бумажный папа – Библия. Привел нужную цитату – и все, думать больше не надо. Мозги отключаются, точнее, работают только в режиме "поиск" (поиск нужной цитаты).

У православных все гораздо сложнее. Здесь вопросов больше, чем ответов. И ответы часто

бывают разные. Поэтому вопрос истины в Православии – это не вопрос дисциплины и послушания. Это вопрос любви. Тот святой, которого ты понял и полюбил, становится для тебя авторитетнее (если в каком-то вопросе он расходится с другим святым). Тот священник, которому ты открылся, которого ты выбрал (а духовника для себя каждый выбирает сам) – он и становится для тебя голосом Церкви. Думать же, выбирать, любить – надо учиться самому.

Человек, когда приходит в церковь, неизбежно оказывается дезориентирован. Это хорошая дезориентация. Тут верны слова Ницше: "Нужно иметь в душе хаос, чтобы родить танцующую звезду". Когда человек проходит через покаянный кризис из неверия к вере, если этот кризис настоящий, если человек всерьез приходит к вере, то поначалу у него обязательно должно появиться чувство никуда-не-годности всех его прежних знаний. Будь я хоть трижды профессор, я должен быть готов учиться у любой бабулечки, потому что в церковных делах она понимает больше. Если у человека, входящего в церковь, нет такой решимости, то он никогда не воцерковится. Если неопит не готов слушаться самую обычную церковную бабу, это значит, что такой человек ищет себя в Церкви, а не Христа в себе. Всеверие же – это следствие нормального покаянного кризиса.

Но то, что нормально в детстве, ненормально позже. Памперсы хороши в младенчестве, но шагать в памперсах по жизни было бы странно. Изначальное неопитское вседоверие со временем может вылиться в серьезный кризис. Я бы назвал это искушением изосакральности, когда для верующего все одинаково свято, все церковные голоса воспринимаются как голоса назидательные.

Если он не научится искать голос Церкви, не научится ориентироваться в многообразии церковных голосов, то он рискует повредить свою душу. Если в сознании начинающего церковного человека все одинаково сакрально и авторитетно, если для него одинаково дорог и голос "почетной прихожанки", и голос настоятеля, и голос листовки, набранной церковно-славянским шрифтом, и мнение Евангелия, суждение Патриарха и интернет-сплетня, советы профессиональной паломницы и определения Церковного Собора, то голова закружится, завьется... Знаете, когда человек находится в магнитной аномалии, он не может ориентироваться по компасу. Если все небо высвечено Полярным сиянием, невозможно распознать яркость и различие звезд. Нельзя найти ориентиры в стандартных блочно-панельных "Новых Черемушках" или в искусственных лесопосадках среди деревьев одинакового возраста и породы.

Вот и церковные звезды и звездочки надо различать. Неопит искренне желает быть церковным послушником. Но чтобы слушаться, надо слышать. Надо уметь расслышать голос Церкви. А где он? В чьих устах?

Помнится, вскоре после своего вхождения в Церковь, я стал думать над этими вопросами. И подошел к своему приходскому священнику: "Батюшка, я понимаю, что мирянин должен слушать священника. Но ведь и священник может ошибаться. Понимаю, что более высокая инстанция – епископ. Но и епископ в Православии не обладает статусом непогрешимого оракула. Понимаю, что надо верить в то, что сказанное тебе вот именно сейчас именно этим епископом надо воспринять как волю Божию. Но вот если справа от меня стоит один епископ и говорит одно, а слева стоит другой епископ и в ту же самую минуту говорит другое – кого я должен слушать?". Реакция спрошенного батюшки была совершенно нормальна – он рассмеялся. Сцена и в самом деле была комична: стоит 19-летний юнец и разглагольствует: слева от меня – один епископ, справа – другой... Кстати, в ту пору я еще живьем не видел вообще ни одного епископа. Но сегодня-то такие случаи в моей жизни бывают! Так что сцена была смешной, а вопрос все равно — серьезен.

По мере нравственного взросления человек должен выработать в себе аксиологию, учение об иерархии ценностей. Именно – ценностей, хороших реалий. Разные ценности и авторитеты иногда входят между собой в конфликт. Из подобного рода столкновений надо учиться выходить. Без этого

человек травмирует и себя и окружающих своей не достаточно осмысленной верой.

Неофиту необходимо по пути своего воцерковления создать иерархию ценностей, иерархию авторитетов (точнее, не столько создать ее самому, сколько понять ее наличие в Православии).

Для этого необходимо научиться думать. Надо придти к пониманию, что, в ряде случаев в Православии нет легких ответов или нет общецерковного мнения. Мир Церкви – он сложен, потому что человек. Разные люди. Разные вкусы. Разные понимания и разная способность понимать. В этом мире надо учиться жить, ориентироваться, думать. Единство Церкви определяется единством нашей веры во Христа, а не единообразием наших суждений о современной культуре или политике.

Для меня, например, первый признак воцерковленного человека – то, что он запрещает себе по каждому случаю говорить "Церковь учит". Соответственно, примета церковно-грамотного журналиста в том, что он не вопрошает: "Что Церковь думает об этом?". Это же глупо – подойти к диакону и спросить, что Церковь думает по этому вопросу.

Еще более глупо задать вопрос – "А как Церковь относится к "Гарри Поттеру"?" А никак не относится. А много чести "Гарри Поттеру" – чтобы Церковь к нему как-то относилась. Ибо если бы было сформулировано именно отношение Церкви (всей Церкви) к этой сказке, это означало бы, что из разряда "второстепенного" сей сюжет перешел бы в разряд "главного". А уж чем-чем, а "главным" Гарри Поттер никак не может быть в жизни христианина: ни как предмет его любви, ни как предмет его ненависти.

Церковь высказывает свое мнение только на Вселенских Соборах по вопросам вероучительным. По новым, актуально-сиюминутным вопросам от имени Церкви может говорить Патриарх, Синод, Архиерейский Собор. Но я не могу себе представить Архиерейский Собор, в повестке дня которого под пунктом 15 значится: "Выработка отношения к Гарри Поттеру".

Я могу говорить от имени Церкви, когда я излагаю Символ Веры, когда я излагаю тезисы, с которыми согласна вся Церковь и которые утверждены нашими Соборами. Но есть очень много дискуссионных вопросов. И в этом случае я обязан честно предупредить: знаете, вот по этому вопросу – это лишь моя позиция, у других богословов она может быть другой, но моя позиция такая, и я считаю, что она не противоречит Православной традиции.

Только если человек делает различие между своим сиюминутным мнением и мнением Церкви, между какой-либо публикацией и мнением Церкви, только в этом случае он действительно сможет брать то доброе, что есть у разных церковных людей, при этом не превращая самих этих людей в оракулов.

*– Так все же **Вы** сейчас, будучи уже далеко не 19-летним юношей, для себя определили голос, который для Вас лично наиболее близок к тому, что можно назвать «мнение Церкви»?*

– За почти четверть века, которые я провел в Церкви, я видел много трагедий и ошибок, непонимания и некомпетентности... Для себя (подчеркиваю — это ответ для самого себя, для внутреннего пользования) в конце концов я решил, что самое безопасное – следовать мнениям профессорско-преподавательских корпораций Духовных Академий. Все-таки это люди, которые всю свою жизнь посвятили изучению Писания и отцов, церковной истории и канонов. В этом мире есть свои проблемы, свои дискуссии и разногласия, но в целом он на сегодня наиболее точно и понятно передает голос церковного Предания. В частности, и потому, что сам находитесь в постоянном общении и с приходским духовенством, и с монашеством Лавры, и с епископатом.

– Известно, что у Вас есть опыт общения с людьми, которые недавно пришли к вере, Вы близко общаетесь с православной молодежью, какие на ваш взгляд трудности возникают у

неофитов и есть ли вообще такая проблема в Церкви как неофитство?

– Неофит означает "ново-уверовавший". Значит, все, кто обрел веру – неофиты. Но не каждый крещеный является неофитом. Неофит – это человек, который выбрал мировоззренческую позицию, вера стала его центральным убеждением, а не просто неким дополнительным сегментом в стиле его жизни. Тот, кто крестился "между делом", неофитом, увы, не становится (и христианином тоже). Так что если неофитство болезнь, то это хорошая болезнь (как царапины у мальчишки).

А вообще мое видение этой проблемы созвучно с тем, что о неофитстве сказал Патриарх Алексий: "Неофит – это недавно обратившийся к вере человек. Это удивительная пора в жизни человека, своего рода "медовый месяц" – все внове, все в церковной жизни радуется своей благодатной и смысловой наполненностью. В нормальном неофите душа восторгается перед огромным миром, вдруг распахнувшимся перед ней. Радость об обретении Истины перерастает в желание служить Ей всей своей жизнью. Но именно потому, что это время легких взлетов и возгораний, время неофитства может быть и временем серьезных искушений. Сегодня люди входят в церковную жизнь в основном через книги. И есть опасность, что первыми церковными книгами станут издания легковесные, исполненные суеверий. Другое возможное искушение может состоять в том, что человек слишком буквально воспримет прочитанное. И автор книги подлинный святой, и книга у него замечательная. Но порой те слова, что должны были целить души, в некоторых умах превращаются в таран, которым те начинают сокрушать все вокруг. С полюбившейся цитатой они всматриваются в жизнь других верующих людей, сличая с этой цитатой, видят расхождение и начинают критиковать и осуждать, доходя до прямого кликушества и раскольничества. Наконец, если человек слишком прямолинейно отождествляет Православие с тем или иным его социальным или культурным отражением, он становится борцом за какую-то частную идею, может быть и в самом деле связанную с Православием, но при этом такой самозванный борец как-то упускает из виду Христа. Он больше дорожит своими идеями, нежели Таинством Причастия Христу. Каждому из нас стоит помнить, что центром жизни христианина является Евхаристия как главное таинство Церкви, созидающее Тело Христово и являющееся способом Богообщения. Прихожане должны ясно сознавать, что центром, вокруг которого и ради которого они собираются воедино, является не священник, не та или иная храмовая святыня, не та или иная – пусть даже самая возвышенная – идея, но Сам Господь и Его Жертва".

– Что предпринимает Церковь, чтобы не потерять неофитов, не потерять пришедшую в храм молодежь?

– Боюсь я говорить на эту тему, потому что неизбежно придется употребить такой жуткий термин как "работа с молодежью".

– А что в этом термине такого уж жуткого?

– Манипулятивность. Нельзя манипулировать людьми. Не должно быть никаких «антропологических» технологий, в том числе и технологий воцерковления. Что может делать Церковь? Прежде всего – не мешать, не травмировать нашим собственным поведением тех, кто еще в поиске. В Евангелии есть удивительная история о слепорожденном, который услышал, что в Палестине появился целитель по имени Иисус. У него не было шансов встретиться с Ним, потому что он был слеп и прикован к одному месту. Но однажды, сидя у дороги и собирая милостыню, он понял, что мимо него проходит тот самый Иисус. И закричал: «Иисусе! Помилуй меня!». А вот те, кто шел вместе со Христом, т. е. первые христиане зашикали: не отвлекай, не мешай... Именно это слишком часто происходит в нашей церковной жизни: когда люди, которые раньше стали христианами, обвыкли в своей вере, поскучнели и стали не помощью, а скорее препятствием для христианизации других людей.

– Вы видите тех, кто совсем недавно пришел в храм, тех, кто скоро станет «солью»

Православной Церкви, скажите – к чему, по Вашему, движется Церковь, какой она будет через 15—20 лет?

– Не знаю. Настолько разные вещи происходят в церковной жизни, настолько разные векторы движения. Но когда я думаю о будущем Церкви, для меня один из главных вопросов звучит примерно так: «Сколько потребуется времени, чтобы имя дьякона Андрея Кураева в сознании семинаристов стало бы синонимом мракобесия и отсталости?».

Нет, я не "красуюсь". В октябре 2004 года, в Санкт-Петербурге проходил рок-концерт "Золото на черном", посвященный столетию подводного флота России. Вернувшись с этого концерта в Москву, я встретился с митрополитом Климентом, управляющим делами Московской Патриархии, и сказал ему, что мол снова согрешил, на рок-концерт ходил, проповедовал... Он мне ответил: "А что в этом такого особенного? Мы специально в документах Архиерейского собора записали, что надо активно использовать формы современной молодежной культуры во внебогослужебной проповеди". И тут настало время изумиться уже мне. То, что еще год назад раньше провокацией, скандалом и сенсацией, теперь стало чем-то само собой разумеющимся.

Движение навстречу миру необходимо. Но тут возникает вопрос – удастся ли в этом движении вовремя остановиться? Нужно пройти между Сциллой и Харибдой: не нужно быть закрытой сектой, этнографическим музеем, не нужно корчить из себя памятник своему сану, но с другой стороны, нельзя становиться "своим в доску". И, как всегда, обретение середины – дело опыта и вкуса. Но этот опыт как раз учит: если где-то впереди на дороге есть яма, в нее обязательно кто-нибудь да свалится.

Вот одна из предстоящих нам ям: мы уже говорили о том, что нормальный церковный проповедник должен сегодня уметь противостоять сектантской агитации (как псевдоцерковной, так и откровенно антицерковной). А это означает, что он должен владеть навыками критического, рационального мышления.

Признаюсь, что я побаиваюсь современных семинаристов. По сути впервые мы их учим вести открытую и серьезную полемику. В семинариях XVIII—XIX веков ребята просто зубрили формулы. В лучшем случае – учились понимать их смысл. Сегодня же их необходимо готовить к активной защите Православия от критики со стороны самых разных идеологий. И это в свою очередь означает, что они сами должны быть способны критическим взором посмотреть на мифологические построения сект. Они должны уметь критиковать секты не только с точки зрения соответствия православным нормам веры, но и с точки зрения здравого смысла, общечеловеческой этики, науки, общественной пользы или вреда, соответствия тем или иным действительно авторитетным текстам религиозных традиций... А хватит ли у так воспитанных людей такта, чувства внутренней очевидности, чтобы с этими критическими навыками не обратиться к самому Православию? Человек, наученный сторониться современных апокрифов, знающий, как сегодня создаются псевдоцерковные легенды (про «святого старца Григория Распутина», например) – сможет ли он сохранить благочестивое отношение к традиционным Житиям? Одно дело – мир «предварительной цензуры». Это тот мир, в котором богослов-цензор отсеивает апокриф еще до его публикации. Тут его критика остается в предельно узком кругу. Одно дело критиковать рукопись. Другое дело – гласно критиковать уже опубликованный «житийный» текст, сопровождаемый иконографическим изображением новоявленного «старца» и даже «акафистом» ему...

В этом случае в сознании многих людей может пасть психологический барьер: оказывается, не все, написанное на церковно-славянском языке и окруженное нимбом, и в самом деле церковно и свято.

Да и семинаристы сегодня другие. В советские годы юноша, поступавший в семинарию, совершал поступок: бегство из "зоны". Он, правда, попадал в такое пространство, в котором его

свобода также была изрядно ограничена. Игумен Никон (Воробьев) так оценивал семинарские порядки 60-х годов XX века: "Я считаю преступлением со стороны "старших", что они без испытания, без указания пути принимают в монашество по личным расчетам. Уверен, что они этого не сделают по отношению к собственным детям, а чужих не жалеют... Это – плод ложной постановки духовной школы. Взяли механически внешний строй старой школы без его достоинств, без его опытных и образованных преподавателей, без учета нынешних обстоятельств – и спокойны. Даже отношение к учащимся как к лагерникам, а не свободным живым личностям, которым надо всячески помочь утвердиться прежде всего в вере, в живой вере в Бога, а не требовать знания на память кучи сырого материала. Доходит ли, не говорю – до сердца, а даже до ума хоть один предмет? Делается ли он своим для учащегося? Сомневаюсь. Это куча фактов, сырой, непереваренный материал. Хуже того. При малой вере рассмотрение "лжеименным" разумом духовных истин приводит к "снижению" значения этих истин. С них снимается покров таинственности, глубины Божественной мудрости. Эти истины делаются предметом "пререкания языков", чуждым для души учащихся. Вера слабеет и даже исчезает... Все надо бы переделать, начиная с программ и кончая администрацией, даже помещениями. Скажут, не такое теперь время. Пусть всего нельзя сделать, а кое-что можно. А главное, всем надо бы иметь в виду эту цель, что можно – с своей стороны делать, а о прочем скорбеть. Тогда само собой и отношение к учащимся было бы не такое, как теперь, а как к живым душам, перед которыми все, начиная с ректора и кончая прислугой, должны были бы считать себя должниками, не могущими выплатить свой долг".

Сегодня эта "казарменность" семинарий не ослабла. Но если в советские годы она казалась вольницей по сравнению с тем, что творилось в светском обществе, то теперь-то все наоборот. Теперь ребята приходят в семинарию с немалым (и порой излишним) опытом личной свободы. Теперь семинаристам есть куда уходить из духовной школы. И если таким людям свои догматы преподносят без пояснений, без вдохновения и без любви, а зато чужие догматы учат критиковать, то весьма скоро наши семинаристы научатся оборачивать этот огонь критики против своих учителей.

Так что дорога церковной истории в XXI веке не будет гладкой. Правда, если колдобины на ней в XX веке для нас вырывали большевики, то в этом столетии это не менее успешно сделаем мы собственными руками.

– Но что-то все же меняется в церковной жизни?

– На самом деле перемены огромные. И добрые и плохие. Но они происходят очень неслышно.

Вот одна уникальность нашего времени: впервые в истории нашей Церкви миссионерская работа ведется профессорами богословия. Даже в предреволюционные годы слышны были жалобы миссионеров, что "профессора наших духовных академий совершенно игнорируют святое дело нашей миссии, гибель душ православного народа для них безразлична, почему профессорских трудов по сектоведению у нас никогда не было, нет, и не знаю, скоро ли будут. Лишь изредка, как бы мимоходом, они критикуют наши миссионерские литературные труды, но самостоятельных серьезных научных работ по вопросам миссии они до сих пор не дали и не дают и миссионеры в этом отношении совершенно одиноки".

Сегодня ситуация действительно уникальна: есть группа профессоров богословия, которые готовы отрываться от академических библиотек и византологических штудий и идти к людям и аудиториям, весьма далеким от профессионально-богословских традиций. Идет ли это на пользу или во вред их собственно научной работе? По крайней мере по себе могу сказать, что, конечно, во вред. Но людям-то польза есть. Значит, надо работать именно так: зная достаточно для преподавания в духовной школе, все же идти в школу обычную; имея знаний больше, чем у журналиста, работать все же именно в журналистике.

Еще одна перемена касается жизни вообще духовенства. Раньше говорили, что наши священники оторваны от жизни, от народа. Может, так оно и было. Но за последние 15 лет все резко изменилось. И часто без каких-либо постановлений со стороны Церкви, а просто в силу реальности. Что такое обычный священник Русской Церкви сегодня? Это человек, которого послали на приход, обычно даже не дав закончить семинарию. А приход что значит? Ему дали руинку. Сам восстанавливай, ни копейки тебе не дадим. И прежде чем священник становится духовником, он становится менеджером. Он в самой гуще жизни. И получается, страшно даже сказать, такой новый русский священник.

– *С мобильным?*

– Совершенно неизбежно. Но Вы поймите, вот эта нынешняя всероссийская стройка – она без лишних слов совершенно перестраивает русский характер. Люди покупают новые квартиры, постоянно ремонтируют старые. И в итоге есть надежда, что наша традиционная расхлябанность останется в прошлом. Люди ощущают вкус труда и вкус заботы о своем доме, о среде своего обитания.

Кому-то эти земные заботы на пользу, а кто-то ломается...

– *Вы не боитесь, что Церковь может утратить свою традицию, свою идентичность?*

– Я против любых перемен в самой Церкви, в стиле ее молитв, в вероучении. Но есть особое пространство, пограничное между миром и Церковью – церковный дворик. А вот он может быть пространством поисков, экспериментов и ошибок.

– *А в поисках диалога, может можно пойти с проповедью и на дискотеку, и на «Фабрику звезд»?*

– У меня довольно аллергическое отношение ко всяким фабрикам и технологиям. С одной стороны, это моя личная неприязнь, еще с советских времен, к всевозможным таблицам, которые требовалось рисовать на семинарах по диамату. А с другой стороны, желание избежать любых технологий, манипулирующих людьми. И потому Карнеги, пиар—технологии и "фабрики звезд" мне одинаково несимпатичны. В самом названии "Фабрика звезд" содержится большая доля иронии и, по большому счету, неуважения к ее участникам. После того, как я с проповедью стал появляться на рок—площадках, некоторые недоумевающие христиане стали спрашивать меня, буду ли я выступать на поп—концертах. Я долгое время говорил, что нет. Но это было голословно, поскольку не было ни подобных предложений, ни моих отказов от них. А в ноябре 2004 года штаб Януковича предложил выступить в поддержку этого кандидата в президенты Украины вместе с Аленой Апиной в одном концерте. Мои симпатии были скорее на стороне Януковича, нежели Ющенко, но они не заходили настолько далеко, чтобы взойти на одну сцену с Аленой Апиной. Так что и с "Фабрикой звезд" мы будем жить в разных мирах.

– *Но ведь если Церковь входит в соприкосновение с миром рока – то может начаться стремительное проникновение рок-музыки именно внутрь церковной жизни. Так и до рок-литургии дойти можно!*

– Такое мнение я считаю неуважительным по отношению к Церкви. Церковь достаточно здорова, чтобы не прогибаться и не мимикрировать под каждый встречный проект. Церковь достаточно здрава, чтобы защищать свои традиции и святыни и самой решать, куда можно допускать "ветер перемен". Смотрите: уже более тысячи лет миру известен орган. Православные люди доброжелательно относятся к органной музыке и с радостью посещают органные концерты (а я знаком и с православными повелителями органных труб). Но в нашей собственной Литургии орган так и не появился. Если уж орган или скрипка не вошли внутрь наших храмов, то рок—музыка тем более останется вне Литургии.

Хотя и по поводу органа мне довелось однажды услышать: "Но если монах поставит Баха вместо

того, чтобы читать псалтырь...". Ну, Во-первых, не все мы монахи. И потому устав монашеской кельи не стоит распространять на всех христиан (тем паче, что и монашеская "келья устава не знает" – в отличие от общественного богослужения). Во-вторых, даже в случае с монахом есть свои варианты этого "вместо". Конечно, если он будет слушать светскую музыку вместо молитвы – это плохо. Но если он будет слушать ее вместо того, чтобы сплетничать об отце наместнике – это хорошо.

– И все же есть опасность, что рок-проповедь может стать началом разрушительных церковных реформ. Католики пошли этим путем на Втором Ватиканском соборе. И что мы видим сегодня? – пустые храмы Западной Европы.

– Проповедь на рок-концерте – это реформа не в Церкви, а в мире рок-культуры. Что же касается Второго Ватиканского Собора – не надо делать из него пугала. В Русской Церкви подобный Собор, призвавший к обновлению форм и собственно церковной жизни и форм взаимодействия Церкви с миром, состоялся гораздо раньше "Ватикана—2". Это Поместный Собор 1917—1918 годов. Впрочем, его решения скорее забыты, нежели реализованы. Что же касается пустоты храмов Европы – то вряд ли это следствие ватиканских реформ. В Европе много наших православных храмов, совершающих Богослужение по весьма древним уставам. Но как-то незаметно массового перехода в них католиков, испуганных реформами своей Церкви.

– Ну вот выступили Вы пусть и с замечательным словом перед началом рок-концерта. Но потом-то с этой же сцены могут зазвучать слова, весьма далекие от Православия.

– Могут. Но тогда давайте вообще не появляться на светских площадках. Нельзя печатать слово пастыря в светской газете – ибо на следующей полосе разместится астрологический прогноз, а через день в этой же газете дадут слово попсовой певичке. Нельзя появляться на телеэкране, потому что слово патриарха в телеэфире звучит в общей сложности не более полутора часов в году, а вот пошляки—юмористы звучат в тысячи раз чаще... В конце концов, представьте, что священника пригласили в университет отслужить молебен перед началом учебного года. Может ли он быть уверен в том, что все последующие лекции в этом университете будут совместимы с Православием? – Нет. Но в надежде на то, что его слово, молитва, образ хоть кого-то обратят в сторону Православия – вот в этой надежде он и идет в университет.

– Хорошо. Священник сказал свое слово в начале рок-концерта. Но что потом-то? Если уж он своим появлением выказывает одобрительное отношение к року, то логично было бы ему остаться на концерте и вместе со всеми подпевать.

– Тут уместно вспомнить универсальную формулу жизни христианина в миру: ты можешь владеть всем, лишь бы ничто не владело тобою. Если стихия концерта овладевает священником – то лучше ему держаться от нее в сторонке. По крайней мере семинаристам я говорю так: что позволено Юпитеру, то не позволено быку. Я могу ходить на рок-концерты, а вы – нет. Я-то не рок-фанат, поэтому для меня это безопасно. Конечно, семинаристы начинают вопиять, что и они хотят пойти на туда исключительно с миссионерскими целями, а отнюдь не ради собственного удовольствия. Поскольку я не могу читать в их мыслях, то говорю: Ладно. Но когда вы окажетесь на этом концерте, то следите за своими ботинками: если увидите, что они начали притопывать в ритм, так сразу же делайте оттуда ноги.

Я не думаю, что уход священника с рок-концерта после проповеди будет оскорбителен. Вспомним тот же молебен на начало учебного года. Священник сказал слово первого сентября, но не обязан после этого сам садиться за парту. Аналогично – священник, освятивший лекарство для кого—то из прихожан, сам не обязан лечить себя этим снадобьем.

– Вы затрагиваете те острейшие проблемы Церкви, которые подступают к ней с разных сторон. Вас сложно зачислить в какой—либо лагерь. Когда Вы повествуете о том, «как делают антисемитом», то Вам начинают приписывать «правые» взгляды; когда Вы говорите об искушении «справа», постигшем Православие, то в определенных кругах Вас начинают называть «жидовствующим» и «масоном». А после Вашего выступления с проповедью на концерте Кинчева и Шевчука некоторые стали относиться к Вам и вовсе как к постмодернисту и чуть ли не хулигану. Как бы Вы сами определили ту нишу, которую Вы занимаете в этой пестрой картине церковной жизни?

– То, что Вы отметили в своеобразии моей позиции и в реакции на нее, объясняется очень просто: я – православный человек, и после этого я ни в какую партию больше не вступаю. Я принадлежу к Православной Церкви, и более ни к каким лагерям, группировкам и кружкам причислять себя не хочу. Поэтому, когда я что-то говорю, то ориентируюсь не на ту или иную партийную группу, чтобы снискать ее поддержку и аплодисменты, а на какое-то ощущение правды – историческое, психологическое, иногда – богословское.

И еще нередко бывает так, что когда я читаю какую-нибудь партийную газету, то скорее сочувствую не той партии, которая представлена в этом издании, а ее оппонентам. Я уже накушался пропаганды в советские годы, и поэтому у меня аллергия на любую пропаганду, даже тогда, когда она осуществляется во имя каких-то высоких и добрых идей, в том числе – и идей Православия. Именно потому, что Православие мне дорого, я бы не хотел, чтобы оно вырождалось в идеологию.

Кроме того (это замечание чисто биографического характера), я по капле выдавливаю из себя философа. Мне часто приходится жалеть, что я в свое время поступил на философский факультет, а не на исторический. И сейчас у меня дома гораздо больше книг по истории, чем по философии. И при чтении тех или иных работ, связанных с жизнью Церкви, хочется больше источниковедческой достоверности. Когда я сталкиваюсь с замечаниями по отношению к Православию со стороны различных партийных течений, то меня прежде всего интересуют аргументы и обоснованность этих замечаний. В партийных изданиях мне всегда не хватает опоры на конкретные свидетельства и факты. С одной стороны, такое требование обоснованности суждений помогает защищать свое собственное сознание от идеологичности, а с другой стороны, это напоминание о том, что дисциплина научной мысли – одна из христианских добродетелей. Потому что дисциплина ума, дисциплина языка, культура мысли – в том числе и богословской, и исторической – это одна из форм аскезы.

По моим наблюдениям, в последней четверти XX века открылась новая глава на путях русского богословия. Завершилось время философствующего богословия – время Лосского, Флоровского, Шмемана, отца Сергия Булгакова и подобных величин. В русской эмиграции – в Америке и во Франции – на смену философствующим богословам пришли историки, византологи типа отца Иоанна Мейендорфа, а в России в связи с идеологической цензурой наступило время богословов—филологов, текстологов – таких, как Алексей Сидоров, Алексей Дунаев и другие. И я считаю, что этот путь богословия сегодня избран очень верно, поскольку на фоне нашего современного богословского бескультурья линия философствующего богословия выродилась бы в целый поток низкопробных и поверхностных "систем". У нас стала обычной ситуация, когда, прочитав две-три книги по Православию и истории Церкви, люди уже готовы писать ширококвещательные историософские и богословские трактаты. Примером такого рода современной болячки могут быть труды, вышедшие под именем митрополита Иоанна Петербургского. Именно от такой опасности Господь хранит Церковь, призвав под ее знамена дотошных ученых историков и филологов. Так что сейчас нам нужно не выдумывать Православие, основываясь на своих смутных представлениях о нем, а хотя бы изучить объем свидетельств, которые Православие само о себе оставило в своей истории, в творениях своих отцов. Возможно, в следующем поколении вновь возникнет потребность в философской рефлексии,

но опорой нынешнего богословия, повторяю, должны стать исследования филологического и исторического характера. Так что я сам в современном богословии – увы, маргинал...

– Скажите, почему церковные люди такие не улыбочивые?

– Потому что в нашей Церкви уже произошла революция бассет-хаундов. Знаете такую собачку с вечно-грустными большими еврейскими газами?

Отчего-то в 90-х годах, на исходе XX столетия, уже выйдя из полосы гонений, мы где-то потеряли Православие. Произошла революция унылых пессимистов. "Феррапонтов" дух явно оттеснил дух "зосимов" (это если говорить терминами "Братьев Карамазовых"). Серафимово Православие, умеющее радоваться Богу, Пасхе и человеку, стало редкостью.

Греческое слово орто-доксия имеет два смысла: право-верие и право-прославление. Можно быть правоверным и неправославным. Быть православным – это значит стяжать умение правильно славить Господа, жить молитвой, радоваться ей.

Есть три типа молитвы. Самый распространенный и самый низкий – просительный. Почему самый низкий? Потому что просить Бога может даже атеист. Я помню свою первую молитву в жизни, когда я был еще юным пионером и атеистом: "Господи, хоть бы учительница заболела!".

Вторая молитва, более высокая, – благодарственная: Господи, благодарю Тебя за те дары, что Ты мне дал. Здесь память о Боге уже начинает теснить заботу о себе, любимом. Такая молитва встречается уже гораздо реже просьб. В Евангелии мы помним, что только один из десяти исцеленных Христом прокаженных вернулся благодарить (Лк. 17). Но и в просительной молитве, и в благодарственной я на первом месте, Бог на втором.

А вот третья, славословящая молитва бескорыстна. Но главное в ней то, что ее нельзя творить вдали от Бога. Просить Бога можно из греховного и мрачного далека: "из глубины воззвах к Тебе, Господи". Но славословить Бога можно только внутри Бога. Славить Бога, петь может только сердце, которого Господь уже коснулся.

В Евангелии мы видим два случая, когда люди не просят Бога и не благодарят, а именно радуются Ему: при встрече апостолов с воскресшим Спасителем "горело... в нас сердце наше" (Лк. 24, 32). И так же было на Фаворе: "Господи, хорошо нам здесь быть" (Мф. 17, 4). Вот эта радость встречи – это и исток Православия, и его цель.

С другой стороны, еще с апостольских времен известно и обратное: "молитва печального человека не имеет силы восходить к престолу Божию" (Ерм. Пастырь. Заповедь 5,10). "Нельзя верить, стиснув зубы: это очень ненадежно и это оскорбление Господу... Великий подвиг сейчас – сохранить веру, и не угрюмую, точно загнанную в какой—то подвижнический тупик, а веру-любовь, любящую веру, веру, веселящуюся о своем Христе".

У Иоанна Лествичника есть упоминание о людях, которые "одержимы бесом печали" (Лествица 5,29). А преподобный Серафим Саровский говорил, что "Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстию обличается от печали". И напротив, «Волю же Божью узнать легко по следующему признаку: если после молитвы, после серьезных размышлений Вы не чувствуете тяготы, печали, отвращения к делу, а чувствуете себя легко, с улыбкой, с легким сердцем помышляете о предлагаемом Вам деле, то – явный признак, что оно не против воли Божией» – делился своим опытом улыбки св. Николай Японский.

Я помню, когда был еще семинаристом, то водил экскурсии по Троице-Сергиевой лавре. Официальные светско-советские экскурсоводы рассказывали историю монастыря так, как будто это была история какого-то строительного-монтажного управления: "Этот храм построен тогда-то: высота

колокольни такая-то". Я же старался познакомить именно с монастырем, с людьми. И в конце такого дня я потом не раз спрашивал своих гостей: "Скажите, а что для вас было самым неожиданным из того, что вы сегодня увидели и услышали?" И очень многие люди, для которых тот день был днем первого соприкосновения с Церковью, по раздумьи отвечали: "А знаешь, самым неожиданным оказалось то, что монахи – это, оказывается, радостные люди".

В те времена Лавра действительно была уникальнейшим местом на земле по концентрации счастливых людей на квадратный километр территории. Такая светлая, спокойная радость была в тогдашних монахах...

Сегодня же, заходя в новый монастырь, я прежде всего заглядываю в глаза монахам: не поселилась ли там застывшая мировая печаль. Если да – значит, что в этой обители людей не обнадеживают, а пугают. О таких монастырях приходские священники, напутствуя туда своих прихожан на паломничество, предупреждают: к святыням приложись, а монахов не слушай!

Вот аналогичное воспоминание митрополита Кирилла: "Лет шести-семи от роду я был привезен родителями в Псково-Печерский монастырь к известному в то время старцу Симеону. Помню, я страшно боялся этого старца, его кельи. Но вот повели меня к нему, в высеченную в горе келью близ Успенского собора. Войдя в помещение с маленьким окошечком, я увидел выходящего мне навстречу из другой комнаты старичка в светлом подрясничке. Этот человек словно светился, знаете, как будто солнце заглянуло в тень. Радостным, веселым, светящимся был старец Симеон, и это теплое воспоминание о встрече с ним я сохранию до конца своих дней. Тогда я сказал себе, что это, наверное, и есть святой человек. Христианство – это вечная радость, но не нарочитая сто долларовая улыбка, а неоскудевающее радование о Господе и мире Божиим. Прямо противоположный и значительно более распространенный случай – одежда в черно-серо-коричневой гамме, мрачное выражение лица, ни тени улыбки. Какое радование, разве это можно верующему человеку? У меня есть родственница, которая меня по телефону все корит: "Почему ты улыбаешься, выступая по телевидению? Архиерею не полагается улыбаться". Это глубоко ошибочное представление о том, каким должен быть облик христианина. Взгляд верующего человека на жизнь отличается спокойствием и мудростью, а вера сообщает внутреннюю радость. У верующего во Христа нет причины посыпать главу пеплом. Мы должны быть свободны от необходимости соответствовать ложному, фарисейскому пониманию благообразия. Равным образом не следует и входящих в Церковь молодых людей ставить в жесткие ограничивающие рамки: отныне одеваться следует так, а не иначе, о веселье и радости надо забыть, от занятий спортом отказаться, светскую музыку больше не слушать. Потому что, сковывая всеми возможными способами свободу движения вновь пришедших братьев и сестер, мы не только совершаем недопустимое и неразумное насилие над их волей, но и собственными руками отталкиваем от Церкви людей, ищущих Христовой Истины. И чем мы в этом случае лучше иудейских законников, возлагавших на свой народ "бремена неудобноносимые" (Лк. 11. 46)? Христос сказал им: "Вы – как гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того" (Лк. 11. 44). Да не прозвучат и над нашими главами таковые словеса в час великого суда наших дел".

Так почему же сегодня уставным выражением лица у слишком заметной части наших прихожан считаются тоскливые глаза бассет-хаунда?

Почему столь мрачны наши одежды? Один из знаков катастрофы, которая с нами произошла, это революция в церковно-национальном костюме (национальный костюм и церковное платье для меня одно и то же, ибо с нацией можно встретиться только в храме, а не в метро). Если в XIX веке женщины одевали в храм самые яркие, самые сарафанистые платья, то сегодня, напротив, преобладают черно-коричневые тона. А где знаменитые «белые платочки»? Сравните фотографии церковных служб сорокалетней давности и современную картину. Именно белых платочков в храмах стало меньше. Темные цвета стали основными. Верный знак перемены религиозной психологии.

Однажды меня потрясло письмо блаженного Августина. Он жестко выговаривает одной своей прихожанке – Экдиции – за то, что та при живом муже стала носить черную одежду вдовы. Такой выговор означает, что в православных храмах пятого столетия по одежде можно было опознать: это – девица, это мужняя жена, а это – вдовица. Но в наших храмах, судя по одежде, теперь все вдовицы. Начиная с трехлетнего возраста!

Однотонно мрачный стиль наших церковных одежд означает, что ушла культура праздника. И это катастрофа не меньшая, чем демографическая. Ушло радостное переживание народом своей веры. "И дам этому народу сердце, иссушенное печалью, взор унылый и потухший, душу, снедаемую скорбью..." (Втор. 28,65; перевод с греческого).

Вот, читаю как-то книжечку об одной новоявленной чудотворной иконе Божией Матери, и какая-то женщина говорит в этой брошюрке: "Когда чудотворную икону принесли к нам в храм, я как ее увидела, мне тут же захотелось умереть". Но почему же ей, бедняжке, не хочется жить и работать во славу Божией Матери, почему сразу умирать? Не слишком ли часто наши «мироносицы» так все и продолжают нести миро и слезы на могилу Того, Кто Всемогущ и Пасхален?

В какой морок мы впали, я вижу по тому, как церковные аудитории реагируют в случаях, когда обращаешь к ним простой вопрос: "Скажите, при каком именно царе-батюшке строилось так много храмов на Руси, как сейчас?". Напоминаю: к началу 90-х годов в России (РСФСР) было порядка трех тысяч действующих храмов. Сегодня их – 16 000. По тысяче храмов в год открывалось в годы тех "реформ", что принято сейчас проклинать! По три храма в день!

Да, большинство из них – восстановлены. Но ведь любой строитель вам скажет, что восстановить труднее и дороже, чем построить заново. И это не просто триумф современных строительных технологий. Идет возрождение внутренней жизни Церкви, а не только ее кирпично-каменных оград.

К исходу 2003 года в России действовало 635 монастырей (312 мужских и 325 женских), не считая 167 монастырских подворий и 45 скитов. А в 1875 г. в Российской Империи (т. е. вместе с Украиной, Белоруссией, Грузией, Молдавией и т.д.) было 494 монастыря (350 мужских и 143 женских). А в 1988 году в России было только три с половиной монастыря: Троице-Сергиева Лавра, Псково-Печерский монастырь, Данилов монастырь в Москве и только начинала разворачиваться Оптиная пустынь. Значит, к концу 90-х годов темп открытия монастырей достиг сотни в год!

А ведь за каждым из нынешних насельников монастырей стоит как минимум десять тех, кто пробовал подъять монашеский крест, был послушником (или даже принял постриг), но через некоторое время все же ушел в мир. Но давайте обратим внимание не на неудачу, а на сам факт такой попытки: Господь ведь и намерение лобзает! Сегодня в монастырях России около 8 000 человек. Значит, десятки тысяч людей в 90-е годы настолько искренне переживали обретение своей веры, что пробовали идти верхним, монашеским путем! Прибавим сюда тысячи молодых семинаристов, тысячи новых священников, пришедших на приходы без семинарского этапа, десятки тысяч женщин, оставивших мирской (пенсионный) покой или работу и ставших трудницами при храмах... Нет, отнюдь не только внешнее возрождение церковной жизни происходит на наших глазах!

Так вот, когда я задаю вопрос церковным аудиториям – когда же еще знала Русь такой мощный и быстрый подъем церковной жизни, то в ответ если и слышу что-то конкретное, то только сдвигнутый шепот: "при Иване Грозном"...

У аввы Доротея есть замечательное напоминание: "каждый получает вред или пользу от своего душевного устройства, и никто другой не может повредить ему; но если мы и получаем вред, то вред сей происходит, как я сказал, от устройства души нашей. Положим, что кому-нибудь из городских жителей случилось стоять ночью на некотором месте. И вот мимо него идут три человека. Один думает

о нем, что он ждет кого-нибудь, дабы пойти и соделать блуд; другой думает, что он вор; а третий думает, что он позвал из ближнего дома некоего друга своего и дожидается, чтобы вместе с ним пойти куда-нибудь в церковь помолиться. Вот трое видели одного и того же человека, на одном и том же месте, однако эти трое не составили о нем одного и того же мнения; но один подумал одно, другой другое, третий еще иное, и очевидно, что каждый сообразно со своим устройением". Как тут не вспомнить ветхозаветного мудреца – «Видяй право помилован будет» (Притч. 28,13, церковно-славянский перевод).

Так что же с нами произошло, что мы предпочитаем копить печалующие нас самих слухи и не замечать радостных перемен? Жизнь таких людей прекрасно описана Толкиеном в "Сильмариллионе". "Темный лорд" Моргот пленил доблестного воина Хурина. Но не убил. "Горька была доля Хурина, ибо все, что узнавал Моргот об исполнении своих лиходейских замыслов, становилось известным и Хурину: только ложь была перемешана с правдой, и все, что ни было доброго, скрывалось либо искажалось... И тогда молвила Мелиан: "О Хурин, Моргот оплел тебя чарами, ибо тот, кто взирает на мир глазами Врага, желая или не желая того, видит все искаженным"".

В церковной среде добрые слухи гаснут, а вот печальные, пугающие – быстрее скорости звука. И это уже наш диагноз. Готовность всего бояться и всё осуждать – это признак болезни, духовной болезни и старения. Мы стали похожи на Свидетелей Иеговы. У них в конце каждого журнальчика обязательно помещен список плохих новостей, призванных подтверждать близость конца света. Если все должно погибнуть не позже чем послезавтра – значит, и сегодня всё уже очень плохо. Всё должно быть плохо. "Доктор сказал в морг, значит, – в морг".

Впрочем, о. Серафим Роуз в эмигрантских кругах, осуждавших Московскую Патриархию, видел эту беду раньше: "Они построили себе карьеру в Церкви на зыбком, хотя внешне и красивом фундаменте: на предпосылке, будто главная опасность для Церкви в недостаточной строгости. Но нет, истинная опасность сокрыта глубже – это потеря аромата Православия, чему они сами и способствуют, несмотря на всю свою строгость".

"Аромат Православия" можно передать одним дивным церковнославянским словом – радостопечалие. Радость без печали – это баптисты и харизматы, которых народ уже прозвал "халлилудями". Печаль без радости – это шизофрения. А Православие не то и не другое. Православие – это радость со слезами на глазах. Это – "вера, полная тревоги". Люди не должны превращаться в какие-то мутные стеклышки, не способные отразить Свет Господа.

Увы, слишком многие наши проповеди и издания написаны лишь тремя красками, причем теми, которым как раз не должно бы быть места в право-славии: а) идеологический пустозвон ("препременом, победихом!"); б) мертворожденный канцеляризм; в) страхи и стоны.

И только улыбки, "миссионерской приветливости" почти не встретишь.

А кому же в этом мире и радоваться, как не христианам!

В декабре 2003 года в Саратове на улице подходит ко мне женщина с 10-летним мальчиком. "Батюшка, благословите меня сына на отчитку в монастырь отвезти!". Женщина завернута в три платка, глаза тоскливые. Мальчик стоит тоже вполне усмиренный и грустный... А что, – спрашиваю в ответ, у него разве есть признаки одержимости? Он лает при чтении Евангелия, кусает священников?... В чем его одержимость? – "А он меня не слушается!".

Понятно. Замоленная мама признак роста своего сына и его мужской природы сочла за признак его бесноватости. Говорить бесполезно. Поворачиваюсь к ребенку, наклоняюсь к нему и шепчу: "я тебе сейчас скажу одну вещь, а ты мне ответь на нее, ладно?". Получив молчаливый кивок, говорю: "Христос Воскресе!". Прокатехизированное дите огрызается заученным шепотом: "Воистину

воскресе...". Не, говорю, так не годится. Давай громко!... На четвертой попытке я пожалел, что я не Терминатор. В смысле что у меня в глазу нет постоянно включенной видеокамеры. Потому что это была дивная картина: мальчик на всю улицу прокричал "Воистину воскрес!" и... В общем, был Гэндальф серый, а стал Гэндальф белый. Мгновенное преображение. Снова миру предстал радостный нормальный ребенок, сбросивший с себя искусственную кожу преждевременного исихазма.

Такого же счастливого человека я видел весной 2002 года в казанском Раифском монастыре. Это был пятилетний мальчик, подобранный монахами: он спал на вокзале в коробке из-под обуви. Ну так вот, мы посмотрели друг другу в глаза, и этот счастливый Кирюша вздыхает и шепчет: "Хочешь, я тебе покажу самое дорогое, что у меня есть?". И показывает зимние сапожки, которые ему подарили монахи: первая в жизни вещь, ему подаренная! Причем он хохочет от счастья, ну и я с ним. И дело не в сапожках. Просто климат жизни в этом монастыре – хороший. Там люди интересны друг другу и друг другу рады.

Таков критерий душевного и духовного здоровья: уметь замечать доброе и быть благодарным за него.

Но войдите с видеокамерой в обычный наш храм и снимите полиелей в субботу вечером. Праздник. Хор гремит "хвалите имя Господне". Дома же при просмотре записи отключите звук. И картинку с лицами прихожан покажите любому стороннему человеку (а лучше светскому психиатру) и спросите – что, по-вашему, делают эти люди? Радуются они, ликуют или же унывают и скорбят? Или попробуйте наложить туда другой звук, скажем, из мира Великого поста: "на реках Вавилонских тамо седахом и плакахом". В каком случае будет большее соответствие видеоряда и саунда?

Что мы черпаем из нашей веры – скорбь или радость? Право-славящие мы или право-скулящие? Мне очень дорог такой рассказ из Древнего Патерика. Два молодых послушника пошли в город, там нагрешили, возвращаются в монастырь, и каются. Старцы определяют епитимью, каждого запирают в отдельной келье: кайтесь, молитесь. Через неделю открывают дверь первого монаха. Он выходит весь исхудавший, покрасневшие глаза, бледные щеки. Спрашивают его: "Что ты делал в эти дни?" "Я каялся и молил Господа простить мой грех". Старцы говорят: "хорошо" и открывают вторую келью. Второй монах выходит румяный, веселый. Спрашивают: "А ты что делал в эти дни?" – "Я молился и благодарил Бога за то, что Он простил мне мой грех". Старцы посоветались и сказали: "Оба пути равно хороши".

Понимаете, это ведь вид духовной болезни, когда мы, слишком много помня о своих грехах, забываем о Боге. Это тоже идол – постоянная медитация о себе (пусть даже осудительная медитация на тему "какая я сволочь"). Да подожди, ведь ты к Богу молишься, ты о Боге должен помнить, а не о своем прошлом.

В церковной традиции есть время скорби и время радости. Наш суточный круг молитв полон покаяния. Но на границе Литургии иссякают покаянные молитвы. Все молитвы Литургии – светлые: "Благослови, душе моя, Господа... Хвали, душе моя, Господа".

Кстати, я думаю, одна из причин феррапонтовской контрреволюции в том, что у нас стали исповедоваться во время Литургии. Получается абсурд: хор ликует от имени причастников (смысл Литургии: "святая – святым"), а сами виновники торжества скучились где-то в уголке и там бьют себя по персям и каются. Когда я был семинаристом, однажды получилось так, что исповедь затянулась, и я не успел к причастию на ранней Литургии. И тогда решил остаться на позднюю обедню. В итоге получилось, что я впервые простоял Литургию, на которой причащался, не в очереди на исповедь. Грехи мои были уже позади. А Причастие и вся Литургия – вот, передо мной. И вдруг Литургия раскрылась передо мной в своем ликующем, радостном измерении...

Точно также осаживается покаяние в личных грехах накануне Страстной Седмицы и Пасхи. За несколько дней до Пасхи прекращается великопостная покаянная молитва Ефрема Сирина, отменяются земные поклоны (исключение Типикон делает только для поклонов перед Плащаницей). Почему ограничивается интенсивность покаянных молитв? Потому что иначе тварь (твоя память о твоих делах) заслонит собой память о Творце. Если я все время помню только о себе, о своих грехах, значит Бог остается где-то далеко. Великий пост не будет путем к Пасхе, если навстречу ко мне Христос не сделает Свой шаг. Сколько бы мы ни каялись, если бы Христос не пошел на крест, не были бы мы спасены. На Страстной седмице наступают дни, когда ты должен чуть-чуть забыть о себе и вместе с Господом следовать за Ним в Иерусалим и дальше на Голгофу, во ад и затем к пасхальному воскресению. Теперь ты должен вспоминать уже не свое прошлое, а путь твоего Спасителя.

В Православии нужно обрести какое-то равновесие между знанием своего греха и стремлением прочь от него – к Богу.

И не случайно в период Великого поста, в первые дни особенно, и в наших молитвах, и в наших храмах царит радостная атмосфера. Если этой радости при начале Поста нет – значит покаяние наше "прелестно". Прп. Исаак Сирий говорил, что покаяние – это трепет души перед вратами рая. Значит, покаяние в христианской традиции – это вторичное чувство. Святитель Григорий Нисский так пояснял смысл заповеди блаженств "блаженны плачущие, ибо они утешатся": Не всякий плачущий будет утешен. Скажем, если человек плачет о потере кошелька, за этот плач он не получит небесной награды. А если человек плачет о своих грехах? Нет, и плач о грехах несовершенен. Ад полон людьми, которые плачут о своих грехах, но этот плач не спасает. Григорий Нисский поясняет: блажен человек, который плачет о Боге. Т.е. этот человек когда-то испытал радость богообщения, но затем это чувство и радость первой любви он утратил и мается без этого, и желает вернуть Господа в свою душу, в свою жизнь. Такой плач будет утешен. Первичен свет, вторично всё остальное в жизни Православия.

Так именно свет первичен в православной иконе... Знаете, в комитете комсомола МГУ я был ответственным за атеистическое воспитание студентов. Но я честно признаюсь: это направление работы я завалил. Я организовал только три мероприятия: концерт рок-группы "Воскресение" в подшефном ПТУ, экскурсию в Спасо-Андроников монастырь в музей иконописи; экскурсию в зал иконописи Третьяковской галереи. Так вот, в Третьяковке был следующий эпизод: гид водит группу преподавателей и студентов с кафедры "научного атеизма" по залу, показывает на дивную икону XII века Николая Чудотворца и говорит: "А знаете, что необычно на этой иконе? Это первая икона, на которой иконописец придал греческому святому чисто русские черты лица". А затем гид оборачивается к нам, озирает нашу группу, показывает на меня пальцем и говорит: "Вот у этого юноши в старости точно такое же лицо будет". Штирлиц был на грани провала...

Но главное не это. С той поры всякий раз, когда смотрю на себя в зеркало, я вспоминаю этот эпизод и нахожу повод для покаяния: "Андрюша, какая же сволочь из тебя выросла!".

Икона – это мечта Бога о человеке, икона являет нам, какими бы Бог хотел нас видеть. И когда ты сравниваешь этот замысел Бога о нас, дар Бога, приуготовленный для нас, с реальностью, вот тут-то и возникает нотка покаяния. Покаяние рождается из первичного светлого ощущения призвания: ты мог бы быть иным. Поистине, покаяние – это трепет души перед вратами рая. А без предощущения рая и покаяние будет разрушительным...

Люди видят нашу показную нерастворенную скорбь – и потому обходят наши храмы стороной. Мы в меньшинстве потому, что люди не хотят перенимать наши лица и наши глаза.

Чтобы не отпугивать детей, нужно прежде всего восстановить нормальную православную жизнь. Такую жизнь, чтобы все остальные нам просто завидовали: "ну, почему они такие радостные?"... Я проповедую церковную контрреволюцию – возврат к серафимову Православию, к Православию

радости. Нужна серафимова контрреволюция. Нам нужно восстановление право-славия.

И в семьях и в школах звучит один и тот же вопрос: как сделать, чтобы сын или дочь пришли в храм. А ответ очевиден: верьте так, живите сами так, чтобы ваши родные неверы вам завидовали. Чтобы на вашем примере видели, что вера – это крылья, повод для полета, а не горб за спиной, который давит к земле.

Представляете, у церковной бабушки вырос неверующий внук. И вот в воскресный полдень этот оболтус еле—еле – после трудовой дискотечной ночи – вытаскивает себя из постели. У него все плохо: и сил нет, и голову мутит, и воспоминания о вчерашнем нерадостные, а мысли о недалеком понедельнике вообще самые мрачные... И тут вдруг распахивается дверь – и в дом влетает *радостная* бабушка, вернувшаяся с Литургии. Представляете его реакцию: «Слушай, ба, а куда это ты с утра пораньше смоталась? И вообще, признайся, блин, чем ты колешься, что такая радостная ходишь!».

А если мы будем угрюмничать – глазки в пол, все нельзя. "как батюшка благословит", "спаси вас Господи" – то конечно, люди будут уходить куда угодно мимо *такого* Православия. Люди видят в нашей вере черную дыру, высасывающую из нас человеческие чувства и реакции. Как будто «дементор» нас зацеловал... И это оттого, что мы в себе самих наращиваем сталагмит, не пропускающий свет от получаемого нами Причастия. «Бог – Тот, Кто всегда дополняет, дает, дает... Но что мы приносим в мир из того, что получили?» – спрашивал митрополит Антоний Сурожский. С этого вопроса, адресованного себе лично и можно начать путь возврата к прп. Серафиму.

Порой люди отстраняют от себя ссылку на прп. Серафима, отстаивая свое право на вековую печаль: мол, батюшка Серафим и в самом деле каждого приходящего приветствовал "Радость моя, Христос воскрес!", но перед этим-то он три года на камне простоял... Но этот аргумент означает, что вообще ни у кого из христиан нет права на радость о Христе. Пока, мол не простоишь три года на камне – не имеешь права на радость! Но радость—то у нас не о наших чемпионских успехах. От них пользы мало – "закон ничего не довел до совершенства" (Евр. 7,19). Радость христианина – о Боге, дарующем спасение. И если мы не научились радоваться Евангелию – то и никакие посты и кафизмы не подарят нам православящую радость.

– *Значит, православному человеку улыбаться можно?*

– Слова св. Николая Японского и митрополита Кирилла Смоленского я только что уже приводил. Приведу и слова Псалмопевца: "Блажени люди ведущие восклицновение".

Да, с некоторыми людьми, проведенными в православной среде несколько лет, происходят физиологические изменения: потихонечку у них атрофируются те лицевые мышцы, которые обеспечивают подъем уголков губ вверх. Сила притяжения вкупе с постоянной памятью о своих грехах и о бренности жизни сей оттягивает эти самые уголки вниз. Улыбаться становится трудно и непривычно. "Храм – не место для смеха!". Это верно. Но храм и Церковь – не одно и то же. И то, что неприлично в храме, оказывается вполне допустимо для церковного человека вне него.

Впрочем, и в храме иногда не удается обойтись без улыбки. А как еще, скажите, реагировать на пылкие слова такой, к примеру, проповеди: "Протестанты отрицают иконы, Божию Матерь, святых, мощи, ангельскую иерархию, демонов – в общем – все что нам дорого!".

А за пределами храма – отчего же и не улыбнуться... Грусть-тоска совсем не должны считаться видовым отличием православного христианина.

Тот, кто этого не понимает – просто здорово рискует. В монастыре американского иеромонаха Серафима (Роуза) один послушник вывел из читаемых им духовных книг, что монахи – люди серьезные и смеяться им не пристало. Вести себя он старался соответственно. В трапезной, когда

настоятель (о. Герман) рассказывал забавные случаи, он сидел, потупясь, на лице не появлялось и тени улыбки. Его спросили, в чем дело, и он ответил: "Духовной жизни такое не подобает! Здесь монастырь!" Увы, созданная им для себя неулыбчивая "духовность" оказалась для него непосильным бременем. В конце концов он сломался, оставил монастырь, а потом и христианство.

А уже в наши дни в одном из московских монастырей наместник заметил, что у молодых и не в меру ревностных послушников появляются признаки духовного нездоровья: они все обращались к нему за благословением на чтение литературы о стяжании непрерывной молитвы (исихазму)... Когда в очередной раз послушники попросили у него инструкцию по созерцанию нетварного света, отец наместник вспомнил, что на днях его прихожанка-художница принесла ему книгу, изданную в сопровождении ее рисунков. Книга была про Винни-Пуха. Вот ее-то отец архимандрит взял со своего стола и обязал юных мистиков ее читать. На их недоуменный вопрос – до каких пор им ее изучать, последовал ответ: "До охоты на Слонопотама! Этого вполне хватит"... Через несколько дней ребята стали такими, какими и подобает быть в их возрасте, сбросив с себя маску преждевременного "старчества".

Наконец, книжный анекдот (от о. Иоанна Охлобыстина): "– Скажите, – спросил отца Савву молодой послушник, – Можно ли спастись? —Практически невозможно, – ответил тот, – Но стоит попробовать. – С чего же начать? – продолжил расспросы тот. – Позвони маме, – посоветовал отец Савва".

Вообще прежде чем обожиться надо попробовать очеловечиться. В попытке перепрыгнуть именно через эту ступеньку св. Ириной Лионский (II век) видел грех первых людей: "не став еще людьми, хотели стать богами".

Улыбка в церковном мире уместна просто потому, что Церковь – это мир людей. У людей бывают разные представления о том, что остроумно, а что нет, что достойно улыбки, а что – плача. Но это спор о вкусах, а не о догматах.

– Такое ощущение, что церковные люди боятся, что Православие у них вот-вот отнимут, предадут... Оттого они так настороженны и печальны...

– Чтобы не было лишних страхов и разочарований, церковным людям надо говорить правду. Сусальный лубок чреват расколами. Ну что твердить, будто мы живем по древним апостольским правилам, будто Православная Церковь ни в чем не меняется, она соблюдает древние уставы и живет законоположениями древних святых отцов... На самом-то деле это не так. Ни в одном монастыре, ни в одном приходе Типикон полностью не соблюдается. Вообще никогда в истории Церкви не соблюдались канонические правила в полном объеме...

Чтобы, заметив различие между реальностью и декларациями, человек не бросился в раскол, нужно предложить ему честный разговор о правилах выживания в самой Православной Церкви. То есть как, войдя в Церковь, избежать слишком легких решений. Как научиться слышать голос Церкви, определять его? Как читать Библию? Как читать святых отцов? Как работать с каноническими правилами? У нас господствует представление, что канонические правила – это просто инструкция. Программу компьютерную вставили, и давайте по ней будем жить.

Но этого не было никогда в истории Церкви. Каноны – это мечта Церкви о себе самой. Это Церковь, какой она хотела бы себя видеть. Это икона Церкви. И наивно было бы считать, что все канонические правила, принятые в разные столетия по разным поводам, есть инструкция, которую надо одновременно и полностью исполнять здесь и сейчас.

Нужен честный разговор о сложности нашей церковной жизни, о ее в ряде случаев просто запутанности (ведь есть канонические правила, просто взаимно исключают друг друга).

Пока этого честного разговора не будет, наши люди будут беззащитны перед лицом псевдоправославных сектантов.

Мы уже привыкли к тому, что человек с Библией в руке обличающий наши якобы ереси – это сектант. Мы знаем, что связь между библейскими текстами и жизнью христианской Церкви не всегда прямолинейна, что порою священный текст вызывает к нашему труду истолкования. Но как баптисты или "свидетели Иеговы" превращают Библию в источник антицерковных цитат, так и псевдоправославные ревнителы ценят сборники церковных правил лишь как повод к обличению духовенства.

Им кажется, что они "просто" цитируют святоотеческие правила. Но это отнюдь не просто – ведь они по своему вкусу выбирают какие правила неприкасаемы, а на нарушение каких можно смотреть сквозь пальцы. Церковные правила, например, запрещают вкушать пищу за одним столом с еретиками. Но разве при посещении точек «общепита» наши ревнителы опрашивают посетителей об их отношении к религии? Зайдя в придорожную пельменную, анкетируют ли они ранее вошедших туда путников: «Атеисты тут есть? Мусульмане? Баптисты? Буддисты? Ну-ка, все вышли вон отсюда, а мне дайте двойную порцию!»?

Тогда почему себе они разрешают отступления от правил, ограждающих православных от общения с еретиками, но Патриарха неустанно честят за то, что когда-то он не счел нужным актуализировать аналогичное церковное правило, запрещающее молитвенное общение с католиками или лютеранами?

Вот это и есть самое трудное слово в богословии: "актуализация". Кто, как и по каким основанием может решать, что именно из огромного и разноречивого наследия церковных преданий, нужно вспомнить именно этому человеку и именно в этой его ситуации. Мнение, будто в Библии или у святых отцов мы найдем ответы на все вопросы, – это вполне баптистская и поверхностная установка. Это не так, потому что ни в Библии, ни у отцов нет ответа на самый главный вопрос: что мне, Ивану Петровичу Сидорову надо делать, завтра в 10 часов 25 минут?

У отцов надо учиться жизни во Христе. И тогда этот духовный опыт, который был у отцов, будет и в тебе и подскажет тебе, как действовать в новой ситуации. Именно этот неформальный критерий и называется у нас Преданием. Это некий вкус духовной жизни, церковной жизни. То, что у апостола Павла называется обновлением совести.

Как бывает правильно поставленный голос, бывает и правильно поставленная душа. Только такой человек не потеряется, читая Библию и творения святых отцов. А если он всюду видит просто огромное собрание бесконечных авторитетов, приказов, то рано или поздно у него произойдет короткое замыкание и в душе, и в голове. Один так советует, другой иначе – как понять, что относится именно ко мне и именно сейчас?

Ну вот, например, когда исполнять заповедь Христа о том, что если тебя ударили по одной щеке, подставь другую?

У нас были святые, которые буквально исполняли эти слова. В Церкви были святые, которые были "толстее" любого Толстого. "Пришли некогда разбойники в монастырь некоторого старца и сказали ему: мы пришли взять все, что есть в келье твоей. Он же сказал: что вам угодно, чада, то и берите. Итак они взяли все, что нашли в келье, – и отошли. Но забыли они только денежный кошелек, который там был сокрыт. Взявши его, старец погнался за ними, крича и говоря: чада! возьмите, что вы забыли в келье" (см. Древний Патерик 16,20).

Но Александр Невский, когда гнался за крестоносцами по льду Чудского озера, разве он им что-то подобное кричал? "Братья, остановитесь, вы сожгли мой Псков, зайдите еще и в Новгород, пожалуйста"...

Для меня одно из самых замечательных открытий прошлого года – это рассказ об одном тверском алтарнике. Этот пожилой уже человек, когда его начинают чем-то доставать, отбрехивается замечательной фразой: "Слушай дорогой, ты знаешь, я ведь в Церкви уже тридцать лет... Я ведь и убить могу". Для неопита-интеллигента, который воспитан на Бердяеве – это, конечно, кощунство, это невозможный ответ. А с моей точки зрения, ответ очень точный и остроумный. Этот человек просто и в самом деле долго живет в Церкви и поэтому знает, что и в Библии, и в церковной истории были прецеденты и для одного поведения, и для противоположного.

Одни святые подставляли щеку, другие святые же вынимали меч. Здесь нужно или обостренное совестное чувство или же хорошо церковно воспитанный разум, чтобы уметь различить – в каких случаях и как надо себя вести. Иногда уйти от драки будет грехом, особенно когда под угрозой поставлена жизнь или честь другого человека, такого, который сам себя защитить не сможет.

Я люблю Православие за его неплакатность, за то, что в нем очень часто совмещается вроде бы несовместимое. Мало прийти в Церковь, надо уметь жить в Церкви.

Мир Православия сложен. Конечно, ответы у святых отцов и в Библии найти можно. Но где программа, с помощью которой их надо искать?

И даже если ответ у отцов есть, не всегда можно воспроизводить те аргументы, которые они высказывали в пользу верного вывода. Язык богословия – это неизбежно язык притчи. А с притчами бывает так, что в одной аудитории быстро и правильно поймут, в каком отношении и почему проведена была параллель и, поняв главное, не будут настаивать на буквальном тождестве частных. А вот в восприятии других людей именно эти частности затмят собою то, что самому рассказчику казалось главным в его в притче.

Вот пример аргументации, которая когда-то защищала церковную веру, а теперь способна лишь отталкивать от нее людей. Блаж. Августин так поясняет необходимость греха и зла в общей гармонии Божьего мира: Если бы в обширном и великолепном здании кто-либо был, как статуя, прикреплен неподвижно в одном углу, – он не мог бы понять красоты целого здания. Так точно и солдат не в состоянии понять порядка целого строя, будучи ничтожнейшим в нем звеном. Если бы отдельные слоги и буквы в поэме обладали жизнью и сознанием, они, наверное, не поняли бы красоты поэмы, в которой все вместе они составляют гармонию. Так и мы, люди, самими нашими грехами, сами того не зная, служим красоте мироздания и диссонанс нашего греха разрешается гармонии целого (О музыке 11,30; О книге Бытия против манихеев 1,16,25—26). В общем – "Молчать и держать равнение в строю!"...

Князь Евгений Трубецкой по этому поводу замечает, что порядок Августина – это холодный порядок казармы, а не любви. Это порядок, который пользуется людьми. Современные люди скорее испугаются такого космического коммунизма. Вряд ли им понравится перспектива стать «колесиками и винтиками» той машины, в которую при таком стиле проповеди в их глазах превратится Церковь.

Так что не все из даже имеющихся у отцов ответов стоит сегодня использовать.

А кроме того, есть вопросы, на которые и ответов не найти. И тогда тем более необходимо обладать и даром логики формальной, и даром логики духовной, чтобы из тех заповедей, которые даны в Евангелии и у отцов, сотворить новый ответ на новый вопрос, который появился только в наше время.

– И какие вопросы появились в последнее время, как Вы считаете, – из тех, о которых и не могли думать в первохристианские времена?

– Эвтаназия. Или проблемы так называемой биоэтики.

Еще нельзя забывать, что даже когда мы видим, что у святых отцов есть совершенно определенная позиция по какому-то вопросу, знаете, не всегда ей надо следовать, как это ни страшно звучит. Например, традиция церковная – это традиция безусловной лояльности к светской власти. Церковь никогда не протестовала против усиления крепостного рабства и вообще мало обращала внимания на ущемление гражданских прав людей... Означает ли это, что и мы сегодня тоже должны спокойно относиться к тому, что нас затаскивают в электронный концлагерь? Через социальные номера, новые паспорта, электронные документы и так далее.

В чем различие моей позиции по этому вопросу от позиции крайних ревнителей, которые уже, по сути, секту ИННэнистов создали?

Я-то замечаю, что если я высказываю свое несогласие с политикой государства по этому вопросу, то эта моя позиция нетрадиционна. Я помню, что святитель Игнатий Брянчанинов за год до отмены крепостного рабства в России писал статью в защиту крепостного права. Но просто я говорю, что капитан, который при любом ветре ставит одни и те же паруса, разобьет корабль. И то, что было спасительным и уместным сто лет назад, может оказаться губительным сегодня. Но поскольку я знаю, что это только мое несогласие, что это моя критика властей, а не Предание Церкви, поэтому эту свою позицию я представляю только как свою и не имею права выдать ее за позицию Церкви. И никогда это не делаю.

А вот наши эсхатоложники – люди богословски бескультурные, поэтому все, что хочет их левая пятка, они сходу выдают за "учение Церкви". К ним вполне приложимы слова о. Александра Шмемана – "Нашим новоявленным апокалиптикам невдомек, что, вопреки их собственным декларациям о верности истинному Православию, в духовном плане им гораздо ближе всякого рода экстремистские движения и секты, которыми изобилует панорама религиозной жизни современного запада, чем кафоличность православной традиции с ее трезвением, свободой от экзальтации, страха и любого редукционизма. Их позиция типична для пораженцев, неспособных встретить кризис лицом к лицу, разглядеть его истинное значение и поэтому просто раздавленных им и, подобно всем их предшественникам, замыкающихся в невратическом самочувствии лжеименного "избранного остатка"".

– В Церкви и обществе сегодня присутствует такое эсхатологическое ожидание трагического конца мира. Вот, появился штрих-код с «числом зверя», вот идет перепись населения...

– Эти рассуждения по своему логичны. Ведь любой наш шаг – это шаг к могиле. Но из этого еще не следует, что единственное разрешенное рукоделие – это вышивание савана. Жизнь идет к концу, но еще не кончилась.

А насчет скорого конца света... Знаете, есть то, что мы не знаем от Бога. В том смысле, что наше незнание об этом даровано нам Богом. Христос подарил нам не-знание о дате конца света. Не надо отрекаться от этого Христова дара и впадать в романтику мрачных и самозванных пророчеств.

Верить же близости конца или нет – зависит от настроения человека. Можно коллекционировать факты, убеждающие тебя в том, что настали последние времена. Это, кстати, любимое занятие сект. Вам наверняка знакомы "свидетели Иеговы" – сектанты, которые разносят по квартирам журналы "Сторожевая башня" и "Пробудись!" В конце журнала каждый раз идет речь о катастрофах, нагнетается ощущение, что все—все не так.

Ну, а если оторваться от журнала и поднять архивы? Катастроф сегодня много? Много. Больше, чем раньше? А вот это не совсем так. Самые значительные природные катастрофы случились на заре XX века. Почему же нам кажется, что становится хуже?

Первая причина этой иллюзии: растет плотность населения земного шара людьми. Раньше при каком-нибудь наводнении, цунами, или извержении вулкана гибло меньшее число людей, сейчас же в более населенных регионах и гибнет больше.

Второе: средства коммуникации другие. Одно дело – тысячу лет назад. Тогда человек жил в своей деревеньке и не знал, что происходит дальше радиуса в 50 километров. Сегодня же телевидение, газеты, интернет объединяют нас со всей планетой. И поэтому катастрофа, произошедшая где-нибудь в Южной Африке, тут же становится известной нам. Число природных катастроф не возрастает, но растет информационный вал, потому и кажется, будто все идет не так, все плохо.

Мы бессильны перед этим страшным миражом потому, что мы не любим Христа. Люди не умеют жить ради Христа и, видя эту свою немощь, мечтают о том, чтобы хотя бы умереть ради Него. Хотят ощущать себя жертвами (психология жертвы – это пассивная психология, это психология неумехи). И видеть всюду какие-то страшные угрозы.

"Эсхатоложники" всюду видят только зло – а потому и сами живут в страхе и сеять умеют только страхи и вражду. Скажите, вы много знаете храмов, где можно купить книгу о Христе? Про антихриста – запросто. По 10 книг на каждом церковном лотке, а про Христа – ни одной. Это уже наш диагноз.

Даже в официальном документе – в рекомендациях III миссионерского съезда – пришлось сказать: "Восстановление христоцентричности церковного сознания невозможно без осознания всеми прихожанами того, что христианство есть пребывание в Теле Христовом". Но если что-то «надо восстанавливать», значит это что-то разрушено, утрачено... Если в начале третьего тысячелетия христианской истории приходится призывать к «восстановлению христоцентричности церковного сознания», значит, отчего-то в этом сознании Христос оказался потеснен... Чем? – В том числе и страхами...

Кстати, важно помнить прошлые не только природные, но и церковные катастрофы. Есть один опасный стереотип в нашем церковном мышлении. Человек, когда входит в Церковь, знакомится с житиями святых, с семинарскими версиями истории Церкви. И возникает иллюзия, что вот раньше-то – что ни монах, то преподобный, что ни епископ, то святитель. А сегодня? "Оскуде преподобный", конец света настал. Чтобы таких иллюзий было поменьше – стоит помнить не только о светлых страницах церковной истории. Например – как святитель Василий Великий в IV веке описывал современную ему церковную жизнь: "Ты спрашиваешь меня, как обстоят дела в Церкви. Я отвечаю: в Церкви все обстоит так же, как и с моим телом – все болит и никакой надежды".

Есть известный принцип: чтобы не разочаровываться, не надо очаровываться. Хочешь остаться в Церкви? Умей любить ее и в непогоду.

– Но ведь вроде бы уже начали восстанавливать Храм в Иерусалиме...

– Не надо верить слухам. Да, летом 2002 года была попытка заложить камень в фундамент "Третьего Храма" (первый построил Соломон, затем он был разрушен и восстановлен; в этот "второй Храм" и входил Христос, и снова он был разрушен в конце I века). И новость эта сразу пронеслась по православным интернет-страничкам и газетам. Но это только половина правды. Полная правда такова. Камень был положен не на месте старого храма, а на обьездной дороге вокруг стен старого Иерусалима. Акция эта была предпринята не государственной израильской структурой, а группой экстремистов. Государство Израиль им запретило проводить такое мероприятие. Поэтому уже через полчаса на место событий приехала полиция, задержала организаторов, а сам камень увезла на свалку. Опасная вещь – полуправда.

Да, вот лишь одна из новостей на тему о том, как государство Израиль стреножит своих иудеев: "На Храмовой горе арестованы два израильтянина—еврея, намеревавшиеся совершить молитву. Как

уже сообщалось, совершение религиозных обрядов иудеями запрещено условиями доступа на Храмовую гору, оговоренных с руководством мусульманского совета ВАКФ".

Еще один подобный пример. В листовках по поводу ИНН постоянно твердят про то, что в Брюсселе находится главный компьютер Европы и зовется он "Зверь". Действительно, в Брюсселе в 1973 году было открыто 13—этажное здание с компьютером внутри под названием "Зверь". Это факт. Но есть другой факт. Это здание было взорвано в 1991 году. По той причине, что оно было построено в 60—х годах по технологии с высоким применением асбеста, что запрещено современным экологическим законодательством. И только в наших листовках оно до сих пор существует и управляет всей Европой.

А иногда иннэнлисты, наоборот, строят радужные миражи в своих изданиях. Любимая их стройплощадка – Греция. О жизни в Греции очень удобно врать – далеко она, Греция, и язык там неславянский – поди проверь! И потому можно выращивать под солнцем Эллады самую развесистую клюкву: мол, "при фотографировании нового греческого электронного паспорта-карточки в инфракрасных лучах на нем проступает число 666 и изображение некоего омерзительного чудовища – сатаны" (не знаю, где найти источник инфракрасного излучения, а греческий паспорт в Москве наверняка есть у заместника афонского подворья; спрошенные же греки (православные) смеются, когда им рассказываешь об этой байке). Самая же распространенная иннэнлистская ложь о Греции – это тезис о том, что Элладская Церковь тоже выступила против «нумерации» граждан. «Элладская Православная Церковь осудила принудительное навязывание ИНН с антихристовым кодом и отказалась от его принятия».

На самом деле – вопреки заверению иннэнлистов о том, будто "Православная Греция не приняла идентификацию", что «Элладская Церковь добилась отмены обязательного присвоения личных номеров», налоговые номера в Греции существуют еще с 60—х годов XX века. Называются они там АФМ (греки называют его «афими») (*арифмос форолонкоу метроу*); поначалу он выдавался на семью, затем стал индивидуальным). Есть эти номера и у всех приходов и всех монастырей (в том числе афонских), есть они и у всех граждан Греции (в число коих входят и монахи русского монастыря на Афоне). Вот лежит передо мной билет на паром, который везет монахов и паломников к Афонской горе из Уранополиса. Корабль – «Аксион эстин» («Достоинно есть»), принадлежит Киноту Святой Горы. И на билете рядом с названием компании (Агиоритикес граммес) стоит этот самый АФМ – 099645097. Вообще ни один документ Элладского Синода просто не упоминает о пресловутых «номерах». Протест Греческой Церкви не против налоговых номеров, а против тоталитарной опасности электронного концлагеря и против использования сатанинской символики на государственных документах. И то другое справедливо и уместно – вот только последнее не вполне доказано...

Конечно, иннэнлисты не заметят и опровержения еще одного своего любимого слуха – о том, что в США правительство уже навязывает людям вживление микрочипов...

"Идея вживления под кожу идентификационной микросхемы, содержащей сведения о здоровье и банковском счете ее носителя, на деле оказалась мыльным пузырем. Реальное применение она нашла лишь в одном из ночных клубов Барселоны, для посетителей которого микрочип под кожей заменил традиционный штампик на руке. Самое серьезное фиаско выпало на долю компании Applied Digital Solutions, разработавшей в конце прошлого столетия микросхему VeriChip для вживления под кожу человека. VeriChip с личными биографическими и медицинскими данными, размером всего с рисовое зерно, быстро и безболезненно вводится под кожу пациента (пользователя?). Эта разработка в свое время казалась небесперспективной. Компания выпустила акции на фондовый рынок и в считанные дни увеличила капитализацию вдвое – с помощью много писавшей о VeriChip прессе. К тому моменту, когда американская Администрация по контролю над пищевыми продуктами и медикаментами (FDA)

начала тестирование продукта, акции компании взлетели до небес – \$160 за штуку. Обвал последовал после того, как FDA запретила использование микрочипа в медицинских целях. На остальных направлениях (использование VeriChip в качестве средства платежа и идентификационного удостоверения личности) развитие технологии застопорилось из-за проблем с защитой размещаемых на микрочипе персональных данных. Акции ADS упали до \$2 за штуку. Сегодня в компании поняли, что технология радиочастотной идентификации не сможет претендовать на использование в качестве глобального идентификационного средства, и решили изменить позиционирование своего продукта. Сегодня микрочипы VeriChip вживляются посетителям одного из испанских ночных клубов для оплаты прохода и напитков в баре заведения".

"Сразу вслед за презентацией изобретения чиновники из FDA (Food and Drug Administration, Управление по контролю за продуктами и лекарствами США) всерьез обеспокоились происшедшим. FDA утверждает, что ответ на электронное письмо из Applied Digital Solutions, в котором содержалась просьба благословить VeriChip на массовые продажи, был совершенно определенным. То есть компания вправе предлагать на рынке свое изделие, если только это не предполагает, Во-первых, хранение в памяти чипа медицинской информации и, Во-вторых, если чип не будет использоваться для связи с базами медицинских данных. В противном случае VeriChip должно пройти крайне непростую – т.к. устройство не имеет аналогов – процедуру сертификации. Теперь если FDA признает VeriChip медицинским прибором (а именно к этому идет дело), компания Applied Digital Solutions будет обвинена в нарушении закона. Это грозит \$1 млн штрафа. А у компании и без того серьезные финансовые проблемы. Разработка VeriChip осуществлялась на \$83.2 млн., взятых в долг у IBM. Сроки погашения кредита уже прошли, и новое соглашение предусматривает выплату 17% годовых. К 28 февраля будущего года Applied Digital Solutions должна вернуть 40% кредита плюс \$14.45 млн. в виде процентов. Компания выпустила свои акции в 1996 году, но с тех пор так и не получила прибыли. В день, когда пришло сообщение о начале расследования FDA, капитализация производителя скандального чипа уменьшилась на 50%. А в настоящее время, как сообщает techtv.com, на бирже Nasdaq и вовсе остановлены операции с акциями этой компании".

А ведь сегодня надо быть очень осторожным и не давать ход недостоверным слухам – уж слишком много желающих подловить нас на неосторожном слове. "Многие православные христиане не любят мобильные телефоны и считают, что они от дьявола, – заявил Евгений Ициксон, генеральный директор аналитической фирмы "Сотовик". – С точки зрения нормального человека эту меру трудно понять". Вообще—то «с точки зрения нормального человека» трудно представить – как можно приписывать такую глупость народу той страны, где ты живешь... Но ведь не сам Ициксон придумал эту сплетню – где—то он ее все же услышал.

– А стоит ли читать модную «молитву задержания»? В молитвословах, изданных Патриархией, ее нет, но множество листовок призывает с помощью этой молитвы задержать приход антихриста.

– Я приведу суждение преп. Феодора Студита о сроке приходе Христа (хронологически приход антихриста и пришествия Христа тесно связаны друг с другом), а вы уж сами решайте, следовать совету святого отца или нашептыванию. листовки. "Он не поспешит, хотя бы мы и молились об ускорении, и не замедлит, хотя бы мы умоляли о том, но придет тогда, когда это полезно по праведному суду Бога, определившему все прежде сложения мира".

– Как в таком случае Вы относитесь к деятельности современных православных братств, выражающих свой протест против тех или иных действий власти крестными ходами и молитвенными стояниями?

– Если люди отстаивают свои права (например, право жить со своим именем, а не под лагерным

номером) политическим и правовым путем – я только за. Плохо, когда сугубо светским вещам пробуют придавать богословское измерение. Еще хуже, когда одни христиане начинают осуждать других христиан за то, что их позиция по этим не-церковным вопросам оказывается иной.

Та же компьютерная нумерация людей – это несомненный шаг на пути к "Матрице". Гражданская свобода людей в обществе тотального компьютерного контроля действительно окажется умалена. Но гражданская свобода и духовная свобода – не одно и то же. Нет церковной заповеди «христиане, уходите от слезки, не оставляйте следов». Не надо путать законы уголовного мира и церковной жизни. Если кто—то будет следить за мною, то это будет его грех, а не мой.

В советские времена, когда мы приходили на исповедь, ну не начинали мы исповедь словами: "Батюшка, я тяжко согрешил, я по дороге в храм сегодня от "хвоста" не оторвался!". Мы знали, что за нами следят. Но не слышали мы о том, что долга христианина состоит в том, чтобы уходить от слезки. Не надо начинать Великий пост с того, чтобы проходить с электролокаторами и обнаруживать "жучки" в своей квартире.

Да, под вездесущим глазом видеокамеры труднее будет спрятать свою веру и молитву от надзирателя. Но разве христианин должен прятать свою веру? Именно во время последней битвы никакие прятки неуместны. Тут уж "да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого" (Мф. 5, 37).

Антихриста еще нет рядом с нами (а, значит, нет и его печати). А вот Христос всегда рядом. Так что надо строить свою духовную жизнь не на побегании от фантома антихриста, а на прибегании ко Христу. По—моему, тут все просто: ты стань Божьим, а Бог своих не выдаст.

Почитаемый афонский румынский духовник Порфирий Байрактарь (сказано в 1991 г.) "однажды сказал мне: Отец Афанасий, я слеп, глаза мои уже ничего не видят. Но духовные глаза видят еще достаточно хорошо. До отхода моего как хотел бы я знать, что думает отец Эмилиан о 666 и антихристе! – И я ответил: Отец Эмилиан говорил еще в 1986 году, когда люди были встревожены Чернобылем (а находился от тогда недалеко от Афин и люди постоянно спрашивали его, пришел ли антихрист и что значит 666): "Не беспокойтесь. Мы должны заботиться о нашей связи со Христом, а антихристу не придавать слишком большое значение. Иначе он станет центром нашей жизни, а не Христос". Отец Порфирий всплеснул руками и воскликнул: "Слава Тебе, Господи, что я нашел духовного сына, который согласен со мной. Смотри, дитя мое, что сделали эти духовники здесь в мире! Смутили души, создали такие проблемы в семьях и на приходах с этим 666! Что это? Христос не желает таких вещей, дитя мое! И знаешь что? Для нас, христиан, когда мы живем во Христе, вообще не существует антихрист. Ну скажи мне, ты можешь сесть на эту кровать, где сижу я? – Нет, отче. – А почему так? – Потому что я бы тогда сел бы на вас и придавил. – А когда ты мог бы сесть здесь, на моем месте? – Только если бы вы ушли. – Вот! Так происходит и с душой. Когда Христос обретается внутри нас, как же там может быть антихрист? Но мы сегодня, дитя мое, не имеем Христа в себе и оттого боимся антихриста... Скажи, как приехал Патриарх Димитрий в Афины? – Самолетом. – Я не об этом. Какой документ был при нем? – Паспорт. – Греческий или турецкий? – Не знаю. – Как не знаешь? У него турецкий паспорт! А что является национальным символом Турции? – Не знаю, отче! – Как же так? Турецкий символ это полумесяц! А что говорили отцы нашей Церкви об этом полумесяце после появления Магомета? – Я и этого не знаю, отче! – Ох, отберу я сейчас твой диплом и порву на части. Что ж ты за богослов такой? – пошутил Старец. – Вижу, что Ваше преподобие имеет этот диплом! – Да, в сердце. Потому что полумесяц это символ антихриста. Но если полумесяц есть антихристов знак, а наш Патриарх имеет на паспорте этот символ, значит ли это, что Патриарх стал служителем антихриста? Нет, дитя мое. Ни в коем случае! Ум Христа не поврежден, не то что у нас, у людей, верящих, будто мы «защищаем права». Так и скажи отцам и людям: не бойтесь ни антихриста, ни трех шестерок!"

– Были ли в истории еще подобные деструктивные явления, как истерики вокруг ИНН?

– Думаю, что в предыдущие столетия не было и не могло быть по той причине, что все-таки была симфония Церкви и власти, была цензура и с той, и с другой стороны. А поэтому и архиереи, и обер-прокурор Синода тормозили фольклорные страхи, и благодаря этому Церковь могла спокойно жить. Наша ситуация больше похожа на до—цензурную эпоху истории Церкви, – II—III века. Одна за другой тогда рождались ереси и говорили о себе то же, что современные "ревнителю" – "мы (гностики) особо духовны, а эти чинуши—архиереи ничего не понимают, мы особо просвещенные, у нас свои откровения, свои пророки, и мы по ним будем жить". Это многих людей смущало, потому что и в Церкви еще не была ясных центров консолидации и контроля, не было и государственного стержня, который мог бы объединить. Все как сейчас...

– Что можно этому противопоставить? Активизировать прещения?

– А вы помните, как католики остановили волну Реформации? Созданием ордена иезуитов. Иезуиты работали, прежде всего, в сфере образования. Эпоха Контрреформации – время расцвета различных массовых орденов, которые дают, Во-первых, примеры повседневной социальной работы Церкви: помощь больным, страждущим. Во-вторых, в рамках этих движений миряне не только получали что-то от Церкви, но и сами активно трудились в ее проектах. Развивались массовые полумирянские движения, которые давали возможность мирянам сделать что-то самим в Церкви во имя своей веры.

Я думаю, что противостоять нашим псевдоцерковным пугателям нужно по двум направлениям. Первое – усиление церковной дисциплины: и канонической, и иерархической, и богословской. И второе – создание возможности для того, чтобы голос самих мирян мог бы звучать в Церкви. Речь о том, чтобы на приходском уровне создавались возможности для активной работы людей во имя Христовой веры. У нас сегодня предлагается во имя Христа только полы в храме подметать. Нужен более широкий веер церковных послушаний. В том числе педагогические, миссионерские и так далее.

– Вы полагаете, что здесь важны не прещения прежде всего, не наказания – а разъяснение, то есть миссионерство среди тех, кто сегодня, может быть, и сам не понимает, во что он ввязывается?

– Я как раз полагаю, что необходимы и прещение, и миссионерство. И еще очень важно отделить миссионерство от чуда. В византийские времена общим было убеждение, что апостольство есть чудо, что успех миссии зависит лишь от воли Божией. О человеческой составляющей миссии речь не шла. К вере приводят чудеса, в число которых входит и пронизанное благодатью слово апостола. Отсюда и некоторая растерянность наша перед лицом открывшихся миссионерских пространств. Из византийских житий вряд ли можно научиться миссионерской работе. Например, в первой половине 6 века появляется "Житие Симеона Горца". Симеон пробовал воцерковить детей горных селений, но родители воспротивились созданию школы – дети, мол и так при деле: коз пасут. Когда Симеон все же обещанием подарков собрал к себе детвору, родители стали возмущаться. Многие забрали детей, но те по молитве Симеона умерли, после чего остальные родители уже не препятствовали его педагогической деятельности.... А в середине 10 в. был составлен константинопольский Синаксарь, который говорит о миссионерстве св. Фрументия – апостола Эфиопии – «он не только лечил бесноватых и любые болезни, но и сам наказывал тех, кто противоречил ему и не слишком быстро принимал то, что он говорил – в кого-то он вселял беса, на другого насылал сухоту, третьему обращал глазное зрение в слепоту. Все они тотчас прибегали к его помощи и начинали веровать в Христа».

Один из очень хороших шагов в этом направлении сделан недавно: сейчас создается сеть дистанционного спутникового богословского образования. Лекции преподавателей Московской духовной академии через спутниковое телевидение транслируются на десятки семинарий и духовных

училищ страны. Это очень важно, потому что единство Церкви может обеспечить только единство образовательных стандартов. Нужно, чтобы семинаристы разных епархий одними глазами смотрели на мир и проблемы церковной жизни.

– В XIX веке русский интеллигент ассоциировался с носителем секуляризованного сознания. Как бы Вы могли определить «комплекс интеллигента» в наше время?

– Много можно было бы сказать критического о русской интеллигенции и ее путях, однако я бы хотел обратить внимание лишь на одну очевидную вещь. Интеллигенцию ругать легко, у нас много для этого поводов. Но вопрос в другом: а с кем нам говорить, как не с ней? По большому счету, сегодня только образованный человек может быть всерьез православным. Посмотрите, кто ходит в наши храмы, особенно в московские. Конечно, есть люди, которые приходят к Церкви в силу возрастной инерции: по достижении пенсионного возраста некогда стали ходить в храм их бабушки, затем – мамы, а теперь пришла и их очередь... Но если посмотреть на православную молодежь и средовеков, то мы увидим, что тут большинство составляет именно интеллигенция. Конечно, это лишь частичка интеллигенции, ее маленький процент, но все же это процент интеллигенции, а не пролетариата.

Что это означает? Прежде всего, то, что проблема "Церковь и интеллигенция", я считаю, уже давно закрыта: она переросла в другую проблему, касающуюся внутриинтеллигентских отношений – проблему взаимного непонимания интеллигенции уже религиозной и еще не религиозной, уже церковной и еще не церковной. Церковь же показала, что она в состоянии в себя принимать людей с самым обширным багажом знаний, самой утонченной культуры мысли, готова предоставлять им кафедры – как официальные, так и неофициальные (вспомним Сергея Сергеевича Аверинцева, который в течение четверти века вещал с неофициальной кафедры при полной поддержке Церкви).

– Отец Андрей, Вы – как проповедник и исследователь церковных вопросов – стоите особняком по отношению к практике современной православной журналистики. Уникальность Вашей позиции прежде всего в том чувстве бесстрашия и свободы, с которыми Вы подходите к проблемам Православия. Вы не просто обращаетесь к нелицеприятным сторонам современной церковной жизни, но часто выводите на поверхность весьма неблагоприятные моменты в истории Церкви и житиях святых – моменты, о которых обычно предпочитают умалчивать. Согласитесь, что подробности взаимоотношений св. Епифания Кипрского со св. Иоанном Златоустом или св. Дмитрия Лонского с митрополитом Киприаном могут смутить не только людей, далеких от Церкви, но и многих поборников Православия. Чем можно объяснить это бесстрашие? Что бы Вы посоветовали тем, кого смущают подобные вещи?

– Сначала давайте поговорим по поводу слова "бесстрашие". В древнерусском и церковнославянском языке значение этого слова было резко критическим и ругательным. Когда древнерусский книжник о ком-нибудь говорил, что "сей князь бесстрашен зело", то это означало, что худшей сволочи земля просто не видела. Бесстрашный – это тот, кто не имеет никакого страха, в том числе – и страха Божьего: это человек совершенно бессовестный, а значит – способный на все. Надеюсь, что не в этом смысле Вы говорите о моем бесстрашии.

Если же имеется в виду необходимость обсуждать некоторые нелакированные странички церковной жизни и в прошлом, и настоящем, то я не вижу в этом чего-то необыкновенного. Это обычная "врачебная" деятельность. Как известно, некоторые смертельно опасные инфекционные болезни предупреждаются с помощью прививок тех же самых инфекций. Так же и здесь: чтобы человек не покинул Церковь, ему нужно научиться жить в Церкви. И у нас, и во всевозможных сектах очень любят говорить о том, сколько людей обратилось, крестилось, пришло в храмы. Но давайте зададимся и другим вопросом, который вопиет к нашей совести (хотя, к сожалению, подобная статистика никем не ведется): а сколько людей ушло? Сколько людей, которые покрестились и с

энтузиазмом ходили в храмы, паломничали, исповедовались, причащались – сколько из них, скажем, спустя 5 лет продолжают вести все ту же нормальную церковную жизнь? Что касается сект, то я точно знаю, что это огромный проходной двор. К баптистам, адвентистам и прочим люди приходят, а через несколько лет уходят – наверное, и слава Богу! Но когда я оцениваю подобную ситуацию и в нашей церковной жизни, конечно же, моя оценка может быть только соболезнующей. Именно для того, чтобы человек не покинул Церковь, надо помнить одну простую истину: чтобы не разочаровываться, не нужно очаровываться. Мы живем в сложном мире, мы сами сложны, и не надо из себя делать простачков. Простецами, с простецкой верой, мы могли бы жить в каком-нибудь XVII веке, когда все придерживались традиции, руководствовались в своих поступках тем, что подсмотрели у отца или деда, и тем, что батюшка велел.

Сегодня мы не такие. Мы – люди с изломанными судьбами, с крутыми мировоззренческими поворотами. Большинство из нас даже не были рождены в церковных семьях, а пришли в Церковь самостоятельно. Мы с трудом прорывались к вере и теперь каждый день ее защищаем – прежде всего, перед самими собой, перед нашими искушениями и сомнениями, не говоря о том, что мы вынуждены отстаивать ее перед неверующими друзьями и родными или, тем более – перед антицерковно настроенной прессой. И вот в этих условиях надо уметь защищать свою веру. Что это означает? Представьте себе средневековую крепость, к которой подступают враждебные войска. Нам всем известен судьбоносный эпизод в мировой истории – битву двух императоров Римской Империи – Константина и Максентия. От исхода этой битвы зависела в том числе и судьба христианства. У Максентия была лучшая армия: с ним была преторианская гвардия, лучшие римские легионы, у него было почти двукратное численное превосходство над армией Константина. Кроме того, он защищал Рим, который – с его неприступными стенами – взять еще никому не удавалось. Но Максентий не мог остаться в этой крепости и отстаивать ее, потому что правила грамотной обороны города предполагают уничтожение всего того в его окрестностях, что может послужить осаждающей стороне. Прежде чем закрыть ворота крепости, нужно было бы сначала вырубить в округе все фруктовые сады и выжечь весь урожай, что, в свою очередь, повлекло бы за собой восстание самих римлян против Максентия на стороне Константина. Поэтому Максентий вынужден был выйти в открытое поле, где он и проиграл в битве императору Константину и воле Божьей.

Так вот, правила крепости, готовящейся к осаде, в частности, предписывают сжигать все то, что находится в окрестностях этой крепости – хозяйственные постройки, пастбища, сады и все, что поддерживало некогда жизнь городка. Хозяин крепости должен своими руками уничтожить все сарайчики, приросшие к городским стенам, не дожидаясь, пока они будут использованы для штурма враждебной армией.

Точно так же, когда мы сегодня ощущаем себя на поле риторической брани, нам следует самим иметь достаточно критический вкус, здравый взгляд и навык для того, чтобы самостоятельно оценивать доброкачественность наших аргументов. Нужно уметь смотреть на себя, на нашу веру, речь, суждения глазами тех, кто заранее с нами не согласен. Мимо того, что может не заметить и простить любящий взгляд, не пройдет взгляд критичный. И очень важно, встречаясь в очном полемическом поединке со своим собеседником по диалогу, быть готовым к любым неожиданностям.

В моей практике был один очень неприятный случай, когда я беседовал со свидетелями Иеговы у себя дома (что очень удобно: любой аргумент в споре можно наглядно подтвердить, указав на соответствующее место в книгах). Поскольку они отрицают наш догмат о Пресвятой Троице и считают, что все то, что мы читаем об этом в Послании Иоанна, – лишь позднейшая вставка Библии, то я с уверенностью достаю с полки Нестле-Аланда – издание древних новозаветных рукописей с указанием всех купюр и разночтений. С удивлением не найдя там нужной фразы, я беру толковую Библию, где в комментариях указано, что это высказывание о "трех свидетелях на Небе" впервые

встречается лишь в рукописях XIV века. Честно говоря, в тот момент я недобрым словом помянул моих благочестивых семинарских преподавателей Нового Завета, которые сочли ненужным травмировать юношеское сознание сообщением о том, что у библейского Текста существует своя история и в этой истории есть некоторые неувязки. И в итоге – по той причине, что мы в свое время не обсудили эту проблему в семинарии, – уже в реальной боевой ситуации я оказался безоружным по этому вопросу. Поэтому я считаю, что некоторые вещи надо самим честно замечать и обсуждать в своей среде. Тем более, что Священная История никогда не уходит в прошлое и всегда с нами длится – уже как История Церкви. И поэтому те ситуации, те межчеловеческие отношения, конфликты, которые бывали, в том числе, и между святыми, возможны и в наше время. И сегодня люди, чрезвычайно уважаемые, с личным духовным опытом – старцы, благочестивые архиереи и святые Отцы в высшем смысле этого слова не всегда приходят к согласию. Даже у них случаются разногласия по тем или иным вопросам, а иногда – даже какие-то личностные неприятия. Когда видишь такого рода вещи – так же, как и любые другие болячки современной церковной жизни, – то важно помнить мудрость Экклезиаста: "и это было". Я нахожу некоторое утешение в знании церковной истории: оно помогает понять, что, говоря словами святого Макария Великого, "ныне и Бог Тот же, и Иов тот же, и сатана тот же". Никаких новых искушений в нашей жизни не появилось. Поэтому если Господь долготерпел беззакония наших предшественников, то будем надеяться, что Он потерпит и наши беззакония и продлит еще время земного странствия Своей Церкви.

– Сейчас очень распространен акафист Царю-мученику, и в связи с ним возникло много недоумений, ведь Святейший Патриарх не благословил этот акафист?

– Да, я не раз слышал об этом от Патриарха на епархиальных собраниях московского духовенства. На одном из этих собраний Патриарх сказал, что если он увидит в каком-нибудь храме книги, в которых Николай II именуется Искупителем, то будет рассматривать настоятеля этого храма как проповедника ереси. У нас один Искупитель – Христос.

Есть акафист Царственным мученикам, изданный Патриархией, но есть и очень много самиздата.

Богословие для того и существует, чтобы анализировать благочестивые тезисы, потому что любая ересь начинается с благочестивого утверждения. Если бы оно было неблагочестивым, кощунственным с самого начала, оно бы никого не прельстило, его бы отторгли. Легко сказать, что "Христос – Бог, человеческая природа в нем растворилась, она была преображена в Божестве, как океан поглощает капельку воды". Красиво, благочестиво. Но когда начинаешь это логически продумывать дальше, тут выясняется, что из этого красивого тезиса следуют выводы, потрясающие сами основы нашей веры. Поэтому и была отвергнута эта вроде бы благочестивое учение монофизитов...

Точно так же, я думаю, и с отношением к подвигу Царской Семьи. То, что выражается в этих бесцензурных акафистах, ставит ряд вопросов о самой сути христианства. Скажем, если мы называем царя "искупителем", пусть даже грехов русского народа, то это означает, что на Голгофе Господь принес Себя в жертву во искупление грехов всего мира, за исключением русского народа.

Семинаристам я обычно так поясняю, в чем излишность такого рода воззрений: из Европы идут сведения, что католики готовятся принять новый догмат; в этом догмате они собираются объявить Божию Матерь Соспасительницей. Конечно, православные семинаристы взрываются – "какие нехорошие католики, до чего они дошли, у нас же один Спаситель – Христос". И далее остается спросить: а как же тогда относиться к нашей доморощенной догме о "Царе-Искупителе"?... Приходится с грустью констатировать, что принцип "свои носки не пахнут" порой действует и в богословии.

Это понятный закон общественной психологии – из крайности в крайность бросаться. То "Николай кровавый", а то "искупитель всего русского народа" и чуть ли не человечества.

– А в чем причины такого положения: желание выделиться?

– Думаю, что причина в нашей собственной болезни. Это попытка компенсировать утрату главного: радости от своей молитвы.

И вот когда у человека молитва или исчезает или еще не сформировалась, тогда он начинает придумывать для себя какие-то сублимирующие приделки, какие-то поводы для своего активизма. И это может быть все, что угодно. Человек может, например, вдариться в административно-хозяйственную деятельность, стать церковным прорабом. Такой труд в Церкви нужен, но если он заменяет молитву, то это уже духовная болезнь. Человек может удариться в богословие, читать и даже писать книжки. И богословие может быть болезнью, когда речь о Боге заменяет речь к Богу. И, наконец, самое излюбленное сегодня искушение – спасать Православие. Вместо того, чтобы самому жить православно.

– **Вы читали акафист Игорю Талькову?**

– Не читал, а просматривал. Простите, на церковном языке *читать* значит *молиться*. Нет, я не молился, конечно, я видел его и пролистывал. Стыдно... Я же помню его книгу «Монолог»: «Я изучал астрофизику и психологию, увлекаюсь философией, поэтому для начала поделюсь тем, что меня глубоко заинтересовало и взволновало. Вот несколько выдержек из расшифровки трансцендентальных, летящих на Землю из Космоса сообщений в вольном переводе человека— биопсихоприемника, экстрасенсора в четвертой ступени: “Дела земные плачевны. В момент скатывания Земли в предыдущий неузловой микроярус столетней цикличности произошло событие непредвиденное и роковые – были повреждены защитные, установленные высшими силами, инфернобарьеры и психополя, в результате чего над территорией России в предохраняющем слое образовалась дыра, связующая Земной Мир с миром потусторонним... Пространство отпустило бесконечно малый срок – десятилетие. Сверхпространственный туннель не закрыт, дыра расширяется”». Оккультизм, однако...

У него были дивные песни, но любовь к России еще не повод к канонизации...

– Люди сейчас ищут в разных явлениях – природных, социальных, в той же трагедии 11 сентября, признаки конца света. А как Вы считаете, есть ли хоть какое-нибудь основание думать, что мы живем в конце времен?

– Пророчества – это отдельная тема. Но раз уж мы заговорили об этих терактах 11 сентября и нашей реакции на них, то мне бы хотелось обратить внимание на некую двуличность российской политики в этом вопросе. Потому что, с одной стороны идет официальное осуждение терроризма, правильные слова о том, что терроризм – в любом облики терроризм, и с ним надо бороться, а с другой стороны идет государственная политика поощрения терроризма. Я имею в виду то, что в наших городах до сих пор масса улиц и площадей носят гордые имена террористов – начиная от улицы Робеспьера, кончая улицей Свердлова, Урицкого, Халтурина, Войкова (убийцы царской семьи, т.е. детей). До той поры, пока наши дети будут воспитываться на мифе о том, что Николай II был кровавым диктатором (“кровавость” которого состояла только в том, что он пытался усмирить волну терроризма, “бомбистов” – эсеров, которая разгулялась в России в 1905—1907 годы), до той поры, пока учителя наших школ будут смотреть на историю России глазами террористов, ее разбомбивших, до той поры все эти критические выпады в адрес глобального терроризма не будут выглядеть искренними.

– **Отец Андрей, в Ваших исследованиях Вы часто делаете прогнозы. Скажите, ошибались ли Вы когда-нибудь в Ваших прогнозах?**

– Конечно же, я ошибался, и полагаю, что не один раз. Например, в период кризиса между Московским Патриархатом и Константинопольским я высказал предположение в журнале "Москва",

что за этим стоит некая сознательная акция со стороны обеих сторон для того, чтобы в период этого раскола, когда наша Церковь формально с Константинополем не связана, Константинополь принял бы какие-нибудь радикально-экуменические решения и мог бы проголосовать за то, за что представители Московской Патриархии никогда бы не проголосовали... Это был период моего гипер-критического отношения к деятельности отдела внешних церковных сношений. Этот сценарий, как оказалось, ничего общего с реальностью не имел. Тогда я ошибся в своих прогнозах. Прошу прощения у митрополита Кирилла...

ОПРИЧНАЯ РЕФОРМАЦИЯ

Много лет я читаю лекции по технике религиозной безопасности. Конечно, на этих лекциях речь шла о сектах. Сейчас же в этом моем курсе приходится писать новую главу. Оказывается, мало прийти в Православную Церковь. Затем вырастает не менее трудная задача – как выжить в Православной Церкви.

С одной стороны – как не утратить человечность, не превратиться в какую-то неуютливую мумию. С другой стороны – как остаться в Церкви, не попав в псевдоправославную секту.

Сектанство – это не только те или иные кружки, которые собираются по домам культуры и кинотеатрам. От психологии сектанства не защищен и православный человек, и православный монах, и православный священник.

Самое тревожное мое наблюдение последних лет состоит в том, что сейчас, в начале XXI века, наша Православная Церковь оказалась на пороге не то что раскола, а гораздо более серьезной вещи. Я считаю, что на наших глазах начинается русская реформация.

В Европе Реформация произошла пять веков назад. У нас она припозднилась: ждала, пока не ослабнет государство. Пока была государственная власть с ясной и жесткой религиозной политикой (сначала православной, потом – атеистической), мирянский активизм осаживался. Теперь этот удерживающий отошел. И мы увидели лицо "русского бунта". Лицо Григория Распутина и Пелагии Рязанской.

Издания типа "Русский вестник", "Русь православная" "Жизнь вечная" и просто "Жизнь" – вот буревестники Русской Реформации. Опричной Реформации.

Просто не надо обманываться видимостью. Реформация – это не борьба с иконами, это не утверждение тех или иных лютеранских догматов.

Реформация – это всего-навсего антииерархическое движение мирян. Это бунт мирян против церковной иерархии, это мирянское движение, разворачивающееся под лозунгом: "Иерархия, дай порулить!"

Люди сами себя объявляют цензорами, защитниками и очистителями христианской веры и традиции, и такое самосознание дает им в их собственных глазах право на весьма радикальные суждения и действия. Дух реформации – это именно дух, это некая психология, самоощущение.

Реформаторы XVI века не считали себя модернистами. Лютер был убежден, что восстанавливает учение Церкви эпохи апостолов и Вселенских Соборов. Так и нынешние русские реформаторы убеждены в своей собственной традиционности и ортодоксальности. Но на деле за каждым их шагом стоит глубочайшее недоверие к движению церковной истории и к церковной власти. Более того, кажется, и "опричный царь" им нужен лишь для того, чтобы найти управу на непослушного им патриарха.

Сегодня трудно не заметить, что те люди, которые громче всего заявляют о себе как о "православных монархистах", ведут себя странно как по меркам православным, так и по меркам монархическим. Весьма громкая часть людей, декларирующих свое мировоззрение как "православно-монархическое", группируется вокруг таких изданий, от которых за версту несет банальной диссидентщиной (вроде "Руси Православной"). Я не буду здесь излагать принципы иерхического устройства церковной жизни. Я не собираюсь вступать в спор с монархическими убеждениями наших реформаторов. Я просто прошу их подумать: а их собственное поведение хоть как-то совместимо с этими убеждениями?

По верному слову Толкиена: "Те, кто защищает Право от бунтовщика, не должны бунтовать".

Монархия есть отсечение своей воли, вверение ее Промыслу Божию, который держит "сердце царево в руке Божией" (Притч. 21,1). В монархию нельзя входить с демократически-изобличительными рефлексам. Надо заставить свои пальцы разжаться из фиги, в которую они срослись за годы совласти и демократии, в раскрытую ладонь, готовую как Промысл Божий принять все, что будет сказано с престола.

Вот как святитель Филарет Московский еще в прошлом веке укрощал диссидентские похоти подданных Империи: "Заповедь Господня не говорит: не восставайте противу подлежащих властей. Заповедь говорит: *не прикасайтесь* даже так, как прикасаются к чему-либо легкомысленно, по неосторожности. Когда подвластные видят дело власти, несогласное с их образом понятия, как стремительно исторгаются из уст их слова осуждения! Как часто не обученная послушанию мысль подчиненного нечистым прикосновением касается самых намерений власти и налагает на них собственную нечистоту! Клеврет мой, кто дал тебе власть над твоими владыками?" "Дух порицания бурно дышит в области русской письменности. Он не щадит ни лиц, ни званий, ни учреждений, ни властей, ни законов. Для чего это? Говорят: для исправления... А что в самом деле должно произойти, если все будет обременено и все будут обременены порицаниями? Естественно, уменьшение ко всему и ко всем уважения, доверия, надежды. Итак, созидает ли дух порицания, или разрушает?" "Должно, говорят мудрецы века сего, повиноваться общественным властям на основании общественного договора, которым люди соединились в общество и для общего блага общим согласием учредили начальство и подчиненность... Никто не может спорить против того, что начальный вид общества есть общество семейное. Итак, младенец повинует матери, а мать имеет власть над младенцем потому ли, что они договорились между собой, чтоб она кормила его грудью, а он как можно меньше кричал, когда его пеленают? Что, если бы мать предложила младенцу слишком тяжкие условия? Не прикажут ли ему изобретатели общественного договора идти к чужой матери и договариваться с нею о его воспитании?"

Правила жизни в монархическом обществе предполагают, что надо всегда соблюдать заповедь "начальствующего в народе твоём не злословь" (Деян. 23, 5). А это значит, что порой необходимо отказывать себе в удовольствии критиковать царя даже тогда, когда он очевидно неправ. Напомню, что когда прп. Максима Исповедника обвиняли в том, что он верит не так, как верит император, то Максим оказался в весьма непростой ситуации. Патриций Троил спросил преподобного: "Но разве ты не анафематствовал типоса (императорского указа, содержащего ересь – А. К.)?" Старец отвечал: "Анафематствовал". – "Но если ты, – сказал Троил, – анафематствовал типос, то, следовательно, и царя?" – "Царя я не анафематствовал, а только хартию, ниспровергающую православную и церковную веру". Вряд ли этот ответ можно назвать логичным или искренним. И в итоге прп. Максим был все же осужден как политический преступник, как хулитель "царского величия". И потому даже VI Вселенский Собор, приняв учение Максима, оправдав его учителей и осудив его противников, тем не менее не рискнул оправдать самого Максима лично. Его имя даже не упоминалось на этом Соборе...

Готовы ли сегодняшние монархисты к такой осторожности, к такой аскезе? Готовы ли они не

указывать перстами на промахи и не кричать об ошибках (действительных или мнимых) “начальствующего в народе” – хотя бы только в народе церковном?

Сегодня в России нет монархии. Но это не означает, что в ней нет иерархии. Отсутствие самодержавия в России не означает, что с православного человека снята обязанность научения послушанию. Просто школа послушания теперь находится в самой Церкви. И тот, кто не смог по-"монархически" жить в Церкви, не сможет жить по-"монархически" и в самодержавнейшем государстве. Тот, кто дерзит Патриарху, будет дерзить и монарху. Если наши монархисты не могут наложить на себя обет воздержания от критики Патриарха, – как же они смогут воздержаться от критики монарха?

Люди, имеющие потребность и воспитавшие в себе навык постоянного выискивания поводов для оппонирования властям (как светским, так и церковным) – неужели же они смогут приучить себя к воздержанию от критики после введения в России монархического правления?

Да их пикеты окажутся на Сенатской площади не позднее 25 декабря того года, когда в России вдруг будет восстановлена монархия! Почему именно в этот день? – Да потому, что в этот день СМИ объявят, что накануне государь Всероссийский послал рождественское поздравление своей царственной родственнице королеве Английской и другим царствующим домам Европы. А в телеграммах пожелал Божией помощи и прочее. Ну как тут не обвинить православного царя в ереси экуменизма! Вместо того, чтобы обличить английскую королеву в новостильно—протестантской ереси, шлет ей братское приветствие! Сердца наших "опричников" не вынесут такого.

Свт. Филарет говорил, что дурной гражданин земного отечества неблагонадежен и для Отечества Небесного. По этой же логике можно сказать, что тот, кто был дурным гражданином церковного сообщества, не станет добрым подданным и сообщества граждански-монархического. В патриаршей Церкви сегодня явлен опыт монархического устройства общества. Ту малую толику послушания, которую церковная иерархия возлагает на верующих, – многие наши “монархисты” не могут вынести. Неужели же они смогут безропотно жить в монархическом государстве?

Вот изложение Патриархом очевидной нормы жизни в Церкви: “Решения Соборов, священного Синода, выступления Предстоятеля Церкви по церковным вопросам – это официальная позиция Церкви, которая должна быть ориентиром для клириков, состоящих в ее юрисдикции. Лица, имеющие иные мнения, по меньшей мере обязаны воздерживаться от публичного оглашения их”.

Но сколько же сегодня православных “фундаменталистов”, которые о высшей церковной власти упоминают лишь для язвительной критики (“этот Ридигер”)! Наши “традиционалисты” не замечают, что никак не в традиции Церкви перетолковывать слова и действия Патриарха в наихудшем свете. Вспомним остроумное замечание святителя Филарета об “общественном договоре” между матерью и младенцем. Разве станет оно менее справедливым, если вместо матери мы в нем помянем отца? Патриарх же – “первенствующий из отцов”. Тем более странной эта ситуация выглядит ввиду того обстоятельства, что многие из тех, кто сегодня нападает на Патриарха за его якобы недостаточное Православие, были духовно еще даже не зачаты и не рождены в тот год, когда Собор избрал митрополита Алексия на Патриарший Престол. Они тогда еще были атеистами. Но сегодня они готовы диктовать и Патриарху, и духовным академиям – что считать Православием, а что ересью.

Более того – иерархический инстинкт у многих нынешних неопитов монархизма атрофирован настолько, что они сами готовы экзаменовать церковных пастырей! Давно уже прозвучал призыв свт. Григория Богослова: “Овцы, не пасите пастырей!” Давно уже святитель Василий Великий возмущался ситуацией, при которой “человек, недавно принявший на себя труд проникнуть в жизнь христианскую, а потом возмечтавший, что принесет ему некоторую честь столкновение со мною, слагает, чего не слышал и рассказывает, чего не понял”. Давно уже прп. Феодор Студит увещевал – «Разве

позволительно нам, не имеющим никакого жребия священства, а только монахам (в то время как истина не подвергается опасности), присвоив себе священное звание, составлять окружное послание и в нем восставать против иерархов и священников, монахов и игуменов, издавать частные законы из собственного сердца и притом подвергать укоризнам и обидам, осуждениям и отлучениям?... Осмелится ли кто-нибудь, принадлежащий к числу воинов, составив от себя царскую грамоту, провозглашать то и это и укорять высших, будто они поступают неправильно и безрассудно? Если кто сделает это и будет обличен, то его тотчас возьмут и отведут на смертную казнь; неужели же не подвергнется наказанию по суду Церкви простой монах, осмелившийся подобно этому?... Или ты не читал, что всякий, восшедший на чужое епископское место, подвергается отлучению. А тебя, брат, кто поставил законодателем в Церкви Божией, тогда как ты, может быть, еще не научился и повиноваться?... Но, говоришь ты, – возревновал я о Господе (3 Цар. 19,10) и усматриваемое невыносимо. А где у нас, почтеннейший, дар пророчества? Где гора Кармил? Где ключи небесные? Где милость, разделяющая Иордан, ниспавшая на Елисея с сугубой благодатью?».

... В дни работы Архиерейского собора в октябре 2004 года митрополит Воронежский Сергей решил подойти к пикетчикам, что стояли напротив входа в Зал церковных соборов. Когда он приблизился к этой группке, одна из пикетчиц сунула ему в руку листовку со словами: "Возьми, почитай!". Ее соседка смутилась от столь резкого обращения и робко заступилась: "Ну, зачем же так грубо! Это ведь, быть может, батюшка!". На что первая активистка отрезала: "Да какой же это батюшка! У него же панагия висит! Не видшь, што ль? Это ж епископ!".

Порой дух революционного модернизма, в одержании которым маются некоторые "ревнители церковных канонов", проявляет себя вполне открыто:

"Нам представляется весьма конструктивным это конкретное предложение об удалении рядовыми мирянами неправославных по духу и убеждениям епископов из православных епархий. Хорошо бы это предложение начать претворять в жизнь!... К сожалению, среди современного духовенства и простых верующих довольно широко распространено бездумное преклонение перед церковной иерархией. Почитание епископата простирается до фактического признания за ним непогрешимости. Так, богослов-модернист диакон А. Кураев предлагает нам считать "голосом Церкви" исключительно суждения Патриарха и епископата (см., напр., его кн. "Сегодня ли дают печать антихриста?", 2001 г., стр. 15). В условиях апостасии это заблуждение становится одним из самых опасных. Подчинение Богу, послушание и служение Ему заменяется служением человекам, находящимся на вершине церковно-управленческой пирамиды. Процесс этот инициировал католицизм, а в глобальном смысле он найдет свое завершение в царстве антихриста".

"Мне видится лишь один путь возрождения русской монархии – партийно-вождистский. Все эти игры в возвращение "бывших", в "избрание Царя" и прочие современно—"монархические" штучки—дрючки есть самая настоящая политическая декангентщина, превращающая сторонников Реставрации в кучку ностальгирующих чудиков. В стране должна быть создана мощная национал-революционная партия орденского типа, партия, вооруженная детально разработанной правой идеологией. Она тайно или явно будет под руководством молодого и энергичного Русского Вождя, чей образ великолепно описан Шульгиным: "*националист по убеждениям и большевик по темпам работы*". Вот он—то и есть Русский Православным Царь, власть которого освятит Церковь. Партия национал—революционеров будет представлять собой Лучших из Лучших, она составит ядро будущей русской национальной аристократии. У нее будут свои вооруженные силы, своя служба безопасности, свои орденские территории. Она превратится в Опричнину, возвышающуюся над Земщиной".

Ясное дело: хорошо зафиксированный пациент в анестезии не нуждается.

И сказочки у этих опричников соответствующие: "...И тут очнулись русские люди,

обрадовались, помолились Богу и Он дал им Грозного Царя. Теперь на том Царстве Грозный Царь всех колдунов и вещунов на кострах сжигает. Конец и Богу слава!".

И эти люди смеют прикрываться именам Алексея Хомякова! Для славянофилов основа церковной соборности – свободное единение любящих людей. Соборное единство есть "единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви". Но в нынешних «соборных опричниках» не чувствуется ни любви, ни умения дорожить свободой других людей.

Революционные амбиции "ревнителей православного благочестия" порой проявляются столь ярко, что отпугивают даже близких им людей. Обозреватель "Русской линии" Анатолий Степанов, побывав на Съезде Православных братств, счел нужным публично отстраниться от недавних своих соратников: "22 ноября 2004 года в Москве в здании Союза писателей России проходила годовая Конференция Союза Православных Братств. В зале собралось около 150 человек, среди них известные в православно—патриотических кругах деятели: лидер Союза "Христианское возрождение" Владимир Осипов, настоятель храма Св.Никола на Берсеневке игумен Кирилл (Сахаров), священники Сергей Зинченко и Александр Васькин, писатель Михаил Назаров, литературовед Марк Любомудров, филолог Татьяна Миронова, издатели журнала "Первый и последний" Константин Гордеев и Вячеслав Манягин, атаман Терского казачьего войска Михаил Инкавцов, публицист Юрий Агеев, издатель Юрий Самусенко, художник Игорь Мирошниченко и др. Председательствовал на конференции руководитель СПб и Союза хоругвеносцев Леонид Симонович. Если попытаться сформулировать лейтмотив выступлений на конференции, то его можно выразить словами – "курс на революционное Православие". Самые яркие выступления, прозвучавшие на конференции и получившие поддержку зала, были именно такими. Тон задавала, пожалуй, Татьяна Миронова. Она заявила, что нам, православным, нужно "сделать выбор: либо мы идем за этой властью, которая взяла курс на геноцид русского народа, либо мы должны бороться с властью". Священноначалие нашей Церкви, по словам Мироновой, тоже виновато в геноциде русского народа, а потому "вместе с этой властью должно разделить ответственность за геноцид". Однако Миронова пошла дальше обличений власти и церковного священноначалия. Дальше – в область вероучения. По ее мнению, нам, православным патриотам, мешает "неправильное понимание" некоторых истин нашей веры. Татьяна Леонидовна призвала изживать это "неправильное понимание", поскольку, мол, это сдерживает активность православных "в деле борьбы с этим режимом". Что же нам, православным, мешает? Оказывается, вот что: Во-первых, добродетель послушания, Во-вторых, добродетель терпения, в—третьих, добродетель непротivления. Ну и, разумеется, нам очень мешает "неудачное выражение" апостола Павла, что "нет власти, аще не от Бога" (Рим., 13, 1). Позиция четкая и ясная. Можно сказать, что начертана программа революционной борьбы с властью под лозунгами Православия, настоящее "революционное Православие". Показательно, выступление Татьяны Мироновой было поддержано многими выступавшими на конференции Союза Православных Братств. Некоторые, как известный идеолог и публицист Михаил Назаров, "полностью присоединились" к выступлению Мироновой. Некоторые выступили, по сути, с аналогичными идеями, но говорили другими словами. Некоторые пошли дальше, логически продолжив мысли Мироновой, как представитель РНЕ Ф.Кириянов, который начал обличать Святейшего Патриарха Алексия II (в выступлении Мироновой содержалась только общая критика священноначалия), припомнив пресловутую речь перед раввинами. И практически никто не противоречил тем идеям, с которыми выступила Т. Миронова".

А вот уже не пересказ, а прямой текст "православных революционеров": "На нынешние "соборы" толстопузых начальников нам должно быть наплевать!".

Есть три признака, по которым можно отличить человека, уже зараженного реформацией, от традиционного церковного человека.

Первый симптом определяется по тому, какой смысл он вкладывает в слово "соборность".

Есть у историков науки такая шутка: величие человека измеряется тем, насколько он затормозил развитие своей науки. Это больше, чем шутка. Авторитет подлинно великого ученого столь огромен, что многие поколения аспирантов чахнут в его тени, не смея поставить под сомнение теории великого мэтра.

Велики были русские славянофилы 19 века. Искренние, мужественные, верующие и умные люди. Велики их заслуги перед Церковью. Но и рану русскому богословию они нанесли незаживающую. Они (и прежде всего – А. С. Хомяков) спрофанировали богословский термин "соборность". Богословский термин они перевели на язык этнографии и социологии, отождествив соборность и общинность.

До революции богословские труды Хомякова издавались с предупреждением от церковной цензуры – неточность выражений автора вызвана тем, что он не имел богословского образования... "Официальное школьное богословие хомяковская соборность пугает", – писал Николай Бердяев. Бердяевская интонация и оценки – это одно, но сам факт настороженного отношения академического богословия к теологическим опытам Хомякова Бердяев отметил точно.

Академическое богословие совершенно справедливо не усматривало никакой связи между "соборностью" и соборами как органами управления Церковью. Достаточно посмотреть "Катехизис" св. Филарета Московского.

Славянское слово "соборный" – это не вполне удачная попытка перевести слово греческое "кафоликос". Вряд ли можно утверждать, что именно учителя славян свв. Кирилл и Мефодий перевели греческое слово "кафолики" как "соборный".

В большинстве древних славянских текстов слово *кафолики* оставалось без перевода. Лишь в XIV—XV веках слово *соборный* вытесняет *кафолический*. До той поры оно было лишь одним из многих славянских конструкторов, которыми пробовали передать смысл греческого оригинала: *мирским, вселенскъ, обьщъ, всьчьск*. В исповедании веры митрополита Киевского Илариона (1052 г.) говорится – «К кафоликии и апостольстей церкви притекаю». Судя по этому разнобою в терминах, не Кирилл и Мефодий стоят у перевода «соборная».

В конце концов, это просто затемняющий перевод греческого термина. Для древних славянских книжников эта неправильность была неизбежной по той причине, что наиболее точный смысл слова "кафоликос" – "вселенский" был уже занят совсем другими денотатами. Термин "вселенная" воспринимался как синоним Византийской империи (а славянские идеологи не хотели считать свои земли частью греческой империи), и вселенской церковью называла себя именно и только патриархия Константинопольская.

Славянское слово "соборный" было бы хорошим переводом греческого слова "синодикос", поскольку *собор* по гречески – *синод* (буквально со-путие, «идущие вместе»). А вот слово *кафоликос* надо было бы перевести как-то иначе.

Слово "олос" в классическом греческом языке означает *целый, цельный, полный, совершенный, весь*. Соответственно, «каф-оликос» означает *всеобщий*. У Аристотеля «кафолико лого» значит "вообще говоря (в смысле «общее правило»)." «Кафолу» же означает «всеобщий».

Философы словом *кафоликос* пользовались для обозначения предельных реалий. Зенон писал трактат об универсалиях, *кафолика*. При этом универсальное понималось как нечто единственное, его нельзя было путать с суммой. Это то целое, которое прежде и первичнее своих «частей», то целое, которое придает смысл и бытие своим компонентам.

Прекрасно это выразил Честертон: "Церковь – не клуб! Если из клуба все уйдут, его просто не будет. Но Церковь есть, даже когда мы не все в ней понимаем. Она останется, даже если в ней не будет ни кардиналов, ни папы, ибо они принадлежат ей, а не она – им. Если все христиане умрут, она останется у Бога". Единство и целостность Церкви строятся сверху: Единый Бог дарует Себя и Свое единство людям...

И все же слово *кафоликос* слишком непонятно: предлог «ката» означает – по; корень «ол» – все... Получается – «повсемный». Но по чему – по всему?

Было время, когда и на Западе и на Востоке слышался одинаковый ответ на этот вопрос: "Церковь называется соборною потому, что она в целой вселенной, и потому, что во всеобщности и без всякого опущения преподает все, долженствующее входить в состав человеческого ведения. Наконец, потому, что как повсеместно врачует она всякого рода грехи, так в ней же приобретает все, именуемое добродетелью" (свт. Кирилл Иерусалимский). «Церковь называется кафолическою потому, то она совершенна в целой общности своих членов, и не заключена ни в ком из них, и что распространена по всему миру» (блаж. Августин).

Но необходимость борьбы с локально-ограниченными африканскими сектами заставила Августина сместить акцент в этой формуле. Неправда раскольников-донатистов кажется ему очевидной – ведь за пределами Африки их учение не имеет сторонников. "Вы под свойством веры кафолическая понимаете обязанность выполнять все заповеди Божии и таинства, а не распространение ее по всей вселенной" – ставил на вид донатистам блаж. Августин.

Донатисты же считали себя верными традициям и утешались тем, что с ними старина, а не большинство современников. На карфагенском соборе 411 года донатист заявил: "Вселенская церковь основана не на множестве отцов, а на чистоте и неповрежденности таинств". В общем эта позиция верна. Она и стала главенствующей в богословии Восточных Отцов. «Один человек плюс Бог – это уже большинство» – так понимается кафоличность в Православии. Пусть даже Максим Исповедник (или Марк Эфесский) один, но если с ним Бог, то это уже большинство. Таково вертикальное измерение соборности и кафоличности.

На Западе все больше акцент делался на географической эйфории. Приводя цитату из документов Второго Ватиканского собора, современный католический автор, например, пишет: в этом тексте "показана реализация в католической Церкви признака католичности и основные его составные моменты: множество членов и широкое общественно-географическое пространство. Это достаточное основание считать, что данная Церковь обладает действительно реализующимся признаком католичности".

Для Востока Церковь соборна по вертикали, ибо "держит собор" с Богом; для Запада – по горизонтали, ибо ее голос слышен повсюду. Но как бы ни различались понимания кафоличности на Востоке и на Западе, нигде до славянофилов кафоличность не понималась как демократическая общинность, как участие "церковных журналистов" и пономарей в работе Архиерейских Соборов.

Церковь соборна с минуты Пятидесятницы. Она была соборной и во II и III веках – от апостольского собора до эпохи вселенских соборов. Церковь в это время жила, не управляясь какими-то великими соборами, и тем не менее соборность Церкви, как ее онтологический атрибут в ней оставался.

В Российской империи в XVIII—XIX веках не было соборов. Тем не менее и наша Церковь оставалась соборной, опять же не по способу избрания главы, и не по процедуре принятия решений, а потому, что там, где Господь пребывает со Своей Церковью, там Церковь кафолична. Тогда она содержит всю полноту благодати, полноту таинств, независимо от того, как избирается Патриарх.

Соборность – онтологическое свойство Церкви, а не указание на образ управления ею.

Тезис об "умалении соборности" в Церкви равнозначен тезису об уходе из нее Духа Святого, то есть тягчайшему из возводимых на Нее обвинений. Та соборность нашей Церкви, о которой говорит Символ Веры, означает целостность Церкви, ее единство с Ее Главой. Кафоличность (букв. "повсемность") означает то Целое, которое первичнее своих частей. Это единство Церкви с Ее Главой. Здесь нет намеков ни на какие референдумы, нет указаний на зависимость Церкви от какого бы то ни было технического способа принятия в ней решений.

Тот же, кто говорит, что "для возрождения соборности" нужны референдумы и съезды церковных депутатов, показывает лишь меру своего незнакомства с традицией церковного богословия. Я же не могу не присоединиться к мнению прот. Георгия Флоровского, по оценке которого славянофильская соборность – это «фальшивая кафоличность».

Второй признак человека, вдохновляемого жадной реформации – это напористое цитирование фразы из Послания Восточных Патриархов о том, что в Православии народ выступает хранителем веры и благочестия.

Фраза из этого послания, некогда столь поразившая славянофилов своей демократичностью, гласит: "У нас ни Патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, то есть самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменной".

Ну, во-первых, Хранитель Православия, Хранитель благочестия в Церкви только один – Христос. Это единственный Гарант существования Церкви.

Во-вторых, непонятно выражение "тело Церкви". Сама Церковь есть тело Христово (Еф. 1,23). И что же это за "тело тела"? И если народ есть "тело Церкви", то духовенству тогда остается что – быть вне тела Христова?

В-третьих, народ лишь частица церковной соборности. В Церкви как Телу Христовом есть разные служения. В том числе – иерархическое и богословское. Эти служения не могут осуществлять себя в отрыве от остальных, но и иные части тела Христова без них не могут претендовать на полноту и на целокупное имя "тела". Поэтому уравнение церковного «тела» и народа надо признать ошибочным.

Ректор Московской духовной академии прот. Александр Горский подметил эту погрешность славянофильской "соборности" еще в XIX веке: "Хомяков утверждает, что охраняет Церковь от погрешностей не иерархия, а народ, и приводит слова Грамоты патриархов 1848 года. Это несправедливо. Он воображает, что после Вселенских соборов бывали какие-то еще рассуждения у не присутствовавших на соборах о том, правильно ли решен тот или другой догматический вопрос, и только после рассмотрения и единогласного одобрения принимались эти определения. Это фикция. Таких суждений никто снова не предпринимал, тем менее миряне. Если и было после некоторых соборов, именовавших себя вселенскими, опровержение их, как после собора иконоборческого или флорентийского, то не миряне единственно восставали, но с ними и остальные иерархи, на соборе не присутствовавшие или на соборе терпевшие насилие. Что касается до слов Грамоты, то она имеет ввиду только внешнее охранение, а не развитие и разъяснение учения. Во времена гонения на Православие множество православных естественно должно было защищать пастырей своих, готовых стоять за Православие, и императоры опасались их трогать, например, Валент – Василия Великого. С другой стороны, конечно, и пастыри иногда побаивались своего народа, когда они желали в чем—либо изменить истине. В этом смысле говорится, что и наш раскол немало способствовал сохранению нашей Церкви в древнем ее положении. Но это не дает еще права объяснять непогрешимость Церкви

миром, то есть обществом мирян, помимо иерархии: без учителей веры, что было бы это стадо?... Хомяков говорит, что Церковь "оставляет за собой право судить о том, верно ли засвидетельствованы ее вера и ее Предание". Это выводится из истории некоторых соборов, даже имевших притязания на наименование вселенских, которые однако же потом были отринуты Церковью, например, собор Флорентийский. Но что же? Кто отрицал его? Кто осудил его? Народ, но не один народ. А формально осудили его патриархи и епископы, не бывшие во Флоренции, патриархи, которые давали полномочия своим местоблюстителям, представлявшим их лица на соборе, и которые потом могли, и даже обязаны были, поверить действия своих представителей на соборе".

В-четвертых, весьма странно поступили греческие иерархи, решившие похвастаться перед Европой своей демократичностью и "соборной любовью" и при этом не нашедшие нужным обсудить заготовку своего послания с крупнейшей православной Церковью мира – с Церковью Российской Империи (ведущим иерархом которой в ту пору был св. Филарет Московский). Это вековечное греческое презрение к "северным варварам" показывает, что патриархи сами не верили в то, что они говорили. Это было не более, чем греческая красивость. Любой, кто имел общение с греками и знает историю Византии, понимает, что возвышенные эпитеты и красивые хвалебные словеса весьма девальвированны в греческой церковной словесности.

В-пятых, в этом тезисе обнаруживается внутреннее противоречие. Если народ – хранитель Православия, то какое нам дело до того, что сказали восточные патриархи? Вот если бы был проведен на Ближнем Востоке референдум, и в ходе референдума народом был бы одобрен сей тезис, тогда он был бы логичен. А так получается, что высшие иерархи смиренно говорят: народ, послушай нас в последний раз и после знай, что ты, народ, и есть мерило веры.

В-шестых: сохранить-то веру неизменной церковный народ, конечно, желает. Но знает ли он ее? И как он может хранить то, чего не знает?

Человек не может хранить то, чего не знает. Человек не знает того, что он не в состоянии рассказать и объяснить. Вот апостол Петр и призывает: "будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета о вашем уповании, дать ответ" (1 Петр. 3,15). Самый верный способ выучить и запомнить некий материал – это пересказать и объяснить его другому... Так что скорее у протестантов, прихожане которых не расстаются с Библией, народ выступает хранителем той веры, которой он был научен.

Много раз я просил православные аудитории вспомнить тот апостольский текст, который они слышат чаще всего. Более всего праздников церковного календаря посвящено Божией Матери и ее чтимым иконам. Более всего молебнов служится Божией Матери. Апостольское же чтение в этом случае – это Филип. 2:5-11. В этом тексте есть такие слова: "Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек, смирил Себя даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных, и преисподних". Зачем я прошу православных вспомнить и запомнить эти слова апостола? Да ведь если бы мы помнили эти слова – то у "Свидетелей Иеговы" не оставалось бы никаких шансов для проповеди своего учения в православной стране. Как они могли бы утверждать, будто Библия не учит о том, что Христос был Богом, если бы православные в ответ напоминали им этот текст? Ведь в нем ясно сказано, что Христос не считал воровством считать Себя равным Богу! Если бы Он был лишь Ангелом (пусть даже Архангелом), такое мнение Его о Себе Самом было бы чудовищным кощунством. В том же тексте ясно говорится о том, что именем Иисуса, а не Иеговы должно быть преклонено всякое колено (впрочем, имя Иеговы входит как составная часть в имя Иисуса, которое по еврейски означает "Иегова спасает")... Но даже этот, самый читаемый в Богослужении, библейский текст православные прихожане не помнят и не понимают. И потому даже

важнейшую свою святыню – веру в то, что спасти нас пришел Сам Бог, а не Ангел, не могут защитить...

Народ, который не помнит фундаментальных текстов Писания, не может их пересказать и защитить – христианское ли благочестие он будет хранить? Прав был Алексей Хомяков, когда, оспаривая католическое понимание «кафоличности» как общераспространенности, заметил – «в вашем смысле кафоличны доселе только невежество и порок, действительно свойственные всем племенам и странам».

А поскольку богословски-догматические вопросы в народе малоизвестны, то возможные перемены в этой области тем более могут оставаться незамеченными.

На этот свой тезис я однажды встретил возражение: "Но как тогда быть с тем, что православные греки все-таки отвергли Флорентийскую унию (то есть явили чисто ту догматического мышления), в то время как епископат ее подписал? Или этот пример – исключение?". Нет, это даже не исключение. Это просто – не пример. Народ, хоть и глухо роптал, но в общем-то не восстал ни в 1439 году, ни в 1452-м (официальное объявление унии в Константинополе произошло 12 декабря 1452 г. в храме Св. Софии). Не народный бунт смел унию, а турки (точнее – Промысл Божий через турок, которым Он передал власть над Константинополем)...

Народ же в последний день Константинополя устремился именно в тот самый храм Св. Софии, который формально был уже униатским. Та, последняя литургия, о которой потом сложили так много легенд, была униатской... Но для турок, захвативших Константинополь всего лишь через полгода после обнародования унии, было политически выгодно отколоть восточных христиан от западных. Идея унии лишилась государственной, светской поддержки. И потому для епископата, не связанного более императорской волей, уже не составило труда отвергнуть униональные подписи... А в Москве не возмутились ни епископы, ни народ. Тут при известии о заключении унии "все князи умолчаша и бояри и инии мнози, еще же паче и епископы руския все умолчаша и воздремаша и уснуша". Здесь отторжение унии (изгнание митрополита Исидора) произошло по инициативе и воле великого князя Василия Васильевича. Кстати, именно Исидор в 1452 г. уже в качестве папского посла и возглашал унию с Константинопольской Церковью (спустя полгода он убежит от турок, переодевшись простолюдином)... А в другой византийской столице – Фессалониках – народ не принял св. Григория Паламу в качестве своего архиепископа.

А о том, что богословские революции могут происходить незаметно для народа, свидетельствует хотя бы история русского богословия: двухсотлетнее пленение школьного богословия католической схоластикой вызвало в конце концов протест среди самих ученых богословов (вспомним хотя бы архиеп. Сергия (Страгородского) свя. Феодора (Поздеевского), свят. Илариона (Троицкого)), но не в монастырях и не на приходах... И вновь повторю свой аргумент: исходя из формулы "народ хранитель благочестия" нельзя объяснить, отчего, например, народ Западной Украины своим сердцем принял унию, а народ Восточной – опять же сердцем ее отверг...

Наконец, стоит помнить, что в Послании Патриархов тот народ, что хранит благочестие, по-гречески назван *laos*, а не *eqnos*. Этот народ не имеет отношения к этническим общностям и к социологическим вопросам. Здесь "народ" – это "верные", люди Церкви, люди, живущие Церковью и живущие церковно. О них говорит формулировка "Катихизиса" современника авторов "Послания" – московского святителя Филарета: "Все истинно верующие, соединенные Священным Преданием веры, составляют из себя Церковь, которая и есть верное хранилище Священного Предания". Здесь вполне осознанный и нарочитый круг в определении: те, кто в Предании, и хранят Предание. Не народ, но верные хранят веру. Верные же – это те, кто достойно и «с рассуждением» (ср. 1 Кор. 11,29) участвуют в Литургии верных.

Есть еще в греческом языке для обозначения народа слово *демос*. Может быть, именно *демос* свят и непогрешим? В текстах Нового Завета слово *демос* употребляется три раза: Деян. 12,22: «а народ восклицал: это голос Бога, а не человека» – и это была всенародная лесть Ироду. А в Деян. 17,5 и 19,30-33 *демос* – это толпа. «Толпа – хранитель благочестия» звучит несколько странно...

Так, может, всегда "чувствует" Православие *этнос*? Насколько православно, «верно» православное население православных стран? Насколько «рассудительно» его участие в Литургии? Нет – богословскую работу по уяснению истин Предания нельзя подменять этнографическими исследованиями того, «какую веру верует» этнос. Руссоизм, «народничество», народопоклонство неприемлемы в богословии. Призывы к «опрощению», обучению «у народа», «слиянию с народной стихией» опасны – как опасны любые призывы к играм со стихиями. И если мы «со Христом умерли для стихий» (Кол. 2,20) – то эта смертность (в смысле неподвижность, отсутствие реакции на провокации и приглашения со стороны мирских стихий) должна быть распространена и на стихию народную.

И уже тем более нельзя из этой формулы выводить нечто более радикальное: мол, народная вера и есть нормативное Православие и критерий православия. Не все то, во что верит прихожанин, православно. Не все свои верования он почерпнул из церковной проповеди, из Писания и святых отцов. Не все приходские «предания» тождественны преданиям вселенским. И не все свои верования прихожанин раскрывал перед духовником и повергал его суду. Не все даже замеченные псевдоправославные верования духовник счел пастырски необходимым оспорить.

"Верные", посещающие наши храмы и даже причащающиеся в них далеко не во всем верны Православию. А если он не верен Православию – значит он и не член того лаоса (церковного народа), который хранит Православие.

В общем, народное происхождение некоего поверья – не есть индульгенция. Принятие чего-то прихожанами еще не есть гарант духовной доброкачественности. Слишком много церковная история знает примеров, когда церковный народ послушно оставлял Православие и следовал в ересь вслед за своими пастырями... И даже больше: та же Западная Украина дает пример настойчивого отторжения Православия народом, которому православное государство пыталось вернуть его бывшее православное благочестие...

Если народ хранит Православие – значит, Православие есть не более чем часть "этнографического наследия". Вернее было бы сказать иначе: Православие хранит народ. Бог милостью Своею терпит нас, и несмотря на все наши беззакония (как личные, так и общенародные), все же не отрекается от нас. И те люди из народа, которые будут держаться Православия, не отступят от него, – они будут сохранены в той самой Церкви, которую славянофилы воспевали как "организм любви". Нет, не народ хранит Православие. Бог, который есть Любовь, долготерпит на нас и сохраняет нас в той Церкви, Которую Он стяжал Своею Кровию (а совсем не нашим "благочестием"). Не народ выступает гарантом благочестия истинной веры, но истинная вера сохраняет этот народ на сверх-языческом уровне духовного развития.

История Церкви знает более чем достаточно примеров, когда народ, сохраняя свое обычное благочестие, тем не менее оказывался вне Церкви, в силу того, что иерархия уклонилась в ересь. После утверждения в Египте монофизитства – заметили ли египетские и эфиопские крестьяне, что их благочестие уже вне Православия? А немецкие и английские простолюдины смогли ли своим благочестием удержать самих себя в Церкви? Заметили ли они сами тот миг, когда европейская церковная иерархия отпала от Православия? Чем благочестие греческих крестьян было выше благочестия крестьян франкских, испанских или итальянских? Значит, не от уровня народного благочестия зависело – сохранит ли эта церковная провинция Православие, или же отойдет от него...

Само по себе благочестие слишком часто оказывается бессильным и безмолвным перед лицом искажений веры со стороны богословов и иерархов. Только в тех случаях, когда реформаторы неумно вмешиваются в обыденное течение благочестивой жизни – они обращают на себя внимание народа и вызывают его возмущение (отрицанием икон или запретом именовать Марию Богоматерью). Но те изменения вероучения, которые не сказываются прямо и очевидно в течении приходского богослужения, могут пройти вполне незаметно, и "народное благочестие" даже не заметит, что произошла подмена...

При обсуждении этой темы стоит также помнить, что русский народ принял большевизм. История нашей страны показывает, что наш народ дружно голосовал за Ельцина, с энтузиазмом голосовал за Путина, а сколько восторгов вызывал Михаил Сергеевич Горбачев в начале своего правления! Я уж не говорю о всенародном культе Аллы Пугачевой, Кашпировского и прочих "духовных лидеров".

Говорить о народе как хранителе благочестия вообще можно было только в эпоху до социологических опросов.

Социологические опросы показывают, что даже наши постоянные прихожане весьма смутно представляют – к неверию во что их обязывает вера в Христа. Опрос, проведенный среди москвичей социологическим центром МГУ, показал, что "в гороскопы верят 26% православных. Среди христиан верят в колдовство, порчу и дурной глаз – 47%, в спиритизм – 18%. Стоит обратить внимание на то, что если в колдовство верят 47% христиан, то в дьявола только 32%. Значит, далеко не все считают магические чары пособничеством дьявольских сил. Если сравнивать характеристики сознания "определенно верующих" и "определенно неверующих", то есть, по сути, атеистов, то выясняется, что именно последние в 2—4 раза меньше подвержены влиянию суеверий, оккультизма, сатанизма. Так, соотношение верящих в колдовство среди верующих и атеистов соответственно 57% и 21%, в астрологию – 29% и 15%, в спиритизм – 25% и 6%. Более того, распространенность веры в колдовство среди верующих прямо пропорциональна частоте посещения ими церкви. Так, численность верящих в колдовство, порчу, дурной глаз почти одинаково среди посещающих церковь еженедельно (54%), 2—3 раза в месяц (59%), 1 раз в месяц (50%), 2—5 раз в полгода (54%); снижается она только среди посещающих церковь довольно редко – 1 раз в полгода и 1 раз в год (соответственно 41% и 40%), еще ниже становится среди тех, кто вообще не посещает церковь (31%), хотя, казалось бы, все должно быть наоборот. Верящих в астрологию, гороскопы также максимальное и почти неизменное число среди наиболее частых прихожан: среди посещающих церковь еженедельно – 34%; 2—3 раза в месяц – 39%, 1 раз в месяц – 34%. Среди тех, кто не ходит в церковь, верящих в предсказания астрологов вдвое меньше – 16%. Тот факт, что распространенность суеверий и оккультизма среди верующих прогрессирует по мере увеличения частоты посещения ими церкви, свидетельствует о слабом влиянии духовенства даже на постоянных прихожан, которые выходят из храма с теми же заблуждениями, что и пришли".

Так что при возобновлении шарманки о благочестивом народе, который-де обижают епископы и богословы, я лучше вспомню трезвые слова монархического русского публициста М. Меньшикова:

"Откинем раз навсегда надменный взгляд, будто мы выше народа. Но к чему же ложно унижать себя, утверждать, что мы ниже народа? Что касается меня, я чувствую себя ни выше, ни ниже, а как раз на уровне моего народа, родного мне не менее, чем Толстому. Я чувствую, что рассуждаю, как рассуждали бы многие мужики на моем месте, я знаю, что, ходи я за сохой, мой природный ум нуждался бы, конечно, в раскрытии некоторых общечеловеческих идей, но в существе своем и силе был бы тот же, что и теперь. На верхах ученой интеллигенции я встречал жалко-незначительных людей, как и в глубинах народных встречал мудрецов, однако бывало и наоборот. Если я имел счастье встретить в образованном кругу Льва Толстого, Чехова, Вл. Соловьева и многих других, то никак не

могу счесть это доказательством полного бесплодия образованности и невозможности ничему научиться наверху. Среди крестьян не меньше, чем среди дворян, мне доводилось видеть великое множество глупцов, людей дрянных, ленивых, распушенных – и чтобы народ "один в огромном большинстве своем" жил "спокойной, разумной, трудовой жизнью", – этого признать я решитель но не могу. По моим наблюдениям, народ живет, как и интеллигенция, в огромном большинстве беспокойной и неразумной жизнью, и если трудится, то, как и рабочая интеллигенция, в большинстве очень плохо и поневоле. И в народе, и среди нас крайне мало действительных философов, мудрецов, артистов труда. Не отрицаю, что такие водятся, но зачем же говорить неправду, будто они в народе водятся в "огромном большинстве"? Чтобы сказать решительно: "Учитесь у народа!" надо быть антиподом Моисея, антиподом вообще пророка. Для этого надо забыть все грязное и скверное, чем заражен народ глубже кожи, иногда до мозга костей. Надо забыть такие явления, как "власть тьмы", о которой писал сам же Лев Николаевич. Надо забыть бытовую жестокость, распушенность, разврат, омерзительное пьянство, снохачество, детоубийство, смертные побои жен своих, самосуд и озорство, переходящее гораздо чаще, чем думает Толстой, в "скверные преступления" тысячной части народа. Само собой, все больное и грязное в народе перевито светлыми и жизненными тканями духа, но не в такой, однако, мере, чтобы именно тут находить исключительные сокровища. Народ наш – как и все народы – очень беден, и этим все сказано. Источник внешней бедности – внутренняя бедность, бедность духа, та поразительная склонность к порче, которую оплакивал Моисей". В ходе «народной революции» Меньшиков был расстрелян...

Через всю библейскую историю проходит конфликт между пророками и народом. Библейская религия – это религия, не созданная евреями, но религия, навязанная евреям. Стоит Моисею отойти в сторону от своего "жестоковейного" народа, как тот ударяется в привычно-родное идолопоклонство. Пророки вновь и вновь посылаются к народу, жестко бьют его по рукам, требуя оставить магические и оккультные популяризации...

Когда апостол Павел именуется Ветхий Завет "детоводителем ко Христу" (Гал. 3,24), он говорит нечто очень суровое. Странное, не встречающееся более в русском языке слово "детоводитель" есть калька с греческого *paidagwgos*. Но было бы ошибочно перевести его современным русским словом "педагог". Если в современном русском языке педагог означает учитель, то в античном мире это было не совсем так. На русский язык лучше всего перевести его словом "дядька" (слав. пестун).

Педагог смотрит за тем, чтобы ребенок дошел до класса в таком состоянии, чтобы смог слушать и слышать рассказ учителя. Сам же педагог – не учитель. Он – поводырь, именно дядька, смотрящий за мальцом и замолкающий, когда в классную комнату наконец-то входит господин учитель.

В античности педагогом назывался раб, служение которого прежде всего состояло в том, чтобы провожать мальчика от дома до школы, следя за тем, чтобы ребенок по дороге не шалил, не тратил силы и внимание попусту. Педагог не учит. Он надзирает, сохраняет время и внимание ребенка свободными для того, чтобы учитель, которому вскоре педагог передаст своего подопечного, смог преподать свои знания.

Но – педагогом быть опасно. Ведь желания воспитанника и задачи, поставленные перед педагогом, могут расходиться. А, значит, педагог вынужден бывать строгим: "мы заключены были под стражею закона до того времени, как надлежало открыться вере... по пришествии веры мы уже не под руководством детоводителя" (Гал. 3, 23—25).

Дети подрастают, наполняются силами и начинают бунтовать против тех, перед кем смирились еще вчера. "Должность педагога сопряжена была с неприятностями. Иногда ученики самые злые шутки проделывали над бедным педагогом. Если педагог возбуждал ненависть в своих молодых питомцах, горе ему. Случалось, что дерзкие шалуны сажали бедного педагога на ковер, какой

обыкновенно постигался на полу, подбрасывали ковер с сидящим на нем кверху, как можно выше, сами же отскакивали, так что педагог низвергался наземь; иногда он больно ушибался, причем сама жизнь его подвергалась опасности. Но педагоги должны были прощать ученикам, потому что они были рабского состояния...".

О религии Нового Завета тем более нет никаких оснований говорить, будто это религия, выношенная еврейским народом. "Не вы Меня избрали, а Я вас избрал" (Ин. 15,16). Понимание христианства будет крайне затруднительно, если с самого начала не обратить внимание на его подчеркнутую не-демократичность. Церковь строится от верха, от Главы, а не снизу, от почвы. Апостолы не просто избраны Христом, но еще изменены, преображены Им, очищены, омыты (Ин. 13,10) от народных предрассудков. Им дан Дух, который "не от мира". Им дано учение, которое было странным и для эллинов, и для иудеев.

В этом радикальное отличие библейской религии от язычества. Это славянское слово на русский язык лучше всего перевести как "народничество". Язычество – это религии народов, народные религии. Человек и люди, времена и народы создают себе религиозные представления, руководствуясь законами своего естества. Это "естественные религии", те религии, которые возникли вне диалога с Богом, вне благодатного откровения и поддержки. В этом случае человек создает религию по своему образу и подобию. Он проецирует в религиозную сферу свои ожидания и страхи, свои представления и чувства. А чего именно обиденный человек ожидает от религии – хорошо известно: "чуда, власти и авторитета", то есть: магии.

Народная, массовая религия может быть только языческой. Собственно, это просто тавтология: народное и есть языческое. Народная религия может быть не-языческой лишь в том случае, если эта религия не выработана им самим, но предложена ему извне. Но тут нужно очень четко следить за своим языком, терминами: в этом случае народ не "хранит религию", а "держится религии".

Одно из важнейших назначений церковного богословия, т. е. церковной мысли, состоит в борьбе с псевдоправославными суевериями, которые вновь и вновь рождаются в языческих толщах народных масс. Не может быть "демократии" в Церкви потому, что истина здесь не вырабатывается людьми, но открывается Богом. Слово Божие должно быть защищено от слишком человеческих истолкований (да и от забвений). Конечно, контроль за тем, чтобы эта откровенная истина не искажалась и не перевиралась, должен быть взаимным: и иерархия контролирует языческие порывы народа, но и благочестие верных (лаоса) может при нужде осаживать безблагодатно-человеческие эксперименты иерархов.

Церковная история, к сожалению, знает случаи отступления богословско-иерархического разума перед народными религиозными эмоциями.

Вот пример, когда сами иерархи не смогли взять дистанцию от народных суеверий: в начале IV века Эльвирский собор своим 34-м правилом запретил зажигать днем свечи на кладбище – "чтобы не беспокоить души святых".

Вот пример борьбы, которую иерархи проиграли народному чувству:

В 419 г. Карфагенский собор определил: "Постановлено и сие: повсюду на полях и вертоградах поставленные якобы в память мучеников алтари, при которых не оказывается положенным никакого тела или частей мощей мученических, да разрушатся, аще возможно, местными епископами. Аще же не допустят до сего народные смятения, по крайней мере да будет вразумляем народ, чтобы не собирався в оных местах, и чтобы правомыслящие к таковым местам не привязывались никаким суеверием. И память мучеников совсем да не совершается, разве аще где-либо есть или тело, или некая часть мощей, или, по сказанию от верной древности преданному, их жилище или стяжание или место

страдания. А алтари, где бы то ни было поставленные, по сновидениям и суетным откровениям некоторых людей, да будут всемерно отвергаемы" (Правило 94).

Забота отцов собора ясна: она состоит в том, чтобы "облако свидетелей" не скрыло за собой в народном почитании Солнце Правды – то есть почитание Самого Христа Спасителя. Увы, и сегодня мне нередко приходится бывать в домах благочестивых православных прихожан (и даже молодых священников!), где в святом углу стоит множество икон святых, но нет ни одной иконы Христа Спасителя в таких "иконостасах" представлен только в младенческом виде – на иконах Богоматери (или в маленьких складнях, где Он написан так, что явно теряется в окружении гораздо больших образов Своих учеников). Да и сны сегодня нередко считаются вполне достойным поводом для предпринятия неких церковных действий.

О том, что отношения иерархии и народа были всегда чреваты напряжением и конфликтами, свидетельствует то, что в 344 г. Сардикийский собор вынужден решать странный вопрос: как поступать с епископом, если он будет изгнан народом "за свои познания": "Аще который епископ неправедно будет за свои познания обвинению подвержен, придет в иной град... того с особенным дружелюбием должно приимати" (Правило 17). "За познания" – то есть за ревностное изучение божественных догматов – толкует это правило Вальсамон. Вот и в России епископы были изгнаны – кто в эмиграцию, кто в лагеря...

Но когда отдельные люди или массы людей оказываются без благодатного просвещения, без церковной науки, без постоянного наставления в слове Божиим и в предании отцов, они также создают рукотворно-самодельные мифологемы. Вовремя распознать их и не дать им подчинить себе человека или тем более других церковных и околоцерковных людей – это одно из назначений богословия. По слову Владимира Лосского, "здесь более, чем где-либо, Предание действует критически, обнаруживая прежде всего свой негативный и исключаящий аспект: оно отбрасывает "негодные и бабьи басни" (1 Тим. 4, 7), благочестиво принимаемые всеми теми, чей традиционализм состоит в принятии с неограниченным доверием всего того, что втирается в жизнь Церкви и остается в ней в силу привычки. И в наши дни в литературе синаксариюв и лимонариюв можно найти такие примеры, не говоря уже о невероятных случаях в области литургики, которые однако, для некоторых суть "предания", т. е. святы".

Иерархическая дисциплина и дисциплина богословская были разработаны Церковью для того, чтобы не дать возможность шальным визионерам, пророкам и чудотворцам выкрасть у людей жемчужину Евангелия.

Церкви довольно рано пришлось научиться говорить "нет" некоторым энтузиастам.

Один из первых аскетических опытов в церковной истории – это отказ от апокрифов и формирование канона Писания, происшедшее в сознательной борьбе с гностиками (и канон определялся не плебисцитом, а решением архиерейских соборов).

Вторая аскетическая скрепа, изготовленная в лаборатории церковной мысли – это формулирование идеи апостольского преемства, также позволившей отличать апокрифы и ереси от подлинного апостольского предания.

Позднее Церковь разработала свой догматический и канонический строй для того, чтобы постараться не допустить насыщения апостольских текстов неапостольским пониманием, для того, чтобы не дать превратить христианство в игрушку сиюминутных страстей, надежд и разочарований. И с тех пор на все века церковная дисциплина (включая дисциплину догматически воспитанного богословствующего ума) призвана защищать крупницы духовных знаний от самоуверенного невежества.

Там, где этой дисциплины нет, “простецы” создают парахристианский или даже прямо языческий фольклор, а интеллигенция – утопии (утопии старообрядческие, экуменические, обновленческие, теургические, оккультные...). Протоиерей Георгий Флоровский об этой недисциплинированности религиозного ума писал так: “Изъян и слабость древнерусского духовного развития состоит отчасти в недостаточности аскетического закала (и совсем уже не в чрезмерности аскетизма), в недостаточной “одухотворенности” души, в чрезмерной “душевности”, или “поэтичности”, в духовной неоформленности душевной стихии. Если угодно, в стихийности... Но есть путь от стихийной безвольности к волевой ответственности, от кружения помыслов и страстей к аскезе и собранности духа, от “психического” к “пневматическому”. И этот путь трудный и долгий”. А то, что тяжело, то непопулярно. И зачем же читать Писание и богословские труды, если можно довериться бабушке?! Что нам Академии, если есть приходские пересуды о том, “что говорят старцы”!

Еще в XVIII веке свт. Димитрий Ростовский предостерегал: “Церковь же непорочная, сущи невеста Христова, должна никаких же баснословных умствований и самовымышленных толкований приимати, но на самом Писании Божественном утверждатися, и толкования истиннаго великих вселенных учителей, а не простых баюющих мужиков слушати”.

Поэтому церковная проповедь должна не только пробуждать религиозный энтузиазм, но и нередко – сдерживать его, осаживать.

На сегодня мы с этой задачей не справились. Самым опасным и распространенным типом псевдоправославного оккультизма стала массовая современная апокрифическая литература, содержащая были и небылицы о современных старцах, старицах, блаженных, откровениях и пророчествах.

Сколько хлопот доставляла древней Церкви псевдопророческая литература, приписывавшая уважаемым именам идеи или слишком человеческие, или слишком языческие, или даже просто бредовые. Сколько нужно было сил, трезвости, настойчивости, чтобы отстоять собственно апостольскую традицию и отсеять лжеименные, псевдонимные сказания. Приносил некий собиратель апостольских слов в общину “Евангелие от Петра”. И говорил: “Ну что вы читаете только Евангелие от Марка?! Марк записывал со слов Петра, а здесь слово самого первоверховного Апостола!” И кем же в его глазах становился тот, кто смел критически отзываться о принесенной рукописи? Еретиком, рационалистом, безбожником, противником Божия Промысла и личным недругом апостола Петра... Можно было найти тысячу вполне благочестивых поводов для того, чтобы принять апокриф. И нужно было изрядное упрямство и готовность идти против модного оккультно-гностического благочестия, чтобы отстоять собственно апостольское учение от очень похожих на него подделок.

По верному наблюдению Фаррара, “полный простор господствует в гностицизме, в нем нет никакой мучительной заботливости о том, чтобы отрешиться от язычества”. Вот и сегодня во многих модных текстах заметно отсутствие трезвости, равно как и отсутствие воли проверять свои верования мерилom евангельским и святоотеческим. Как и в первые века христианства, неудержимо множится круг апокрифов. Приписываются они, правда, уже не апостолам, а святым и подвижникам благочестия более близких к нам времен. Но в отличие от времени свт. Иринея Лионского как-то не заметно церковной решимости сопротивляться им. Не секты, а вполне православные издательства выпускают, и православные храмы продают книжки и газеты, содержащие в себе чудовищные вымыслы, прямой магизм и просто непристойные нападки на саму же Церковь.

Стало возможным появление книг, отмечающих церковное учение с помощью таинственных ссылок на анонимных “старцев”. Очень это сейчас модно: вместо строгого обоснования своих утверждений действовать по принципу “одна баба сказала”. Например: “Одна монахиня, приехавшая с Греции, рассказала, что на Западе уже все готово для принятия лжемессии”. Эта “монахиня” – она,

что, член оргкомитета по подготовке прихода антихриста, если может столь авторитетно и категорически заявлять: “Вся программа выполнена, все намеченное к визиту уже готово”?

Или: “По свидетельству св. отцов, завершающий историю Страшный Суд по земным меркам будет длиться недолго, сколько шестопсалмие на утрени”. Но какие это отцы? Нельзя ли конкретнее: кто именно? В советские времена студенты бойко рапортовали на экзаменах по “диамату”: “Карлмаркс-Фридрихэнгельс писал...” А сегодня в церковной среде сплошь и рядом слышишь: “Отцы учат...”, “Святые отцы рекоша...” Уточняющих ссылок обычно не приводится. Слыша такие тотальные формулы, лучше сбить спесь с самозваного «патролога» серией вопросов на тему «А теперь конкретно: имена! пароли! явки!» Кто сказал? В какой книге? Кому? В какой ситуации? И не сказали ли Отцы по этому вопросу еще и нечто другое?”.

Недоверчивым оком христианин должен взирать не только на то, что преподносится ему из внецерковного мира. К сожалению, и внутри церковной ограды велика вероятность того, что вместо хлеба получишь камень. Не всякая церковная газета, брошюра, книга несет в себе учение Церкви. Не всякая проповедь, сказанная с амвона, православна. Не всякая история, рассказанная прихожанами, верна. Именно многообразие церковной жизни делает столь настоятельным вопрос: где же именно Церковь высказывает именно свое учение?

Если же вы сегодня увидите, как кто-то упрощенно отвечает на этот вопрос и начинает размахивать фразой "народ – хранитель Православия", будьте осторожны: это очередной "демократ-реформатор". Он себя и своих друзей отождествил с "церковным народом" и на этом основании чувствует себя "вселенским судьей".

Наконец, третий признак человека, уже готового встать в ряды "православных протестантов" – это боевой клич "молчанием предается Бог!". Например: "мы не можем и не имеем права молчать, ибо молчанием, по слову святителя Григория Богослова, предается Бог".

Обычно эту фразу цитируют, обосновывая свое право на критику нестроений в церковной жизни. "Православие погибает! Епископы предали Православие! И если мы смолчим – произойдет то, от чего предостерегал св. Григорий Богослов: молчанием предается Бог!". Свое право на выглядывание и на оглашение грехов иерархии, свое право на самозваную цензуру многие православные публицисты и сплетники обосновывают этой цитатой. И напрасно.

В творениях св. Григория Богослова действительно есть выражение "молчанием предается Бог" (Слово 21, похвальное Афанасию Великому). Но считать эти слова выражением позиции самого св. Григория все же затруднительно.

Не питая ни малейшей симпатии ко всем оттенкам арианства, св. Григорий, однако, видит, что борьба с ересью порой причиняет душевный вред и самим же православным – ибо вызывает в них слишком разрушительные эмоции и понуждает их прибегать к слишком несправедливым методам борьбы и полемики: "Непосвященные стали судьями преподобных, произошло новое смешение – в собраниях народных рассматриваются предметы священно—таинственные; от сего незаконное исследование жизни (епископов), наемные доносчики и суд по договору; одни несправедливо свергаются с престолов, другие возводятся на их место, и у сих, как чего—то необходимого требуют рукописаний нечестия, и чернила готовы, и доносчик подле". И вот в контексте полемики с ультраправославными и произносит св. Григорий ставшую знаменитой фразу: «Настоящее сие потрясение ничем не лучше прежде бывших, потому что им отторгнуты от нас все любомудрые, боголюбивые и заранее сожигательствующие с горними мужи, которые хотя во всем другом мирны и умеренны, однако же не могут перенести с кротостью, когда молчанием предается Бог, и даже делаются весьма браннолюбивыми и неодолимыми (ибо таков жар ревности), и готовы скорее ниспровергнуть чего не должно, нежели пренебречь должно».

Итак, те, кто говорят, что "молчанием предается Бог" – отторгнуты от общения со св. Григорием собственным "браннолюбием"... В другом месте подобные люди св. Григорием именуются – "Некоторые из числа чрез меру у нас православных" (Слово 3).

Защищая Православие (или то, что тебе кажется таковым) легко изувечить свою собственную душу – возомнить себя спасителем Православия, избранным пророком Божиим, посланным для вразумления "обезумевших" церковных управителей. Итог такой полемики очевиден: конец мира (eirhnh) в одной, отдельно взятой душе полемиста. Не об этом ли осаживающие слова свт. Игнатия Брянчанинова: "Не покусись своею немощною рукою остановить всеобщее отступление"? Какие плоды пожнет человек, организующий в Японии пикеты против цунами? Недобрую славу чудака и собственное раздражение по поводу всех остальных людей, которые не готовы терять время на пикеты вместе с ним, да еще глухую ненависть к правительству и к природе, которые не хотят к нему прислушиваться...

А слежка за епископами – не лучшее средство к достижению стяжания Духа Святаго. И те, кто оправдывают свою диссидентскую похоть лозунгом "молчанием предается Бог", прежде всего показывают, что святоотеческие творения читают они поверхностно и невнимательно – приписывая отцам те умонастроения, от которых они как раз отстранялись. Впрочем, скажу словами преподобного старца Иоанна. Его спросили: "Если я нахожу что-нибудь полезным для некоторых: должен ли я сказать это, не будучи спрошен о сем? И если брат, которого это касается, старше меня или клирик: сказать мне или промолчать? – Отцы сказали, что хорошо говорить Бога ради, хорошо и молчать Бога ради".

У этих людей, которые "не могут молчать" (а, значит, стали орудием страсти), свое, альтернативное богословие, альтернативные святыньки, иконы и святые (Пелагея Рязанская, Иван Грозный, Григорий Распутин...), Их издания нетрудно отличить – вместо иерархического благословения, благословения Патриарха на них стоит рекламный лэйбл – «По благословению старцев».

Если преодолеть иллюзию, будто протестанты всегда "босолицы", и представить себе их с нестриженными бородами – то станет заметно сходство психологических типов.

В изданной этими кругами брошюре, призванной доказать, будто "принятие ИНН равнозначно отречению от Христа", есть главка «Основные критерии истины». Ее первая, исходная фраза: "Правда Божия в оценке и решении каких-либо затруднительных вопросов проявляется через церковное правило: vox populi – vox Dei (глас народа – глас Божий). И если решения Священного Синода, даже поместного Собора встречают неодобрение народа и противоречат Священному Преданию, то значит, эти решения ошибочны и не имеют никакой силы для церковной полноты”.

Интересно – и какой же это собор принял такое “правило”? Где, в каком церковном источнике авторы сей брошюры его вычитали (да еще и с орфографической ошибкой)? Не меньше поражает и решимость этой группки говорить от имени всего “церковного народа”. Что вообще эта “группа товарищей” имеет в виду под “Священным Преданием” (одна из глав той же брошюры названа “Проблема персональной кодификации и Священное Предание”, но не содержит в себе ни одной библейской или святоотеческой цитаты)?

У “народных реформаторов” уже сложилась внутренняя готовность к бунту. Естественно, эта внутренняя установка выявляет себя по мельчайшему поводу. Например, не встал тобольский архиепископ Димитрий в ряды пикетчиков, требовавших запрета концерта Бориса Моисеева (открытого гомосексуалиста) – и тут же делается глобальный вывод: “Наряду с откровенными врагами России священноначалие Московской Патриархии тоже противится национальному и духовному возрождению русского народа. Вот и в Тюмени церковная власть не захотела взять под свой омофор

стояние православных против растреления молодежи. В угоду местным властям правящий архиерей – архиепископ Тобольский и Тюменский Дмитрий (Капалин) – в очередной раз промолчал, спрятавшись в своей резиденции, а по его примеру и местное духовенство сделало вид, что ничего не замечает. Казалось бы, они должны сами возглавить протест, объединиться с теми членами Церкви, которые защищают свою веру и опаленное огнем и горем Отечество. Ан, нет! Они промолчали. Но это молчание из того разряда, "которым, – по слову святых отцов, – предается Бог"! И ведь если бы Тюменский архиерей был единственный! Но ведь таких как он, похоже, большинство. Вся церковная верхушка преклонила выю пред этой жидовской властью и рабски ей угождает... На примере Тюмени явственно видно, как паства и церковноначалие оказались здесь по разную сторону баррикад, и в случае с содомитом Моисеевым, и в случае религиозной экспансии иноверцев. Увы, это становится характерной картиной в нашей Церкви. Решая насущные проблемы современной церковной жизни, православной общественности сначала приходится "победить" собственное священноначалие, напомнить нашим пастырям об их святых обязанностях сохранять чистоту веры, отстаивать права и интересы православного народа, – и только потом уже воевать с чиновниками светскими". Когда-то такая волна мирянского активизма уже разрушила церковную жизнь: именно активность братств способствовала уходу украинского епископата в унию. Да, у нас обычно говорят, что братства Православие спасли. Но реальная их роль в становлении унии была сложнее.

Для ее уяснения надо держать в уме время и место действия. Время – XVI век. Век Реформации. Место действия – Польша. Та Польша, которая едва на сорвалась сама в протестантство. Реформация и католическая Контрреформация разворачивались на глазах польской окраины ("Украины").

Львов (тогдашнее его имя – Лемберг) был типичным европейским городом, а львовское братство – типичным бюргерским союзом (Это то, о чем у нас часто забывают: братства это не проявление духа так называемой соборности; они создавались по образцу западноевропейских бюргерских городских объединений).

И, как это свойственно бюргерским союзам 16 века, братства не избежали искушения пореформировать Церковь. Например, луцкое братство явно склонялось к протестантским акцентам на "всеобщее священство мирян": "Несть духовный ни людин, но вси есмы едино во Христе Иисусе". Глава же Львовского братства князь Острожский писал, что нужна реформа церковной жизни, включая «таинства и другие человеческие изобретения» («поправить некоторых речей в церквах наших, а звлаща около сакраменту и иных вымыслов людских»). Исследователи же характеризуют взгляды князя Острожского как экуменические (у Острожского даже был свой проект унии).

Контакты братчиков с протестантами известны. Но важны не столько действительные протестантские симпатии и планы братчиков, сколько то, как они воспринимались епископатом. А с этой тоски зрения братчики казались протестантствующими. Себя же братчики считали полномочными толкователями канонов. Интересно, что если церковная власть на Западе не разрешала мирянам читать Библию, то в Западной Руси Виленский собор 1509 года запретил мирянам чтение Кормчей книги – то есть сборника канонических правил.

Безобразий в церковной жизни было много. Братчики считали, что если они возьмут контроль над церковной жизнью, то она улучшится.

Вот описание тех событий известнейшим украинским историком (причем настроенным антикатолически):

"Братчики следили за чтением и жизнью своих членов, делали им указания... Когда братчики предложили этот новый устав на утверждение антиохийскому патриарху Иоакиму, патриарх, насмотревшись перед тем на беспорядки в украинской церкви, был чрезвычайно обрадован таким высоким настроением. Он не только одобрил их намерения, но снабдил различными поручениями и

правами, дотоле неслыханными: братчики должны были следить также и за духовенством, доносить о замеченных беспорядках епископу, а если бы епископ противился и не поступал по закону – то и ему они не должны повиноваться как врагу правды. Патриарх постановил также, чтобы все прочие братства повиновались Успенскому Львовскому. Это были чрезвычайно широкие права, коренным образом изменявшие все церковные порядки, и пожалованы они были братству без нужды и неосмотрительно, т. к. неизбежно должны были повлечь за собой недоразумения и столкновения с духовенством. Но так поступил не только Иоаким, а и константинопольский патриарх Иеремия, приехавший два года спустя (1588) и утвердивший эти распоряжения... Чрезвычайно широкие права по отношению к духовенству и епископам, сообщенные львовскому братству патриархами, было весьма опасным и ненужным подарком, так как во влекали братство в совсем лишнюю борьбу с духовенством и много повлияли на то, что православные епископы начали искать себе защиты у католической иерархии. Как только Львовские братчики, исполняя поручение патриарха Иоакима, взялись заводить порядки среди местного духовенства, сей час же вышла у них из—за этого ссора с владыкой Балабаном – ссора совершенно ненужная! Гедеон Балабан был довольно образованный владыка, с добрыми намерениями, и до сих пор поддерживал просветительные стремления братства, но не мог стерпеть, когда эти «простые хлопы» начали вмешиваться и указывать ему, что должно быть и чего не должно быть. Гедеон не покорился, проклял Львовское братство и начал чинить ему всяческие неприятности. А когда патриарх Иеремия, приехав на Украину самолично и разобрав дело на месте, стал еще более решительно на сторону братства и освободил его из—под власти епископа, то владыка Гедеон был этим так огорчен, что обратился к своему недавнему врагу, архиепископу львовскому, и просил, чтобы тот освободил украинских владык из—под власти патриархов. Так Гедеон стал из всех украинских владык «чиноначальником отступления от патриархов». Это был очень горький плод необдуманных патриарших распоряжений. Но не только в этом случае оказалась несчастливой рука патриархов в их вмешательствах в дела Украинской Церкви. Патриархи не разбирались в здешних отношениях и не знали их; но когда к ним обращались в разных вопросах, они распоряжались очень решительно. Иеремия поступал резко, необдуманно, не очень разбираясь в делах; распекал владык, угрожал запрещением, проклятиями. После выезда опять посылал разные распоряжения, менял и переменял, ставил своих наблюдателей (экзархов) над епископами и снова устранял, и не всегда можно было разобрать, кого слушать, так как появилась бездна разных греческих пройдох, выманивавших деньги, называясь архиепископами, патриаршими послами и пр."

В общем, в глазах епископов – свидетелей Реформации в Германии и Польше – братства выглядели протестантским мирянским движением бюргеров. У восточных патриархов западнорусские епископы не нашли защиты от местного протестантизма (точно также и в XX веке константинопольский патриарх поддержал русских обновленцев). И тогда без давления польских властей, вопреки желанию католического епископата они приняли унию. Странно звучит? Но и в самом деле польского короля Сигизмунда III тогда не было в стране, а без его согласия не могли созываться церковные соборы. Так что и униональный Брестский Собор король не признавал еще целый год. Что же касается католического епископата, то ему было ненавистно все православное, и потому католические прелаты хотели не унии (которая все же позволяла сохранить внешний распорядок православной жизни), а всецелого ополячивания и окатоличивания...

Потом, после собора, братства и в самом деле стали защитниками Православия. Но до него их роль в появлении унии была куда как неоднозначна...

Главный урок из тех событий: и братства бывают не правы.

На наших глазах снова складывается полуподпольное мирянское движение. Впрочем, в сегодняшней церковной ситуации есть изрядная и объективная новизна.

С одной стороны, никогда в истории Церкви не было такого числа знающих, грамотных,

образованных людей. История еще не знала такого общества, которое сложилось в XX веке – общества всеобщей грамотности.

С другой стороны, чрезвычайно дешево стоит распространять информацию и потреблять ее, то есть купить книгу или даже издать ее сегодня отнюдь не затруднительно. Книга, в том числе и церковная, никогда не стоила так дешево, как сегодня (томики Ленина, напечатанные в советский период, не в счет).

С третьей стороны, никогда не было в Церкви такой свободы слова. Сегодня в Церкви отсутствует цензура: и внешняя (общецерковная), и внутренняя.

Как работала цензура "внешняя" (внешняя по отношению к распространителю некоей книжки) рассказывается в книге Ирины Грицевской "Индексы истинных книг". Оказывается, житие Василия Нового с мытарствами Феодоры на Руси XVI—XVII веков относили к апокрифам: "А Василии же новый и Андрей Уродивы и Мефодий Патрьский и странник подобает о сих вешаго и ведущаго вопрошати, аще истинна есть". Именно в "Житии Василия Нового" содержится описание видений, подробно повествующих о посмертных мытарствах... в XIX веке цензор профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский боролся с подобными текстами: "Чаше издаются повести, полные самых странных чудес, одним словом, духовные романы о мытарствах, жития Андрея Юродивого, Иоанна Новгородского и т.п. Все эти сочинения представляются большей частью безграмотными. Сколько приходилось исправлять или останавливать книжек, направленных к распространению суеверных понятий в народе. Сколько раз ко мне приносили житие Киприана и Иустины, домогаясь пропуска. Совесть не позволяла, хотя из Четви-Минеи выбрали. Ругатели духовной цензуры знают ли эту неустанную службу цензуры духовному образованию народа?". Св. Филарет Московский также предупреждал, что «Видения, имеющие свою истину, не всегда удобно обращать в общие догматы. Вы догматствуете о мытарствах, а потом приводите изложение посмертных состояний из св. Макария, который ни слова не говорит о мытарствах. Отсюда рождаются затруднительные вопросы».

Сегодня же именно эти "духовные романы" (дополненные уже прямыми "интервью" с бесами) заполнили церковные лотки.

И это потому, что нет еще и внутренней цензуры. Нет цензуры традиции, цензуры вкуса. Традиция – это вкус, то есть предрассудки. Предрассудки в самом буквальном смысле слова: то, что "перед рассудком", что впитано человеком прежде, чем начал работать его личный критический рассудок. Современные церковные люди – это поколение, о котором можно сказать словами Андрея Вознесенского: "расформированное поколение, мы в одиночку к истине бредем". Внутренняя цензура – это церковная традиция, впитанная человеком или с молоком матери, или полученная в ходе нормального, очного богословского образования.

Нет внутренней цензуры вкуса, нет цензуры официальной, но еще и нет цензуры образовательной. Сегодня среди издателей церковных книг или редакторов газет трудно найти человека хотя бы с семинарским образованием, не говоря уже о духовно-академическом. Поскольку большинство из издателей и редакторов – неофиты, это означает, что маловат у них и личный опыт роста в Православной Церкви. В итоге – от имени Церкви тиражируются "попса" и дурь. Тут уж не приходится удивляться, что к церковным прилавкам находят свой путь настоящие монстры – книги, содержащие самые дикие суеверия. Для примера: "Одному из моих друзей, никак не хотевшему расставаться с привычными страстями, старец сказал, что ему не удастся в этой жизни отмолить свои грехи, но по милости Божией ему предстоит родиться бычком. Бычок в смирении проживает свои год-два, жуя то, что дают и идя туда, куда ведут, пока не зарежут и тем самым не освободят к лучшей жизни. Приятель этот рано умер... Вообще, блаженный утверждал, что почти вся домашняя скотина, за исключением собак – люди. Лошадью, отрабатывает грехи тот, кто мало трудился, коровы тоже

люди, а волком становится тот, кто мучил людей". Увы, эта книга издана в православном монастыре, а не в бурятском дацане...

А на серафимовских торжествах 2003 года в Дивеево паломникам раздавали листовку следующего содержания:

"Свидетельства старца Самуила – Боговидца нашего времени. Пророку Ездру было велено Господом писать книги 40 дней. Взять с собой пять человек, которые быстро и красиво пишут, пойти в поле и писать. И написано было всего 94 книги. Из них 24 книги по повелению Божию Ездра бросил в народ, пускай все читают, достойные и недостойные, а 70 книг передал из народа мудрым. Этими книгами заканчивается странствие земной твари и самой земной природы, переход в нетление. Апостол Иоанн, написавший "Откровение", хотел уже пустить в народ эти 70 книг, но Господь рабу Своему запретил голосом с Неба: "Скрой и не пиши сего! Ибо сокрыты и запечатаны слова сии до последнего времени". Но вот пришел час раскрыть эти книги и читать их. И вот тайна: первые 24 книги, которые даны народу, чтобы читали, т.е. знали их, – это 12 пророков и 12 апостолов. Старый и Новый Завет – Библия. А 70 книг передали, как бы с народа, мудрым. Это будут и уже есть вблизи пришествия Христова 70 избранных Божиих в честь семидесяти апостолов, которых Господь избрал и послал на проповедь во время Его земной жизни. Вот вам тайна открыта. Ездра написал их, – т.е. наименовал книгами. А они – люди, через которых Дух Святой передает миру неизреченную премудрость Божию. Этим современным апостолам дано больше ведения о Боге, не смотря на то, что с теми вращался Христос. Господь возвестит избранныкам Своим те тайны, которые до сих пор были сокрыты от земнородных. А теперь угодно Богу, да знают и люди то загробное, что знали до сих пор только Ангелы. И все эти 70-ть суть не только мужчины, но и женщины, и именуются они этим именем – Апостолы—Боговидцы. Одной из этих 70-ти книг был д.Самуил. Но он говорил: «Я самый старший возрастом среди этих 70-и. Это живые книги—люди, и самый большой дар мне дан. Нести его очень тяжело». Д.Самуил жил в Сумской обл., Тростянецком районе. В 50-х гг. д.Самуил получил дар Боговидения, после чего стал браться в Царствие Небесное и ад, видеть блаженства рая и муки ада. Отслужит в Земной церкви, а потом ему показывают, где мучились и как их выводили из ада, куда поместили эти души после причащения в Белградской церкви. Про ад он пишет: «Эти муки я видел многократно потому, что забирал благодатиею Божией из ада всех тех людей, которых повелел оттуда забрать и отвести в рай Сам Господь Иисус Христос». Господь милостив ко всем грешникам. И самоубийц милует, и не крещенных. Но, конечно, много зависит от земного ходатая. Господь через Самуила выводил и самоубийц, и иноверцев. Иисус Христос говорил д. Самуилу: "Когда служить обедню, оплачивай служебные просфоры и бери по 5 маленьких просфор. Тогда кровь с 5-и ран Моих вопиет к Отцу Небесному и Он прощает грешников." В небесную горницу дедушки Самуила (так называли хатку, где он жил, Ангелы) приходили и Иисус Христос, и Пресвятая Богородица, многие святые, Архангелы и Ангелы. Особенно много молился он о матерях, сделавших аборт. Он видел мучения абортных детей в аду, видел, как после покаяния их матерей деток из ада забирают Ангелы, а после службы в Земной церкви в Небесной церкви в присутствии Матери Божией Архангелы их крестят, нарицают имена, причащают и отводят на 3-е Небо. После его смерти /он отошел ко Господу 11.03.85 г./, остались дневники и письма его духовным чадам, из которых мы можем получить истинные знания о загробном мире. На исповеди нужно сказать священнику, что делала аборт и предохранялась. Сколько делала – говорить не надо. Так сказала Мать Божия. Потому что сколько абортных скажет мать-убийца, столько Сатана и отдаст детей ее из ада ее Ангелу-Хранителю. А может быть, там больше чад безымянных. Ведь аборт один, а душ погублено может 2 или 3. При абортах мать—убийцу из Книги Жизни вычеркивают. После покаяния в абортах опять записывают. Как мама записала свое имя на обедню /или отец/, ее /его/ Ангел—Хранитель летит в ад и забирает деток, и отводит их на 1—е Небо. Там их переодевают из адской одежды в райскую и кормят. И там они будут ожидать до того дня, когда на Земле за них будет служить обедня. И тогда Ангел Хранитель несет

деток в большую Белградскую церковь, которая находится на границе рая и ада. В ней непрестанно служат Архангелы в присутствии Матери Божией. Если мать не крещенная, то детей из ада забирает Сама Матерь Божия. Если им больше 7-и лет, то они уже мучились, а до 7-и лет они, хотя еще и не мучаются, но томятся, ожидая мучения. Через эту Небесную церковь проходят все души, которые мучились в аду: и взрослые люди, и абортные. Все-все, кого вымолит Земная церковь, все заводятся в эту Белградскую церковь, и кто крещен, тех только причащают и отводят в рай, а абортных крестят и нарицают имена, потом причащают. Примечание: Обедни за абортных детей служат не все церкви. Самой известной из них является макарьевская церковь г. Киева".

Ну где же современные этнографы? Неужели не понятно, что именно в таких местах, как Дивеево, куда стекаются народные паломники со всей страны, и надо исследовать народные верования? И к сожалению надо сказать, что эти бредовые листовки паломники уносили, а не выбрасывали...

Теневое сознание вышло на свет. Замечательно: теперь тень стала виднее, ее пристальнее можно разглядеть, а потому можно с ней дискутировать по дневным правилам – открыто.

Чем опасно отсутствие внутренней и внешней цензуры в эпоху грамотности и издательской дешевизны?

Если человек вообще неграмотен, живет своим огородиком, своей семьей, обычным приходским распорядком, то с него любая идеология сходит как с гуся вода. Он недоступен глубинному воздействию модных идеологов (ср. "пролы" в романе Оруэлла "1984").

Человек по-настоящему образованный тоже недоступен идеологической обработке: он знает, что надо десять раз проверить, прежде чем поверить какой—то сплетне.

А вот человек полуграмотный – он научился читать на свою голову, но не научился брать дистанцию от прочитанного. Он охотно верит листовкам и газеткам. А, значит, он становится управляемым. Его легко превратить в часть толпы, чего—то требующей и против чего—то протестующей (что требовать и когда протестовать – укажут листовки). Именно это является новым феноменом нашей церковной жизни.

В результате та теневая фольклорная культура, которая всегда была в Церкви, начала выплескиваться наружу. Всегда, во все времена алтарники сплетничали про попов, но только сегодня начали издавать свои газеты (типа "Русь православная", "Сербский крест", "Русский вестник" и т.п.). Всегда бабушки пугали друг друга рассказами про "сглазы" и "колдунов". Но только сегодня про это начали писать книжки. Всегда "калики перехожие" разносили по свету весть о его завтрашнем конце и уверяли, что они точно знают, что где—то на чужой стороне уже родился антихрист, и скоро он пожалует к нам. Но лишь сегодня их рассказы записываются на диктофоны, а потом публикуются в книжках типа "ИНН – печать антихриста" да озвучиваются по радио голосом Жанны Бичевской.

Впрочем, уже и из уст приходских священников модно услышать проповеди о том, что архиереи – такой тормоз церковный, который не позволяет народному благочестию прославить народных святых (под коими опять же понимаются Иван Грозный и Григорий Распутин). При встрече с такими декларациями соглашаешься: да, батюшка в данном случае совершенно прав. Архиереи – это тормоз. Только слово тормоз – хорошее слово. Надо тормозить, не торопиться, потому что иногда, когда все сползает в какую—то пропасть, имеет смысл притормозить – чтобы не захлебнуться в этом вполне большевистском и протестантском пафосе. Мол, мы – народ, мы сейчас всей колхозной массой поднимемся на борьбу всех одолеем, хотя темные силы с панагиями нас злобно гнетут... Это все тот же приступ обновленчества.

У этих людей уже сформировались диссидентские привычки, привычка бунтовать. Когда я

говоря о них, я отчасти говорю и про себя самого. Потому что я легко мог бы оказаться в их рядах – вся инерция моего нецерковного воспитания меня туда толкает. Интеллигенту трудно быть вместе с властью. Для него неестественно власть поддерживать. Он себя очень уютно чувствует в диссидентском подполье, особенно если оно более или менее безопасное: ты им фигу показал и спрятался, а на самом деле тебя никто и не преследует. То есть психологически я понимаю, почему эти люди там, но все-таки надо хоть чуть-чуть церковно взрослеть и церковно меняться.

Их листовки и газеты, проповеди и шепотки капля за каплей учат не доверять церковной иерархии: "большинство из нынешних архиереев бесконечно далеки от всякой истинно—духовной жизни. Но Бог не без милости. Придет время, и Господь Сам укажет нам такового. И когда сие произойдет, то лжепастыри-клоуны в страхе будут сами бросать свои рясы и побегут из России... Зыбко наше положение – положение гонимых "маргиналов" и "экстремистов" в родной Церкви. А они, облеченные чинами и золотыми ризами, твердо стоят на ногах. За ними – закон, официальное признание, земное основание, права, поклонение теплохладной паствы, непрерывная копеечка, гарантии, дружба с сильными мира сего! Так мы и маемся – по виду вместе, по духу – давно врозь! Враги Православия, – вовсе не "заблудшие" – сознательно выбрали свой путь, и он не совпадает с нашим. В нынешних условиях мы просто не имеем права ждать пробуждения их совести, страха Божия – это преступление перед Богом и Отечеством! Они к покаянию неспособны. Как же к ним относиться? Со святою ненавистью и кроткой беспощадностью!".

В общем, сегодня революционные настроения столь сильны и массовы, что не замечать их уже нельзя. И тут уже и я обращаюсь к архиереям и молвлю им на нашем, церковно—славянском наречии: "Владыки, дорогие, да ведь под вашими афедронами кафедры уже горят!".

Особенно отчетливо реформаторский потенциал заметен у ревнителей прославления Ивана Грозного...

Дискуссия об отношении к Ивану Грозному касается самых глубин церковной этики. Это вопрос о том, есть ли ограничения в средствах у церковного человека, преследующего цель, которая ему представляется предельно (беспредельно) благой.

У религиозного человека есть риск сорваться в большевизм. Большевизм был обречен на террор. Самое дурное в его практике было следствием самого высокого в его проповеди. Слишком уж велика была поставленная цель – счастье всего человечества на все будущие века. Эта цель – абсолютна в сознании ее служителя. Но абсолют именно потому и абсолют, что ни с чем не соотносим. В сиянии абсолюта растворяются все "частности" "великого пути". Все средства слишком малы для столь великой цели – и потому ни одно из них не может быть однозначно плохо. Это Император Николай II мог задуматься: а стоит ли ради сохранения своей власти или власти династии проливать кровь сотен людей? А Ленину над такими вопросами даже смешно было бы размышлять: по сравнению с безмерным счастьем миллионов, прыгнувших-таки "из царства необходимости в царство свободы", что значит жизнь нескольких тысяч, сломавших свои шеи в этом всемирно-историческом прыжке?! "Наша цель – оправдать наши средства".

Что-то похожее искушает и церковнослужителя: благо Церкви – это абсолют, и ради него, кажется, можно... Можно смолчать, можно поддакнуть, можно подписать, можно подтвердить, можно приговорить... В христианстве есть противовес этим искушениям Евангелие, молитва к Распятому за нас, традиция ежедневного покаянного труда. Но это все так легко забывается в суете нужных, еще более нужных, совсем неотложных дел...

Василий Розанов, юридивый русской философии, задался как-то вопросом: «Каким образом христианство, столь к человеку благожелательное, однако пришло к инквизиции?» Ведь перелома из „да“ в „нет“, перелома в убеждениях, в вере, в идеалах мы при этом нигде не наблюдаем! В этом-то

все и дело, что разлома нет! Нельзя сказать, исторически не было, что 1000 лет „гладили по голове“, но потом „начали жечь“. Ничего подобного! Никакого перелома, реформации, бури: тихое веяние. Веет, веет, гладит волосы, сладко, съедобно, веет, опять веет, горечь, опять сладко, еще слаще, веет, веет, чей-то раздался стон, но все замерло, веет, веет, выпали гвоздики, выпали иголки, кого—то укололи, смертельно, веет, веет, хорошо ли, дурно ли, все мешается, все непонятно уже, веет, веет. Инквизиция вошла в Церковь „дифференциалами“... Никто не заметил ее! Когда те 5-6 кардиналов, которые постановили „сжечь“ и действительно „сожгли“ кого-то, то никому решительно не пришло на ум спросить, не „впали ли они в ересь?“, „не отделиться ли нам от них?“»...

Правду ведь сказал. А с нами не случилось ли и не случится ли так же или того хуже?

И если для "Основ социальной концепции Русской Православной Церкви" вопрос о цели и средствах ясен, то все же нельзя столь же оптимистично сказать о том, что творится в умах всей многомиллионной Церкви. По выражению священника Владимира Зелинского, границы церковного почитания государственной власти еще с византийских времен остаются без должного надзора. И далее о. Владимир продолжает: "Всякая власть развращает. Абсолютная же власть вызывает трепет мистический... Сегодня власти, которая вызывает трепет, как бы нет. Но уже из одного предвкушения ее выплывает фигура сакрального хозяина, большого любителя "морали от держиморды", благосклонного к "чадцам", недругов же властным рыком удерживающего... Хозяина пока не видно, но нимб ему уже готов. И поскольку нимбу все же неуютно висеть в пустоте, воскрылия трепетов относят его на века назад, примеривая к венценосному челу садиста и бабника – словно бы не положено вере обходиться без обожания, ужаса и грозы. Конечно, если считать по трупам, Грозному до Сталина далеко – не та эпоха; но вот по части лжи он, пожалуй, поядовитей будет: генсек все-таки и постов не соблюдал, и поклонов не бил и орден пыталыщиков и убийц не выдал за монашеский".

Те, кто сегодня восхваляют Ивана Грозного, себя прочат в опричники. Они не умеют любить и – им нужен "святой образец" для оправдания их ненависти. Неужели в этом – Традиция Православия? Нет. Реформатором, через колено ломавшим Россию, был Иван Грозный. Модернистами являются его нынешние почитатели.

Они ни во что не ставят голос Патриарха (который ясно высказал свою оценку их притязаний). Столь же решительно отменяется ими голос церковного, литургического предания.

Литургическое предание выразило себя в службе святителю Филиппу Московскому, в частности в июньской службе, где в каноне на утрене содержится вполне ясная характеристика того человека, чье вмешательство в судьбу святителя Филиппа было столь трагическим. Этот человек не называется по имени, но ведь понятно, о ком идет речь и кто там называется "новым фараоном" и "новым Иродом".

Конечно, с точки зрения академического богословия можно сказать, что не всегда голос литургических текстов фактографически достоверен. Можно было бы на эту тему устроить дискуссию. Но чтобы ее развернуть, чтобы заглушить голос литургического предания, нужно столько эшелонов аргументов пригнать! Подлаживать литургию под свои политические "вкусы" нельзя. Иначе это будет откровеннейший модернизм. Я не хочу быть модернистом, поэтому я лучше поверю голосу литургического предания.

Есть еще голос церковной агиографии: в Житии свт. Филиппа ясно говорится о роли царя в его смерти. Но опричные модернисты прямо говорят о том, что Житие свт. Филиппа содержит "ложь". Для модернистов чудеса (которые, как им кажется, совершают написанные ими же «иконы» тех персонажей, в святости которых они уверены) важнее, чем праведно-назидательная жизнь самого этого персонажа. Поэтому они считают неверным «представление о том, что каждое житие должно быть назидательным для православного человека. Это не совсем так. То или иное житие может быть назидательным, а может быть и только констатацией каких-то известных фактов. По крайней мере

назидательность не критерий святости». Понятно: какая уж назидательность в Иване Грозном...

Есть еще голос церковной истории. Мы верим в то, что история – это пространство диалога Бога и людей, в то, что церковная история и русская история – это часть священной истории, продолжение библейской истории. И поэтому голос исторического предания для нас очень значим. Так вот, когда царь Алексей Михайлович пожелал перенести мощи свт. Филиппа в Москву, Никон отвез на Соловки царскую грамоту – "молю тебя, разреши согрешение прадеда нашего царя Иоанна, совершенное против тебя завистию и несдержанною яростию". Это значит, что в церковном сознании XVII века в конфликте св. Филиппа и Ивана Грозного виновной стороной считался Царь.

А вот голос соловецкого инокa Герасима Фирсова. Он пишет "Службу на перенесение мощей свт. Филиппа, митрополита Московского и всея Руси в Соловецкую церковь Преображения" – то есть еще до возвращения св. Филиппа в Москву. И тут читаем: "По истинне побарая, мужески царя обличил еси, им же в заточение отсылаем неправедно от престола отгоняешия нов, яко вторый Златоуст".

Тот же инок составил житие св. Филиппа. Конфликт царя и митрополита тут передается так: "Некогда же благочестивому царю Иоанну, завистию лукаваго врага от праваго на горшее яко человеку мало уклонившемуся, царство бо свое странно некако и не составно разделить восхоте, и от сего неповинных много крови пролитие бысть, блаженный же со всяцем дерзновением царя о сем поучая обличив и многими лжами к нему оклеветан быв и от престола со многим бесчестием и ранами царскою силою отгнан и в заточение в град Тверь, в монастырь святых триех отрок послан быв. И там блаженную кончину за Христа страдалчески подъят: сановник бо некий, Малюта именем, прослутием Скуратов, от царя послан быв, иже с лестью к праведному пришедь, благословения царю на дело недостойно прося, и зяць подглавием страдалческаго святого уста".

В "Похвальном слове на перенесение мощей св. Филиппа, митрополита Московского и всея Руси" инок Герасим повествует подробнее:

"...Неправе некогда скипетры правяще без сомнения обличил зело мудре и разумне, подобясе пророком Илии и Крестителю. И еже о благочестии подъят гонения же и изгнания... О всепагубныхъ совещаний: единство державы царствия его странно некако и не составно в разделение привести покушается пребеззаконный и того самого наветника державе своей и ратника быти научает лукавый, яко меч того наостри на христианское множество и левъски люте гневом дыхати устроив яко многу бы во области его неповинных быти кровию пролитию! Всеи же убо иже тогда святитилие и вельможи, ови страха ради и прещения, ови же прелестнаго сего света санов ради высоты и дароношения, хотению самодержца повинуются ни единому же супротив глаголющу. Приходит убо царь в церковь Божия Матере, приступает же к нашему сему новому богопроповеднику, возвещает совет неключим, просит благословен быти на дело недостойно благословения. Чтоже убо? Доблестная душа не содрогнуся страхом, но глаголаше: подобаше ти, рече, о царю, отвращати же ся и ненавидити богомерзких языческих обычаев же и законов, и державы царствия разделением не возмущати. К сим же и се вашему богохранимому разуму созерцати подобает, яко ни единого же от согрешающих, аще и праведне, яростию мучити лепо, понеже слепа есть страсть ярость: не может от горшаго лучшее разсудити. Лепо ти, царю благий, косну быти в мучение повинных. Жительство согласно вере молю тя показати, зане елико убо преимеет кто начальством толико должен и добродетельми первенство имети... Тем же, царю благий, аще и страх державый твоя на всех будет и вселенную всю аще повинеш, прогневаеши же Бога не по заповедем Того житие управляя, не пользует тебе обладательство вселенная, пришедши смерти внезапу... Слышавше же сия царь от святого, показуя на прочих соньма святителей, глаголет: виждь, рече, о честный отче, яко вси сии единомыслени суть нам и не супротив глаголют, но по нашему изволению нас благословляют и сего ради многу честь и славу и дерзновение имеют в нашей державе... Паки же к сему страдалец рече:... не тако убо, о царю, не тако Богом власть и свое спасение строити подобает еже веселитися убивьственными кровми

соплеменных, но обидимым подати помощь и содеяти ослабу скору, мучити же согрешающих косну быти... Чюдитися убо царь благодерзновению мужа, изменяет убо образ и ин из иного быв, рыкнув, яко лев, и гневом люте дхнув на святаго и всякого огня зелнейши яряся, бесчестием, изгнанием и мук нестерпимых томлением тому претяше и последнее смертию безчеловечною жития пременити обещаваше".

И наконец, для меня как человека, который не является специалистом по русской средневековой истории, значим голос ведущего церковного специалиста по этому периоду – архимандрита Макария (Веретенникова). Он всю свою жизнь занимается XVI веком – веком Ивана Грозного. Он монах, архимандрит. Его статьи об Иване Грозном в "Журнале Московский Патриархии" и газете "Радонеж" говорят о тех фактах в жизни грозного царя, которые не оставляют шансов на его прославление в лике праведников... Вновь говорю: для того чтобы оспорить выводы ведущего специалиста, церковного человека, всю жизнь посвятившего изучению этой тематики, нужно иметь очень много серьезных аргументов, а не отбрехиваться по принципу "Ах, это ж иностранцы сказали, а они всегда врут". Несомненно, в том мифе об Иване Грозном, который сложился в европейской историографии, есть много лжи. Но и нельзя думать, что раз иностранцы солгали в одном, значит, и все остальные их сообщения – ложь. Это тоже некорректно.

Ну, а столь впечатляющее наших реформаторов изображение Иоанна Васильевича в нимбе просто выдает меру их незнакомства с русской историей. Ведь нимб в иератической живописи – это не только знак личной святости, но и знак святости того служения, которое нес изображенный человек. Далеко не все люди, чьи изображения сопровождаются нимбами, прославлены Церковью. С нимбом изображали себя на монетах своей чеканки и св. князь Владимир, и непрославленный Церковью князь Ярослав Владимирович, и анафематствованный Церковью Святополк Окаянный (убийца своих братьев – свв. Бориса и Глеба).

Именно модернисты, некоторые из которых открыто мечтают об "опричной революции", и видят в Грозном "посвященного эзотерика":

"Грозный был еще и тончайшим православным эзотериком. Иоанн IV утверждает благой, в целом, характер смерти. Одна из главных задач инквизиции заключалась в том, чтобы провести грешника через некий ритуал духовного созерцания, обусловленного умерщвлением плоти. Долгие страдания постепенно делают человека невосприимчивым к физическим ощущениям, к запросам собственного тела. Разум, свободный теперь от телесных мучений, неожиданно открывает для себя новые функции, ранее ему неизвестные. Таким образом, наступает стадия просветления Разума, когда он, освободившись от материального тела, начинает свободно впитывать в себя божественные энергии высших сфер. Все это чрезвычайно легко накладывается и на опричный террор, который несомненно представлял собой одну из форм православной инквизиции. Иоанн Грозный и его верные опричники отлично осознавали свою страшную, но великую миссию – они спасали Русь от изменников, а самих изменников от вечных мук. А вот еще одна цитата – из текста, написанного иностранцем Шлихтингом, очевидцем многих тогдашних событий: "Однажды пришел к тирану некий старец, по имени Борис Титов, и застал тирана сидящим за столом... Тот вошел и приветствует тирана; он также дружески отвечает на приветствие, говоря: "Здравствуй, о премного верный раб. За твою верность я отплачу тебе неким даром. Ну, подойди поближе и сядь со мной". Упомянутый Титов подошел поближе к тирану, который велит ему наклонить голову вниз, схватив ножик, который носил, взял несчастного старика за ухо и отрезал его. Тот тяжело вздыхает и подавляя боль, воздает благодарность тирану... Тиран ответил: "С благодарным настроением прими этот дар, каков бы он ни был. Впоследствии я дам тебе больший". Под этим большим даром имелась ввиду смерть, смерть от руки Царя, избавляющего от загробных мучений". «Святой преподобный Корнилий, игумен Псково-Печерского монастыря, дерзал называть в монастырской летописи Помазанника Божьего – Царя Иоанна Васильевича Грозного

“антихристом”... Казнив игумена Корнилия, Государь Иоанн Грозный спас его для жизни вечной, не допустил полного падения его в прелесть».

А ведь это логично: кто не может зажигать людей радостью своей веры, в конце концов будет сжигать тех, кто поводы к своей радости нашел на стороне. Такие люди живут жаждой Опричной Реформации.

Если вы хотите понять, в чем кошмар "русского бунта, бессмысленного и беспощадного", послушайте новейшие песни Жанны Бичевской. Это была удивительная певица в 80-е годы. Городские романсы, потом народные песни, казачьи, песни иеромонаха Романа до середины 90-х годов она исполняла вдохновенно и талантливо.

А затем она стала петь стихи своего мужа. "...И не будет зоны, лагерей и тюрем, все враги России будут казнены. Мы врага настигнем по его же следу и порвем на клочья, Господа хваля..." Слушаешь такое и задаешь лишь два вопроса. Первый – где здесь поэзия? Второй – где тут христианская совесть?

Погубило же то, что она всерьез мнит себя пророчицей, учит всех и вся. На церковном языке это называется словом "прелесть": человек слишком серьезно начинает относиться к себе самому, слишком доверяет своим откровениям, интуиции, впечатлениям и мнениям. Она выступает в новом жанре – концертов—проповедей. Когда музыка – нечто десятичное, а главное – сказать свое слово, жестко обличая всех и вся, хоть президента, хоть Патриарха.

"Тут же прозвучало "Россия будет вновь свободной, и мир падет к ее ногам!". Затем еще конкретнее: "Русские плюют на власть Америк и Европ!" И после этой фразы Жанна в приступе священного гнева прокричала: "Чтоб они слохли все!". Гнев Бичевской направлен не только на «Запад», но и на церковную иерархию, отказывающуюся перенести титул «Искупителя» с Христа на царя Николая II.

Впрочем, вот подробнее это ее интервью:

"– Вы считаете, что в России еще что—то можно спасти? – Физическая смерть должна дойти до конца. Как в Писании сказано: "Аще не умрет, не оживет". Умереть должна Россия физически. Враги будут потирать руки, но из—за России начнется Третья мировая война, начнется дележка. Война будет между Китаем, Европой и Америкой. А Россия будет вне войны. Война будет несколько часов всего, но весь Запад будет обескровлен, инфраструктура вся будет нарушена. И вот под это дело выйдет Антихрист и вроде бы прекратит войну, даст всем мир, у него и ящики с товарами под землей приготовлены, но за это люди будут должны брать на себя карточки с его знаками. Антихрист будет говорить, что карточку можно потерять, поэтому знаки нужно переносить на тело – на чело и на правую руку, чтобы человек не мог перекреститься. – Вы действительно ощущаете себя пророком? – Абсолютно. Я очень грешный человек. Вот смотрите, я узнала, что там яма: "Не ходи туда, ты провалишься! Там яма. Она хорошо замулирована, но если ты пойдешь туда, то провалишься". Я уже подошла к яме, и святые сказали мне: "Туда нельзя ходить!" Я должна предупредить человека? Или я должна ждать, что он подойдет к этой яме, провалится и не вылезет. Какая же я христианка после этого? Потому и сказано: "Знайτε дела Антихристовы и говорите о всем щедро", чтобы люди прозревали. Последние времена будут, когда к власти придут красные – коммунисты, потом будет война с Китаем, а там конец. Китай избран мечем Божиим. Но дальше Урала царская Голгофа их не пустит. Будет огромное переселение народов. Все побегут спасаться в Россию. Это будет огромная империя на два года и восемь месяцев, потом Суд Божий, и все. После ядерной войны будет страшное время: ядерная зима, солнца не будет. Потом будет адская жара, океаны будут кипеть. – Значит ли это, что Жанну Бичевскую в Эстонию тоже Господь послал пророчествовать? – Наверное, Господь меня сюда прислал. Я служу Богу и царю. Я себе—то не принадлежу. Ад уже полон! И не только мирскими – монахами и священниками, даже архиереями полон ад!".

Позиция Бичевской ясна: и Патриарх, мол, не то делает, и попы меня не понимают. А я вот, пророчица, спасаю Россию и Церковь вопреки пассивности духовенства.

По сути Бичевская уже в секте. Она сама дала ей имя – "царская православная церковь". Там вместо Христа «Царь-Искупитель», газетно истолкованный Апокалипсис и кругом враги, которых она мечтает «порвать на клочья, Господа хваля».

Ну, в самом деле, не в Московской же Патриархии ей быть, если она питает свою душу мутными пророчествами некоей "блаженной Пелагии Рязанской". Вот пример пелагииных советов: «Скажи мне, а что, если убить колдуна?!». Она сразу мне ответила: «за колдуна – золотой венец от Господа!». Причем кандидата на убийство можно определить самому по такому, например, критерию: «Если кто—то сам ворожит или приколдовывает, то сам же первым делом и будет непременно отрицать существование магии и колдовства. И это – первый признак!». О том кошмаре, который новая явленная секта «пелагиан» тиражирует по стране (теперь и через Бичевскую) мне приходилось писать в книге «Оккультизм в Православии» (М., 1998). Церковное отношение к Бичевской было выражено в резолюции Рождественских чтений 2003 года: «В последние годы ряд изданий, объявляющих себя борцами за Православие, в том числе... радиопрограмма Жанны Бичевской "От сердца к сердцу" осуществляют пропагандистские кампании, которые, несомненно, способны привести к расколу в Церкви. Не предлагая читателям никакого положительного, спасительного для души опыта церковной жизни, эти издания подтасовывают факты церковной истории, искажают основы православной веры и в конечном итоге формируют сектантское сознание».

Отчасти, я думаю, что это проблема ненайденного духовника или, точнее, неправильно найденного духовника. Не нашлось в ее жизни мудрого Гэндальфа, который сказал бы ей: "Многие из живущих заслуживают смерти, а многие из умерших – жизни. Ты можешь вернуть ее им? То-то же. Тогда не спеши осуждать и на смерть".

Люди такого типа ("самоцены" – ценящие себя), ищут чего-то необычного. Жанна Бичевская – необычный, талантливый человек, кстати, это тот человек, которого Булат Окуджава считал своим сценическим преемником. И ей казалось, что ее духовным советчиком тоже должен быть кто—то необычный.

Я помню, когда читал книгу Вересаева "Пушкин в жизни", где собраны воспоминания современников Пушкина, больше всего меня поразила в этой книге смерть поэта. Жуковский пишет, что когда все поняли, что это конец, он предложил Пушкину "исполнить долг христианина". Это речевой штамп, в XIX веке означавший предсмертную исповедь и причастие. К некоторому моему изумлению, пишет Жуковский, Пушкин с легкостью и радостью согласился. (Удивление было еще и потому, что умирающие люди часто не верят в то, что они умирают. Отсюда и их суеверие относительно соборования: если пособоруешься, то точно умрешь. До сих пор некоторые боятся собороваться. На деле же – "соборование по намереньям Церкви есть врачевательное таинство, возвращающее здравие, а не приготовление к смерти").

Когда же Пушкин с радостью согласился, его спросили, за кем из батюшек послать, Пушкин ответил: это не важно, просто батюшку из соседнего храма. Он мог бы потребовать митрополита или святого. А он – первого попавшегося батюшку. Вот такое умение открыться простому приходскому священнику, не искать особо одаренных, особо гениальных – признак хорошей церковности человека. А у нас сегодня как? Даже грехи мои особые, нестандартные, поэтому и открыть я их могу только особо одаренному священнику. Вот встретится мне какой—нибудь суперорудивый, суперпрозорливый, ему я, так и быть, исповедуюсь, окажу честь. А обычному "отцу Василию" – ни в жисть!

Мне кажется, что Бичевская тоже искала каких-то особых старцев. А кто ищет, тот найдет. И она,

очевидно, нашла нечто такое "духовно-прозорливое" и самоуверенное со всеми вытекающими последствиями.

О ее авторском "богословии" верно сказал архиепископ екатеринбургский Викентий: "– Владыка, в Екатеринбурге проходил концерт Жанны Бичевской. Он вызвал немало вопросов у прихожан. Как относиться к ее творчеству и к тому, что она говорит? – Да, к сожалению, у нее есть взгляды, которые не совсем соответствуют нашему пониманию о Церкви и священнослужителях, а также о спасении и искуплении грехов человеческого рода. Она не понимает этого, считает себя авторитетным богословом, богословские вопросы неправильно преподносит людям. А так, конечно, у нее есть хорошие песни о России и патриотизме. Талант у нее есть, и цель вроде хорошая. Это, конечно, очень хорошо. Но, что касается церковных и богословских истин, то тут надо быть осторожнее. – Владыка, вновь было несколько звонков на тему прошедшего концерта Жанны Бичевской. Если в прошлый раз вопросы задавались о богословских заблуждениях этой певицы, сейчас они больше касаются поведения духовенства. Люди были смущены бурной реакцией нескольких священнослужителей во время концерта. Не лучше ли им было подойти к певице для вразумления после концерта? Имеет ли право священник так себя вести? Что делать этим людям, если они впали в грех осуждения тех священников? – Осуждать, в любом случае, нельзя. Да, священнослужители не выдержали и начали дискуссию во время концерта из ревности к славе Божией, но речь там шла об искажении догматических истин. Они хотели предостеречь людей, которые слушали эти слова, от неправильного понимания догматов Церкви. Священники, которые встали во время концерта и начали вести дискуссию, сделали это из уважения к народу. Они не хотели, чтобы кто-нибудь впал в какое-то заблуждение. Конечно, они могли бы начать эту дискуссию потом, в узком кругу, чтобы диспут был только с Жанной Бичевской. Тогда, конечно, было бы проще понять, какие истины искажает певица. Да, желательно было вести этот диспут в другой форме, но то, что произошло, произошло только из ревности к славе Божией, поэтому тут нельзя осуждать священнослужителей".

Увы, нездоровые суждения Жанны Бичевской востребованы определенным процентом духовно нездоровых церковных людей, опричниками-реформаторами. Не стоит удивляться этому. Если вы приходите на исповедь в храм, то первое, что вы слышите – честные слова священника перед исповедью о тех, кто собрался вокруг него и о нем самом: "Пришел еси во врачевницу, да не исцелен отыдеши". То есть Церковь сама себя считает больницей. Больницей в которой лечатся не переломы рук, а переломы души. Давайте честно скажем, что церковная людьми зачастую весьма и весьма нездоровыми: болезнь одного, бывает, заражает других, реверберирует, отражается, переходит на других.

Еще один фирменный знак русской реформации – Григорий Распутин в нимбе.

Позиция Патриарха Алексея ясна: "У многих вызывает недоумение, что в некоторых храмах за церковным ящиком продаются книги о Григории Распутине, изображающие его как святого человека". «Необходимо сказать еще об одном темном пятне нашей действительности. В последнее время появилось довольно много цветных, прекрасно изданных, с позволения сказать, „икон“ царя Ивана Грозного, печально известного Григория Распутина и других темных исторических личностей. Им составляются молитвы, тропари, величания, акафисты и службы. Какая-то группа псевдоревнителей Православия и самодержавия пытается самочинно, „с черного хода“ канонизировать тиранов и авантюристов, при учить маловерующих людей к их почитанию. Не известно, действуют ли эти люди осмысленно или несознательно. Если осмыслен но, то это провокаторы и враги Церкви, которые пытаются скомпрометировать Церковь, подорвать ее моральный авторитет. Если признать святыми царя Ивана Грозного и Григория Распутина и быть последовательными и логичными, то надо деканонизировать митрополита Московского Филиппа, прп. Корнилия, игумена Псково-Печерского,

и многих других умученных Иваном Грозным. Нельзя же вместе поклоняться убийцам и их жертвам. Это безумие. Кто из нормальных верующих захочет оставаться в Церкви, которая одинаково почитает убийц и мучеников, развратников и святых? Если же эти люди действуют не вполне осознанно, а подчиняясь своим эмоциям, своей жажде сильной власти, олицетворяемой Иваном Грозным, своему стремлению увидеть в России, наконец, порядок вместо того морального и криминального беспорядка, в котором мы все еще находимся, то им бы следовало понять одну элементарную истину, много раз доказанную всей человеческой историей. Несправедливость и зло невозможно победить, искоренить внешним насилием и другим злом. Жестокостью и насилием, которые сами по себе есть зло, но которые иногда используются для достижения якобы добрых целей, можно на какое—то время ограничить проявления зла; страхом можно загнать зло в подполье, вглубь, но там оно будет продолжать расти и умножаться, будучи недоступным внешнему давлению. Корень зла не вовне, а внутри человеческой души, в отсутствии или искажении моральных ценностей, в греховной воле, в потемнении сознания. победить зло, исправить жизнь можно только осознанным глубоким покаянием, изменением всего строя жизни, возвращением на путь добра и правды, то есть к Богу».

Но сторонники распутинской святости ссылаются на благословения покойного отца Николая Гурьянова... Слухи о добром отношении к этим личностям старца Николая Гурьянова могут оказаться правдой. Но не надо путать свою жизненную ситуацию с ситуацией отца Николая. В жизни человека такого склада, как отец Николай, осталось лишь одно чувство – любовь. Ревнителю же прославления Ивана Грозного живут ненавистью, жадной мести и злобой оттого, что не у них власть в обществе и в Церкви.

Любовь же всему верит, по слову апостола Павла и все истолковывает в лучшую сторону. Я по себе помню: лет 20 назад, когда я только приходил в Церковь, среди тех, кто встречал меня у церковного порога, были люди, от которых я впервые услышал о царской семье как о мучениках, о Григории Распутине как об оклеветанном подвижнике. Знаете, я с радостью на это реагировал. Ведь сама установка советского юноши, уходящего из СССР и приходящего в Православие, такова – пропаганда все врет. И когда мне говорили: ты знаешь, на самом деле и вот об этих людях тоже советская пропаганда сказала неправду, – для меня было только радостью сразу же с этим согласиться. Для христианина одна из величайших радостей – узнать, что человек, о котором тебя приучили думать плохо, на самом деле другой, и иметь возможность сказать: «Слава Богу! Число истинных христовых слуг в нашем мире было или есть больше, чем я думал». Конечно, это очень радостное ощущение. Нормальная реакция верующего сердца на такую весть может быть только радостной: «Вот здорово!».

Это было на уровне эмоций. Но оказывается, для церковного человека недостаточно просто жить по велению своего сердца, по первой эмоциональной реакции. Даже такие добрые чувства надлежит проверять и смотреть: насколько исторически и богословски обоснованна дошедшая до тебя версия, к каким духовным и иным плодам поведет согласие с ней.

Так вот, у отца Николая Гурьянова, я думаю, была нормальная церковная установка на доверие и на принятие доброй информации о другом человеке. А вот возможности проверить эту информацию не было. Не было у него возможности рыться в архивах, расспрашивать историков, и поэтому получилось так, что он (и о возрасте нужно помнить) стал в этом смысле заложником людей, окружавших его и фильтровавших поступавшую к нему информацию.

То, что происходило вокруг о. Николая в последние годы его жизни понуждает меня поставить такой вопрос. Подчеркиваю – это вопрос, а не утверждение.

Нам известно, какие бывают облики старения и угасания у людей обычной жизни, не преисполненных благодати. Мы знаем, что ум теряет былую остроту и силу, бывает, что человек начинает жить в каком-то своем мире, будучи не в состоянии усваивать новую информацию,

критически воспринимать приносимые к нему мнения окружающих его людей.

Отец Александр Ельчанинов сравнивал умирание с переводной картинкой. Сквозь плотную непрозрачную оберточную бумагу (тело) сама картинка (душа) еле видна. Картинку опускают в воду, а затем начинают отделять обложку. И вот в ту секунду, когда воздух попадает между обложкой и самой картинкой – последняя становится или еще более тусклой, чем прежде, или совсем невидимой. Но картинка не исчезла: еще немного – и она станет такой красивой, какой мы ее еще не видели.

То, что в нашей обычной жизни такое потускнение бывает, это очевидно. Конечно, очень хочется, чтобы в Церкви все было иначе, чем в светской жизни. И все же – может ли Господь попустить, чтобы нечто подобное произошло в жизни подвижника? Или же в жизни старца не может быть проявлений обычной человеческой старости? Ограждает ли Господь своих избранников от такого рода вещей? Я боюсь, что хотя бы временами отец Николай не миновал этого.

Начало и конец земной жизни схожи. В детстве человек зависим от своего окружения и ведом им. О детстве святых мы знаем хотя бы со слов преп. Варсонофия Великого, что влияние детского окружения и юношеского образования может влиять на мнения святых и в последующие годы их жизни. Каждый человек – даже святой – остается человеком своего времени и несет в себе некоторые предрассудки своего века, иногда не замечая их расхождения с Евангелием. Поскольку и пока это расхождение не замечено – оно и не может вмениться во грех. Однако, поясняет собеседник Варсонофия преп. Иоанн, если бы такие отцы помолились, чтобы Господь просветил их ум и по этим вопросам – неточностей удалось бы избежать: “они не просили Бога, чтобы Он открыл им, истинно ли сие учение, и потому Бог оставил их при собственном их разумении”.

Но и о старости сказано: "егда же состареешься, ин тя препояшет и поведет". Старый что малый... И в старости может придти к человеку такое же состояние не всецелой свободы в своих реакциях и мнениях, такая же зависимость от того, какие люди тебя окружают.

Так что в вопросах исторических я предпочту верить историкам, а не затворникам.

Историки же, у которых есть возможность копаться в архивах и проверять, где ложь из одного лагеря, а где ложь из другого лагеря, в итоге вырабатывают более взвешенную позицию, но все равно не в пользу Григория Распутина. В пример могу привести священника, который очень много сделал для прославления царственных мучеников – протоиерея Георгия Митрофанова из Санкт-Петербурга. Он лучший церковный специалист по русской истории начала XX века, член синодальной комиссии по канонизации святых и именно ему было поручено разобрать все аргументы против канонизации царственных мучеников. И он, работая в архивах, шел шаг за шагом – Ленский расстрел. Кровавое воскресение. Григорий Распутин, разбирая, что и как там было. Его выводы по этой теме как раз достаточно определены. Да, мы можем понять, извинить и простить отношение Государя и особенно Государыни к этому человеку, от которого зависела жизнь их сына. Но доброе отношение не стоит принимать за индульгенцию. Увы, есть слишком много свидетельств о мраке который все-таки был в глубине этой личности.

Второй человек, который тоже немало способствовал канонизации царственной семьи, – протоиерей Александр Шаргунов – считает, что атака на царскую семью с использованием имени Григория Распутина ведется уже второй раз. В первый раз это было при жизни царя, когда попробовали связать в единый узел Государя и Григория Распутина и удар по Григорию Распутину был ударом по Государю. Второй раз их пробуют связать воедино сегодня. Отец Александр считает это продолжением старой провокации: связав воедино в общественном мнении царскую семью и Григория Распутина, потом обратиться к реальным фактам из архивов, нанести удар по Григорию Распутину, но тем самым уже и по всей Церкви: “видите, Церковь ни в чем не разбирается и она всякого проходимца в лице святых прославляет”. Чтобы не рисковать слишком многим, необходима

осмотрительность. Естественно, эта осмотрительность не исключает дискуссии.

Наконец, я не могу забыть рассказ, поведанный мне в марте 1999 года в Стокгольме баронессой Людмилой Александровной Лянлезин-Трубецкой. В канун октябрьского переворота ее отец увез свою семью из опасного Петрограда на дачу – под Выборг. Поскольку затем эта территория отошла к Финляндии, они оказались в безопасности. Со временем постоянным гостем их дома стал Воейков – человек из ближнего Государева окружения. Подросшие барышни расспрашивали гостя о придворной жизни и, конечно, о Распутине. Воейков подтвердил, что Распутин обладал целебным даром и не раз спасал наследнику жизнь. Проблема была в том, что порой Распутин бывал настолько пьян, что его нельзя было везти во дворец, а помощь была необходимо срочно. Тогда к нему подтаскивали телефон, и Распутин, по телефону беседуя с Царевичем, останавливал кровотечение... Поскольку мне неизвестны православные святые, которые в пьяном виде творили бы чудеса, приходится признать, что Распутин к их числу не принадлежал. Мне кажется, что Распутин – это просто экстрасенс: Кашпировский начала XX века.

И если и впрямь мироточит его фотография или "икона", то меня это нисколько не впечатляет. Мироточили даже языческие статуи. Мироточат иконы в жутчайшей секте по имени "Богородичный центр" (она же "Церковь Державной Божией Матери"). Поэтому само по себе крово-, слезо-, мироточение не является аргументом святости того или иного изображения, тем более персонажа.

Тот, кто мироточение образа считает высшим аргументом, не устоит перед лестью антихриста. Ведь и враг Христов в конце времен создаст чудотворный образ: *"И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя"* (Откр. 13,15).

Когда-то, еще будучи семинаристом, я услышал, что сатане Господь не попускает принимать облик Божией Матери, и потому все видения Богородицы истинны, а тот, кто эти видения созерцает, не может быть в прелести... Несколько месяцев этот тезис не давал мне покоя: сердце хотело ему верить, а разум сопротивлялся. Наконец, стало понятно, кто же запустил эту благочестивую "пулю" в церковных обиход: товарищ Янкельман; он же гражданин Береславский; он же "епископ Иоанн" из "Катакомбной Церкви", в конце 80-х вместе с Якуниным возглавлявший клуб "Церковь и перестройка", а затем стяжавший известность как лидер "Богородичного центра" и "Церкви Божией Матери Преображающей". С помощью этого благочестивого но самодельного "предания" он хотел получить индульгенцию для тех оккультно-эротических откровений, которые он сам распространял от имени якобы являвшейся ему Богородицы.

Вот так же опасно строить свою веру на чудесах мироточения: мол, если где-то что-то мироточит, то там и есть правда.

При объяснении же почитания Распутина Царственными Страстотерпцами, не стоит забывать, что царская семья – это типичная семья русских интеллигентов, со всеми комплексами русской интеллигенции. Среди этих комплексов – жажда простоты, народничанья, такой воспитанный поколениями в русской интеллигенции комплекс вины перед простым мужичком и соответственно жажда опроститься, припасть к лону народа. И тут это лono явилось в виде Распутина. Особенно важно "опроститься" и слиться с "народушкой" было для императрицы, немки, сознательная задача всей жизни которой – обрусеть, стать матерью для русского народа, к которому она приехала. Эта сознательная установка породила очень много добрых вещей, но одно – распутинское – последствие оказалось печальным. Кроме того, не будем осуждать мать за то, что она так дорожила жизнью своего сына...

После вышесказанного, полагаю, не покажутся преувеличением слова патриарха Алексия, сказанные им при посещении Санкт-Петербургского подворья Валаамского монастыря в сентябре

1998 года. Здесь Патриарх призвал духовенство и верующих "хранить единство Православной церкви, потому что есть люди, которые пытаются посеять сомнения в умы еще не окрепших в вере людей в правильности действия священноначалия. Особенно заметно это стало в последнее время, когда видно желание некоторых сил разделить народ церковный, породить в Церкви раскол и тем самым ослабить ее. Есть и государственные деятели за рубежом, считающие Русскую Православную Церковь своим врагом и открыто заявляющие, что она препятствует дальнейшему расчленению России. Эти силы используют различные средства, в том числе оплачивают труд критически пишущих о Церкви и ее священноначалии".

Полагаю, что нет нужды доказывать, что в мире есть весьма влиятельные силы, не заинтересованные в возрождении сильной и самостоятельной России (например, вряд ли в этом заинтересованы транснациональные монополии).

Неумно было бы предполагать, что у этих кругов есть люди, умеющие думать и просчитывать вперед. Вспомним, что Збигнев Бжезинский свою книгу о геополитике назвал "Большая шахматная доска". Это верно: в шахматах надо уметь думать за своего соперника, просчитывать и его возможные ходы и его реакцию на твои действия.

Сегодня не секрет, что в западных элитах были и есть специалисты по истории и культуре России (достаточно вспомнить о госсекретаре США при Буше-младшем Кондолизе Райс).

А знакомство с историей России показывает, что в тяжелейших кризисах она оказывалась неоднократно. И все же – выходила. Причем из некоторых кризисов – под влиянием слова Церкви, на волне духовного подъема.

Может быть, кто-то скажет, что это было давно и в XXI веке слово религиозных проповедников ничего уже не значит? Но и у американских геополитиков занозой в памяти ноет иранская революция. В 1978 году успешно развивавшийся проект по вестернизации Ирана был сорван. Свой, воспитанный на Западе шах (Реза Пехлеви) сверху прилагал усилия к тому, чтобы "традиционное" (то есть не—западное) общество переняло западные стандарты жизни и мировоззрения. Но народ Персии последовал слову религиозного проповедника – аятоллы Хомейни. И про-западное правительство было сброшено. Иран стал "исламской республикой" и проблемной зоной для американского стратегического планирования. А затем и мусульманский мир в целом стал зоной разноликого бунта.

Понятно, что строителям нового мирового порядка не хотелось бы видеть проявлений подобного непослушания в восточно-христианском мире. Но чтобы управлять наследниками православно-византийской цивилизации, надо ее изучить. И вот под занавес XX века США становятся всемирным центром византологических исследований. Но если вкладываются серьезные средства в изучение истории Православия, то приобретенные знания, наверно, будут потом использовать...

Так как же должен действовать центр, перед которым поставлена задача блокировать церковное возрождение в России?

Первый и самый простой рецепт – предпринять попытку религиозной американизации России. Секты американского происхождения и в самом деле чрезвычайно бойко начали свое шествие по России в начале 90-х годов. Но стать сколь—либо заметной общественной силой они так и не смогли.

Второй рецепт – это мутирование самой Православной Церкви. Но как бы западные и прозападные СМИ ни лоббировали экуменически и модернистски ориентированных российских проповедников, они все же оказались маргинализированны в самой Церкви.

Третий рецепт – парализация жизни Церкви через провоцирование в ней самой раскола. То есть перенос украинской ситуации в Россию.

Но как организовать раскол в сообществе людей, которые всей своей историей и каждой проповедью предупреждают о гибельности раскола? Как втянуть в раскол тех, кто помнит слова Златоуста: "Грех раскола не смывается даже мученической кровью"?

Вот тут и настает пора присмотреться к русской церковной истории. Так устроено наше церковное сознание, что оно чутко реагирует на любую "левизну". Все, что хотя бы шепотом заявляет о возможности и необходимости пересмотра древних уставов, сразу отвергается. В итоге веками устоялось у нас своего рода косоглазие: все косимся влево, опасаясь угрозы оттуда. А вот справа образовалась зона слепоты. Слева муха не пролетит. Зато справа хоть танковая колонна проедет – а слишком многие церковные люди будут думать, что все нормально, что и тут мера и граница не нарушены. "Левые" расколы у нас не приживались. Единственный удавшийся раскол в русской церковной истории – это раскол, который шел под "правыми" лозунгами: "больше верности старине!".

Таково "заветное начало греков: частичку уступи, все поползет и расплзется. Хоть оно и правда – отчасти, но нельзя же оставаться всему как есть неизменно. Подле неизменяемого есть и изменяемое. Вот эту сторонку как бы они угадали как следует". Страх перед новизной настолько велик в русском церковно-народном сознании, что может с испуга столкнуть в новизну радикальнейшую.

Чтобы парализовать церковный страх перед расколами – надо сделать "обезболивающую инъекцию" в церковное сознание: "Да, раскол неканоничен. Но каноны-то написаны для нормального течения церковной жизни. А сейчас времена ненормальные. Времена сейчас антихристовы, а потому цепляться за старые каноны нет никакого смысла. Ведь время антихриста – это время подмен". Антихрист – это "вместо—Христос". Раз настало это время – ищи подмен. Все должно быть ложным. И прежде всего – ложной должна быть Церковь.

Так уже было в русской истории – в XVII веке. Сработала цепочка ассоциаций: реформаторский Собор 1666 г. – "три шестерки" – время антихриста, а значит время подмен (и это при том, что в пору проведения этого Собора летоисчисление на Руси велось не от Рождества Христова, а от сотворения мира, и, значит, никто из его организаторов в "лето от сотворения мира 7175" и представить не мог, что есть какие-то три шестерки в дате этого собрания).

Если на дворе – антихрист, то Церковь просто должна быть неправильной. А значит, с ней нужно порывать и бежать от нее на поиски "правильной веры". Именно религиозный долг велит попать древние каноны и нарушить церковное единство... Так что баловство в увлекательные игры под названием "найди признаки последних времен" может обернуться очень печально – причем задолго до "последних времен".

Вот и в последние десять лет газета за газетой, листовка за листовкой бьют в одну и ту же точку: "последние времена – неправильные епископы". А бесплатная рассылка газет, листовок и брошюр соответствующего содержания заставляет задуматься об источнике финансирования этих дорогостоящих проектов. Просто ли это не-церковные деньги или же в конце концов прямо анти-церковные?

Сами активисты "русской реформации" в большинстве своем, полагаю, не осознают, что же именно они делают и какой реальной программе служат. Но и боевики "Аль Каиды" тоже вряд ли осознавали, что служат реализации геополитических планов, разработанных далеко за пределами мусульманского мира.

Сколько странные люди и проекты стоят за спиной "правых реформаторов", можно показать на четырех примерах.

Первый – свидетельство архиепископа Белгородского Иоанна: "Когда мы задались вопросом: кто же финансирует выпуски тех газет, что "борются" против ИНН, то оказалось, что это люди, которые

входили в так называемый Ротари-клуб – известную масонскую организацию. Они напрямую финансировали эти протестные выражения людей, которые в некоторых епархиях даже поставили верующих на грань раскола...".

Второй пример – из Суздаля. В Суздале есть малопочтенная секта, именующая себя "Российской Православной (Автономной) Церковью". Ее ядро составляет странная смесь откровенных циников и умников. А за ее спиной маячит тень главного ельцинского пиарщика "политтехнолога" Глеба Павловского. 29 июля 2003 года "синод" этой секты выпустил послание на горячую тему – "о номерах". Вывод этого послания: "Будем помнить, возлюбленные, что запечатал себя печатью Антихриста тот, кто живет нераскаянно в рабстве греху, кто оскверняет свою совесть принятием ИНН". Циники вряд ли всерьез озабочены борьбой с грехами своей «паствы». Умники не могут не знать, что налоговые номера не могут быть «печатью антихриста». А вот с точки зрения политтехнологии ход очень грамотный: подогреть нестроения в православном мире по поводу «номеров», спровоцировать церковный раскол и далее реализовывать излюбленную стратегию «управляемого хаоса».

Третье свидетельство о раскольнических перспективах нынешних церковных диссидентов уже из Москвы.

В ноябре 2004 года состоялся "поместный собор" некоей "Истинно-православной церкви", которую возглавляет "митрополит" Рафаил (Прокопьев). В прошлом полковник Советской армии, получивший тяжелое ранение в бытность свою военным советником на Ближнем Востоке, он читал доклад громким командирским голосом. Одна из обсуждавшихся тем – немедленное избрание своего «патриарха», альтернативного Московской Патриархии. «Одна не представившаяся соборянка лет 35 агитировала за немедленное избрание патриарха, восклицая, что иметь патриарха – “это здорово, супер”».

Входит в эту группу и "Апостольская православная церковь" во главе с "митрополитом" Стефаном (Линицким). Линицкий – модернистский художник, достаточно модный в 80—е годы. Его картины обычно изображали столпы света, спускавшиеся на подобие лучей прожектора от неба к земле, и святых, передвигавшихся в этих лучах на фоне православных храмов. В общем – вполне визионерски—окультная живопись, перенасыщенная эзотерической символикой.

Так вот, – "Во время перерыва корреспондент "МН" разговорился с отставным полковником медицинской службы Александром Головко, который пришел на Собор в военной форме и активно ратовал за восстановление патриаршества. Полковник обратился к вере недавно, после ухода на пенсию из Военно-медицинской академии, и посвятил себя проповеди чудес, источаемых иконой Божией Матери "Воскрешающая Русь". Головко ездит с этой иконой по России и странам ближнего зарубежья, тщательно фиксируя чудеса. По его словам, самыми впечатляющими являются чудеса "астрономического свойства", например, необычное поведение солнца, которое "вращается, пульсирует, прыгает крестом, разделяется, излучает сияния". Некоторое время назад икона находилась в Троицком соборе Дивеевского монастыря, и к ней началось массовое паломничество. По неизвестным причинам – возможно, опасаясь, что новая святыня "затмит" старую, мощи преп. Серафима, – монастырское начальство спрятало икону. Теперь полковник Головко путешествует с ее списками, один из которых висит в [катакомбном] храме св. Рафаила. Собор, выслушав рассказ полковника, совершил особое прославление иконы "Воскрешающая Русь"" (там же).

Эта "икона", выполненная в бело-голубых тонах израильского флага, по мнению не только художника—"митрополита" Линицкого, но и "Русского вестника" и "Руси православной" должна обеспечить спасение России. Свою "святыню" полковник Головко со товарищи навязывает весьма жестко. Так, епископу Ставропольскому Феофану они, предъявив свою икону, сказали: "Владыко, поцелуй эту икону, иначе мы всем скажем, что ты жид!".

Я не "жид", но как человек, немало изучавший оккультизм в разных его проявлениях, могу сказать, что сие произведение подлежит исследованию в рамках именно сектоведения (или психопатологии). Палитра красок этой "иконы" характерна именно для оккультной живописи: резкие переходы тонов, холодный колорит. На обложках журнала "Наука и религия" такого рода шедевры можно найти в большом количестве. Но именно в таком оккультно—живописном стиле исполнена и картина "Воскрешающая Русь", которую новые опричники пытаются навязать для общецерковного почитания.

Да и "митрополит" Рафаил до того, как объявить себя таковым, занимался экстрасенсорикой. Затем же – "Исчезла табличка "Целительский центр ПРОИС". Вместо нее появилась "Православная община Св. Архангела Рафаила". Исчезли "мальтийские" знаки. На службах митрополита стали именовать обычно, как и полагается, а не "хранителем врат Гроба Господня". И до сих пор по четным дням митрополит Рафаил проводит свои "целительские" сеансы, получая по 1500 рублей с каждого посетителя за получение 15 минут благодати, каждый понедельник совершаются спецслужения "ордена рыцарей—госпитальеров", в храме продаются видео—кассеты, на которых владыка Рафаил лихо изгоняет демонов из всех желающих".

Чуть раньше истоки нагнетаемого внутрицерковного конфликта стали ясны в связи с болезнью Патриарха Алексия осенью 2002 года. Тогда пошли слухи о том, что сердечный приступ с Патриархом произошел вследствие бывшего ему видения: якобы ему предстал преп. Феодосий Киево-Печерский: "В том, что увидел Алексей перед тем, как с ним случился удар, он признался нескольким лицам окружавшим его, вскоре после видения, за несколько часов перед тем, как состояние его здоровья стало резко ухудшаться. При этом более всего патриарха поразил сам сверхъестественный факт, ибо, как утверждает источник, Алексей, несмотря на свой высокий церковный сан, воспринимает религию скорее как традицию и ритуал, нежели на самом деле хоть во что-то верит. Однако в видении, неожиданно посетившем патриарха, явился некий благообразный старец в монашеском одеянии, назвавший себя игуменом Феодосием Печерским (как известно, этот настоятель Киево-Печерского монастыря, живший в XI веке и стоявший у истоков Православия на Руси, еще при жизни почитался верующими как чудотворец, а после смерти был признан святым). Святой Феодосий стоял прямо перед патриархом, в его светлых пронзительных глазах не было гнева, но был замечен жестокий укор. Алексей передал дословно то, что он услышал от старца—игумена. "Отпали от Бога – ты и многие братья твои, и к диаволу припали, – произнес святой. – И правители Руси не правители уж суть, а кривители. И церковь потворствует им. И не стоять вам по правую руку от Христа. И ждет вас мука огненная, скрежет зубовой, страдания бесконечные, аще не опомнитесь, окаянные. Милость Господа нашего безгранична, но слишком долгод для вас путь к спасению через искупление бесчисленных грехов ваших, а час ответа близок". После этих слов видение исчезло, оставив совершенно оцепеневшим Ридигера, который никогда ничего подобного не испытывал, более того всегда со скептицизмом относился к сообщениям о всякого рода чудесах".

Обычно слухи такого родах окапываются в монастырях. Потом расползаются по приходам, попадают в листовки, затем в околицерковные газетки. Но в данном случае источником слуха стал Интернет. Значит, это уже не фольклорное творчество, а сознательный "спецпроект". Люди, пустившие эту утку, достаточно умны и обеспечены, чтобы владеть интернет-технологиями и достаточно хорошо знают мир Православия, чтобы придать своей утке именно то оперение, с которым ее могут приветить простые церковные люди.

Иоанн Златоуст говорил так: посмотрите на апостола Фому, он не поверил доброй сплетне о Христе, когда услышал о воскресении Христа. Почему же вы, – говорит Златоуст своим прихожанам, – так легко верите злым сплетням о ваших священниках и епископах?

Чтобы понять яд, которым напоены подобные слухи, надо знать необычность устройства

Православной Церкви. В истории известны два типа организации религиозных общин.

Один из них можно назвать харизматическим. Эта модель предполагает, что статус религиозного лидера определяется личными дарованиями человека, его особыми духовными или магическими способностями (как вариант – в исламе и иудаизме – его личным образовательным цензом). Плюсы такой модели очевидны. Ее недостатком является неустойчивость. Тут и проблема определения доброкачественности духовного опыта лидера, и проблема передачи этого духовного опыта его преемнику.

Вторая модель организации религиозной общины – институциональная. Тут именно место красит человека. Предельно ясно этот принцип выразил Эразм Роттердамский, защищая папский принцип против Лютера: "Бог излил Дух на тех, кому Он даровал должность". Плюс этой модели также очевиден: устойчивость и стабильность жизни в этой общине. Минус также нетрудно заметить: риск при передаче внешних полномочий потерять искорку духа.

В Православии же оба этих принципа совмещаются. Институционально-иерархическое понимание духовенства освобождает прихожанина от необходимости исповедовать и экзаменовывать священника, к которому он обратился за совершением таинства или требы. Христианин может не расспрашивать священника о его личной духовной жизни, а просто верить, что он послужит Таинству Литургии независимо от своих личных достоинств или недостатков. Ведь в этом случае священник делится не своим, личным и наработанным, а Божиим.

Но когда речь идет о духовном совете – тут можно искать "харизматика", то есть священника с личным духовным опытом. "Старца". Вот это сочетание священства и монашества, епископата и старчества дает Православию жизненность и устойчивость. И именно на разрыв этого двуединства и направлено острие нынешней "реформации". Главный ее тезис – противопоставление "старчества" епископату (а также приходскому духовенству и богословским школам).

В этой перспективе получившую широкое распространение книжку "Духовные беседы и наставления старца Антония" нельзя охарактеризовать иначе как весьма удачный спецпроект по расколу Церкви. Рецепт его прост: конструируется рассказ о некоем благодатном старце. Имя и место его подвига шифруются (мол, не время открывать). Чудеса и подвиги добавляются в необходимом количестве. К ним добавляются нормальные святоотеческие духовные советы. Когда же читатель почувствует родное, святоотеческое в этой книжке и начнет ей доверять, ему будут предложены "новинки". Проверить ничего нельзя: ни издательство, ни автор ни даже год издания не указываются. Остается лишь верить в существование духоносного и образованного старца—исповедника, который учит, что...

Что бензин – это "адское топливо". Что библиотеки вредны – ибо «каждый человек прочитавший до тебя книжку, оставляет в ней свой отпечаток – либо благодати, либо адского провала» (с. 269). Что «многоэтажки – сатанинское изобретение» (с. 207). Что «создатели электроники бесов сажают туда толпы» (с. 185) (вот, оказывается, что творится на российских оборонных предприятиях!). Что «государство уже является главным врагом спасения» (с. 173).

"Старец Антоний" представляется как человек с классическим дореволюционным богословским образованием. Он, мол учился в семинарии "за стенами Лавры" еще в царские времена (с. 16). Вот только изготовители этого апокрифа тут промахнулись: семинария в стенах Лавры поселилась лишь в конце 40-х годов XX века, до революции в Лавре располагалась только Академия.

В странной семинарии учился "старец". По его словам, "Церковь учит, что антихрист войдет сразу в каждый дом... Сколько споров вызывало утверждение, что антихрист одновременно войдет в каждый дом. И мы в семинарии спорили, еще как спорили! Только с изобретением телевизора все

стало понятным" (с. 62 и 223). И где же это он нашел такое "учение Церкви"? В Писании нет ничего подобного. И у Отцов Церкви такого "пророчества" не было.

И хотя апокриф уверяет, что и с богословским образованием, и с греческим языком у "старца" все было великолепно, тем не менее он демонстрирует абсолютное незнание с богословским значением термина "соборный": "Если бы в отношениях властных начальник—подчиненный было только всевластие одного и глубокое смирение другого, то не было бы необходимости и в Соборности Церкви. Но если бы не Соборность, не осталась бы Церковь и Православной – сколько раз хранителями истины оказывались одиночки, в то время как высшее священноначалие – еретики?!" (с. 83)

С образованием у "старца" плоховато. Оттого и говорит он, что "литвины, чухонцы, поляки – все испытали на себе падение, все прошли страшный путь вероотступничества, но не народ Святой Руси" (с. 257). Да уж вроде страшнее богоборчества и массового отпадения от веры и поругания святых, чем у нас, ни у кого и не было... Но идеологическая догма тут застилает глаза "старцу". Ну, не любит он, например, городов и фабричный люд ("Все это вражеская уловка – собрать людей вместе для совместной работы на заводах, оторвать от Божьего мира. А сами заводы тоже использовать по прямому назначению – уничтожение сотворенного Зиждителем!" – с. 206). Но разве в дофабричную эпоху село было христианским? Большую часть своей истории христианство было религией горожан. И таковой оно снова становится сейчас...

О католичестве у него самые фантастические представления – "Где место человеку, придумавшему, что если папа вынес приговор, не совпадающий с судом Божьим, то последний должен быть изменен в пользу мнения римского епископа. Кажется, так звучит?" (с. 152). Нет, не так. Совсем не так.

Даже об истории ереси жидовствующих у него весьма странное представление: "Все (!) типографии Литвы готовили еретические книги и под видом вещей послов возами завозили в Новгород, Москву" (с. 139). Автор книжки про "старца Антония" поставил восклицательный знак после слова "все". А я бы поставил большой знак вопроса с несколькими восклицательными знаками после слов "типографии Литвы". Дело в том, что в XV веке – веке, когда в Новгороде и появилась ересь жидовствующих (объявилась она в 1471 году), никаких типографий в Литве не было. "В начале 20-х годов XVI века Франциск Скорина приезжает в Вильно и в доме богатого белорусского мещанина Якуба Бабича основывает первую в нашей стране типографию, где издает "Малую подорожную книжицу" и "Апостол".

В церковнославянском и греческом языках "старец" силен ровно настолько, чтобы перевернуть смысл богослужебного выражения с ног на голову: "ад всесмехливый начатое дело высмеивания всего Божьего, духовного доведет до конца" (с. 62). Но в аду нет места для смеха. Там место плача. Христианин же может посмеяться над обманувшимся адом. "Ад всесмехливый" значит "ад, достойный всяческого посмеяния". В "Полном церковно—славянском словаре" протоиерея Григория Дьяченко говорится: "Всесмехливый – достойный всякого осмеяния или поругания". Еще апостол Павел говорил: «Ад, где твое жало. Смерть, где твоя победа». Это некая издевка. Надо заметить, что и в некоторых апокрифах, размышляющих о сошествии Христа во ад звучит эта тема иронической издевки над сатаной.

Познания "старца Антония" в Писании видны из его призыва: "Евангелие следует понимать буквально – сказано бежать в пустыню, вот и беги, не обдумывая святые словеса" (с. 207). Но нет таких слов в Евангелии. "Старец" спутал модную ныне проповедь "Анастасии" и Евангелие. Христос говорит не о бегстве из города в пустыню, а о переходе из одного города в другой город: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф 10,23).

О пребывании Церкви в пустыне говорит не Евангелие, а Апокалипсис (вот уж книга, при чтении

которой буквализм как раз опасен): "И даны были жене два крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия и там питалась в продолжение времени, времен и полвремени" (Откр.12,14).

В пустыне, в которую "старец Антоний" призывает уходить сейчас (!) он рекомендует взять "буржуйку, лопаты, топоры, одежду, обувь – все, что поможет продержаться три с половиной года. И лекарства и спички и соль" (сс. 217—218). Однако, Апокалипсис и тут говорит нечто иное: "А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога, чтобы питали ее там тысячу двести шестьдесят дней" (Откр. 12,12). Если понимать это место буквально, к чему и призывает "старец Антоний", то в пустыне надо ждать ангелов с манной небесной, и тогда в "спичках, соли" и тайных огородах не будет нужды.

Вообще эта проповедь бегства на огороды удивляет. Зачем христианину так заботиться о продолжении своей физической жизни на лишние и страшные три с половиной года? Зачем эта забота о лекарствах, если христианин и так уж точно знает, последние дни истории космоса можно будет просто вычеркивать карандашиком из календаря, ведя отсчет от вполне ясной и последней даты (1260 дней со дня коронации антихриста)? Зачем такая забота о максимально удобном и не—мученическом проведении последних дней?

У американского писателя-фантаста Роберта Шекли есть рассказ "Битва" (подозреваю, в оригинале этот рассказ называется "Armageddon"). Итак близится день последней битвы, Армагеддона. К главнокомандующему генералу в бункер входит священник и от имени духовенства просит разрешения принять участие в Битве Господней. А вот дальше, пожалуй, стоит привести большую цитату:

"Верховный главнокомандующий Феттерер нервно забарабанил пальцами по бедру. Он предпочел бы остаться в хороших отношениях с этой братией. Что ни говори, а даже ему, верховному главнокомандующему, не повредит, если в нужный момент за него замолвят доброе слово...

– Поймите мое положение, – тоскливо сказал Феттерер. – Я – генерал, мне предстоит руководить битвой...

– Но это же Последняя Битва, – сказал священнослужитель. – В ней подобает участвовать людям.

– Но они в ней и участвуют, – ответил Феттерер. – Через своих представителей, военных.

Священнослужитель поглядел на него с сомнением. Феттерер продолжал: – Вы же не хотите, чтобы эта битва была проиграна, не так ли? Чтобы победил Сатана?

– Разумеется, нет, – пробормотал священник.

– В таком случае мы не имеем права рисковать, – заявил Феттерер. Все правительства согласились с этим, не правда ли? Да, конечно, было бы очень приятно ввести в Армагеддон массированные силы человечества. Весьма символично. Но могли бы мы в этом случае быть уверенными в победе?

Священник попытался что—то возразить, но Феттерер торопливо продолжал: – Нам же неизвестна сила сатанинских полчищ. Мы обязаны бросить в бой все лучшее, что у нас есть. А это означает – автоматические армии, роботы—перехватчики, роботы—танки, водородные бомбы.

Священнослужитель выглядел очень расстроенным. – Но в этом есть что—то недостойное, – сказал он. – Неужели вы не могли бы включить в свои планы людей? –

Многие, – сурово произнес священник, – считают, что было ошибкой поручить Последнюю Битву военным. – Извините, – бодро возразил Феттерер, – это пораженческая болтовня. С вашего разрешения...

Он указал на дверь, и священнослужитель печально вышел.

– Ох, уж эти штатские, – вздохнул Феттерер. – Итак, господа, ваши войска готовы?

– Мы готовы сражаться за Него, – пылко произнес генерал Мак—Фи. – Я могу поручиться за каждого автоматического солдата под моим началом. Их металл сверкает, их реле обновлены, аккумуляторы полностью заряжены. Сэр, они буквально рвутся в бой.

– Превосходно, – подвел итог генерал Феттерер. – Остальные приготовления закончены. Телевизионная передача для населения всего земного шара обеспечена. Никто, ни богатый, ни бедный, не будет лишен зрелища Последней Битвы.

– А после битвы... – начал генерал Онгин и умолк, поглядев на Феттерера.

Тот нахмурился. Ему не было известно, что должно произойти после битвы. Этим, по—видимому, займутся религиозные учреждения.

– Вероятно, будет устроен торжественный парад или еще что—нибудь в этом роде, – ответил он неопределенно.

– Вы имеете в виду, что мы будем представлены... Ему? – спросил генерал Делл.

– Точно не знаю, – ответил Феттерер, – но вероятно. Ведь все—таки... Вы понимаете, что я хочу сказать.

– Но как мы должны будем одеться? – растерянно спросил генерал Мак—Фи. – Какая в таких случаях предписана форма одежды?

– Что носят Ангелы? – осведомился Феттерер у Онгина.

– Не знаю, – сказал Онгин.

– Белые одеяния? – предположил генерал Делл.

– Нет, – твердо ответил Феттерер. – Наденем парадную форму, но без орденов.

Генералы кивнули. Это отвечало случаю.

И вот пришел срок.

В великолепном боевом облачении силы Ада двигались по пустыне. Верещали адские флейты, ухали пустотелые барабаны, посылая вперед призрачное воинство. Вздывая слепящие клубы песка, танки—автоматы генерала Мак—Фи ринулись на сатанинского врага. И тут же бомбардировщики—автоматы Делла с визгом пронеслись в вышине, обрушивая бомбы на легионы погибших душ. Феттерер мужественно бросал в бой свою механическую кавалерию. В этот хаос двинулась роботопехота Онгина, и металл сделал все, что способен сделать металл.

Орды адских сил врезались в строй, раздирая в клочья танки и роботов. Автоматические механизмы умирали, мужественно защищая клочок песка. Бомбардировщики Делла падали с небес под ударами падших ангелов, которых вел Мархозий, чьи драконьи крылья закручивали воздух в тайфуны.

Потрепанная шеренга роботов выдерживала натиск гигантских злых духов, которые крушили их, поражая ужасом сердца телезрителей во всем мире, не отводивших зачарованного взгляда от экранов. Роботы дрались как мужчины, как герои, пытаясь оттеснить силы зла.

Астарот выкрикнул приказ, и Бегемот тяжело двинулся в атаку. Велиал во главе клина дьяволов обрушился на заколебавшийся левый фланг генерала Феттерера. Металл визжал, электроны выли в агонии, не выдерживая этого натиска.

В тысяче миль позади фронта генерал Феттерер вытер дрожащей рукой вспотевший лоб, но все так же спокойно и хладнокровно отдавал распоряжения, какие кнопки нажать и какие рукоятки повернуть. И великолепные армии не обманули его ожиданий. Смертельно поврежденные роботы поднимались на ноги и продолжали сражаться. Разбитые, сокрушенные, разнесенные в клочья завывающими дьяволами, роботы все—таки удержали свою позицию. Тут в контратаку был брошен Пятый корпус ветеранов, и вражеский фронт был прорван.

В тысяче миль позади линии огня генералы руководили преследованием.

– Битва выиграна, – прошептал верховный главнокомандующий Феттерер, отрываясь от телевизионного экрана. – Поздравляю, господа.

Генералы устало улыбнулись. Они посмотрели друг на друга и испустили радостный вопль. Армагеддон был выигран, и силы Сатаны побеждены.

Но на их телевизионных экранах что—то происходило.

– Как! Это же... это... – начал генерал Мак—Фи и умолк.

Ибо по полю брани между горами исковерканного, раздробленного металла шествовала Благодать. Генералы молчали. Благодать коснулась изуродованного робота. И роботы зашевелились по всей дымящейся пустыне. Скрученные, обгорелые, оплавленные куски металла обновлялись. И роботы встали на ноги.

– Мак-Фи, – прошептал верховный главнокомандующий Феттерер. – Нажмите на что—нибудь – пусть они, что ли, на колени опустятся.

Генерал нажал, но дистанционное управление не работало.

А роботы уже воспарили к небесам. Их окружали Ангелы Господни, и роботы—танки, роботопехота, автоматические бомбардировщики возносились все выше и выше.

– Он берет их заживо в рай! – истерически воскликнул Онгин. – Он берет в рай роботов!

– Произошла ошибка, – сказал Феттерер. – Быстрее! Пошлите офицера связи... Нет, мы поедем сами.

Мгновенно был подан самолет, и они понеслись к полю битвы. Но было уже поздно: Армагеддон кончился, роботы исчезли, и Господь со Своим воинством удалился восвояси".

Роберт Шекли

Этот фантастический рассказ – хорошее противоядие против огороднических фантазмов "старца Антония".

Бегство, проповедуемое этим апокрифом, предполагает разлучение не только с городскими квартирами, но и с привычно-каноничным укладом церковной жизни. Это бегство от епископов.

Любимая мысль "старца Антония" состоит в постоянном напоминании о превосходстве "старцев" над предателями-епископами. "Кто обличал впавшее в арианство, монофизитство и прочие ереси священноначалие? Пустынные монахи-отшельники, старцы по-нашему. Поэтому все было сделано, чтобы вытравить старчество из церковной жизни" (с. 134). Ну, а главный борец с ересью Ария кто был? Разве не святой епископ Афанасий Великий? А против Нестория кто восстал? Разве не

святитель Кирилл Александрийский? А ересь монофизитов (как раз рожденную монахом Евтихием и ревностно поддерживаемую египетским монашеством) разве не обличал св. римский папа Лев Великий?

Как это и характерно для нынешней реформационной литературы, и книжка про "старца Антония" противопоставляет "простого народа" и предателей-архиереев. "Высшее священноначалие, власть предержавшие уже в ересь впали. Но не испорченный народ поддержал праведников" (с. 139). Вообще-то о народном протесте против движения жидовствующих ничего не известно. Протест начался как раз сверху: с новгородского архиепископа Геннадия – второго человека в иерархии тогдашней Русской Церкви.

И вот подобные ядовитые глупости переходят в этой книжке со страницы на страницу. Тут и комсомольские смакования "дорогих машин и неоскудевающих столов высшего духовенства" (с. 274). И разрезы скальпелем в стиле – "Временное правительство приветствовали все, вплоть до высшего архиерейства. Все, кроме старцев, признанных и нет" (с. 141). И личные мемуары, заставляющие вспомнить одного из сыновей Ноя: "Я ему говорю: простите, владыка, а Страшного суда не боитесь? А он мне: то ли будет, то ли нет, а пожить и тут хочется!" (с. 100). И указания на сегодняшние реалии: "Проверку силы ада уже провели, присвоив всем номера. С молчаливого согласия, а то и прямого благословения духовенства вся страна превратилась в лагерь... У каждого храма есть настоятель, над настоятелем – архиерей. Кто только за его спиной стоит?" (сс. 132 и 227).

И все это – ради основного тезиса: "служить вне узаконенной государством церкви" можно (с. 197). Если ты считаешь, что тебя отстранили от служения за твою сверхобычную духовность – то имеешь полное право служить без благословения архиерея.

На упоминание о канонах, устанавливающих епископальную структуру Церкви, следует ответ: "Единственный и неизменный принцип – соблюдение себя" (с. 289).

"Отец Антоний, как соотносить ваше старчество с иерархией и четким порядком в церкви? – А кто благословлял великого Антония? А тысячи подвижников фивейских и нитрийских?... Почему великий во святых Паисий остался в Валахии, не захотел он этой твоей иерархии?! А почему? Мню, что отнюдь не из-за архиереев, но потому, что Православие – это свобода духа и любое ограничение его уже протестантство" (сс. 286—287). "Ты хотел понять, чем наполнен этот дряхлый сосуд, как он вообще может без благословения правящего существовать, так ведь?... С чьего благословения служили литургии на телах полуживых мучеников в римских тюрьмах? А причастие пустынников Ангелами? Да что там говорить, примеров кажущегося нарушения принятых обычаев в житиях, и в самом Евангелии – множество!" (с. 288 и 190).

И вообще – ныне "окончание времен, вступают в силу другие законы" (с. 270). А то, что Апокалипсис назначен на завтра, для "старца Антония" вне сомнений: "Зачем выплавляется столько стали? Скажи, сколько килограмм железа вы используете у себя дома? Пускай сто килограмм. Умножь на число жителей, добавь нужды армии, общественных дорог. А куда все остальное девается? Идет же оно на подготовку прихода антихриста, вот куда! Значит, не нужно оно все это производство" (с. 257—258).

Правда, и тут есть противоречие внутри самой книжки. С одной стороны, она настаивает, что все самое страшное уже началось и чемоданы надо готовить уже сейчас. С другой, она претендует на предсказательность и обещает, что "Англии не будет, остров уйдет в море, отягощенный океаном грехов... То же ждет и Японию. Китай захлестнет большую часть России. Желтыми будут все земли за горами и после них. Африканцы заполнят наши города и веси" (сс. 170—171). "Скоро греховодники станут потчевать своих гостей блюдами из детских тел, людоедство будет восприниматься вполне нормальным действием, признаком хорошего тона. Ты доживешь" (с. 160). Ну, казалось бы, раз тебе

так хорошо известно будущее, то можно установить и последовательность своих действий: вот сначала исчезнут Англия и Япония, потом придут китайцы, потом реклама будет зазывать в дорогие рестораны на дегустацию человечины, ну а потом и явится антихрист. Значит, в промежутке между предпоследним и последним актами и наступает время для бегства (если уж считать его полезным)...

Так проявляется главная линия апокрифа: тайные молитвенные дома и литургии без ведома местного правящего архиерея преподносятся в этой книге как подвиг, а не как нарушение канонических правил (при этом "старец Антоний" лицемерно на каждой странице врет, что он горой стоит за соблюдение этих правил). Впрочем, и правил-то он не знает, а потому и выдумывает, будто "Апостольские правила" запрещают священнику в мирской одежде заходить в алтарь (с. 285). А ведь во времена написания "Апостольских правил" еще не было никакой особой одежды для духовенства, богослужебные же облачения находились в алтаре и чтобы в них облачиться, в алтарь и нужно было сначала зайти в обычной одежде.

Если есть антиминс с мощами – этого достаточно для литургии без благословения правящего епископа (о том, почему именно русские антиминсы позволяют литургисать без архиерея эта книжка рассказывает на с. 191).

Антиминс – "вместо-престолие". Это по сути верительная грамота от епископа, которой он благословляет совершать Литургию в его отсутствие. Поэтому так важна на антиминсе подпись архиерея. А вот вшивание мощей в антиминс как раз необязательно: не мощи святого дают возможность совершения литургии, а единство литургисающего священника с Церковью; единство и которое и выражается в его канонической связи с епископом.

Поэтому и разворачивает священник антиминс на престоле в тот момент ектеньи, когда возносит моление о епископе. При возгласе же в конце ектении о оглашенных – «Да и тии с нами славят...» – священник целует антиминс. Но не то место, где в него вшиты мощи (русская традиция, которой нет у греков), а то место, где стоит подпись епископа. Тем самым священник берет благословение у своего архипастыря на совершение этой литургии в удалении от кафедрального собора.

Но по мнению лиц, стоящих за изданием книги "Старец Антоний" подпись архиерея начинает считаться важнее самого архиерея. И в самом деле – в Иркутской епархии в 2001 году три священника засобирались в леса – подальше от "печати антихриста", коей они сочли ИНН. Узнав об их призывах, к ним приехал архиепископ Иркутский и Ангарский Вадим, чтобы уговорить беглецов продолжить их обычное пастырское служение. Диссиденты, однако, отказались сослужить со своим епископом и даже не подошли к владыке под благословение. По их мнению, архиерей, принявший налоговый номер, становится безблагодатным вероотступником. И тем не менее, уходя в тайгу, эти священники не забыли взять антиминсы, подписанные архиепископом Вадимом (по милости Божией двое из них уже вразумились и, принеся надлежащее покаяние, вернулись к нормальному церковному служению).

Появление практики раскольничьего обращения со святыми антиминсами, и появление "богословского" оправдания такой практики требует церковного обсуждения вопроса об антиминсах.

Представляется целесообразным при смене правящего архиерея заменять все антиминсы в епархии – ибо приходские священники составляют собор вокруг своего живого и правящего архиерея, а не вокруг прошлого епископа. Храм, однажды освященный епископом, пересвящать новому архиерею уже не надо. Но зачем, вознося имя одного архиерея, целовать подпись совсем другого?

Святые мощи, вшитые в антиминсы, следует конечно, перелagать в новые антиминсы. Прежние же подлежат хранению в кафедральном соборе, как это и предписывает церковная традиция относительно забрызганных, стершихся или порванных антиминсов.

Возможен и иной вариант: не заменяя сам антиминс, дополнять его подписью нового правящего

архиерея. При этом антиминс заново освящать не нужно. Но можно определить, что за дни Цветной Троицы (это время наиболее уместно, потому что Пятидесятница есть день рождения христианской Церкви и есть день сообщения апостолам тех благодатных даров, которые и переданы ими епископам), следующими за назначением нового архиерея, в этой епархии все антиминсы должны быть заменены или дополнены росписью нового правящего архиерея.

...В послании Президента В. В. Путина после захвата школы в Беслане сказано, что против нашей страны ведется необъявленная война. Было бы странно, если бы враги России разрушали ее государственную жизнь, убивали ее детей, но при этом оставили бы в покое духовный стержень русской жизни – Православную Церковь. И в самом деле, мы видим, что последние 10 лет одна за другой следуют попытки внести раскол в жизнь Русской Православной Церкви.

И линию желаемого раскола недруги Церкви и России провели чрез противопоставление епископата и монашества, монашества и духовных школ, монашества и приходского духовенства.

Газеты, анонимные листовки и брошюры (а порой и не анонимные, а порой и имеющие ложные благословения и ложные подписи) год за годом твердят одно: якобы иерархия утратила духовность и православность; якобы епископы не то тайные католики, не то масоны-экуменисты; якобы священноначалие, если на него не надавить митингами, не может понять, кто по настоящему свят, равно как и не может увидеть настоящей же духовной опасности (в налоговых номерах или в паспортах).

Тотальное недоверие к епископам, помноженное на слух о наступлении антихристовых времен, дают "богословское" оправдание проповеди решительного самочиния и непослушания, а также практике беззастенчивого попирания церковных канонов. В конце концов в сознании людей, охваченных этой пропагандой, делается допустимым нарушение самого главного, что есть в церковных канонах: церковного единства.

Очень многое сложилось вместе: и массовое полужнаительство, и наследие позднесоветского диссидентства, и властолюбие некоторых "православных публицистов", и расчетливая игра наших недругов, мечтающих в России провести очередную "оранжевую революцию". Вместе это поставило нашу церковную жизнь на порог серьезной мутации.

Как ее остановить? – Для начала хотя бы перестать воспевать "простецкую веру".

ПОЧЕМУ НЕ СОЗЫВАЮТ ПОМЕСТНЫЙ СОБОР?

В дни работы архиерейского собора в Москве телевизионщикам было трудно получить картинку из зала, где эта работа проходила. Собор шел за закрытыми дверями. Зато напротив этих самых закрытых дверей явно старалась привлечь к себе внимание небольшая группа пикетчиков. 60 человек, считающих себя ревнителями Православия, громко протестовали против налоговых номеров и электронных паспортов, а также требовали созыва Поместного Собора Русской Церкви.

В Уставе Русской Православной Церкви значится, что ее высшим органом управления является Поместный Собор. Но в 2000 году из Устава было убрано упоминание о какой бы то ни было привязке созыва Поместных Соборов к временным рамкам. Согласно новому Уставу, архиерейский Собор должен собираться не реже чем раз в 4 года, а вот для Поместного собора никакая периодичность не указана. Это означает, что созыва Поместного собора теперь следует ожидать лишь для избрания нового Патриарха.

В Церкви нашлись люди, которые сочли, что такая перемена ограничила их права. И вот при виде

архиереев они не склоняют головы – "Благослови, владыко!", а скандируют: "По-ме-стный со-бор!!!! По-ме-стный со-бор!!!!".

Теперь пора прояснить термины.

Архиерейский собор – это собрание всех епископов Русской Православной Церкви. На Собор 2004 года из 19 стран мира (от Японии до Великобритании) прибыли 146 епископов, считающих именно Московского Патриарха своим "Великим Господином и Отцом".

Поместный собор – это собрание, которое составляют не только епископы, но и делегаты, избранные от духовенства, монашества (в том числе и женского), духовных учебных заведений и мирян. Понятно, что те миряне, которые рассчитывали озвучить свою позицию с высшей церковной трибуны, теперь, при бессрочном откладывании Поместного собора, ощутили себя ущемленными.

Реакция вполне естественная. И все же в ней есть серьезное противоречие. Дело в том, что сами "протестанты" считают себя людьми, исповедующими Православие столь традиционное и каноническое, что даже Патриарх и Синод находятся у них под подозрением. Увы, защищают они традицию, которая об этой защите их не просила и которую они сами толком не знают.

Например, каноническое право Православной Церкви вообще не знает такого понятия как "Поместный Собор". На Вселенских Соборах древности право голоса имели только епископы.

Император Феодосий в порядке подготовки III Вселенского Собора в Эфесе (431 г.) повелел – "как мирян, так и монахов, и собравшихся уже, и имеющих еще собратся, всячески отдалять от Эфеса, как людей ненужных для предстоящего исследования догматов; не надобно допускать, чтобы они производили смятение и препятствовали мирным постановлениям отцов собора". Аналогично было распоряжение императрицы Пульхерии при созыве VI Вселенского Собора в 451 году «мы повелеваем всячески изгонять из города и областей и монахов, и мирских, которых никакая причина не призывает на собор».

Миряне или священники могли приглашаться на них только по решению Собора для объяснений или участия в прениях, но не для голосования. Если архимандритов и священников, бывших на этих соборах, и приглашали поставить подпись под решениями Собора, то не потому, что эти решения нуждались в утверждении этими архимандритами, а в порядке церковно-государственной дисциплины. Это была подписка о лояльности, взимаемая с клириков государственной Церкви.

Приглашение мирян к соборным дискуссиям и голосованиям появилось на общей революционной волне начала XX века. Столь почитаемый "протестантами" император Николай II до конца своего не созывал Поместный Собор. И лишь февральская революция сделала возможным его появление.

Поместный Собор впервые в нашей Церкви прошел в революционных 1917—1918 годах. Было ли это торжеством церковной "соборности" или, напротив, уступкой либеральным чаяниям предреволюционных лет – разговор отдельный, но все же нельзя не заметить, что при переносе разговора с Поместных Соборов в область канонического предания Церкви сразу возникает пустота под ногами: канонами Поместные Соборы просто не предусмотрены.

Итак, Поместный Собор есть знаковое событие именно революционной эпохи: впервые работал он в 1917—1918 годах. Если же мы сегодня расстаемся с революцией (и с контрреволюцией как ее двойником), то естественен и отход от структуры, которая, с одной стороны, незнакома прежним векам церковной истории, а с другой – сама слишком сроднена с революцией, современницей которой она является.

В годы советской власти отказаться от Поместных соборов было нельзя потому, что сама

соввласть была порождением той же революционной стихии, и потому, что на мирян она имела больше рычагов воздействия, чем на архиереев. Под предлогом расширения "народной демократии" у священников и епископов отбирались возможности для руководства приходской и церковной жизнью (полномочия передавались приходским старостам, которые нередко назначались прямо самими компетентными в мире органами).

Да, в досоветской истории России были Соборы, в которых наряду с епископами участвовали миряне. Но это были не церковные соборы, а государственные прото-парламенты. Земские Соборы. Это были соборы не церковные, а церковно-государственные, общенациональные. Духовенство на земских соборах было представлено как сословие. Сегодня же в нашем обществе нет сословий и потому нет оснований для созыва Земского Собора.

На церковно-государственных соборах Древней Руси присутствовали вместе светские и церковные владыки. Но только владыки. Князья, бояре, дворяне. А вот делегатов от крестьян или пономарей там не найти.

Может быть, если в современную Думу будет решено включить епископов – тогда Дума станет подобна Земским Соборам допетровской Руси. Но от этого она не станет органом, управляющим внутренней жизнью самой Церкви. Такого рода слияние могло быть оправдано в условиях, когда объемы понятий "общество" и "Церковь", "народ" и "христиане" были тождественны. Сегодня это очевидно не так. А, значит, при созыве Поместного Собора неизбежно встанет вопрос: "Какой именно народ должен участвовать в его работе?"

Понятно, что народ православный. Но как определить меру православности? Нельзя провести выборы делегатов на собор, пока не определено, кто именно имеет право участвовать в этих выборах. Можно увещать город объявлениями: "Завтра в таком-то зале объявляется собрание для выбора делегатов на Поместный собор". Но как определить, пришли ли действительно прихожане или просто завсегдатаи любых предвыборных встреч? Как добиться, чтобы пришли именно прихожане этого прихода или города, а не свезенные автобусами активисты из других городов? А ведь могут организованно явиться и просто сектанты. Представляете – "Свидетели Иеговы" или рериховцы избирают своего делегата на Поместный Собор Русской Православной Церкви?!

Значит, прежде созыва такого рода локальных собраний нужно ввести фиксированное членство людей на каждом приходе. Во многих странах Запада это есть: человек вписывается в определенный приход, платит годовой взнос на его нужды и обретает право голоса во всех вопросах его жизни.

Но это есть как раз то, чего так обоснованно опасались верующие советской эпохи. Это то, против чего протестуют и пикетчики у Зала церковных соборов. Ведь их протест против номеров и паспортов мотивирован желанием избежать слежки. Так что вновь их позицию приходится признать противоречивой: любезный их сердцу Поместный собор может стать голосом народа только при условии, что люди сами сдадут государству списки православных активистов.

Еще одно условие для фиксированного членства в приходе, значит, и для участия в выборах делегатов на Поместный собор – это сознательная вера прихожан. А чтобы наши прихожане действительно узнали свою веру – нужно приложить немалое и личное и общецерковное усилие в области миссии и богословского образования. И тут еще одна брешь в логике пикетчиков. Участие в выборах невозможно без обретения осознанной веры, а такое осознание невозможно без богословия. Но и пикетчики и их вдохновители люто ненавидят церковных богословов и миссионеров, считая, что доверять можно лишь "старцам" (чем более юродив, радикален и косноязычен будет "старец", тем более он будет считаться "благодатным"). Вывих этот не нов: на языке церковной традиции он определяется как "ересь гносеомахии". В VIII веке св. Иоанн Дамаскин среди известных ему ересей под 88-м номером помещает "борцов со знанием": "Они отвергают необходимость для христианства

всякого знания. Они говорят, что напрасное дело делают те, которые ищут каких-либо знаний в Божественных Писаниях, ибо Бог не требует от христианина ничего другого, кроме добрых дел. Итак, лучше жить скорее попроще и не любопытствовать ни о каком догмате, относящемся к знанию".

Для сознательного участия в церковной жизни необходимо сознательное же принятие крещения взрослыми людьми. Так что самым прямым шагом на пути к Поместному Собору стал бы отказ от крещения взрослых, не прошедших богословские собеседования (крещение детей – это другая тема). Но, боюсь, что такое предложение самими же пикетчиками и их "старцами" будет сочтено "баптизмом" и воспринято в штыки.

А пока этого нет – созыв Поместного собора не станет чем-то более демократичным, чем созыв собора Архиерейского. Просто его делегаты будут назначаться каждым епископом в своей епархии. В советские годы состав делегации на Поместный Собор был вполне предсказуем: епископ, настоятель кафедрального собора (от духовенства) и бухгалтер епархии (от мирян).

В древней Церкви миряне участвовали в выборах священников и епископов. Но это были миряне, которые проходили систему церковного оглашения (научения). Собственно, из этой практики и родился наш Великий Пост: неопитов крестили перед Пасхой, а до того в течение 40 дней они должны были изучать Евангелие. По правилам древней Церкви "пред крещением пусть постятся крещающий и крещаемый и, если могут, некоторые другие" (Дидахе, 7). Со временем же предкрещенский пост стал из личного общецерковным и из предпасхального предкрещенским. Пост был временем именно богословского усилия: христиане учили своей вере оглашенных, а те учились. Понятно, что такие люди имели право голоса в Церкви. Когда же христианство стало массовым и систематическое и обязательное обучение вере пред крещением прекратилось, то исчезла и выборность духовенства. Поэтому и восстановление "демократического" начала в Церкви надо начинать не с пикетов, а с возрождения системы всеобщего (для членов Церкви) церковного образования.

Банальность? Да. Но у нас сегодня и банальности усваиваются с трудом. И чтобы обнаружить неусвоенность этой банальности современным церковным сознанием, я лишь еще на шаг разовью этот вроде бы самоочевидный тезис. Чтобы богословская образованность стала нормой, нужно в Церкви вернуть уважение к труду тех людей, которые несут в себе эту образованность и могут ее передать другим.

О ком идет речь? Да прежде всего – о преподавателях богословских школ (семинарий, Академий, богословских институтов). Но среди ревнителей Поместного Собора принято относиться к богословам как к лицам крайне подозрительным, "условно расконвоированным". Мол, "кто истинно молится – тот истинный богослов", а вы, профессора, ведь не старцы, и, значит, молиться не умеете, а потому и верить мы вам не станем... Ну, не станете, так не станете. Просто в этом случае культура богословской мысли так и останется уделом малой части духовенства. И о всенародных выборах иерархов и делегатов можно забыть.

И еще ревнители скорейшего созыва Поместного Собора явно не читали "Законов Паркинсона" (что, конечно, не является грехом, но все равно печально). А эти законы вполне реалистично гласят, что чем более многочисленно собрание, тем легче им управлять. Заседание Синода (14 человек) легче превратить в работу дискуссионной группы, чем заседание Архиерейского Собора (150 человек). А последовательная многосторонняя дискуссия в зале с шестьюстами участниками уже просто невозможна.

Представьте: в зале стоят три микрофона (их может быть пять, десять, но чем их больше, тем более разрушается логика дискуссии). У каждого микрофона небольшая очередь из желающих выступить. Делегат у первого микрофона ставит проблему А. Затем нужно дать слово делегату, первым стоящему у второго микрофона. Однако, у него, единственный раз решившегося на

выступление за дни Собора, наболела проблема Б. Затем делегат, стоящий первым у третьего микрофона, доносит до слуха Собора и президиума свою обеспокоенность в связи с проблемой В. В итоге одновременно ставится сразу несколько проблем и возвращение к ним следующих выступающих происходит довольно беспорядочно. Избежать этого можно (при сохранении свободы выступлений и прений) только через уподобление регламента Собора регламенту постоянно действующего парламента: для дискуссии по каждой из проблем выделяя по несколько дней, принимая документы в нескольких чтениях... В общем – обладая неограниченным лимитом времени (Поместный Собор 1917—1918 годов не случайно растянулся на два года и формально так и не был завершен).

Если же длительность Собора ограничена неделей, а время свободных дискуссий – одним днем, то отдельные диссидентские выступления возможны, но решать все равно будет небольшая редакционная комиссия, с которой большинство собрания почти гарантированно согласится.

Когда-то это понял умирающий Ленин и предложил "реорганизовать Рабкрин" и ЦК за счет привлечения туда рабоче-солдатских депутатов. Это был верный способ затушить внутрицековские дискуссии.

Пикетчики хотят дискуссии в Церкви – но на архиерейском соборе сама атмосфера более располагает к дискуссии. Ведь епископы здесь в своей среде. Они равны друг другу. На Поместном соборе такого равенства уже не будет. Кроме того, епископ легче прислушается к неожиданному мнению своего собрата, чем к голосу протестующего мирянина.

Итак, разумных оснований к форсированному созыву Поместного Собора нет. А форсирование есть. Значит, за этим стоит или чья-то неразумная страсть (и в этом случае прав Синод, который не позволяет чьим-то неумным эмоциям ворваться в церковную жизнь), или... Или же разум за этими акциями есть, но разум этот целенаправленно стремится к провоцированию раскола. Уже 10 лет "ревнительские" издания учат мирян покусывать и критиковать епископов. Монахов эти "ультраправославные" издания ссорят с богословами и приходским духовенством. И вообще новые "опричники" стараются всех разругать со всеми. И все, конечно, – во имя "торжества соборности".

Так кто же рвется на Поместный Собор? Обычный церковный человек вряд ли будет стремиться к контролю над своими священниками и епископами. Эта цель вожделенна для человека "с идеей". Как правило, это люди, которые испуганы сами (окружающий мир им кажется крайне враждебным) и которые стараются испугать других (раз кругом враги – то и относиться к ним надо соответственно).

Епископы знают, что на Поместный собор стремятся прорваться эти "православные ваххабиты". Поэтому и предпочитают встречаться в своем кругу.

А круг этот особый. Не о каждом из наших архиереев можно сказать, что это пламенный молитвенник или прекрасный богослов. Некоторые скорее способны произвести впечатление опытных политиков и удачливых карьеристов... Но, как ни странно – эти качества тоже важны в общей гамме Собора. Нужны люди, которые привыкли на все смотреть с точки зрения просчитывания последствий: "а что из этого выйдет? А как это слово может аукнуться вот в этом углу... а еще вот в том и вот в этом?..."

Епископ по самому положению своему живет в нескольких мирах одновременно. Это не монах, который живет среди людей, сделавших одинаковый с ним жизненный и мировоззренческий выбор. Это не приходской священник, который общается лишь с теми, кто сам находит дорогу к его приходу и обращается к нему как к "отцу". Епископ должен "контактировать" и с банкирами, и с партийными активистами, с госадминистрацией и с лидерами других крупных религиозных групп, со светской интеллигенцией и с монахами... Поэтому епископ держит в голове большее число параметров, по

которым он просчитывает последствия тех или иных своих слов и действий.

Кроме того – епископ, в отличие от духовника – публичен. Его слово звучит не один на один, не на индивидуальной исповеди, и не в закрытом пространстве храма, а открыто. И, значит, тем более осмотрительным он приучается быть. Заявление, которое с восторгом могло бы быть принято в его епархиальном монастыре, может закрыть перед ним двери многих властных кабинетов, а в итоге затормозить восстановление какого-нибудь храма и тем самым оставить без молитвы еще тысячи людей... Оттого епископ, в отличие от монастырского послушника, не может жить в виртуальном мире "ультраправославных" листовок и брошюр. Он слишком многими порами своей души соприкасается с реальным и, увы, нецерковным миром (конечно, стараясь при этом в глубине сохранить все же духовные жизненные устремления и духовную систему ценностей).

В мире, в котором меняется все – в том числе и роль, которую играет Церковь, нужно, чтобы от имени Церкви звучали здоровые голоса. Голос Архиерейского собора точно будет именно таким. А на Поместный собор пробуют прорваться люди, которым добродетель трезвости и рассудительности еще чужда. И пока еще жизнь Церкви не настолько восстановилась, чтобы быть уверенными в том, что обычные тихие приходы смогут устоять перед организованным напором заезжих радикалов.

Участие мирян в работе церковных соборов канонами Церкви не запрещено, хотя и не предписано. А вот епископам каноны собираться велят. Значит, именно каноническим архиерейским соборам и решать, полезно для Церкви или нет в эту пору церковной истории взывать о помощи к мирянам. И если архиерейский собор не видит нужды в созыве собора Поместного – то он по меньшей мере нисколько не идет против канонов и не нарушает устои церковной жизни.

О ПРОПОВЕДИ ЕПИСКОПА ИПОЛИТА

С болью приходится говорить о странной проповеди, звучащей из уст архипастыря. Речь идет о епископе Украинской Православной Церкви Ипполите, управляющем Тульчинской и Брацловской епархией.

Похвальна ревность этого владыки. Но порой она заводит его в мир пугающих фантазий, что заметно из его статьи "Последний рубеж", распространяемой некоторыми изданиями, преимущественно околоцерковными.

Например, он видит беду в "умалении соборности, четырнадцатилетнем перерыве в созыве Поместного Собора и неканоничном возложении его функций на Архиерейский". Это явное выражение несогласия с определением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2000 года – Собора, в котором и сам еп. Ипполит принимал участие и голосовал за принятие нового Устава, в котором больше внимания уделяется работе именно Архиерейского Собора.

Какое нарушение канонов усмотрел здесь Тульчинский преосвященный – сказать невозможно. Дело в том, что каноны Вселенской Церкви вообще не знают о Поместных Соборах. Все Вселенские Соборы были чисто Архиерейскими.

Так что когда в одной и той же фразе человек выражает свою печаль и по поводу кажущегося ему "отступления от канонов", и по поводу "неканоничного возложения функций Поместного Собора на Архиерейский" – тут приходится признать, что автор не с состоянием замечать противоречий в своей собственной позиции.

Еще более печально наблюдать, как человек, несущий высшее церковное служение, демонстрирует слабое знакомство с богословием Церкви.

Не больше обоснованности и у страха еп. Ипполита перед "широкими экуменическими контактами", которые он считает присущими нашей церковной жизни. Во-первых, эти контакты сейчас гораздо менее широки, чем в 70—е или 80—е годы. Во-вторых, во время этих контактов, например, с католиками, иерархи нашей Церкви отстаивают как раз права украинских православных – и не владыке Ипполиту об этом не знать! В—третьих, известны ли ему случаи, когда бы делегаты нашей Церкви участвовали в совместном причастии с инославными или же хотя бы на словах отрицали, что слова Символа веры о "единой, святой, соборной и апостольской Церкви" относятся не к Православной Церкви (как она явлена в содружестве и литургическом единстве Поместных Православных Церквей), а ко всему так называемому "христианскому миру"? Экуменисты утверждают, что целью их деятельности является построение "единой Церкви". Мы же исповедуем, что эта Церковь уже есть со времен Христа, и она тождественна исторической Церкви Православной. Где здесь «ересь экуменизма»?

Но главная тревога еп. Ипполита – антихрист, который кажется ему уже почти пришедшим. Он вопрошает: "Антихрист тоже будет евангельским "кесарем", неужели и ему Церковь тогда будет воздавать почести и приносить дани?". Странный вопрос. Ответ на него ясен из Писания: "кому честь – тому честь". Если речь идет об оказании светского уважения носителю светской власти или о послушании светской власти в вопросах, касающихся уплаты налогов и исполнения гражданских обязанностей, то здесь Церковь не будет запрещать этого даже в царстве антихриста. Но тот правитель, который потребует большего – то есть религиозного отношения к себе и религиозного почитания себя или символов своей власти, в глазах Церкви немедленно встанет в ряд антихристов, которых было много уже и в апостольские времена. Не надо путать светское революционное движение и церковный принцип защиты свободу духа во Христе. Можно посоветовать еп. Ипполиту ближе познакомиться с принципами пастырства св. равноапостольного Николая Японского в Японии именно в годы русско—японской войны.

Далее еп. Ипполит нарушает церковную традицию, которая как раз избегает говорить что—то конкретное о процедуре нанесения "печати антихриста" и о ее внешнем виде и утверждает, что и то и другое ему хорошо знакомо: это штрих—код системы ЕАН—13 и "иные апокалиптические начертания вряд ли кто будет вводить". Не буду вдаваться в научные дискуссии о том, есть или нет "шестерки" в штрих—кодах этой системы, напомним лишь, что Синодальная Богословская Комиссия на свой запрос к математикам получила отрицательный ответ на этот вопрос. Но ведь и так очевидно, что штрих—коды ЕАН—13 сегодня уже уходят из жизни в силу появления более сложных систем кодирования информации. Достаточно посмотреть на акцизные марки или на упаковку дорогих электронных приборов, чтобы это понять.

Вообще изрядный сумбур виден в статье преосвященного автора. Он упоминает воздействие на подсознание. Да, это реальность. Но зачем тут же писать, будто "все эти технологии применительно к человеку основаны на личном коде, содержащем символ "666"". Реклама воздействует на подсознание всех людей, ее смотрящих, независимо от того, есть у них личный код или нет, есть в этом коде пресловутые шестерки или нет...

В Заявлении Священного Синода Русской Православной Церкви от 7 марта 2000 г., было сказано: "пытающимся связывать идентификационные номера с "печатью антихриста" напоминаем, что в святоотеческом предании такая печать понималась как знак, закрепляющий сознательное отречение от Христа... Вопреки этой традиции иногда утверждают, что технологическое действие якобы может само по себе произвести переворот в сокровенных глубинах человеческой души, приводя ее к забвению Христа. Такое суеверие расходится с православным толкованием Откровения святого Иоанна Богослова, согласно которому "печать зверя" ставится на тех, кто сознательно уверует в него "единственно ради ложных его чудес" (святитель Иоанн Златоуст). Никакой внешний знак не

нарушает духовного здоровья человека, если не становится следствием сознательной измены Христу и поругания веры". Те же выводы были и у Синодальной Богословской Комиссии, заседание которой происходило с участием наместников и духовников крупнейших ставропигиальных монастырей...

Еп. Ипполит делает нам выговор: мол, это "халатное" заявление. Наверно, в его глазах печатью "халатности" помечено и Великопостное 2001 года послание Святейшего Патриарха Алексия, в котором о тех вопросах, которые еп. Ипполит считает "догматическими и сотериологическими", было сказано: "Богословская комиссия и Священный Синод, обсудив тему налоговых номеров, пришли к твердому выводу: принятие или непринятие этих номеров не является грехом. Оно не должно быть причиной для осуждения одних православных христиан другими. Вопрос о том, принимать ли налоговый номер, есть дело свободного гражданского выбора, но никак не является вероисповедным вопросом. К подобному выводу Церковь приходит уже не впервые, приходит после тщательнейшего исследования всех богословских, общественных и научных сторон проблемы".

Мне же представляется, что скорее богословской "халатностью" будет переход на решительно материалистические позиции, предполагающие, что сознание человека есть продукт физических процессов, происходящих в нем. Это все то же стремление все занижать и опускать на уровень земных технологий, которые вл. Ипполит проявил при обращении к теме церковной соборности. Если владыка считает, что технологические процессы могут изменять его сознание и его веру, то возникает вопрос – во что он сам верит? Считает он себя образом Божиим, наделенным неотмирной свободой, или же потомком обезьяны, живущей рефлексам?

Далее в своей статье еп. Ипполит утверждает, что его собратья архипастыри повредились умом: "с принятием богопротивного порядка вещей в человеке повреждается здравый разум. Подтверждением этому являются совершенно непонятные с точки зрения здравого мышления действия некоторых архипастырей". Речь идет о канонических прещениях, налагаемых архипастырями на некоторых клириков, выступавших против Заявления Священного Синода. В версии вл. Ипполита это звучит так: "За то, что человек хочет остаться свободной личностью с именем Божиим, свои же пастыри его и наказывают!?". Нет, наказание были совсем не за это, а за проповедь церковного раскола.

Борьба за право жить без ИНН может быть вполне справедливой и разумной. Но она перестает быть таковой, если борцы начинают отождествлять налоговый номер с печатью антихриста. Она перестает быть разумной, когда эти борцы утверждают, будто люди и приходы, принявшие налоговый номер, лишаются Божией благодати. Вот когда христиане начинают делить себя на чистых и нечистых, духовных и бездуховных, вот тогда рождается раскол. Сама по себе налоговая реформа есть вопрос светский, и различие позиций у церковных людей по отношению к этой реформе вполне допустимо. Но когда человек, не принявший номер, говорит, что принявшие его лишились благодати, то это уже недопустимо дерзкое решение. За подобного рода проповедь и подвергались прещению некоторые клирики.

Да и имен христианских никто из принявших налоговые номера не лишился. По каким бы признакам ни опознавали нас различные технические системы, в Церкви мы всегда остаемся с нашими крещальными или монашескими именами. И до той поры, пока у св. Чаши мы называем себя и нас называют этими именами, до той поры разговоры о том, будто "вопросы замены христианского имени на цифровой код стали вопросами жизни и смерти" остаются кликушеством.

Преп. Феодор Студит в одном из писем к своим собратьям предлагал – ввиду неизбежной перлюстрации писем – обозначить действующих лиц буквами греческого алфавита. Сам Феодор подписывался последней буквой алфавита – "омега", а его духовника, игумена Платона, обозначала буква "альфа". Для всех 24 букв греческого алфавита (и для трех дополнительных) нашлись

обозначаемые ими персонажи. Так что это не были первые буквы имен. Мы видим, что Святой считал возможным не подписываться своим именем, а других людей упоминал под некими, как сейчас сказали бы, «никами». Отдельно же написанная буква в греческом языке имеет еще и числовое значение. Но древних святых это не пугало.

Вл. Ипполит много потрудился в противостоянии филаретовскому расколу на Украине. Увы, его духовного зрения не хватило, чтобы заметить реальную угрозу раскола и в дискуссиях по поводу налоговых номеров. И сегодня его благословение можно встретить на книгах, написанных и изданных далеко за пределами его епархии, которые несут в себе этот дух тотальной испуганности, подозрительности и даже проповедь раскола. Непонятно, например, по каким канонам могло появиться благословение Тульчинского архиерея на издании книги, написанной насельником ставропигиального монастыря – Троице—Сергиевой Лавры – иеродиаконом Авелем.

Архиерейский Собор 2004 года отметил: "В связи с сохраняющимся в церковной среде смущением по поводу имеющих и проектируемых систем электронного учета и контроля граждан Отделу внешних церковных связей и Синодальной Богословской комиссии продолжить изучение данной проблемы. Особо отметить недопустимость для архиереев выступать в тех средствах массовой информации, которые провоцируют экстремистские настроения в церковной среде и порочат Священноначалие Русской Православной Церкви... Качество редакционной подготовки и полиграфический уровень изданий в некоторых издательствах остается неудовлетворительным. Нередко на таких изданиях стоит благословение архиерея другой епархии".

Мне представляется, что в этих словах Собора можно найти оценку публикациям статей еп. Ипполита в диссидентских околоцерковных изданиях, которые используют уста тульчинского владыки для обвинения других архиереев в неканоничности, халатности и умопомрачении.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ЧУДО И СКАЗКИ

"Рассказывать о том, что могло быть, но было только в воображении автора, не значит ли "лгати" на промышление Божие... что это—де – во славу Божию, для воспитания чувства веры и любви – это уж будет рассуждение в духе тех, кто учит, что цель оправдывает средства. Мифы нам не нужны. История Церкви полна фактами столь поучительными, что никакая фантазия мифов до них не додумается"

архиепископ Никон (Рождественский) в 1914 году

В советских школах говорили, что русские солдаты прошли Великую войну с верой в Сталина и партию. Это было неверно и психологически, и исторически.

Исторически это было неверно хотя бы потому, что даже по Всесоюзной переписи 37 года больше половины населения СССР открыто называли себя верующими. Подчеркиваю: это была перепись, а не анонимный социологический опрос, записывали имена людей, место их проживания, работы, и при этом вопрошали: "Являетесь ли вы верующим? Если да, то какой религии?" Православно верующими назвали себя треть городского населения и две трети сельского. Всего, таким образом, половина населения Советского Союза (56.7%).

Психологически тезис советской пропаганды был неверен по той причине, что в годы войны число молитв, возносимых и на фронте и в тылу, всегда резко возрастает. Под бомбежкой да перед атакой вряд ли кто удержался от молитвы – и молитвы эти были не к партии. Наверно, и коммунисты "грешили", обращаясь в те минуты к Богу. Так во всяком случае свидетельствует писатель—фронтвик Виктор Астафьев в романе "Прокляты и убиты": "О, Господи, Господи! – занес

Финифатьев руку для крестного знамения и не донес, опять вспомнил, что партия не велит ему креститься ни при каких обстоятельствах... Спаси и помилуй, Господи! Вот опять Бога все помянул. А этъ коммунист, коммунист, будь я проклятой. Ну, да [парторга] Мусенка поблизости нету, и все вон потихоньку крестятся да шопчут божецкое. Ночью, на переправе кого звали—кликали? Мусенка? Партия, спаси! А—а! То—то и оно—то...". Из нехудожественных свидетельств – письмо солдата М. Ф. Черкасов: "Мама, я вступил в партию... Мама, помолись за меня Богу".

С самого начала было ясно, что начавшаяся война – Отечественная. А раз так – пришло понимание того, что пора сворачивать войну Гражданскую. В Ленинграде на лето 1941 года был назначен взрыв Спаса—на—Крови. В Москве на 22 июня 1941 года был назначен взрыв храма Рождества Богородицы в Путинках. В тот же день должны были быть переданы ключи от Богоявленского собора и церкви Илии Обыденного. Начавшаяся война отменила эти репрессии.

Мудрость проявили обе стороны. "Братья и сестры", "соотечественники" в речи Сталина вместо партийного "товарищи" было знаком долгожданного конца революции. Уже летом 41—го сворачивается антицерковная пропаганда, прекращается выпуск антирелигиозных журналов.

С другой стороны – митрополит Сергей уже 22 июня 41—го года объявляет начавшуюся войну "священной". Сегодня это кажется очевидным. Но ведь легко было бы дать волю обидам. Самолеты—то немецкие были с крестами, и сбрасывали эти самолеты не только бомбы, но и листовки, гласившие, что новые крестоносцы пришли избавить русскую землю от комиссаров, от которых и вправду ведь пострадали церковные люди Руси...

В итоге положение Церкви в СССР за годы войны разительно изменилось. Церковь обрела легальный статус, открылись тысячи храмов, возобновилась работа семинарий.

А спустя полвека эта перемена стала обрастать своей мифологией. Эта моя статья не о роли Церкви в годы войны, а о том, какой роли Церковь все же не сыграла.

Сегодняшний миф, кочующий из одного церковного издания в другое, звучит так:

"Стояла зима 1941 г. Немцы рвались к Москве. Промыслом Божиим для изъявления воли Божией и определения судьбы страны и народа России был избран друг и молитвенник за нее из братской Церкви – Митрополит гор Ливанских Илия (Антиохийский Патриархат). Он решил затвориться и просить Божию Матерь открыть, чем можно помочь России. Каждое утро владыке приносили сводки с фронта о числе убитых и о том, куда дошел враг. Через трое суток бдения ему явилась в огненном столпе Сама Божия Матерь и объявила, что избран он, истинный молитвенник и друг России, для того, чтобы передать определение Божие для страны и народа Российского. Если все, что определено, не будет выполнено, Россия погибнет. "Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Сейчас готовятся к сдаче Ленинграда, – сдавать нельзя. Перед Казанскою иконою нужно совершить молебен в Москве; затем она должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя. Когда война окончится, митрополит Илия должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена". Владыка связался с представителями Русской Церкви, с советским правительством и передал им все, что было определено. И теперь хранятся в архивах письма и телеграммы, переданные митрополитом Илией в Москву. Сталин вызвал к себе митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и обещал исполнить все, что передал митрополит Илия, ибо не видел больше никакой возможности спасти положение... 20 000 храмов Русской Православной Церкви было открыто в то время. Вся Россия молилась тогда! Молился даже Иосиф Сталин (об этом есть свидетельства). Тогда же были открыты духовные семинарии, академии, возобновлена Троице—Сергиева Лавра, Киево-Печерская Лавра и многие монастыри. Было решено перенести мощи святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси в Богоявленский собор. В 1947 г. Сталин

исполнил свое обещание и в октябре пригласил митрополита Илию в Россию. Он побоялся не исполнить указания Божией Матери, ибо все пророчества, переданные владыкой Ливана, сбылись. Перед приездом гостя Сталин вызвал владыку Алексея, ставшего тогда уже Патриархом, и спросил: "Чем может отблагодарить митрополита Илию Русская Церковь?". Святейший предложил подарить митрополиту Ливанскому икону Казанской Божией Матери, крест с драгоценностями и панагию, украшенную драгоценными камнями из всех областей страны, чтобы вся Россия участвовала в этом подарке. По распоряжению Сталина самые искусные ювелиры изготовили панагию и крест. Тогда же Правительство наградило его Сталинской премией за помощь нашей стране во время Великой Отечественной войны. От премии владыка отказался, сказав, что монаху деньги не нужны: "Пусть они пойдут на нужды вашей страны. Мы сами решили передать вашей стране 200 000 долларов для помощи детям—сиротам, у которых родители погибли на войне", – сказал митрополит Илия... Всего несколько лет назад отошел митрополит Илия Ливанский ко Господу в возрасте 97 лет. В некрологе "Журнала Московской Патриархии" было сказано, что Блаженнейший Патриарх Антиохии и всего Востока Илия IV был другом и молитвенником нашей Родины".

Увы, все это неправда. Конечно, трудно найти опровержения тому, чего просто не было. Если я сейчас скажу, что на самом деле Троцкого тайно постриг в схиму мой прадедушка – кто и как сможет это опровергнуть? Такие сказки можно опровергать только придираясь к частным и потому проверяемым подробностям.

Когда Ленинград был на пороге падения (зима 41—го) – Сталинград был в глубочайшем тылу, о его сдаче и не было и речи.

Зимой 41—го немцы уже не рвались к Москве: их наступление заглохло еще в ноябре, и с конца же ноября уже начались контрудары советских войск, к пятому декабря переросшие в генеральное наступление.

Встреча Сталина с митрополитами действительно имела место. Но – когда?! Сказка о митрополите Илие предпочитает не обращать внимания на эту подробность: "Митрополит поступил, как было велено – передал все в советское посольство. Посольские сотрудники переслали в Москву соответствующий пакет. Через некоторое время Сталин принял у себя в Кремле делегацию Русской Православной Церкви".

Так что же это за "некоторое время"? Оказывается, два тяжелейших военных года... Встреча эта состоялась в сентябре 1943 года, то есть уже после перелома в ходе войны. Есть подробная запись этой беседы – ни о каком ливанском митрополите и ни о каких пророчествах там и близко не говорилось.

И отнюдь не отчаяние руководило Сталиным при организации этой встречи, а необходимость взять под контроль церковную жизнь на освобождаемых территориях Советского Союза: в оккупированных немцами областях люди сами открывали храмы – и оккупанты им в этом не препятствовали.

Существуют архивные документы, свидетельствующие, что осенью 1942 года разрабатывались планы проведения Поместного Собора в Ростове-на-Дону или Ставрополе с целью избрания Патриархом митрополита Берлинского и Германского Серафима (Лядэ) – немца по национальности, находившегося в юрисдикции Русской Зарубежной Церкви и тесно сотрудничавшего с некоторыми ведомствами нацистской Германии.

Высшее политическое и военное руководство СССР и лично Сталин внимательно следили за настроением населения на оккупированных территориях. По линии военной разведки и НКВД, а также от руководителей партизанского движения они постоянно получали сообщения о том, что германская военная и гражданская администрации способствуют открытию православных храмов и деятельности

духовенства среди населения. В политическое управление Северо-Западного фронта постоянно приходили шифровки, в которых этой проблеме уделялось большое внимание. Вот как в одной из них оценивалась немецкая религиозная политика в 1942 году: "Немецкое командование широко использует в своих целях Церковь. Ряд церквей, особенно в Дновском районе (Псковской области), восстановлены и в них проходит богослужение... Особенно большая служба была в городе Дно в июле с крестным ходом по случаю годовщины оккупации города... На этом сборище присутствовали представители германского командования".

И уж тем более был значим религиозный фактор на Украине. Осенью 1943 года Красная Армия вышла к границам Украины. Предыдущие два года показали, что далеко не все украинцы стремятся к вхождению в Советский Союз. Им, конечно, и немцы не любы, но и москали и "жидокомиссары" – не милы. Было очевидно, что украинская партизанщина может повернуться и против красных (как это уже бывало в годы Гражданской войны). Чтобы националистическое движение не приняло религиозные черты, Сталину было важно взять под свой контроль возродившуюся религиозную жизнь в районах оккупации. А для этого необходима была структура, лояльная, проверенная и находящаяся в Москве.

4 сентября 1943 г. на ближней даче в Кунцеве Сталин собрал совещание, в котором участвовали Г. М. Маленков и Л. П. Берия. На совещании присутствовал полковник НКГБ Г. Г. Карпов. Перед этим он служил в штабе партизанских отрядов на Украине, так что он был в курсе происходящего за линией фронта церковного возрождения. Вот в этом кругу и было решено провести встречу Сталина с митрополитами. Тут же из кабинета Сталина полковник Г. Г. Карпов позвонил митрополиту Сергию.

Дополнительную срочность подобной встречи диктовала близость приезда официальной английской делегации в Москву. В составе делегации ожидался и архиепископ Кентерберийский (англиканская Церковь является государственной церковью Великобритании) – и нужно было найти для него партнера с надлежащим официальным статусом.

Так что отнюдь не "молитвенный ресурс" Русской Церкви интересовал Сталина, а ее дипломатические и пастырско-патриотические возможности. Поэтому на встрече Сталина с митрополитом Сергием вечером 5 сентября 1943 года были министр иностранных дел – Молотов, и специалист по оккупированным немцами территориям – Карпов.

Сказка о покаявшемся Сталине гласит, будто "Во время войны в Советском Союзе были открыты тысячи церквей. Сталин же после той встречи начал регулярно видеться с крупными российскими духовными лицами". Тезис о регулярных встречах Сталина с православными иерархами не подтверждается фактами.

А вот открытие порядка нескольких тысяч церквей в годы войны – это правда. Надо лишь уточнить одну деталь: по какую сторону фронта открывались эти храмы.

Вот цифры из секретной справки, составленной Г. Карповым 31 октября 1945 года:

"1) На октябрь месяц 1943 года ко дню образования Совета по делам Русской Православной Церкви действующих православных церквей на территории Союза было 9829. Из них открыто немцами в период временной оккупации нашей территории примерно 6500 церквей.

2) За 1944—45 года по Союзу поступило от групп верующих 6770 заявлений об открытии церквей (не считая повторных). По рассмотрении этих заявлений, их проверке, по заключениям обл (край) исполкомов Советом открыто за 1944—45 года 529 церквей. Из них: за 1944 год – 208 церквей в 48 областях, краях и республиках; за 10 месяцев 1945 года – 321 церковь в 64 областях, краях и республиках.

3) За тот же период времени отклонено ходатайств верующих об открытии церквей 4850. Находится на рассмотрении 1391 ходатайство. Таким образом, удовлетворено за 1944—45 года 9,8% всех рассмотренных ходатайств.

4) На сегодняшний день имеется на территории Союза действующих православных церквей и молитвенных домов 10 358. Из них: в Украинской ССР – 6073; в РСФСР – 2606; в Белорусской ССР – 633; в Молдавской ССР – 615; в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР – 343; в остальных союзных республиках – 88. Церкви и молитвенные дома размещены весьма неравномерно. Самое большое количество находится в районах, подвергавшихся немецкой оккупации, где в период 1941—1943 годов имело место массовое открытие церквей.

Винницкая область – 822 церкви; Киевская – 604; Ровенская – 438; Черниговская – 410; Полтавская – 347 и т.д. В ряде республик и областей количество действующих церквей незначительно. Например: Горьковская область – 24 церкви; Тамбовская —17; Архангельская – 13; Астраханская – 11; Удмуртская АССР—16; и т. д. Есть области и края, где действующих церквей всего имеется от одной до пяти (Приморский и Хабаровский края, Марийская и Мордовская АССР, Кемеровская, Курганская, Новосибирская, Омская, Саратовская, Томская и Читинская области)".

К людям, которые оставались под всецелым и непрерывным контролем советского агитпропа, не предполагалось донесение церковного слова. В итоге в Псковской области до прихода немцев было 3 храма, а к возвращению советских войск их было 200, в Курской области до немцев было 2, стало – 282; зато в Тамбовской области, где советская власть стояла неизменно, так и оставалось 3 храма на всю область.

Сталин не организовывал церковное возрождение: он его сдерживал. Нетрудно заметить, что в годы войны советская власть удовлетворяла менее 10 процентов обращений о возвращении храмов.

Первые же храмы (числом в 18) было разрешено открыть только спустя почти полгода после встречи Сталина с митрополитами: постановлением Совмина от 5 февраля 1944 года. В Ульяновской же эвакуации с 1941 по 1943 года митрополит Сергей вообще вынужден был служить в бывшем католическом костеле. И в блокадном Ленинграде ни один храм не был возвращен Церкви для молитв. Как—то мало это вяжется с образом Сталина, покаянно вразумленного пророчеством ливанского митрополита...

При этом в январе 1944 года председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Карпов представил в правительство проект закона "О положении Церкви в СССР". Однако закон так и не был принят. По оценке официального современного церковного издания – "Сталинское руководство не хотело связывать себя письменными обязательствами с Церковью". В мае 1944 года Г. Карпов пишет: «Патриарх и епархиальные управления поставили перед Советом вопросы о возвращении некоторых “мощей” и “чудотворных” икон из числа находящихся в музеях. Мнение Совета по этому вопросу отрицательное».

Никаких архивных публикаций в подтверждение версии о контактах Илии и Сталина не известно. "Журналы записи лиц, принятых И. В. Сталиным в 1924—1953 гг.", не упоминают о митрополите Илии как собеседнике Сталина.

Но самое главное: как раз вскоре после приезда митр. Илии в Москву – в 1948 году – политика Сталина снова резко меняется и именно в антицерковную сторону.

Вот даты: в июле 1948 года митрополит Илия второй раз был в Москве (первый раз – за полгода до этого, в декабре 1947). 25 августа 1948 года были запрещены крестные ходы из села в село, духовные концерты в храмах вне богослужений, молебны на полях. 28 октября Совет Министров постановил отменить прежде выданное им распоряжение об открытии 28 храмов под предлогом того,

что оно не было подписано председателем Совмина И. В. Сталиным. Решение ЦК ВКП(б) по данному вопросу было разослано всем местным партийным организациям. 16 ноября 1948 г. Синод вынудили принять решение о запрещении превращать проповеди в храмах в уроки Закона Божия для детей.

Вплоть до смерти Сталина ни один новый православный храм не был открыт.

Более того, в конце 1940—х – начала 1950—х годов храмы вновь стали отбираться под клубы и склады. В 1951 году при уборке урожая только в Курской области по распоряжениям райисполкомов около 40 зданий действующих храмов были на много месяцев засыпаны зерном. Стали преследоваться совершавшие религиозные обряды коммунисты и комсомольцы. Пошла новая волна арестов наиболее активных священнослужителей. Например, в сентябре 1948 года был в седьмой раз арестован архиепископ Мануил (Лемешевский).

На 1 января 1952 года в стране насчитывалось 13 786 официально открытых православных храмов. 120 из которых не действовали ввиду использования их для хранения зерна. Но на 1 января 1949 года их было больше: 14 447 (а 20 000 их не было в СССР никогда).

Количество священников и диаконов за 1949—51 годы уменьшилось от 13 483 до 12 254, монастырей было 104, стало 62 (причем число монахов не изменилось: в 1946 году было 4362, стало 4639). Только в 1951 г. было закрыто 8 обителей.

Как видим, сталинская политика в отношении к Церкви знала два перелома. Сегодня чаще вспоминают добрый перелом: 1944-го года. Но «православные сталинисты» (холодок не идет по спине от такого их *самоназвания*?) не замечают нового ледникового периода, начавшегося со второй половины 48 года.

После войны перед Церковью была поставлена уже вполне сознательно четкая политическая задача. Началась холодная война, в которой Ватикан безусловно выступал на стороне Запада. В этих условиях Сталину пришла в голову вполне разумная мысль: нам нужен свой, "православный Ватикан", чтобы в очередной раз создать зеркальную ситуацию: у вас – атомные бомбы и у нас – атомные бомбы, у вас – Ватикан и у нас – Ватикан. И Москва должна была стать таким "православным Ватиканом". Предпосылки для этого были: советские танки стояли почти во всей православной Европе. Сербская, Албанская, Болгарская и Румынская Церкви были под коммунистами, чешские и польские православные – также. Израиль тогда был союзником Советского Союза, поэтому Иерусалимский Патриарх был доступен московскому влиянию. Арабские патриархаты – Антиохийский и Александрийский малочисленные и потому традиционно чувствительные к материальным подаркам, также готовы были голосовать как надо.

Госбюджет СССР выделял немалые средства на "подарки" церковным иерархам ближнего Востока (представить, что 200 000 долларов – тех, не современных! – оказались в свободном распоряжении арабского митрополита, а тот их передал России – просто невозможно). Об этом – финансовом – интересе м. Илии к России говорит записка патриарха Алексия к Г. Карпову:

"...Антиохийский Патриарх лелеет надежду, что Русская Церковь, и в особенности Русское Правительство – возобновит давнюю традицию систематической материальной помощи бедной Антиохийской Церкви – на иконы, на церкви, на отдельных особенно неимущих иерархов и т. д. Именно государство, само, а не через церковь, в дореволюционное время широко субсидировало Антиохийскую Церковь, исходя из государственных соображений о необходимости поддерживать Православие на Востоке "Ортодоксия" – это основной мотив всех пожеланий Антиохийского П[атриар]хата. М[итрополит] Илья вызвался быть нашим официозным (не официальным) посредником между нами и П[атриар]хами греками – и тут, по его мнению, решающим фактором является степень нашей возможности давать им деньги... Т[аким] обр[азом], доминирующим мотивом

его высказываний является вопрос о материальной помощи: деньгами, богослужебными предметами, парчой, панагиями, крестами, митрами и т. д. М[итрополит] Илья очень надеется на то, что Вы его выслушаете по тем же вопросам; видно он возлагает большие надежды на помощь именно государства. Преданный Вам П[атриарх] АЛЕКСИЙ 20.XI.47".

В Греции шла гражданская война, и была надежда, что вот-вот коммунисты победят, поэтому Греческая Церковь тоже, скорее всего, была бы с Советским Союзом. Единственная проблема оставалась с Турецким Патриархатом, который называется Константинопольским Вселенским. И вот именно это, в конце концов, не сработало. В Москве в 1948 году предполагался созыв VIII—го Вселенского Собора. И епископы Константинопольского Патриархата приехали на этот собор, но они отказывались принимать в нем участие. Они сказали, что приехали на празднование юбилея Русской Церкви (500 лет автокефалии): "Это мы будем праздновать – автокефалия получена от нас, вы наша дочерняя церковь", но даже не заходили в зал собора. На службы ходили, на банкеты ходили, на церковные заседания собора не заходили. Поэтому собор не состоялся. Пришлось назвать его архиерейским совещанием, конференцией и не более того. И Сталин, поняв, что в глобальной политике церковный ресурс он использовать не сможет, резко охладел к церковным делам.

Циничный прагматизм сталинской церковной политики в конце войны и легкий переход к новым гонениям в 1948 году говорят о том, что никакого мировоззренческого кризиса, обращения, возврата к вере у Сталина не было. Если бы и в самом деле он знал, что по молитвам арабского митрополита Богоматерь дала ему победу в безнадежной ситуации – то он себя не так бы вел в предсмертные свои годы. Так что вышеизложенный сюжетный ход просто психологически невозможен.

Церковный историк Владимир Махнач однажды сопоставил реальную политику послевоенного Сталина с такой, какую должен был бы вести православный правитель: «Сталина время от времени подозревают в восстановлении имперской внешней политики. Легко продемонстрировать ложность этих подозрений. Например, Сталин дарит Чехословакии Прешовскую область, не позаботившись о том, чтобы русинам этой области была дарована та самая автономия, которая была им обещана еще в 1918 году. Сталин дарит Холомину и Белостокское воеводство полякам, теперь это целиком опояченные территории, больше там нет русских православных людей. Сталин, кроме того, дарит Литве не только Волынский округ, но и два района Белоруссии. „Великий советский патриот“ Сталин ухитрился создать сверхугрозу на Дальнем Востоке, небрежно подарив режиму Мао Маньчжурию, Внутреннюю Монголию и Тибет. Мог бы народно-демократические Маньчжурскую и Монгольскую республики создать, но предпочёл другой путь – выстроить у себя под боком опасную России китайскую „социалистическую“ империю. У Сталина была возможность улучшить отношения с греками и опереться на прорусские настроения в Сербии. Но это его не интересовало. Его интересовал коммунистический лагерь. В результате антиправославный режим и последствия деятельности режима Тито мы имеем сейчас. В том числе и искусственность нарезки территории. Антиправославной оказалась политика Венгерского коммунистического правительства, что все давно забыли. Казалось бы, там православных мало, это католическая земля, а вот посмотрите. По соглашению церковных кругов Венгрии с венгерским режимом Кадора в государстве было оставлено десять религиозных школ, остальные сделаны атеистическими. Из этих школ восемь были римско-католическими, одна реформатская, одна иудейская гимназии. А ведь православные в Венгрии есть! Чем же реформаты и иудеи оказались выше православных? Если бы в этой ситуации последовал бы хотя бы тихий голос из Кремля, такая школа была бы».

Затем вспомним, на те же годы приходится удар ждановской компании по Анне Ахматовой, по росткам русской православной культуры в Советском Союзе.

И тогда на предложение поверить в сталинское покаяние придется ответить словами Честертоновского отца Брауна: "Я могу поверить в невозможное, но не в невероятное".

Вот так же невероятно положительная реакция Сталина на видения арабского митрополита...

Митрополит Ливанский Илия (Карам) действительно существовал (правда, он никогда не был антиохийским патриархом, за которого его выдает прот. Василий Швец. Патриарх Илия IV, скончавшийся в 1979 году, носил фамилию Муадуад).

Илия (Карам) действительно приезжал в Москву в 1947 году. Действительно ему делали бесценные подарки (ему дарили иконы XIV века!), но никакой Сталинской премии присуждено ему не было (единственный священнослужитель, удостоенный этой премии – хирург и Симферопольский архиепископ Лука Войно—Ясенецкий). Подарки же – и денежные, и в виде предметов церковной русской старины – делались в те годы всем знатным церковно-иностранным гостям.

Письменно зафиксированных рассказов митр. Илии об этих событиях также нет. Архивист, желающий придать правдоподобность этой сказке, все же вынужден признать: "К сожалению, эти письма (м. Илии – Сталину), пока не найдены". Журналист, не поленившийся съездить в Ливан для собирания сведений о митрополите Илие, пишет, что «личный секретарь митрополита Илии – Мату Ассад – за 10 лет работы с владыкой не слышал от него рассказов об истории с молитвой, о письме к Сталину. Хотя о двух поездках в Россию митрополит рассказывал».

О том, что никакой встречи митр. Илии со Сталиным не было, свидетельствует и история с барельефом И. В. Сталина, сведения о котором сохранились в нескольких письмах 1948 г. Патриарха Алексия Г. Г. Карпову и его заместителю С. К. Арапову:

10 января 1948 г. Патриарх Алексей писал Г. Г. Карпову: "Меня несколько смущает следующее обстоятельство: как-то неудобно, что барельеф И[осифа] Вис[сарионовича] на Ливанском кедре до сего времени не передан по назначению, между тем как прошло уже без малого 4 недели со дня отъезда м[итрополита] Ильи Карам. Как поступить с этим делом?". 4 марта: «Глубокоуважаемый Сергей Константинович [...] Я все еще не писал Караму о судьбе его подношения И[осифу] В[иссарионовичу]. А между тем мы условились с ним, что я ему пришлю т[елегра]мму о том, что его барельеф вручен по назначению, и он конечно ждет благодарности от И[осифа] В[иссарионовича]. Конечно, он имеет намерение эту телеграмму использовать в духе его заявлений или интервью. И вот, он, бедный, ждет этой телеграммы и всё ее не получает... Очень бы желательно мне с этим развязаться поскорее».

Несомненно, если бы встреча имела место, митрополит Илия не преминул бы вручить лично свой подарок. Интересно также, что Патриарх Алексей желает "развязаться поскорее" с тем, в чьих молитвах, письмах и подарках ныне предлагается видеть вершителя судеб России. В дневниках и письмах патриарха Алексия, равно как и его секретаря Д. Остапова, митр. Илия как молитвенник и спаситель России не упоминается.

Повесть об арабском митрополите, вразумившем русского тирана – это народная сказка. И в таком качестве она чрезвычайно интересна. Удивительно: в послевоенные годы и в самом деле была книга "Сталин в сказках народов мира". Книга была фальшивкой от начала до конца: московские писатели сочиняли по заказу от имени "народов мира". А тут появились самые настоящие народные сказки о Сталине (и не одна: есть еще сказка о том, что Сталин тайно ездил каяться к блаженной Матронушке Московской) – а их сегодня печатают как самые доподлинные были...

Например: "мало кто знает о встрече митрополита Илии со Сталиным. Некоторые подробности об этом я услышал из уст одного из внучатых племянников покойного митрополита Гор Ливанских – Мишеля Карам. Мишель до сих пор неплохо говорит по-русски, хотя и нет практики. В свое время закончил Московский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. С его слов, Илия опоздал на встречу со Сталиным. На целый час. "Он, например, должен был встретить дядю в 5 часов, – слегка путаясь в русских словах, рассказал Мишель, – но Илия пришел в 6 часов. Ему сказали:

"Почему опоздали? Сталин очень переживает". Дядя ответил: "Я сначала хотел поставить розу на могилу его матери, почтить память женщины, которая родила такого мужчину". Узнав об этом, Сталин улыбался и не ругал. Поцеловал дядю, и они хорошо поговорили".

Другая версия этого рассказа: "В один из приездов в Россию он сходил помолиться на могилу матери Сталина. Прослышав об этом, Сталин пригласил его к себе: "Почему ты это сделал?" – спросил он. Митрополит, по его словам, ответил, что любит Деву Марию и знает, что мать Сталина тоже любила его. И Сталин подарил ему икону Девы, которая принадлежала его матери. Митрополит привез ее в Ливан и повесил над кроватью в своей спальне. Я сам ее там видел".

Ну, а теперь горькая правда: "мать Сталина умерла 4 июня 1937 г. Похоронена возле церкви Святого Давида на горе Мтацминда в Тбилиси". Так что никак не мог митр. Илия, будучи в Москве, заглянуть на могилу к матери Сталина. Митрополит сам создавал апокрифы про себя... Это, конечно, странно, но вполне в его стиле. Например он придумал для себя титул «митрополит Ливана». И это при том, что в столице Ливана – Бейруте – был свой митрополит. Все так «митрополит Гор Ливанских» и «митрополит Ливана» – не одно и то же.

Вообще в его жизни есть немало моментов, не позволяющих видеть в нем чистого православного мистика.

В 31 летнем возрасте "Архимандрит Илия сам выставил свою кандидатуру в митрополиты". Кстати, в 1941 году ему было 38 лет. О своих духовных подвигах в этом возрасте он рассказывал сам: «Митрополит Илия в ответном слове сказал о своей любви к русскому народу, о своих горячих молитвах за него...».

Его можно назвать умелым дипломатом – если под этим понимать умение подлаживаться под обстоятельства и политические режимы. В 1947 году митрополит Илия посетил мавзолей Ленина, а 16 ноября говорил самые теплые слова о Сталине – "Мы, православные, живущие на Востоке, твердо верим и знаем, что русский народ, сплотившись вокруг своих вождей и под верховным водительством мудрого и любимого Иосифа Виссарионовича Сталина, достиг и достигнет небывалого еще в мировой истории могущества и расцвета... Мы твердо верим, что ваша Святая Церковь наслаждается полным миром и спокойствием, с каждым днем развивая все более и более свою многополезную деятельность на церковно—общественной ниве. И все это она может делать, благодаря чуткому, внимательному отношению к ней со стороны Советского правительства". И что – считать такие слова словами «избранника Божия»?

Понятно, что человек со столь гибким языком не мог остаться в стороне от экуменического проекта. На московском совещании 1948 года "митрополит Илия был, как всегда, лидером прогрессивного крыла, поборником диалога".

"Он первым начал трудиться на ниве сближения между православной и другими общинами. Помню, при участии трижды милостивого митрополита Ильеса аль-Хури, маронитского пастыря Антельяса и Кипра, мы организовали молитвенную неделю в Айн-ар-Раммане и Антельясе, где проводились широкие дискуссии и устраивались общие молитвы".

Вполне справедливо в телеграмме соболезнования, которую послал по этому поводу митр. Ювеналий митрополиту Илии (местоблюстителю антиохийского патриаршего престола), новопреставленный патриарх Илия именуется "неутомимым экуменическим тружеником" (ЖМП, 1979, № 8). Протоиерей Сергей Казанский – настоятель подворья Московской Патриархии в Бейруте – рассказывал, что Карам завязал связь с папским нунцием по управлению Восточными церквями, у которого он бывает" (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 727. Л. 26). Нунций, о котором идет речь, вскоре стал папой Иоанном XXIII—м.

"Итак, у него были хорошие отношения с Римским папой. А отношения с иерархами маронитской и католической Церквей в Ливане? – Он не пропускал ни одной церемонии вступления в сан маронитского митрополита. Я видел, как он вместе с маронитским митрополитом и его коллегами клал руку на Евангелие над головой нового митрополита. После смерти митрополита Илии мы обнаружили в его бумагах переписку с Римским папой".

Старейший петербургский протоиерей Василий Ермаков, вспоминая приезд митроп. Илии в Ленинград, не находит иного слова как "проходимец, собиравший и увозивший русское национальное достояние". В отчете председателю Отдела внешних церковных сношений митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Никодиму (Ротову) настоятеля Подворья Московского Патриархата в Бейруте и заместителя Представителя Патриарха Московского при Патриархе Антиохийском и всего Востока протоиерея Иакова Ильича, составленного в мае 1969 г., говорится: "После смерти митрополита Илии Карама была создана специальная комиссия для разбора личных вещей покойного. Означенная комиссия обнаружила в шкафах спальни митрополита Илии 600 икон разного письма, многие из них представляют большую ценность. Предполагается устроить в его родном городе Бхамдуне музей иконографии имени митрополита Илии Карама. Также найдено 1000 золотых монет и много тысяч ливанских фунтов наличными, помимо солидного счета в банке".

Апологеты митрополита Илии как подвижника говорят, что он собирал иконы для раздачи ливанским храмам. Однако, и по его смерти в его доме обрелась "коллекция орденов, церковной одежды и утвари", причем «в его коллекции хранилось не меньше 1800 предметов – икон, цепочек, крестов».

И хотя "Архивы МИДа не могут подтвердить, что по указанию Сталина Илии Карама были подарены две панагии, усыпанные драгоценными камнями", все же сверхценные подарки делались ему в немалых количествах (впрочем, таких же, как и иным знатно—церковным иностранцам в те годы). Патриарх Алексей писал сестре 10 декабря 1947: «У нас последнее время, с приездом митрополита Илии Карама, очень суетно. Правда, были передышки, когда он ездил в Ленинград на неделю и в Киев на несколько дней. Он едет обремененный подарками. В частности, я ему дал: облачение митру белый клобук и икону в жемчугах, большой портрет в раме, чашу, дискос, и весь прибор и еще мелкие вещи. Всего теперь у него не более и не менее как 50 мест багажа, и очень крупных. Кроме того, на нем моя шуба (беличья)».

Ближневосточные архиереи уже давно были приучены смотреть на Москву как на источник бесконечной "гуманитарной помощи". "Понятно, что довольно бесцеремонные требования восточных патриархов, чтобы царь постоянно заботился об их материальном благополучии и процветании и после того, как они оставили Москву и вывезли из нее огромные суммы, чтобы царь присылал им богатую милостыню и на будущее время, так как они будто бы потеряли все, что в Москве получили от царя и потому живут теперь в бедности и всякой скудости, необходимо производило на московское правительство очень тяжелое и неприятное впечатление. Оно не могло не понять, что служит предметом самой беззастенчивой эксплуатации со стороны бывших в Москве восточных патриархов, которые в отношении к московскому правительству руководствуются чисто интересами наживы, только о том и заботятся, как бы еще и еще побольше получить от него. Даже тишайший и благочестивейший Алексей Михайлович не удержался от того, чтобы в своей ответной грамоте не заметить своему богомольцу, антиохийскому патриарху Макарию, что его требования от царя новых денежных дач чрезмерны и не вполне деликатны, так как царская казна предназначена вовсе не на удовлетворение только безмерных патриарших требований о даче денег, но и на разные государственные нужды".

И едва только советская (российская) внешняя политика вновь проявила интерес к Ближнему Востоку, как снова поток просьб (вплоть до оказания бесплатной медицинской помощи своим родственникам) обрушился на церковные и государственные дипломатические каналы России со

стороны восточных патриархий.

В конце концов, похоже, тот же митрополит Илия настолько уже надоел сбором ценных подарков, что несмотря на то что он снова напрашивался в гости в 1958 году, патриархия отказалась его приглашать.

Отец Василий Швец, конечно, не выдумал сказку о митрополите Илие. Ведь она имеет свою ливанскую версию. Но ведь не от русского же протоирея узнал ливанский епископ, будто "В 1947 году митрополит Илия по приглашению Сталина посетил Россию, где был принят с царскими почестями". Значит, и русская и арабская версия этой легенды восходят к одному источнику – к мифу, который митрополит Илия сам создавал о себе.

И даже поданная как сказка эта легенда об Илие, вразумившем Сталина, небезобидна.

В ней есть нечто обидное для русского народа – того самого народа, за который Сталин поднял свой знаменитый тост в победном 1945-ом. Ее резюме предполагает, что ничего-то эти русские не могут: даже молиться о себе самих. Да неужели трехдневная молитва арабского митрополита была горячее, чем четырехлетняя молитва русских мужиков и баб? А тысячи русских священников, в те же сороковые годы тянувшие свои лагерные сроки? Они что – там и тогда не молились о своей стране? Но и их молитва, оказывается, ничего не значила: все произошло вдали от России.

"22 июня 1941 года глухой ночью Гитлер напал на Советский Союз. Он рассчитывал на блицкриг. Но не тут то было. В июне 1941 года Антиохийский патриарх Александр 3 обратился ко всем христианам мира с призывом помочь России. Митрополит Илия, прослушав выступление патриарха по радио, спустился в подземную церковь и начал молиться". Вот – исток нашей Победы ее движущая сила... Не выступи по радио арабский патриарх, и не устояла бы Русь...

Духовная победа крадется у русского народа и даруется куда—то на экспорт (аналогичен миф, распространяемый рериховскими кружками: из него следует, что победа в Армагеддоне была одержана благодаря духовному подвигу индийских йогов – Николая и Елены Рерих).

Кроме того, очевидная нелепость этого "церковного предания" даст повод неверам думать, будто и другие церковные верования столь же неосновательны. И тут уже то, что казалось замечательным проповедническим средством, обернется орудием разрушения веры.

Церковная официальная пресса молчала, не опровергала устойчивый миф о том, что духовник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Кирилл (Павлов) и есть "тот самый" сержант Павлов, герой Сталинграда.

Не встречая сопротивления – красивая сказка росла. И дошла до семьи сержанта Павлова: «Наши ребята видели в Москве афишу, где было написано, что, мол, отец Кирилл из Троице—Сергиевой лавры и есть Яков Павлов. Мама моя, Нина Александровна, от всего этого слегла, ее парализовало», – говорит сын Якова Павлова о последствиях этой, казалось бы, доброй сказки. Так могут калечить сказки, выдаваемые за историческую быль.

Самое же главное чудо сороковых годов очевидно и неоспоримо: наша Родина выстояла и победила. Как сказал маршал Язов, – "войну выиграли безбожники, но с помощью Божьей".